T 28 c/44

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

7/2-82			
23/6 33			

T 28 2/14

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Народный Комиссариат по Иностранным Делам.

940
Д 36 сс 949.5, 327 1
Т28 2/44

Европейские державы
и
Греция
В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

по секретным материалам б. Министерства Иностранных Дел с приложением копий дипломатических документов.

4402
И. 850

Под редакцией и со вступительной статьей.

Е. А. АДАМОВА.

ПРОВЕРЕНО
1930 г. Е. С.
ЗАПФОНД

МОСКВА.
1922 г.

421269

I. Возникновение современной Греции.

Ровно сто лет прошло от начала греческого восстания (1821 г.), развернувшегося в десятилетнюю войну за независимость и увенчавшегося в 1830 г. образованием греческого королевства.

В столетнюю годовщину начала греческой войны за независимость, казалось, должна была исполниться самая смелая мечта самых пылких греческих мегаломанов,—возсоздание Византийской Империи, от Пелопонеса до Трапезунда и от Эпира и Адрианополя до Бруссы, Смирны и Аданы на пяти морях, с «первопрестольной» столицей в Константинополе... Таковы были греческие требования на Парижской конференции 1919 г., не очень урезанные севрским договором, и к осуществлению которых греки приступили в мае 1919 года, высадивши первые свои войска в Смирне. И если сто лет назад маленькая Греция освободилась от владычества султанов, то теперь перед греческими патриотами, мечтавшими в афинских кафе о создании «великой Греции» открывались перспективы второго освобождения родины—освобождения от неограниченного владычества европейских правительств, завладевших их страной.

Дипломатическая история современной Греции открывается знаменитым потемкинским «греческим проектом». «Принятие оружия, сколько возможно везде в одно время или вскоре одного народа за другим» и «соединяя в свое предводительство разные греческие народы, как можно скорее составить из них нечто видимое и между собою к общему подвигу соединенное»,—такова была инструкция Екатерины II Алексею Орлову, командиру русской эскадры в Архипелаге в 1769 г. [1]).

Орлову же доносили еще в 1763 г.его агенты, греки—офицеры русской службы: «Если у России с турками будет война, то они (греки) все единодушно встанут против Порты». Разрабатывая осуществленный через 6 лет план русской экспедиции в Средиземное море, они обнадеживали Орлова тем, что «завидевши российские военные корабли (нагруженные пушками), греки бросились бы на соединение с русскими».

---

[1]) Татищев. Внешняя политика императора Николая I, с. 229.

Однако, социальных элементов, способных взять на себя руководительство национальным движением, еще не было. И Екатерина негодовала по поводу «врожденной склонности к рабству» и «совершенного легкомыслия греков», вследствие чего последние, по ее окончательному заключению, не только не принесли пользы ее проектами управления Оттоманской империи, но «только пакости нам причинили».

Насколько екатерининские войны и мирные трактаты с Турцией были делом рук Екатерины, настолько этими руками создавался новый элемент греческой нации, весьма несклонный к рабству и далеко не легкомысленный. «Мирные трактаты, Кучук-Кайнарджийский и затем Ясский, выговорили обширные льготы для русской торговли на турецком востоке: но русские торговые суда составляли здесь совершенно ничтожную величину. В девяти случаях на десять русский флаг прикрывал грека. Он прикрывал его тем надежнее, что и официальный дипломатический представитель России в этом краю почти всегда был тоже грек» [1]). «Греки стали естественными посредниками между нашими черноморскими портами и рынками юго-западной Европы. Они забрали в свои руки всю хлебную торговлю южной России с Австрией, Италией, Францией и Испанией. Богатые колонии греческих торговцев завелись в приморских городах всех этих стран. Одновременно поднялось и развилось благосостояние Сиры, Гидры [2]) и многих других торговых центров Архипелага. Из бесправной дотоле райи стали в значительном числе выходить люди зажиточные: шкипера, арматоры, негоцианты» [3]).

Таким образом, «под покровом русского флага развивалась греческая буржуазия—со всеми свойственными этому классу стремлениями, в том числе и национальными» [4]).

В конце 90-х г.г. XVIII в., при помощи австрийской полиции турки ликвидировали первую греческую гетерию — тайную революционно-национальную организацию. В 1814 г. возникла на русской почве новая организация, деятельным членом которой был флигель-ад'ютант Александра I, А. Ипсиланти. Русского министра ин. дел Каподистрию заговорщики держали в курсе всех своих дел; впоследствии он покинул русскую службу и всецело отдался греческой борьбе за независимость.

В славную эпоху венского конгресса о Европе, «устроенной» по планам гениальных дипломатов, самый гениальный из них, Меттерних не мог говорить без «жалости и отвращения» [5]). Забравшие Европу в свои руки пять держав—Англия, Австрия, Россия, Франция и Пруссия—легко управля-

---

[1]) М. Покровский, Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века (История России в XIX веке, изд. Гранат, вып. 8, с. 588).

[2]) Будущий центр восстания против Турции.

[3]) Татищев. Внешняя политика императора Николая I, с. 233—4.

[4]) Покровский, там же.

[5]) „L'Europe fait aujourd'hui pitié à l'homme d'ésprit et horreur à l'homme vertueux". (Нынешняя Европа внушает жалость человеку разумному и отвращение—добродетельному),—Memoires, III, 426.

лись в чужих делах, но все глубже увязали во взаимных интригах, главным мастером которых и был этот великий человек.

«Государственные интересы» каждой из них требовали всемерного ослабления других. Когда, при поддержке близких к Александру I кружков и лиц, в Греции началось восстание, и в Петербурге расцвели надежды поживиться за счет империи султанов,—в Лондоне увидели опасность положения в двойном усилении России: и за счет ослабления Турции и через посредство «возрожденной» при помощи России Греции. Английская дипломатия соответственно этому поставила себе двойную задачу: «бережения» Турции и подчинения своему влиянию Греции. Вырвать Грецию из под влияния России можно было тоже двойным образом: либо предоставивши грекам испытать на собственных боках невыгодность руссофильской ориентации, либо оказавши грекам, со своей стороны, более существенную поддержку.

Первые годы греческой войны за независимость британское правительство держалось в общем выжидательной тактики нейтралитета, благожелательного в отношении Турции, представляя австрийской дипломатии активную борьбу с «русскими интригами». Но и царская дипломатия стояла на уровне века: русское черноморское побережье служило базой для подготовки греческого восстания; александровский министр Каподистрия стал главою революционного правительства и получил во время междуусобной войны помощь русского военного флота; Александр I даже отозвал своего посла из Константинополя и угрожал султану об'явлением войны. А в то же время он отрекался от Каподистрии; предал Меттерниху Ипсиланти, положившегося на помощь царя и поднявшего, одновременно с греческим, восстание в Румынии; наконец, торжественно отрекся от греков, заявивши, что греческое восстание—дело революционеров, ненавистное ему, как творцу и верному рыцарю идей священного союза. Официальная русская дипломатия, то совместно с австрийской, русской и прусской, заявляла султану, что эти державы отказываются от какой-либо поддержки «мятежа», что «верные принципам, которые они публично высказывали, они не станут нигде и никогда поддерживать врагов общественного порядка», то об'являла европейским правительствам, что царь не остановится перед об'явлением войны султану, то снова предавала анафеме греческих революционеров. Поворот к решительной политике русского правительства предупредило ставшее у власти в Англии либеральное министерство Каннинга, знаменовавшее победу либерального торгово-промышленного капитала над консервативными традициями благородного торизма. Это означало, вместе с тем, вступление Великобритании на путь современного империализма со всею широтой его политических планов и смелостью в осуществлении их. Достаточно вспомнить классическое изречение Каннинга, по поводу восстания южно-американских колоний против испанского владычества: «Испанская Америка будет свободной, а если мы не плохо поведем дело, то она сделается английской» [1].

[1]) Schulze-qävernitz„Britischer Imperi alismus und englischer Freihandel". (Leipzig, 1906).

Эту цель политика знаменитого британского государственного деятеля преследовала всюду; поддерживая в Европе и Америке восстания против тирании деспотических абсолютистских правительств экономически отсталых стран, просвещенная британская политика добивалась политического подчинения себе освобождающихся наций и колоний, извлекая из этого весьма реальные экономические выгоды для английской торговли и промышленности.

«Хорошее ведение дела» на Балканах требовало денег, которых грекам трудно было и дождаться из других источников. Правительство Каннинга предоставило революционному греческому правительству два займа, которые существенно определили политическую ориентацию последнего. Займы эти были предоставлены, впрочем, на грабительских условиях: греки получили 43, 6 проц. займа, под залог таможенных доходов, солеварен и рыбных промыслов, так что Уэллингтон, впоследствии имел полное право благодарить бога за то, что греки не стоили Англии ни одного шиллинга.

В марте 1823 г. Англия признала блокаду турецких портов, об'явленную греками.

Характерным прецедентом является договор между британским правительством и революционным испанским правительством, взявшим на себя, взамен денежных субсидий, обязательство бороться в рядах анти-наполеоновской коалиции «до победного конца». Ставка на континентальные национально-революционные движения становится излюбленным козырем в руках английской дипломатии и вполне себя оправдывает и в Греции, и в Испании, и в Италии.

Русское правительство, рассматривая греческий вопрос сквозь призму турецкого вопроса, существо первого видело в его способности облегчить разрешние последнего в порядке безостановочного продвижения к югу сухопутных и морских границ России. Зависимость Греции от России устанавливалась казалось бы, неизбежным образом. «Я твердо верю, государь,—писал Александру I Ипсиланти (генерал русской службы) по взятии Ясс,—что Вы не откажетесь принять участие в судьбах Греции... Одним Вашим словом, Вы избавите ее от чудовищного деспотизма, тирании и ужасов долгой отчаянной борьбы. Спасите нас... Изгоните из Европы турок, этих исчадий ада, и тогда к громким титулам, поднесенным вашему величеству, присоединится еще новый не менее славный титул освободителя Греции!»

Нелегкая задача британской дипломатии заключалась в том, чтобы оттеснить Россию с этой исключительно благоприятной позиции, угрожавшей сделать русское правительство господином положения на всем Ближнем Востоке. Каннингу пришлось поэтому покупать симпатии повстанческого правительства не только денежной помощью, но также отправкой волонтеров и оружия и прямым вмешательством в пользу греков, когда в критическом положении очутилась Навплия, резиденция революционного правительства. Бли-

жайшей целью этой политики было обеспечение избрания приемлемого с английской точки зрения будущего монарха независимой Греции и устранение кандидатуры петербургской; одним из сильных козырей в этой игре было обещание в случае решения этого вопроса в желательном для Англии смысле, вознаградить греков передачей им Ионических островов. Однако, сложность задачи британской дипломатии — подчинить и Грецию, и Турцию своему влиянию, поддерживая «равновесие сил» на Бл. Востоке, давала в Греции преимущество петербургскому правительству, приступившему к решению восточного вопроса с оружием в руках и таким образом непосредственно и радикально разрешавшему вопрос греческий. Равным образом, в вопросе о свободе плавания в черноморских проливах Россия и Греция были и тогда и позже связаны общностью торговых интересов.

Как сказано выше, экипажи даже русских судов состояли преимущественно из греков; греки обслуживали хлебный русский экспорт—обстоятельство существеннейшего значения, при общем направлении политики по линии открытия «новых путей для торговли нашей на востоке» [1]).

Прелюдией к русско-турецкой войне и были задержки русских торговых судов в проливах турками, искавшими на них «подозрительных лиц» и военной контрабанды, транспортировавшихся весьма охотно, надо думать, греческими моряками. Турецкое правительство требовало даже, чтобы все суда, плывшие из Черного моря, оставляли хлебные грузы в Босфоре.

«Наш флаг подвергается оскорблениям в проливах—доносил в Петербург русский посланник,—наших матросов убивают... Вход в Дарданеллы воспрещается всем судам, нагруженным зерном... Исключительному осмотру подвергаются русские суда в Дарданеллах и на всем Архипелаге, дабы проверить, нет ли на них военных снарядов» [2]). Так как просьбы и угрозы русского правительства не помогли делу, то Строгонову пришлось, по приказанию царя, покинуть Константинополь.

Александр I пытался убедить сочленов Священного Союза, разрешить ему вмешаться в греко-турецкую распрю: «Либо—писал он австрийскому императору—восторжествует турецкое правительство, и христианство будет свидетелем истребления народа, служившего единственным посредником между Портой и христианскими державами, или падет Оттоманская империя, и новый очаг безпорядков изольет на Европу те бедствия, от которых так трудно отградить ее». Но в Вене так же, как в Лондоне величайшим из всех возможных зол считалось появление русских на Балканском полуострове. Александр, со свойственной ему политической изворотливостью, немедленно принял позу совершеннейшего равнодушия к исходу греческого восстания и старался даже перещеголять своих союзников в проявлениях негодования по адресу народа—«посредника между Портой и христианскими державами»,

---

[1]) Журнал Госуд. Совета, 11 мая 1836 г.

[2]) Покровский, Вн. политика России в первые десятилетия XIX в,

осуждавшегося, таким образом, на «истребление». В Лондоне остались весьма довольны этой переменой в «настроении» русского царя: «Россия покидает свой передовой пост,—заявил Каннинг, намечая поворот в английской политике,—Англия должна воспользоваться этим и занять ее место»... «Влияние русского двора на греков потеряно»,—отметил и Меттерних. В августе 1825 года греки формально отдались под покровительство великобританского короля, и тотчас же в Петербурге начались приготовления к реваншу. По поводу поездки Александра I на юг, закончившейся его смертью в Таганроге, австрийский посол в Петербурге доносил своему правительству, что эта поездка легко может оказаться связанной с об'явлением Турции войны «по причине малой успешности переговоров в Константинополе (задержке судов) и тех потерь, которые терпят от этого южные губернии и торговля Одессы» [1]).

Занявший место «сотканного из противоречий» своего времени Александра I, весьма последовательный Николай Павлович, в ответ на убеждения предоставить греков англичанам, энергично отвечал: «восстановление свободы торговли в этих краях—дело слишком важное для всего нашего юга, чтобы можно было его доверить заботам англичан или хотя бы друга—Меттерниха» [2]). И на приемаах иностранных послов в Зимнем дворце предупреждал во всеуслышание: «Если державы не соединятся со мною, я буду действовать один; надеюсь, что Вы хорошо знаете, что это нисколько меня не затруднит» [3]).

В том, что за этими заботами действительно не скрывалось тайное стремление принять на себя покровительство над греческим национальным движением и восстановить таким путем «влияние русского двора на греков», убедительным свидетельством служат об'яснения близкого к Николаю I российского дипломата, барона Брунова: «Верно понятые нами интересы наши советуют нам никогда не допускать, чтобы Греция распространяла свою территорию и свое политическое влияние за пределы, ныне ей положенные. Увеличивать материальные силы *греческой державы, подчиняющейся влиянию учений (!), управляющих* политикой *морских держав* (подразумевается, очевидно, в первую очередь Англия, а затем и Франция) *было бы из всех возможных комбинаций наиболее для нас вредною*».

Для оказания максимального давления на Николая I, Каннинг снарядил в Петербург чрезвычайное посольство, возложивши трудную задачу укрощения русского царя на победителя Наполеона I, знаменитого герцога Уэллингтона. Уэллингтон справился с этой задачей, убедивши царя не начинать войну и согласиться на соглашение с Англией о совместной политике обоих правительств в греческом вопросе. 4 апреля 1826 г. в Петербурге Уэллингтоном и Нессельроде был подписан «Протокол по греческим делам». Ст. I оставила в

---

1) Донесение Меттерниху от 1 июня 1823 г.

2) Письмо к в. кн. Константину Павловичу, 20/XI. 1827.

3) Д. Бухаров, Россия и Турция, Спб. 1878 с 80.

силе суверенитет турецких султанов над Грецией, обязанной, сверх того платить последним дань, и предоставляла Порте участие в утверждении, избираемого греками правительства. Статьи 2 и 3 предоставляли роль посредника между греками и Турцией британскому правительству; русскому царю предоставлялось содействовать успеху этого посредничества и участвовать «в дальнейших переговорах с Оттоманской Портой, могущих быть последствием посредничества». Ст. 5 оба правительства обязались «не домогаться распространения своих владений и приобретения для себя особых льгот по торговле или исключительного влияния».

Через несколько месяцев была подписана в Аккермане турецкая конвенция, ликвидировавшая специальные претензии России к Турции.

Таким образом, русское правительство (пытавшееся взять в свои руки инициативу в греческом вопросе циркулярной нотой 12 января 1824 г.), оказалось отодвинутым на второе место. Но против проекта, создания 3 греческих вассальных княжеств, содержавшегося в ноте 1824 г., восстали сами греки, просившие защиты от русских покровителей у Каннинга и получившие от него уверение в том, что Англия никогда не поддержит плана, который, распоряжается греками без их воли и согласия.

Уэллингтон получил от Каннинга еще более широкую программу, и если дело кончилось не с бо́льшим уроном для «престижа России», то лишь потому, что Англия признанием права русского царя на вмешательство в греческие дела, купила в Петербурге признание ее исключительного права распоряжаться в стране, расположенной в другом углу Европы, в Португалии.

Меттерниховская дипломатия увидела в этом соглашении первый удар, обещавший положить конец ее влиянию в Петербурге и в Константинополе; напряжением всех своих сил ей удалось добиться лишь некоторого успеха в Берлине, где согласились, заодно с Веной, устраниться от какого-либо участия в нажиме на Турцию. А так как Каннинг обусловил принятие единственной принудительной меры в отношении Турции—отозвания русского и английского послов принятием такой же меры и остальными великими державами, то протокол 4 апреля обещал, в виду этой позиции Австрии и Пруссии, остаться безрезультатным актом дипломатического творчества двух конкурентов.

Особое значение при таких условиях получила политика французского правительства. Британская дипломатия приглашала его присоединиться к Англии в противовес России; русская—добивалась самым настойчивым образом вмешательства французов в греческие дела для того, чтобы сообща помешать Англии утвердиться в Греции. Поэтому французское правительство Карла X, которое не только ничего не теряло в этой игре, но смогло в ней только выиграть, хотя бы в смысле поднятия своего, весьма слабого и в Европе, и в самой Франции, авторитета, предложило превратить англо-русский протокол

тройственное соглашение Англии, России и Франции. В январе 1827 г. принципиальное соглашение по этому поводу между тремя правительствами состоялось.

В апреле (того же года), когда Каннинг из главы Foreign office превратился в премьер-министра, в Греции уже сказались плоды его политики: греческое национальное собрание назначило двух английских офицеров главнокомандующими сухопутными и морскими греческими силами. Этим англичанам пришлось иметь дело с египетскими войсками, инструктированными французским офицерами в то самое время, когда французское и английское правительства действовали в качестве союзников. Русское правительство, со своей стороны, пыталось закрепить свое влияние через посредство Каподистрии, превратившегося из царского министра иностранных дел в президента «временной» греческой республики.

С тем вместе начались и тягчайшие военные неудачи и обострились внутренние распри греков. На сообщенный ему протокол 4 апреля султан сначала не отвечал ничего, а когда совершилось падение легендарной Миссолонги и капитулировали Афины, турецкое правительство заявило, что султан никогда не допустит вмешательства иностранных государств в его отношения со своими подданными [1]). Результатом этого ответа было заключение тройственного англо-русско-французского союза. Договором, подписанным 6 июля 1827 г. в Лондоне, Англия, Россия и Франция взяли на себя ликвидацию греко-турецкого конфликта. Во вступлении к лондонскому трактату говорится, что

«три монарха проникнуты сознанием необходимости положить конец кровавой борьбе, которая, приводя греческие провинции и острова Архипелага к полной анархии, приносит с каждым днем новые убытки *торговле* и благоприятствует развитию пиратства; все это не только подвергает подданных высоких договаривающихся сторон значительным потерям, но требует еще обременительных мер надзора и репрессий; кроме того, *короли Великобритании и Франции* получили со стороны греков настойчивое приглашение предложить Порте свое посредничество. В виду всего этого, *указанные два монарха, совместно с русским императором,* одушевленные желанием избегнуть пролития крови и предупредить бедствия, которые могут повлечь за собой продление подобного положения вещей, — постановили...» и т. д. [2]).

Договор этот воспроизводил протокол 4 апреля, но в то же время предопределял, в случае отказа Порты от принятия посредничества трех держав, принятие принудительных мер—от учреждения консульств в важнейших греческих городах до применения вооруженной силы для прекращения военных

---

[1]) „Его величество султан, признавая себя таким же самодержавным монархом, как и прочие государи, не допустит никакого постороннего вмешательства во внутренние дела своей Империи".

[2]) См. Дебидур. Политическая история XIX в., т. I, с. 248.

действий на море; тем не менее особой статьей договаривающиеся державы об'явили, что «не примут участия во враждебных действиях воюющих сторон», обязуясь вместе с тем «помешать, насколько это будет в их власти, всякой дальнейшей борьбе между воюющими сторонами» и «передать адмиралам свои инструкции, согласно со статьями договора».

Выражая свое недовольство этим договором, испортившим, по его словам, сделанное им дело в Петербурге, Уэллингтон еще до Наваринского сражения, писал, что в этом трактате «указаны принудительные меры, которые в сущности обозначают не что иное, как военные действия»[1]).

Действительно, после того как смерть Каннинга призвала на его место Уэллингтона, произошла знаменитая Наваринская битва, в которой союзные эскадры «по недоразумению» уничтожили турецко-египетский флот.

На сделанное после подписания договора предложение о перемирии греки ответили согласием, турки—отказом. Союзники блокировали в Наваринской бухте турецко-египетский флот, затем потребовали эвакуации Мореи, прекращения военных действий и ухода турецкой и египетской флотилий в Константинополь и Александрию. Невыполнение этих требований повлекло за собою своеобразную «демонстрацию»: союзные эскадры, под начальством английского адмирала Кодрингтона, в полном боевом порядке вошли в бухту и, приблизившись на ружейный выстрел к Оттоманским судам, потребовали удаления турецкого брандера с наветренной стороны английского корвета. Из-за неисполнения этого приказа произошла стычка между английскими и турецкими матросами, когда первые принялись рубить якорные канаты брандера. Эта стычка превратилась в общее побоище, завершившееся полным уничтожением турецко-египетского флота. В Лондоне известие об этой победе английского адмирала было принято, как весть о непоправимой катастрофе, в Петербурге,—как первый шаг к завоеванию Константинополя.

Турецкое правительство потребовало удовлетворения у послов союзных держав. Союзные державы вновь потребовали прекращения военных действий против греков и, в виду полученного отрицательного ответа, отозвали своих послов 8 декабря 1827 г. из Константинополя. Через 10 дней султан опубликовал известное воззвание к мусульманам, обвинявшее Россию в том, что она главная виновница бедствий, выпавших на долю оттоманской империи и мусульманства. На дальнейшие попытки турецкого правительства собрать новую армию взамен старой, разложение которой ознаменовалось избиением

---

1) Ч. Файф. История Европы XIX в., ч. II, с. 425 прим.

2) 22 марта (3 апреля) Николай I писал Карлу X о действительных причинах предстоящего об'явления войны: это—нарушение прав русской торговли на Черном море, угрожавшее „полным разорением целых провинций". Письмо представляет страстную филиппику по адресу британского правительства, разоблачает английские планы „общего выступления против России" и предлагает Карлу X тесный союз и взаимопомощь во всех делах. См. Stern, Geschichte Europas, B. III, Anhang, s. 392—5.

мятежных янычар в 1826 г., Николай I ответил 26 (14) апреля 1828 г. об'явлением войны. Ни в декларации русского правительства, ни в царском манифесте не было ни малейшего упоминания о греках [1]). Но X статьей адрианопольского договора 14 сентября 1829 г. турецкое правительство, *по собственной инициативе,* признало обязательным для себя и лондонский трактат 1827 г. и последующий протокол, подписанный союзными правительствами в марте 1829 г. и определявший будущую границу Греции. В русских условиях мира и в русском проекте договора греческий вопрос не затрагивался вовсе.

Британский кабинет не останавливался ни перед какими жертвами, чтобы привлечь на свою сторону французское правительство, а на греческое наследство Каннинга Уэллингтон смотрел, как на обузу [1]). Широкие планы Меттерниха—создание анти-русской коалиции—явным образом проваливались: победы русских войск, подступивших почти к стенам Константинополя оказали обратное действие на прусский двор, решивший в дальнейшем опираться на всемогущего родственника в Петербурге; доживавшее последние дни правительство Карла X расчитывало извлечь больше выгод из сближения с Россией, чем из какой бы то ни было другой комбинации. Поэтому английское правительство решилось даже пожертвовать в пользу Франции своим привилегированным положением на Пиринейском полуострове, которое было завоевано при жизни Каннинга. Наконец, парижский кабинет (Мартиньяка) предложил оккупировать Морею французской армией. Таким образом, в тот момент, когда Дибич подступал к Константинополю, в Босфор на всех парах входила великобританская эскадра, Морея-же занята была французскими войсками под начальством наполеоновского генерала Мэзона.

Британская дипломатия, получивши согласие Франции на вмешательство ее в греческие дела, захлопотала о том, чтобы лишить французскую экспедицию всякого политического смысла и интереса для Греции и Франции. С этой целью она добилась в срочном порядке конвенции с египетским правительством (6 августа в Александрии) о добровольной эвакуации египетскими войсками Мореи. Однако, французы тоже не теряли времени, и, когда конвенция была подписана, корпус ген. Мэзона уже был в пути из Тулана в Грецию.

В таком положении правительству султана, убежденному в том, что самый опасный враг его — Россия, оставалось попытаться расстроить тройственный союз и столкнуть лбами своих противников. Оно из'явило поэтому согласие принять посредничество Англии и Франции и сообща с ними мирно уладить греческий вопрос. Однако, Уэллингтон считал, что русская армия, как только царское правительство освободится от союзных обязательств и во всяком случае раньше, чем ей будет противопоставлена на Балканах доста-

---

[1]) „Греческие дела, говорил 2/XI 1829 г. Уэллингтон в интимной беседе,—величайшая чепуха, когда-либо бывшая на свете. „Слава Богу, что они нам не стоили ни одного шилинга". Stern, Geschichte Europas, B. III, s. 119.

точная военная сила, подымет весь Балканский полуостров. С этой точки зрения в интересах самой Турции было сохранение тройственного союза, державшего в определенных военных и политических границах русского царя.

Особое значение для турецкой дипломатии имела австрийская политика, вдохновлявшаяся тем же страхом перед Россией, какой царил в Константинополе, и теми же соблазнами в отношении Бл. Востока, которые—на более прочной политической и экономической основе,—руководили дипломатией английской. Сложнейшие махинации Меттерниха—интриги в Лондоне и в Париже, имевшие целью изменить состав французского кабинета в желательном для анти-русской кампании смысле, проекты европейского конгресса по восточному вопросу с участием Турции, попытки завоевать доверие и подчинить себе Николая I при помощи сначала графа Зичи, потом своего способнейшего сотрудника Фиккельмонта, командированного с этой целью в Петербург,—давали, однако, султанскому правительству неизмеримо больше надежд, чем реальных средств для осуществления их в данных условиях времени и места./Колеса меттерниховской дипломатии вертелись в пустоте. Венские предложения, как бы они ни были разумны или остроумны, уже не останавливали на себе внимания; европейская политика явно выросла из меттерниховских пеленок, австро-венгерская же монархия, напротив, не научилась в них ходить./

Через чрезвычайного посла, графа Зичи, Меттерних предлагал царю признать независимость Греции,—шаг, расцениваемый обыкновенно, как «грубая хитрость» или акт отчаяния со стороны Меттерниха, уверенного в том, что Николай I никогда не пожелает признать Грецию независимой. Действительно, царь принял это предложение весьма неблагосклонно: «неужели, иронически спросил он, венский двор надеется путем признания независимости Греции обуздать революцию?» Греки—презренные мятежники и до них нет никакого дела русскому царю, у которого одна забота—раз навсегда обеспечить безопасность и интересы своей империи в отношении Турции. Дипломатии тут делать нечего,—греки тоже не причем: русская армия приведет отношения с Турцией в такой порядок, который в дальнейшем обеспечит на Востоке мир и полное спокойствие. Иначе говоря, «обуздать Россию» (т.-е. русского царя) посредством признания независимости Греции,—ваша действительная цель, а потому я не желаю с вами даже разговаривать об этом. Не найдя союзников для составления коалиции против России во время временных неудач русской армии на Балканах в 1828 г. и убедившись в руссофильской ориентации французского правительства, Меттерних теряет почву даже в Лондоне, где ирландское движение связывает руки правительству и вынуждает его к самой осторожной внешней политике.

Кабинет Уэллингтона, считаясь с фактом установления адрианопольским миром зависимости Турции от России, решил совершенно отрезать Грецию от Турции: это должно было, во-первых, лишить русское правитель-

ство возможности вмешиваться через Константинополь в греческие дела и, во-вторых, отнять у него повод из-за греческих дел вмешиваться в дела турецкие. В то же время британская дипломатия вовсе не хотела ослабления Оттманской империи за счет создания сильной или по крайней мере действительно независимой Греции; поэтому она стремилась замкнуть Грецию в такие границы, при которых не могло быть речи об экономической и политической самостоятельности.

Со своей стороны Николай I обещал Каподистрии, избранному греческим президентом, позаботиться о расширении северных границ Греции, но за то требовал от бывшего царского министра, ставшего главой республиканского революционного правительства, двух гарантий: во-первых, дружба России должна быть оплачена заменой республиканского режима абсолютной монархией, и, во-вторых, Греция должна добровольно остаться, хотя бы номинально, в сотаве Оттоманской империи, т.-е. под прямым и косвенным воздействием русского правительства.

Петербургская программа, подкрепленная военными успехами русских армий в Азии и на Балканах, была принята в лондонских союзнических совещаниях, и 22 марта 1829 г. в Лондоне был подписан протокол, отодвигавший греческую границу на север, вопреки предложениям Уэллингтона, на линию от залива Арта до залива Воло. Греция должна была остаться под суверенитетом султана и получить наследственного князя из какой-либо европейской династии, за исключением правящих в трех государствах, подписавших этот протокол. Адрианопольский договор поставил Грецию в еще более благоприятные условия,—тем более, что в течение летней кампании греки успели занять северную Морю и побережье Коринфского залива. Но так как Николай I стал теперь в положение покровителя побежденной Турции, то британская дипломатия, не отступавшая от своей программы, выговорила без труда в пользу Турции северную Акарнанию и часть Этолии, а вместе с тем заставила союзников согласиться на признание полной независимости Греции. Три протокола, подписанные союзными державами 3 февраля 1830 г., гарантировали Греции эти границы (с Цикладскими островами), предоставляли Леопольду Кобургскому (будущий бельгийский король) греческий престол и устанавливали (по требованию Франции) свободу вероисповеданий, в частности католического, в новом государстве.

Леопольд, женатый на дочери английского регента, рассчитывал однако на большее: у него были шансы самому стать регентом Великобритании (почему тории и решили спровадить его в Афины. Во всяком случае он добросовестно торговался с лондонской конференцией. Основное его требование о том, чтобы независимость Греции была гарантирована тремя державами, предвосхищало неизбежное. Союзная конференция 20 февраля удовлетворила это пожелание, а также другие два, из которых одно, по крайней мере, не было ему внушено со стороны: гарантирование займа в 60 миллионов и

оставление французских войск в Морее на год. На изменение границ державы не согласились, обещавши лишь исхлопотать согласия султана на установление особого режима для островово Самоса и Крита.

На этот раз получено было согласие и турецкого и греческого правительств. Однако, Каподистрия в полном согласии с греческим сенатом, дал понять принцу Леопольду, что Греция, счастливая видеть его своим королем, была бы не менее счастлива, если бы выбор короля был предоставлен ей самой; при этом Каподистрия конфиденциально нарисовал жизнерадостному принцу столь мрачную картину греческой действительности, что последние сомнения Леопольда рассеялись и он решительно отказался от греческой короны. В течение нескольких месяцев английская дипломатия не могла придти к решению насчет другой кандидатуры. Новый французский кабинет во главе с Полиньяком, на которого возлагали столько надежд Меттерних и Уэллингтон, пошел по пути сближения с Россией так далеко, что проектировал переделку карты всей Европы по соглашнию межлу Карлом X и Николаем I. По этому замечательному своей наивностью проекту, Россия получала Молдавию и Валахию, Австрия—Сербию, Боснию, Герцоговину и Далматию, вся остальная часть Балканского полуострова с Константинополем должна была составить новую Грецию.

В течение нескольких месяцев Греция была как будто предоставлена самой себе. «Об'ект напряженнейшего интереса всей Европы потерял свою прелесть» [1]). Правительству Каподистрии приходилось вести отчаянную борьбу с «приматами»—олигархами хищнической буржуазии эпохи «первоначального накопления» и с вождями, подчиненных «приматам» банд «капитанами клефтов», претендовавшими на независимость от центральной власти и на неограниченное господство над крестьянской массой. Британская дипломатия поставила себе задачей в борьбе против Каподистрии [2]) поддерживать то, что называлось ею очагами свободы и местного самоуправления, в действительности же представляло смесь разбойничьей буржуазии, одновременно грабившей и торговавшей, с пережитками феодального бандитизма и пиратства. Вот почему крестьянское население всецело поддерживало Каподистрию и его самодержавные приемы управления в то время, как «приматы» искали поддержки у англичан против деспотизма и руссофильства Каподистрии. Гидриотские «адмиралы»—островные олигархи—взрывали греческие суда, чтобы не отдавать их центральному правительству. Наконец, два греческие «бея» 9 октября 1831 г. убили Каподистрию на паперти церкви в Навплии. Лишь 7 мая Греция получила короля—баварского принца Фридриха Оттона. Гарантии,

---

[1]) A. Stern Geschichte Europas, III Band, s. 227.

[2]) Каподистрия и вся его родня на Ионических островах значились в списках английской администрации острова, как неблагонадежные подданные английского короля

обещанные Леопольду, остались, конечно, в силе. Державы-покровительницы (а через год за вознаграждение в 12 миллионов пиастров и султан) согласились расширить границы Греции до залива Арта. 29 ноября 1832 г. первый король Греции высадился в Навплии в сопровождении баварских чиновников и отряда баварской гвардии в 3½ тысячи солдат.

II. Под „покровительством" держав.

Действительная политическая власть в стране оставалась в руках держав-покровительниц. Баварский принц с баварцами-министрами должен был ухитриться создать национальную греческую государственность, подчиняясь в то же время конкурирующим друг с другом иностранным правительствам. Ибо, если Греция была освобождена даже и от номинального турецкого суверенитета, то лишь для того, чтобы сделаться добычей и яблоком раздора для трех держав-покровительниц. Этот «тройственный» суверенитет оказался для Греции бременем во всяком случае не менее тяжелым, чем тот порядок подчинения султанам, на котором настаивало русское правительство.

Последнее, умудренное опытом согласованной с западными правительствами политики «вытеснения» из Европы турок, как-будто прозревало: Турция впервые услышала заявления со стороны русских дипломатов, что она в русском правительстве «приобретает более верного и честного союзника, чем все остальные европейские правительства» [1]). Поворот в восточной политике скреплен был знаменитым союзным договором 8 июля 1833 г. (в Ункиар-Скелесси); отношение к Греции имела в нем ст. 2, подтверждавшая Адрианопольский договор, петербургскую конвенцию 1830 г. и константинопольскую конвенцию по греческому вопросу 9/21 июля 1832 г. Дорога в Грецию через Константинополь действительно закрылась навсегда. Для Николаевской же дипломатии наступало вообще критическое время: не только для дальнейших успехов, но даже для удержания достигнутых уже она не находила сил и средств в крепостной империи.

Каждая из трех держав-покровительниц располагала в Греции приверженцами, составлявшими три партии, боровшиеся за влияние (своих патронов), за господствующее положение не столько в смысле власти, сколько в отношении материальных благ. Эти три партии носили попросту названия английской, русской и французской. За отсутствием греческой, или хотя бы

---

[1]) Неклюдов, Les relations de la Russie avec la Porte, и Бухаров, Россия и Турция, с. 104—5.

«баварской» партии король Оттон оказался бесполезной для покровителей и для самой Греции обузой.

Доминирующее положение занятое английской дипломатией, сказалось в том, что патронированная сэром Э. Лайонсом, представителем Англии в Афинах, партия, под непосредственным руководством Лайонса, произвела 3/15 сентября 1843 г. «революцию» в Афинах, с забавным лозунгом «долой министров-иностранцев» (баварцев) и «да здравствует конституционное правительство» (английской партии). Лидер французской партии гостил в Париже; русская дипломатия была совершенно не подготовлена к подобным приемам конкуренции, хорошо усвоенным учениками Пальмерстона,—к числу последних персонально принадлежал Э. Лайонс. «Революция» победила, при общем недоумении и растерянности. Греция получила конституцию; с министрами-земляками королю пришлось расстаться, и власть перешла в руки совершенно подчиненного Лайонсу Маврокардато. Англичане в Греции почувствовали себя так же хорошо, как в любой колонии, управляемой английским губернатором.

Тем не менее положение их еще не было настолько прочно, как они предполагали. Оппозиция, под руководством представителя французского правительства (Т. Пискатори), сплотилась и нашла опытного и решительного лидера, в лице вернувшегося на родину И. Коллетиса. Так как английская партия успела к этому времени принять более приличное наименование «прогрессивной» или «конституционной», то Коллетис не только переименовал французскую партию в «национальную греческую», но даже переодел всю ее в национальные греческие костюмы. Затем он определил свою платформу простым и соблазнительнейшим образом: Греция должна об'единиться с оставшимися в составе Турции греческими провинциями и островами, ибо в существующих границах она не состоятельна экономически и политически, тогда как программа Маврокордато предполагала завоевание доверия в Европе (т.-е. в Лондоне), с тем, что Европа (т.-е. Англия) вознаградит после этого греков Критом, Эпиром и Македонией.

Национализм Коллетиса и его «велико-греческая» программа при поддержке Пискатори, имели решительный успех. В августе 1844 г., Коллетис стал во главе конституционного правительства, несмотря на бесцеремонно заявленный против этого Англией протест, и оставался у власти до своей смерти (1847 г.).

«Сэр Эдмонд Лайонс,—повествует французский историк.—не переставал строить козни в 1844 г. министерству Коллетис. Британское правительство, не довольствуясь возбуждением анархии и бандитизма в Греции, в кознях своих дошло до того, что побудило Турцию сосредоточить свои войска на греческой границе. Последнее обстоятельство чуть было не привело в 1845 г. и 1846 г. к серьезному конфликту между Грецией и Турцией» [1]).

[1]) Дебидур, Политическая история, т. I, с. 415.

В 1850 году английское правительство нашло необходимым в полной мере дать почувствовать Греции, кто ее хозяин. Повод, избранный для этого, заключался в следующем: во время уличных беспорядков в Афинах материально пострадал английский подданный, купец Пачифико, пред'явивший греческому правительству требование о возмещении убытков в сумме 22 тыс. ф. Греческое правительство отказалось платить и в дело это вмешалось британское правительство, категорически потребовавшее удовлетворения этой и других претензий английских подданных. Предложенное Грецией третейское разбирательство было отклонено и по истечении 24-х часового срока, данного Греции для исполнения пред'явленного требования, британская эскадра получила приказание захватить все встречные военные и торговые суда Греции [1]).

Велико было всеобщее негодование против Англии, но помощь Греции ограничилась лишь тем, что Франция предложила свое посредничество для улажения конфликта,—после того, как Греция ничего не оставалось, как подчиниться воле сурового хозяина.

Через четыре года, в эпоху крымской войны, англичане—на этот раз при участии французов—заняли Пирей, остававшийся в их руках с 1854 по 1857 г. Экспедиция эта была вызвана тем, что Греция не присоединилась к анти-русской коалиции и даже обнаружила тяготение в сторону России. С «руссофильством» тогдашней Греции Наполеон III предлагал покончить тем же способом, каким в наши дни сотрудниками Пуанкаре ликвидировано было германофильство Константина. Заметим, кстати, что репрессии союзников создали тогда королю Оттону такую же популярность, какую точно такая же политика их в 1915 — 17 г.г. создала на некоторое время Константину.

По испытанному английскому рецепту, была устроена в 1862 г. в Афинах «революция»; король, соответственно своему юному возрасту, развлекавшийся в это время морской прогулкой, об'явлен был низложенным. Новый король должен был быть избран греками, но по указанию английского правительства. В ожидании этого, временное правительство пришлось составить из болгар.

Познакомивши греков с тем, что именуется в международном праве цивилизованных народов репрессиями и «мирной блокадой», великобританское правительство распространило благую весть: если греки выберут королем своим угодное Англии лицо, то будут вознаграждены Ионическими островами.

Протокол 3 февраля 1830 г., подписанный представителями Англии, России и Франции, исключал кандидатуру членов царствующих в этих трех странах домов. Первая кандидатура, пущенная в оборот, была—принца Альфреда, второго сына королевы Великобритании, Виктории; вторая—герцога

[1]) См. Мартенс, Современное междунар. право, т. II, с. 503 и 512.

лейхтенбергского, племянника Александра II. Наглядный урок, преподнесенный историей грекам, заключался в том, что одержавший подавляющую победу над своим соперником британский принц королем эллинов не сделался, но за то впоследствии командовал английским флотом, в третий раз блокировавшим Грецию. Так наз. «плебисцит» дал в его пользу 230.116 голосов против 2.400, поданных за герцога лейхтенбергского,—цифры, свидетельствующие об ограниченном круге, имевших право голоса, в особенности, если принять во внимание, что голосовала не только Греция, но и заграничные греческие колонии. Соответственно этому последнему обстоятельству, дело шло об избрании не «короля Греции», каковым был низложенный Оттон, а «короля эллинов»,—титул, принятый датским принцем, которому Альфред «уступил»—из уважения к протоколу 3 февраля—греческий престол. Соглашением Австрии, Франции, Пруссии, России и Великобритании от 14 октября 1863 г., в изменение трактата 1815 г., к владениям нового греческого короля добавлены были «великодушной» Великобританией Ионическое острова [1]).

Великодушный дар этот имеет свою историю, вполне об'ясняющую щедрость великобританского правительства.

Ионические острова, в особенности Корфу, давно стали ареной неприятных происшествий; низы туземного населения бунтовались против властей, установленных именем королевы Великобритании так, как будто это были власти «врага христианства»... Английская администрация, держа в своих руках эти острова, осуществила там до конца программу, которая требовала, разумеется, гораздо больше времени и большей свободы действий для своей реализации в покровительствуемой не одной Великобританией, Греции. Англичане легко столковались и поладили с «просвещенной и состоятельной» частью населения, т.-е. с местной олигархией, которая охотно приняла сотрудничество своих еще более просвещенных покровителей в эксплоатации местного населения. Но последнее—как это наблюдалось и в остальной Греции—совершенно не мирилось с таким порядком вещей, и с возрастающей настойчивостью пыталось освободиться от туземной плутократии, спаявшейся с непрошенными иностранными администраторами-покровителями. Здесь еще раз проявилась та непримиримая вражда к иностранцам, которая свойственна народам, покровительствуемым европейскими державами. Англичанам приходилось испытывать то же самое, что в свое время поразило французских офицеров и солдат ген. Мэзона, ожидавших найти на своем пути восторженные встречи, цветы и лавры (обещанные им парижскими газетами), а в действительности встретивших всеобщую вражду, страх и недоверие; дело доходило до того, что женщины спасались от освободителей-французов в лагери тех самых египтян, от которых французы явились их

[1]) Под условием вечной нейтрализации Корфу и Паксоса.

освобождать... Когда для расследования положения дел на Ионических островах снаряжена была в Лондоне парламентская комиссия, то руководитель ее, Гладстон, пришел к заключению, что разумнее всего, с английской точки зрения, отказаться заблаговременно от неприятных островов с неблагодарным населением.

То, что происходило на Корфу, повторилось в период междуцарствия в Афинах. Произведенная со стороны и сверху «революция» дала толчок к появлению чувств широких слоев населения столицы. Народные массы выступили на сцену со стихийным неорганизованным протестом против иностранной и национальной олигархии. Движение было раздавлено при помощи «эллинской артиллерии, но под непосредственным руководством агентов держав-покровительниц.

III. По пути к банкротству.

При новом короле и новой конституции положение изменилось лишь в том, что вслед за Англией, Францией и Россией в греческих делах начинает принимать участие Италия. К этому времени относится весьма оживленная борьба между Англией и Францией из-за горно-промышленных концессий в Греции. В промежуток времени с 1862 г. по 1882 г. греческое правительство расплачивалось за покровительство держав концессиями, раздавая их сотнями англичанам и французам.

По мере использования англо-французским капиталом политического положения, русское правительство окончательно теряет почву в Греции и пытается отыграться усилением своего влияния в Сербии и Болгарии. Ставка на Сербию или Болгарию означала игру против Греции, правящие круги которой, каждый выигрыш Болгарии считали потерей для себя. Последней попыткой удержать свое влияние в Греции было со стороны петербургского двора превращение русской великой княжны в королеву эллинов в 1867 г. и предположение присоединить к Греции охваченный с 1851 г. восстанием Крит.

Предложение было обращено к Наполеону III. Ответ, даный последним в личной беседе с российским послом, Будбергом превзошел все ожидания последнего: Наполеон III нашел желательным не только присоединить к Греции Крит, но и вообще дать ей новые «естественные границы», а если петербургскому правительству угодно, то и Сербию можно сделать независимой. По крайней мере удалить турецкие гарнизоны из сербских крепостей. Но, со своей стороны, Россия должна обнаружить открыто свое сочувствие к интересам Франции на Западе. И так как собеседник проницательного русского дипломата в этом месте замолчал, то последний счел долгом показать, что он понимает дело с полуслова: «что касается Бельгии,—ответил он,—то если Вы хотите взять ее, это дело между вами и Англией» [1]). Однако, беседа француз-

ского посла в Петербурге с Горчаковым дала совершенно иные результаты. Горчаков оказался совершенно незаинтересованным ни Грецией, ни Сербией, ни даже отменой нейтрализации Черного моря, установленной парижским трактатом 1856 г.; он даже не пожелал понять, чего хочет от него французский дипломат.

Царская Россия совершала в это время новый поворот к активной анти-турецкой политике, которая должна была опираться на еще неиспользованные, «свежие» национальные движения в Турции—сербов и болгар. Тем не менее, когда закончились дипломатические приготовления к войне, афинскому правительству из Петербурга сделано было (в 1877 г.) предложение о совместном выступлении против Турции. Критское восстание продолжало держать Грецию в напряженном сотоянии, но греческое правительство в это время управлялось всецело Лондоном. «Величайший (по английской оценке) из греческих государственных людей», выразительно прозванный в Греции *«англичанином»*, Трикупис, отклонил это предложение, хотя, по выражению английских публицистов, «чернь требовала войны». Трикупис, при приближении русских войск к Андрианополю, вынужден был подать в отставку. Новый кабинет решил уже «временно занять греческие провинции Оттоманской империи», когда перемирие на русско-турецком фронте предупредило осуществление этого решения.

Британские дипломатические агенты, говорит историк из Foreign office [2]), успокаивали восставшее население Фессалии и Крита, посредничая между ним и Портой. В то время как в Константинополе английская дипломатия этим, а главное—обещанием спасти Турцию от русского царя, заняла положение всемогущей покровительницы,—в Афинах она арзоблачала болгарофильскую политику царя, и заверяла греческое правительство, что «намерена пустить в ход все свое влияние, чтобы предотвратить поглощение славянским государством какой-либо части греческого населения» [2]). В вознаграждение за нейтралитет в 1877—8 г.г. Сольсбери предоставил Греции честь участвовать, правда, с совещательным только голосом, в берлинском конгрессе 1878 г.

Тринадцатым протоколом этот конгресс обязывал Турцию уступить Греции Фессалию и часть Ю. Эпира,—по границе от Пенейоса на Востоке к Каламасу на Западе,—и осуществить на Крите «органический статут» 1868 г. Кипр англичане оставили за собою, в качестве компенсации за отошедший к

---

[1]) Roux, „Alexandre II, Gorchakoff et Napoleon III". См. ст. М. Покровского „Восточный вопрос в 1874—1878 г.г.", с чрезвычайно интересными соображениями, подкрепленными цифрами, об экономических причинах колебаний русской политики в отношении Турции.

[2]) Greece, Peace Handbroks, issued by the Historical Section of the Foreign office, vol. III, 43.

[3]) Там же.

России Карс и за свои добрые услуги. Такой исход дела показался несколько неожиданным и странным турецкому правительству; оно не обнаружило ни малейшей благодарности к спасителям, и когда, по инициативе Гладстона, новая конференция решила продвинуть греческую границу к Олимпу,—Порта, спасаясь от лондонских друзей перенесла все свои надежды на Париж.

Чрезвычайно быстрый рост французских интересов в Турции, в частности ввоза французских товаров, заставлял французское правительство самым энергичным образом приняться за восстановление былого политического влияния Франции на Востоке. Французская дипломатия решила занять освободившуюся позицию великобританской и поддержала Турцию в отказе от исправления в пользу Греции границ.

Константинопольская конференция 1881 г. еще более определила положение в этом смысле. Гренвилль, великобританский министр иностранных дел повел дело так, что не оставалось сомнения в полной ассимиляции греческих и британских интересов: Греции представлялась вся Фессалия, Артинский округ Ю. Эпира и та самая Пунта у Амвракийского залива, на оставлении которой за Турцией настаивала с величайшей энергией британская дипломатия в 1832 г. Это было несколько меньше, чем английский проект Каламас-Пенейос, но Гренвилль демонстративно заявил, что Великобритания остается при убеждении в справедливости своего проекта. Разумеется, основной задачей оставалось при этом «вытеснение» России с Ближнего Востока, с Балканского полуострова, застрахование от русской опасности проливов и Константинополя. Успех Дизраэли, преградившего совместно с австрийской дипломатией, дорогу русскому царю в Константинополь, вызвал небывалое воодушевление в известной части лондонского населения. К этому году относится распевавшаяся во всех лондонских мюзик-холлях песенка:

Мы не хотим воевать,
Но, клянемся Джинго, если воевать придется,
У нас хватит людей,
У нас хватит кораблей [1]),
У нас хватит денег,—

вследствие чего за империалистической агитацией ее противники оставили кличку «джингоизма». В вышедшей в 1877 г. книге Дж. Рэма «Философия войны» весьма отчетливо была высказана мысль, что «мы, англичане, занимаем одно их наивысших положений в мире, и мы должны воевать, иначе те, кто идет сзади нас, оттеснят нас». Гладстон теоретически придерживался

---

[1]) We don't want to fight
But, by Jingo, if we do,
We've got the men,
We've got the ships,
We've got the money too!
Джинго—свирепый индийский божок.

манчестерских традиций, и доказывал, что империализм подвергает опасности британскую империю, но на практике ему самому пришлось вписать в историю британского империализма столь «славную» страницу, как завладение Египтом.

На Ближнем Востоке английская политика нашла в это время естественного союзника в Австро-Венгрии, правительство которой считало, что оттеснение России означает открытие дверей на Восток для Австрии [1]). Сольсбери стремился при помощи последней, вернуть утерянное положение в Турции, и в 1885 г., когда восточная Румелия об'единилась с Болгарией, а Греция из'явила намерение компенсировать себя присоединением Крита —кабинет Сольсбери принял на себя инициативу успокоения взбудораженных Афин. Как известно, русский царь, возмущенный тем, что болгары самовольно осуществили об'единение с В. Румелией, при помощи националистической революции в Филиппополе, тогда как это об'единение должно было осуществиться милостью царя,—отозвал русских офицеров из болгарской армии и гордо отвернулся от Болгарии в ожидании ее раскаяния. Но у Болгарии тотчас же нашлись утешители, искренно обрадованные поведением русского правительства. Дикие приемы русской дипломатии в 1886 г. не могли не ухудшить положение ее: она потеряла всякий кредит и в Болгарии, и в Сербии, искавших помощи (друг против друга) в Вене. Таким образом, «великая Болгария», совершенно неожиданно оказывалась не «русской губернией», а щитом против России. При таких условиях «компенсировать», Грецию, конечно, было не за что и не для чего; греки должны были сидеть смирно, как бы им не хотелось устроить свои дела на Крите. А так как кое-что они в этом направлении все же предприняли, и даже об'явили мобилизацию, то для прекращения отправки добровольцев на Крит, 8 мая, по соглашению 5-ти держав, была об'явлена блокада греческих портов. Афинский кабинет тотчас же подал в оставку. Новое министерство отменило мобилизацию, и 7 июня блокада была снята. Необходимо заметить, что во время самой блокады, когда греческие суда не могли ни войти, ни выйти из своих портов, суда под английским флагом, продолжали свободно подвозить грекам пушки, порох и военную аммуницию [2]).

«Нынешнее положение,—гласила передовица Times'a[3]),—является следствием провокации со стороны Греции, которая сделала недостойную попытку извлечь пользу из балканских волнений и вырвать у султана, силою оружия или угроз, территориальные уступки, на которые она не имела права».

Французская печать, отражавшая правительственные взгляды, выражалась гораздо определеннее. Она указывала на необходимость покончить

---

[1]) Вернувшись с Берлинского конгресса, Андраши сказал австрийскому императору: „Отныне перед вашим величеством открыты двери на Восток".

[2]) Мартенс, „Современное Международное Право", т. II, с. 512.

[3]) 28 апреля 1886 г.

с греческой «национальной лигой», разоблачала греческие планы захвата Эпира, Янины и Элассоны с целью оттуда подготовить захват и Македонии.

«Афинские дела сами по себе—по мнению тогдашних оффициальных французских публицистов—представляют мало интереса. Ловить рыбу в мутной воде, наживаться насчет того, на кого нападает всякий, кому не лень, — такова их цель и в то время как болгары и сербы рискуют, по крайней мере жизнью и берутся за оружие, греки угрожают—с тем, чтобы в решительный момент удрать. Леонид, право, здесь не при чем; воспоминания эти не ко времени; для нынших эллинов история — не более, как легенда, и прошло то время, когда во имя угнетенной цивилизации, скорбели об участи потомков Мильтиада и Эпоминонда...

«Напрасно пресловутая национальная лига возлагает надежды на Россию... Нынешняя Россия, несмотря на вражду свою к исламу, хорошо понимает разницу между греком, эгоистом и хвастуном, и турком, умеющим сохранять достоинство, при всех своих военных добродетелях. К тому же в Петербурге не забыли, как мало пользы мог извлечь царь Николай из этих союзников.

«Спросите мнение любого человека, жившего в Афинах и в Константинополе, о турках и о греках: каждый выскажется в пользу турок... Всякий посмеется теперь над немногочисленными энтузиастами, желающими спровоцировать новый Наварин».

«Новый Наварин! Неужели мы останемся при мечтательных порывах и декламациях 1827 г.? Тогда Греция боролась с оружием в руках за независимость; теперь она интригует с целью завладеть тем, что принадлежит не ей»...

«Предоставим же эту нацию ее воспоминаниям и бесполезным желаниям. Примирившись с мирной программой и довольствуясь тем, что законно ей принадлежит, она заслужит право на наше дружеское снисхождение; но пусть она не вздумает претендовать на большее» [1]).

Автор этих красноречивых строк не мог примириться с тем, что французское правительство устранилось от участия в блокаде Греции, ограничившись дружеским советом: вряд ли он был осведомлен о том, как блокаду осуществляли англичане. Но возмущение его становится понятным, если принять во внимание, что в результате блокады, кабинет Делианиса, пощаженный Францией пал, и место его занял снова «англичанин» Трикупис.

В то время, как афинский двор занят был поправлением своих дел свадьбами (замужество принцессы Александры с русским великим князем и женитьба наследника престола, Константина, на сестре будущего германского императора Вильгельма), Критский вопрос продолжал занимать политических дельцов в Афинах. Сольсбери, 25 октября 1889 г., в Лондоне, с большим одобрением отзывался о турецкой администрации на Крите, и Три-

[1]) L. Cazaubon, La Turquie vis-à-vis des puissances européennes en 1886, p. 32—34.

Куприс, отвечая 11 ноября, того же года, на запрос Делианиса в афинской палате депутатов, требовал от критян повиновения воле европейских держав и от палаты вотума доверия своему кабинету. Депутаты слушались, критские же деятели (в том числе Венизелос) искали выхода из затяжной междуусобной борьбы за власть в движении под лозунгом: «об'единение с родиной», в которое втянулись все враждующие группы.

В 1897 г. необычно ожесточенные побоища между христианами и мусульманами, широкий приток раззоренных беженцев в Афины и надежда на поддержку извне, привели афинское правительство к решению произвести решительный нажим на Турцию. Манифест 100 членов британского парламента, обещавших Греции поддержку Великобритании, показал, что надежда эта была не вполне безосновательна. Правда, соединенный флот 5-ти держав (России, Англии, Франции и Италии) блокировал Крит, (блокада касалась лишь греческих судов) и даже обстрелял критских инсургентов (времена Наварина, действительно прошли), но греческий король имел некоторое основание надеяться и на поддержку оставшейся в тени державы — Германии, представитель которой еще на константинопольской конференции выдвинул проект присоединения Крита к Греции.

Король об'явил о своем намерении собрать стотысячную армию и стать во главе ее. Раньше, чем армия эта была собрана, вооружена и обеспечена продовольствием, партизанские военные действия начались в Македонии и на границе Фессалии. Заручившись нейтралитетом Болгарии и Сербии, Турция начала кампанию, в тридцать дней обнаружившую полное несоответствие между воинственной политикой афинского правительства и военными ресурсами страны: война приняла характер экзекуции.

По константинопольскому мирному договору, 4 декабря 1897 г., Греция обязалась уплатить 4 миллиона лир контрибуции и согласилась на незначительное исправление северной границы в пользу Турции. Неизбежность новых займов при полной финансовой несостоятельности, послужила основанием для учреждения над Грецией международного контроля из представителей шести держав, взявших в обеспечение долгов (главным образом Англии и Франции) монополии — соляную, нефтяную, спичечную, табачную, курительной бумаги, игральных карт, ввозные пошлины пяти крупнейших портов и проч.

Тем не менее, критский вопрос продолжал служить камнем преткновения для европейской политики. Четырем державам (к прежним трем «покровительницам» присоединилась Италия), приходилось лавировать между Грецией и Турцией, занимая своими отрядами Крит, оставленный лишь номинально под властью турецкого правительства. Германия и Австрия ушли из европейского концерта по критскому вопросу и остались в прямом выигрыше не только в Константинополе, но и в Афинах. В июне 1909 г., дер-

жавы-покровительницы отозвали свои отряды с острова, оставивши греков фактически хозяевами положения. На вторичное принесение критским собранием присяги греческому королю в 1910 г., требование такой же присяги от мусульманских членов собрания и от мусульманских судей и избрание критянами депутатов в греческий парламент, — младотурецкое правительство ответило весьма действительным бойкотом греческой торговли в Турции. «В турецкой прессе все сильнее звучала нота раздражения против держав-покровительниц, в особенности против Англии... Турки требовали оффициального признания своего суверенитета над островом, о котором умалчивалось в критской конституции, и, не получая его, преисполнялись злобою против держав-покровительниц» [1]).

IV. Балканская коалиция.

Неудачный исход греко-турецкой войны и еще более жалкое положение, в котором очутилась Греция, вследствие мер, принятых державами-покровительницами, в высшей степени усилили деятельность националистической «военной лиги», с Венизелосом, в качестве политического лидера, во главе. Военная лига требовала освобождения армии от назначенных на высшие командные посты принцев, обновления командного состава, устранения протекционизма, казнокрадства и т. д. Венизелос, опираясь на лигу, получил почти диктаторскую власть, которой воспользовался прежде всего в октябре 1912 г., для допущения критских депутатов в афинский парламент.

Через четыре дня Греция об'явила Турции войну, на этот раз в союзе с Болгарией и Сербией. Решающая роль русской дипломатии в подготовке балканского союза, достаточно известна [1]). Балканская война рассматривалась в Париже и в Петербурге, как возможное начало европейской войны, к которой здесь и там, считали себя вполне подготовленными.

Греки заняли Превецу и Химару в Эпире, Афон, острова в Эгейском море, за исключением архипелага Додеканез, оккупированного со времени ливийской войны итальянцами. 8 ноября, опередивши на несколько часов болгар, греки вошли в Салоники.

По лондонскому миру (30 мая 1913 г.), граница Турции была отодвинута на линию Энос-Мидия. Судьба Крита была также решена. Вопрос об Албании, северную часть которой требовала Сербия, а южную Греция, вызвал энергичное вмешательство в борьбу за Адриатическое побережье Австрии и Италии. Между последней и Грецией отношения приняли враждебный характер: Рим добивался сокращения греческих приобретений на северо-западе, Афины протестовали и добивались эвакуации Додеканеза.

---

1) Мандельштам. Младотурецкая держава, М. 1915 г. стр. 42.

2) См. донесения Извольского Сазонову в „Материалах по истории франко-русских отношений за 1910—14 г.г.", стр. 272 и след.

В тоже время болгары считали, что греки, воспользовавшись плодами болгарских побед, вероломно выхватили у Болгарии Салоники. В Македонии учащались стычки между греческим и болгарским населением. 1-го июня 1913 г., был подписан греко-сербский союз против Болгарии, и тотчас же болгарской части салоникского гарнизона предложено было греческим командованием разоружиться. Румыния и Черногория присоединились к грекам и сербам для дележа болгарской добычи. Греки заняли Дойран, Струмницу, Серрес, Кавалу, Драму, Дедегач и т. д. Турция, воспользовавшись положением, успела занять снова Адрианополь.

30 июля открылась мирная конференция в Бухаресте. Болгары пытались отстоять Кавалу, тогда как «Булгаробойца» Константин, настаивал на присоединении к Греции не только Каваллы, но и Порто-Лагоса и Макри. По свидетельству Пишона, французского министра иностранных дел, только «прямое давление императора Вильгельма» заставило Константина оставить Болгарии Лагос и Макри.

С другой стороны энергичная поддержка Вильгельмом Константина в вопросе о Кавале решила этот спор в пользу Греции. По уверению Извольского, оправдывавшегося перед Сазоновым в недостаточном внимании к интересам Болгарии в вопросе о Кавале, французское правительство в этом вопросе вполне сознательно разошлось с нами и не только пассивно, но и активно содействовало решению его в пользу Греции...

«Пишон этого и не скрывает... он даже уверяет, что в этом деле он не только не нанес нашей политике никакого ущерба, но оказал нам скорее услугу, ибо, по его убеждению, Греция ни в каком случае не отказалась бы от Кавалы, и, если бы Болгария не уступила, война неминуемо возобновилась бы, и София была бы занята союзными войсками.

«Истинные причины, — пишет далее Извольский Сазонову, — побудившие французское правительство в первый раз с начала кризиса, открыто отделиться от нас, мне кажется, довольны сложны и разнообразны. Тут прежде всего играют роль эллинофильские традиции (!)... Победы греков (в балканской войне) приветствуют здесь, как результат деятельности ген. Эйду (начальника французской военной миссии в Греции) и французских инструкторов... *Невыгодное впечатление произвело здесь также поведение болгар во время занятия Кавалы, где они открыто заявляли, что после окончания войны, все громадное табачное производство будет ими конфисковано в пользу казны, дабы учредить табачную монополию и этим путем избавиться от всякого контроля над их будущими займами* [1]). Далее, на решение французского правительства *в сильнейшей степени* повлияло опасение,

---

[1]) С отходом Кавалы к грекам, наоборот, это производство попадало прямо в руки французских и других кредиторов Греции.

[2]) Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—14 г.г., Письмо Извольского Сазонову от 30 июля (12 августа) 1913 г., стр. 399—400. Курсив наш.

что Германия, открыто выступившая в Афинах в пользу греческих притязаний, вытеснит из Греции французское влияние».

Таким образом, германская дипломатия выполнила роль посредницы, казавшуюся Извольскому, непосильной для России. Дипломат этот считал вторую балканскую войну спасительным выходом для русского правительства, которому, если бы ее небыло, пришлось бы выполнить свои посреднические обязательства и «неизбежно» восстановить против себя либо Болгарию, либо Грецию. Германская дипломатия, как мы видели, прекрасно справилась с этой задачей, заслужив признательность и в Афинах, и в Софии.

V. Перед войной.

Таким образом, перед войной 1914 г., положение Греции было чрезвычайно сложно. Непосредственным и до последней степени озлобленным врагом ее являлась Болгария, против которой оставался в силе греко-сербский оборонительный союзный договор. Отношения с самой Сербией тоже не были лишены неприязненности: греческое правительство претендовало на Монастырь, отошедший к Сербии, и на северный Эпир, включенный лондонской конференцией в Албанию. Но в вопросе об Эпире, против Греции выступала решительно и Италия: «мало-греческие» поползновения на Эпир, точно также, как великогреческие вожделения в М. Азии, считались римскими политиками посягательством на итальянские интересы. Венизелос, представлявший велико-греческую программу, внушал поэтому в Риме полнейшую антипатию к себе. Наконец, отношения с Турцией оставались после балканских войн не менее враждебными, чем с Болгарией; весною 1914 г. они обострились из-за вопроса об обмене имуществами беженцев до того, что явилась непосредственная угроза новой войны, предотвращенной в последний момент уступчивостью турецкого правительства.

Так как в это время Турция все свои надежды возлагала на Германию, влияние которой в Константинополе господствовало, то и этот выигрыш греческой политики приходится отнести на счет посредничества германского правительства. Сближение афинского двора с родственным берлинским, принесло, таким образом, ощутительные результаты. При таких условиях нейтралитет в австро-сербском конфликте и отказ от союзных, в отношении Сербии, против Болгарии обязательств, на том основании, что греко-сербский договор имел в виду балканскую, а не обще-европейскую войну, — казался афинскому двору единственно разумной политикой.

Родственные связи этого двора с Берлином, вместе с распространившимся в Греции за последние десятилетия озлоблением против держав-покровительниц и надеждой освободиться, при помощи Германии от их «покровительства», создали почву для германской ориентации и германофильских настроений. Согласованная с Берлином политика, обещала, в случае победы

германского блока, казавшейся королю Константину не менее вероятной, чем обратный исход войны, осуществление мало-греческой программы т.-е., не только сохранение недавних завоеваний, но и приобретение Монастыря, Дойрана, С. Эпира и т. д. К тому же Германия не требовала невозможного и даже не подвергала Грецию большому риску, довольствуясь ее нейтралитетом, степень благожелательности, которого должна была определяться обстоятельствами.

Условия эти были неизмеримо легче, чем требования, пред'являвшиеся со стороны Антанты.

Балканская (салоникская) операция держав Согласия, имевшая ближайшей целью не столько помощь Сербии, сколько более широкие операции в разрез линии Австро-Германия—Турция (Константинополь) по всему Балканскому полуострову с нажимом и на Болгарию, и на Грецию, — сама по себе фактически ликвидировала греческий нейтралитет. Сверх того, державы Антанты в интересах обеспечения салоникской экспедиции, должны были гарантировать себе, при каких бы то ни было обстоятельствах, полную безопасность со стороны Греции, и по логике вещей втянуть Грецию в войну для усиления ближне-восточного фронта, значение которого было оценено обеими сторонами, чрезвычайно высоко в отношении и к Малой Азии, и к России.

Соответственно всему этому, внешняя политика Греции за время войны пережила три характерные фазы:

Первая — действительного нейтралитета — от начала войны до высадки союзнических войск в Салониках и начала последнего наступления центральных держав против Сербии осенью 1915 г. При Венизелосе политика греческого правительства склоняется в пользу Антанты, после отставки его (в марте 1915 г.) стремится сохранить добрые отношения с Германией.

Второй период — решительного натиска Антанты и борьбы за нейтралитет — начинается осенью 1915 г. салоникским десантом и кончается в июне 1917 г. изгнанием Константина.

Третий — подчинения Антанте — начался возвращением к власти Венизелоса и, несмотря на временное возвращение к власти Константина, продолжается до сих пор; Греция приняла участие при Венизелосе в войне и продолжала ее при Константине, и после низвержения Константина, вплоть до *перемирия* в Муданиа.

Дипломатическая переписка по греческим делам публикуемая в настоящей книге, — главным образом, телеграфные донесения российских представителей из Афин, Лондона, Парижа и Рима, — обнимает вторую половину первого периода, весь второй и начало третьего, обрываясь в октябре 1917 г. Соответствующий материал извлечен из собрания копий дипломатических депеш, хранящихся в Общем Архиве Народного Комиссариата по Иностран-

ным Делам, и публикуется в срочном порядке в виду исключительного интереса к ближне-восточным делам, обусловленного последними событиями.

События эти, конечно, далеки от завершения. Не только вопрос о Константинополе и проливах и не только ближайшее будущее Турции, но и дальнейшая судьба Греции, в совокупности с обще-балканскими делами, без сомнения, останутся в центральном узле международных интересов и конфликтов не на один месяц.

Помимо этого текущего интереса, публикуемые здесь документы имеют непреходящее значение, освещая одну из наименее известных и наиболее трагических страниц истории современной империалистической эпохи. Литература по этому вопросу обширна. Многочисленные издания в Европе имели целью установить действительный характер политики держав Антанты и Венизелоса еще до того времени, когда высадкой греческих войск в Смирне начался период осуществления велико-греческой программы, на почве смертного приговора Турции, вынесенного международным империалистическим трибуналом в Севре. Укажем здесь важнейшие из известных нам:

1) „Cinq ans d'histoire grecqe 1912—1917. Discours prononcés à la chambre des députés en Août, 1917, par Venizelos, Politls, Repoulis Cafandaris". Paris, 1917.

2) E. v. Falkenhausen, Die Erdrosselung Griechenlands, Berlin—Wien 1918.

3) Le guet—apens du 1-er Décembre 1916 à Athénes. Documents. Publication de l'union Hellénique de Suisse, Genéve. 1917.

4) Le départ du roi Constantin, Verités inédites. Documents. Publication de l'Union Hellénique de suisse Genéve. 1917.

5) Strupp. La situation internationale de la Gréce. Gürich. 1918.

6) Sell, Geschichte Griechenlands während des Krieges (Доклад, читанный в Кильском институте международного права), Nimeyers Zeitschrift für Internationales Recht, XXVIII Band, 1 – Heft,, 1919.

Вся эта литература ставит целый ряд вопросов, прямые ответы на которые даются лишь подлинными дипломатическими документами, без прикрас и сокрытий истины рисующих мрачную действительность.

Правительства Антанты ссылались на защиту ими греческой конституции в оправдание своих действий в отношении Греции. Они утверждали, что воля греческого народа, выразителем которой ими признавался Венизелос, деспотически подавлялась Константином и правительствами Гунариса, Заимиса, Скулудиса. Между тем, в публикуемых здесь документах имеются признания дипломатов Антанты в том, что греческий народ, измученный двумя балканскими войнами, не был в состоянии воевать и жаждал мира, и что этим именно и об'ясняется популярность Константина, сопротивлявшегося вовлечению Греции в войну дипломатией Антанты и Венизелосом.

---

[1]) Ближайшее участие в выборке и подготовке к печати прилагаемых дипломатических депеш принял А. Ф. Сперанский.

Наконец, особый интерес для русского читателя представляет возможность ознакомиться с деятельностью русской дипломатии военного времени, убедиться в полном подчинении ее французской и в совершенной неискренности ее доверия к обещанным России «военным выгодам»; как оказывается, обещание Константинополя, угрозой пересмотра которого, французами и англичанами Извольский терроризировал Сазонова, (депеша Извольского от 29 сентября/12 октября 1915 г.), служило таким же орудием шантажа в Петрограде, как одновременное возбуждение в Афинах и особенно в венизелистском лагере надежд на греческую оккупацию Константинополя. (Депеша Демидова от 28 февраля/23 марта 1915 г.).

VI. Великая или малая Греция?

Уже в августе 1914 г., Венизелос доказывал другим министрам и королю необходимость присоединения Греции к Антанте; аргументация его сводилась к тому, что в случае победы центральных держав, окрепшая Турция выселит всех греков из Малой Азии, и Греции придется поневоле воевать в защиту единоплеменников, но уже в одиночку и без помощи союзников; в случае же победы Антанты без участия в ней греков — Греция не получит ничего при разделе Турции [1]).

Естественным возражением против планов Венизелоса была «болгарская опасность», невозможность двинуть армию против Турции и тем открыть греко-болгарскую границу. Венизелос на это возражение отвечал радикальным проектом решения вопроса, внушенным ему союзной дипломатией, хлопотавшей в это время о привлечении на свою сторону и Греции, и Болгарии; он предлагал отдать болгарам Драму, Серрес и Кавалу, как ничтожную плату за предстоящие приобретения в Малой Азии [2]).

Замечательно, что в январе 1915 г. Венизелос соблазнил Константина Смирной, а *в феврале — Константинополем*. Что соблазны эти не рождались в пылкой фантазии Венизелоса, а внушались ему англо-французской дипломатией — совершенно очевидно. Прилагаемые сообещния Демидова, Извольского и др. говорят о том, что представители Антанты [3]), совещаются и открыто и секретно с Венизелосом, вырабатывая сообща с ним планы своих действий. Со своей стороны, Венизелос деятельно помогал Антанте уже в первые месяцы войны. Так близкий к нему греческий посланник в Константинополе Панас, блестяще организовал осведомление не только Венизелоса, но и правительств Антанты; при обыске в его квартире найдена была радио-станция, устано-

---

[1]) Письмо Венизелоса к Константину, напечатанное в Temps 25/VIII 1917 г.

[2]) Письмо Венизелоса к Константину 11 января 1915 г., напечатано в Times 22/IV 1915 г.

[3]) За исключением Италии, старающейся охладить отношение правительств к Венизелосу.

вленная в рояли. Предложения Венизелоса в Афинах об отправке греческого корпуса и флота на завоевания Константинополя, были всецело сообразованы с секретными предположениями союзников о предстоящих операциях в Галлиполи и Салониках. Таким образом, Константинополь служил одновременно средством обольщения Афин и Петербурга.

3 марта королевский совет в Афинах обсуждал проект Венизелоса. Болгария к этому времени заключившая (в феврале) заем в Германии, после неудачи у финансистов Антанты определила этим уже достаточно свою позицию. 14 февраля началась бомбардировка Дарданел, но войск для дессанта в Галлиполи у союзников еще не было. Проект Венизелоса и заключался в том, чтобы послать 50-титысячный греческий корпус на завоевание Константинополя. На указания усилившейся опасности со стороны Болгарии, он отвечал изменением своего проекта: уменьшением экспедиционного корпуса до 15.000, с подкреплением его военными судами.

На второй день обсуждений королевского совета (министры и бывшие премьеры), венизелисты, особенно беженцы из М. Азии, манифестировали, требуя об'явления войны.

Константин, поддерживаемый в свою очередь германофильской группой (королева, сначала гр. Мирбах, потом барон Шенк, министр иностранных дел Стрейт, германский военный атташе, барон Фалькенгаузен), не сдавался на доводы Венизелоса, прибегнувшего к последнему средству давления — прошению об оставке.

6 марта она была принята. 10 марта Демидов сообщает об образовании кабинета Гунариса.

Новый кабинет представлял «мало-греческую» программу,—сохранение балканских приобретений, нейтралитет и отказ от велико-греческих «соблазнов» в М. Азии. Демидов излагает соображения нового министра иностранных дел о необходимости для Греции «закрепить тепершнее достояние ранее, нежели пуститься на новые приращения». Но министр охотно шел навстречу мысли о выступлении Греции на стороне Антанты, при благоприятной обстановке, и не оставлял сомнения,, что в момент решительных успехов Антанты, Греция весьма легко могла бы быть поднята против Турции или Болгарии.

Демидов счел необходимым рассеять недоразумения по вопросу о Константинополе. «Озадаченный» министр был явно к этому неподготовлен; более того, он отнесся к сообщению Демидова с откровенным недоверием.

... «Озадаченный министр спросил меня, *убежден ли я в сочувствии Англии нашему безраздельному господству в Константинополе и над проливами,* и не предвидится ли по этому поводу затруднений со стороны других государств».

Затем греческий министр заговорил о многочисленном греческом населении Константинополя и праве его на самоопределние (!) и, наконец, осведомился у Демидова, «разрешено ли было бы греческим войскам при случае (!) вступить с союзниками в Константинополь».

Ответ Демидова понятен: Англии верна и преданна России, и счастлива передать Константинополь русскому царю; о царьградских греках, русская администрация позаботится, так что, «беспокоиться о них нечего»; «вступление же греческих войск в турецкую столицу мы признаем отнюдь не желательным, хотя бы во избежание недоразумений (!), а может быть и беспоряков (!)».

Зная теперь, как старался Венизе́лос увлечь Константина в Константинополь, нельзя не подивиться неосторожности русского дипломата и не отнестись к нему в то же время с полным снисхождением, в виду безнадежно-глупого положения, в которое поставлены были соблазнителями и Венизелос, и Сазонов. Во всяком случае, эта беседа должна была убедить афинских министров в совершенной неосновательности венизелистских планов.

На принятие королем отставки Венизелоса, Франция ответила занятием островов. В Афинах дипломатия Антанты перешла от политики соблазнительных обещаний к угрозам столковаться с Болгарией за счет «недавних греческих приобретений», и ликвидировать греческую морскую торговлю. Из телеграммы Гирса от 6 мая видно, что переговоры с Болгарией в этом смысле действительно велись.

Гунарис пытался смягчить суровых покровителей вступлением в переговоры об условиях присоединения Греции к Антанте и, в частности, все того же похода на Константинополь. Между тем, Константин, не питал никаких иллюзий относительно этих условий. В августе 1915 г., в разговоре с итальянским посланником, по сообщению Гирса, «его величество благодарил судьбу за то, что ему удалось сохранить нейтралитет» и «откровенно *называл подвохом* предложения держав Согласия».

В новую палату депутатов венизелисты вернулись в большинстве и на другой день после открытия ее, 17 августа, Венизелос вернулся к власти.

С этого времени Греция представляет государство, в котором фактически и почти открыто существует два правительства. Константин предупреждает о нейтралитете Греции в случае нападения Болгарии на Сербию, в виду общеевропейского характера войны; в то же самое время Венизелос сообщает Германии, союзникам и Сербии, что Греция выступит в защиту Сербии. Венизелос настаивает перед союзниками об ускорении подвоза десантных войск в Салоники; король заявляет, что высадка их будет ничем не оправдываемым нарушением нейтралитета Греции; Венизелос в свою очередь спешит сопроводить это заявление короля заверением, что Греция ограничиться бумажным протестом.

Наконец, открытое и «преждевременное», по мнению Демидова однако, в действительности, строго согласованное с высадкою союзнических войск в Салониках, выступление Венизелоса в палате против центральных держав, заставило испуганного Константина принять его отставку—7 октября 1915 г.

Это раздвоение правительственной власти отражало международное и внутреннее положение Греции, лишенной какой бы то ни было государственной самостоятельности и увлекаемой извне на роковую дорогу военных авантюр (мы знаем теперь, куда эта дорога привела ее), непреодолимыми силами иностранного капитала и иностранной дипломатии. Авторитетный английский источник прямо заявляет, что поведение Греции зависело исключительно от держав Антанты:

«К несчастью державы Антанты не усилили позиции Венизелоса (своевременной) посылкой войск, которая спасла бы Сербию и совершенно изменила военную ситуацию на Балканах. Они расчитывали на выступление Греции, тогда как в действительности выступление Греции, зависело от их собственных действий» [1]).

Английский посланник ультимативно потребовал в личной беседе с королем, чтобы морским министром в новом кабинете назначено было надежное с английской точки зрения лицо; король перед угрозой «учредить строжайшее наблюдение за греческими берегами» выразил готовность к послушанию и даже заявил, что уход Венизелоса не меняет положения: «высадка союзных войск может идти своим чередом». (Демидов, XXVI). Новый министр иностранных дел заявил союзным представителям — также как накануне заявил британскому посланнику Эллиоту Константин, — что его кабинет «будет придерживаться, по примеру, предшествующего, политики благожелательного, по отношению к державам Согласия, нейтралитета». (Демидов, XXVII).

Но нейтралитета, даже и благожелательного — союзники, очевидно, решили не допускать: Англия предложила пред'явить Греции ультиматум с выбором (в 48 часов), либо испытать *«серезную перемену в отношении к ней Англии,* либо, в случае согласия на военное выступление, получить в качестве вознаграждения, болгарскую Фракию до Деагача» (Демидов, XXXII); Сазонов, «готов горячо (хотя и скрепя сердце!) поддержать это предложение». (Сазонов, XXXIII); Венизелос заявляет, что «обещание Греции державами Согласия болгарской Фракии дало бы ему возможность подготовить поворот в общественном мнении в пользу выступления», рекомендуя в то же время прижать греческое правительство к стене одновременной угрозой «принудительными мерами» (Демидов, XXXIV); Виviани присоединяется к этому проекту — на другой день после того, как он об'явил в парижской палате, что высадка союзных войск в Салониках имеет единствен-

[1]) The Times History of the War, XIII, 304.

ной целью охранять бухарестский мир... Соннино предпочел бы, чтобы это обещание дано было Англией от своего имени с тем, чтобы оно «не связало окончательно руки всему четверному Согласию», но не хочет идти против общего решения (Гирс, XXXVII). Но в последнюю минуту, картина меняется, и Англия действительно обращается в Афины с «просьбой» оказать помощь Сербии, обещая за немедленное выступление Кипр. (Демидов, XXXVIII). Бенкендорф в Лондоне получает раз'яснение, что в успех этого предложения там не верят (Бенкендорф, XXXIX). И действительно, Заимис заявляет 20 октября н. ст. Эллиоту, в присутствии Демидова, что Кипр не может соблазнить греческое правительство, ибо Греция, в случае немедленного выступления, подвергнется немедленному же и полному разгрому.

VII. Борьба за нейтралитет.

К началу второго периода борьбы за нейтралитет, открывшегося, как мы видели второй отставкой Венизелоса, державы Согласия пришли к решению сначала сосредоточить в Салониках достаточное количество войск, а затем, имея это подкрепление, «заговорить с Грецией энергично». (Гирс, 8 и 13 октября). На вторичную победу венизелистов на выборах ни у самого Венизелоса, ни у дипломатов Согласия не было надежд: греки поняли, что дело идет не о добросовестном соблюдении нейтралитета, как бы он ни был благожелателен в отношении Антанты, а о новой войне. И союзная дипломатия прекрасно видела, что масса населения перенесла свои надежды с Венизелоса на Константина в виду «общей неохоты населения, утомленного двумя войнами, приступить к третьей». (Демидов, 5 ноября н. ст.).

Тем не менее, «фактическая зависимость Греции от держав Согласия». (Извольский, 6 ноября) должна была, по убеждению союзников, сделать свое дело и без Венизелоса. И, действительно, глава нового греческого министерства, Скулудис, вступивши в исполнение своих обязанностей, поспешил заявить союзникам, что «греческое правительство имеет твердую решимость продолжать свой нейтралитет с характером искреннейшего благожелательства по отношению к державам Согласия и к союзным войскам в Салониках». (Извольский, 10 ноября). Заявление это было принято с большим удовлетворением; в Париже «оно произвело вполне благоприятное впечатление».

Но, вдруг, почти в тот же день, в Париж, Лондон, Рим и Петроград летят тревожные телеграммы: в виду отступления сербских войск на греческую территорию и угрозы военных действий в пределах Греции, афинский совет министров решил разоружить сербские войска. Союзные представители в Афинах, узнавши об этом от Скулудиса, сообща предложили своим правительствам потребовать письменной гарантии относительно сербских и союзных войск, с одновременным устройством морской демонстрации в Пирее.

(Демидов, 10 ноября). В тот же день посылается сообщение, из которого видно, что в действительности, греческое правительство поставило вопрос в отношении будущего, что оно ищет само какого либо иного выхода из положения и что Скулудис, «очевидно поставил себе задачей охранять до последней возможности нейтралитет Греции». (Демидов, 10 ноября). Тем не менее, под предлогом угрозы немедленного разоружения *союзнических* войск, в Париже и Лондоне состоялось решение послать в Пирей англо-французскую эскадру. По прибытии этой эскадры от греческого правительства должны были быть затребованы гарантии, но не «письменные», а весьма реальные: передача на время войны управления Салоник союзникам и предоставление для их войск и укреплений определенной зоны Извольский, 12 ноября).

11 ноября 1915 г., был распубликован «после долгих колебаний» декрет о роспуске греческой палаты депутатов, с назначением выборов на 6 декабря. Венизелос решил, что партия его будет бойкотировать эти выборы, — очевидно, настроение избирателей не подавало никакой надежды на успех. Он добивается «появления в греческих водах союзных эскадр», хлопоча, разумеется, о том, чтобы эти странные со стороны «великого патриота» домогательства не получили огласки. (Демидов, 12 ноября).

15 ноября решено было — в Париже и Лондоне, конечно, — имея наготове сильную англо-французскую эскадру, потребовать от греческого правительства предоставить союзникам не только Салоники, но и железные дороги и при том, «в условиях полной безопасности» для союзных войск... Если бы переговоры приняли неблагоприятный оборот, эскадра тотчас (по об'яснению Бриана), подойдет к Пирею, причем, в случае надобности, она не ограничится простой демонстрацией, а предпримет решительные действия». (Татищев, 15 ноября).

21 ноября прибыла в Милос союзная эскадра. На запрос Скулудиса о значении этого события, французский посланник с неподражаемым остроумием и цинизмом ответил, что цель появления союзного флота в греческих водах — «облегчить греческому правительству задачу убеждения германцев в неизбежности удовлетворить требования держав Согласия». Король немедленно пригласил к себе итальянского посланника и излил ему свои горькие чувства «неслыханного обхождения Англии и Франции с Грецией», добавив, что в принятых ими мерах он видит не что иное, как «средство давления на Грецию, чтобы вывести ее из нейтралитета». Итальянский посланник без всяких околичностей и дипломатических прикрас, ответил, что именно «такая возможность державами здесь имеется в виду». Тогда Константин, выведенный из терпения, заявил, что «чтобы ни было, решение его сохранить нейтралитет бесповоротно». (Демидов, 22 ноября).

Между тем, успех салоникской экспедиции превратился в Париже из третьестепенного вопроса о помощи Сербии и о безопасности союзнических войск, в проблему величайшей важности: «даже, если союзные войска

добровольно покинут Салоники — с трепетом сообщал Сазонову Извольский из Парижа 25 ноября, — следует ожидать неизбежного министерского кризиса, ибо Вы изволите вспомнить, что падение предыдущего кабинета было вызвано именно возражениями против салоникской экспедиции со стороны Делькассе... Уверяют даже, что подобный исход может пошатнуть положение президента республики». Во всяком случае виноватой должна была оказаться Россия. «Не могу скрыть от Вас, — грозно добавлял Извольски, — что упреки эти (в неоказании достаточной помощи французам), слышатся по адресу России».

В виду этого, в порядке «крайней спешности», французским посланником от имени четырех союзных представителей, 26 ноября, вручен был греческому председателю совета министров первый ультиматум в виде меморандума, содержавшего требования об удалении греческих войск из салоникского района, передачи союзникам железных дорог на Криволак и Монастырь, осмотра всех судов и лодок в греческих водах.

Греческое правительство из'явило 28 ноября, н. ст., готовность разрешить первые два вопроса, после совместного выяснения «способа осуществления» эти требований, и безропотно терпеть хозяйничание союзных судов в греческих водах. «Трудно, на самом деле требовать, — замечает сконфуженно Демидов, — чтобы правительство письменно обязалось допустить у себя действия, идущие прямо в разрез со всякими правами нейтралитета». Эта первый раз прозвучавшая здесь нота сомнения, как мы увидим, в дальнейшем повторяется все чаще и сильнее.

Однако, когда король пригласил к себе русского посланника с тем, чтобы попытаться у него найти то сочувствие, в котором отказал ему итальянский представитель,—Демидов, конечно, «настаивал на безусловной необходимости и спешности обеспечить союзным войскам свободу действий». Демидов, «пытался — по его собственному наивному признанию — разубедить короля в скрытом желании держав вовлечь Грецию в войну, несмотря на то, что сам же Демидов сообщал об откровенном заявлении своего итальянского коллеги по этому вопросу. На убеждения русского посланника изменить общую линию политики, Константин ответил указанием, что дела союзников обстоят столь неважно, что связывать с ними судьбу Греции было бы с его стороны неблагоразумно. При этом он не удержался от соблазна поучить царского дипломата, как надо вести внутреннюю политику, совмещая конституцию с самодержавием. По узости политического кругозора, он, конечно, не мог предполагать, что царский дипломат в донесениях царскому министру иностранных дел будет вскоре обличать греческую политику, «катящуюся по наклонной плоскости к личному режиму».

Ответ греческого правительства не удовлетворил Бриана, который продолжал энергично настаивать в Лондоне на необходимости пред'явить Греции категорические требования с *одновременным стеснением доставки ей продовольствия* и, вслучае надобности принятием других принудительных мер.

«Бриан, который взял на себя инициативу, по истине чудовищного, плана *голодом* вынудить Грецию к отказу от нейтралитета, был возмущен предложением Константина способствовать выводу союзных войск из Салоник, — предложением, внушенным, однако, Константину, по заявлению самого Бриана, никем другим, как Китченером. И как сообщает от 3 декабря 1915 г. Извольский, французское правительство не дожидаясь принятия этого плана Англией, «*уже приняло со своей стороны меры для стеснения доставки в Грецию продовольствия*»...

Благородная французская республика ,неизменная защитница цивилизации, гуманности, свободы, — забудет ли когда нибудь благодарное потомство это великое открытие, сделанное ею, в области международного права цивилизованных народов!

Что можно сказать в оправдание ее? Что над головами французских министров висел Домоклов меч отставки? Действительно, англичане не поддавались на убеждения Бриана, а «если бы ему не удалось убедить англичан, то, по словам Камбона, это может привести к министерскому кризису». Между тем, «первый солдат Великобритании», Китченер, решительно предпочитал очистить Салоники.

Россия и Италия поддержали на междусоюзническом совещании в Кале Бриана. Китченер после долгих колебаний, согласился на отсрочку эвакуации Салоник. Британскому посланнику в Афинах было предписано из Лондона «присоединиться к Гильмену, (французский посланник в Афинах), чтобы испросить согласие греческого правительства на занятие всех пунктов, которые окажутся необходимыми для их обороны, сколько бы времени не продолжалось их (союзных войск) пребывание в Салониках». А затем, «по просьбе английского и французского посланников», итальянский и российский посланники «заявили о полной своей солидарности с их требованиями».

8 декабря н.ст., французский посланник в Афинах, получил сообщение о решении своего правительства приступить к задержанию всех греческих судов во французских портах. Демидов отмечает, что мера эта «принята до выяснения хотя бы первого результата военного совещания в Салониках, (обсуждавшего технические способы исполнения союзнических требований) и что «английский военный агент высказывается за оставление балканского предприятия». Но Грей и Китченер, прибывшие в Париж соглашаются в конце концов, на продолжение балканской операции, под давлением Франции, поддержанной письмом Николая II к королю Георгу. В английских портах приступили к задержанию товаров, предназначенных для Греции. Гильмену поручается предупредить Константина, что союзное комадование в Салониках (ген. Саррайль) немедленно приступит к осуществлению мер, указанных в меморандуме 26 ноября. Ответ греческого короля: «Берите, что вам нужно, не обращайте внимания на наши протесты, и пусть английский генерал поступает точно также». Несомненно, телеграфирует 11 декабря Демидов, — применение давления на Грецию оказало свое влияние на

ее уступчивость. Злоупотреблять же этими средствами, по моему не следует. «Полагал бы желательным постепенно снимать запрещение ввоза». Тем временем и итальянское правительство приступило к задержанию греческих судов.

Продолжение «голодной» блокады не оправдывалось ничем, кроме придирок ген. Саррайля к греческим чиновникам в Салониках. Но французское правительство не имело в виду выпустить Грецию из своих когтей; оно решило «учредить рационирование Греции, постепенно удовлетворяя ее насущные нужды, но не допуская образования здесь сколько нибудь крупных запасов», — как формулирует это «правильное» по его мнению решение Демидов.

Теснимые германо-болгарскими войсками союзнические силы отступают из Македонии на греческую территорию. Бриан не стесняется прикрыть их от дальнейших опасностей флагом Греции: «есть основание думать, сказал он Извольскому 15 декабря,—что германские войска, в силу состоявшегося между Грецией, Болгарией и Германией соглашения, не перейдут греческой границы».

Можно подумать, что такие расчеты обязывают к некоторой благодарности.

Напротив: 16 декабря представители четырех союзных держав вручили Скулудису новый меморандум по поводу «препятствий, чинимых греческими властями к исполнению обещаний греческого короля» с предупреждением, что «подобные акты более не будут допускаться». Разговор при этом принял «крайне острый оборот, когда Скулудис заявил, что он отказывается принять нашу памятную записку. Посланники со своей стороны не пожелали взять ее себе. Так как беседа происходила у Скулудиса, то записка все-таки осталась у него... А между тем, инструкции, посланные греческим властям, — по сообщению Демидова, — показались нам удовлетворительными».

Чем же занималось в действительности греческое правительство?

Во-первых, оно пунктуально выполняя обязанности, налагаемые нейтралитетом и перечисленные в каждом французском и английском руководстве по международному праву, «письменно и оффициально» протестовало в Париже и в Лондоне против сооружения союзными войсками укреплений на греческой территории, не совместимых с нейтралитетом Греции, с ее суверенными правами и территориальной неприкосновенностью «и способных» создать положение, находящееся в противоречии с состоянием нейтралитета, бесповоротно принятым Грецией и, в свою очередь, признанным державами четверного Согласия».

Во-вторых, «греческое правительство прилагает усилия, чтобы предотвратить вторжение на греческую территорию австро-болгарских войск, указывая на затруднительность в противном случае дальнейшего сохранения нейтралитета».

Сообщая об этом, Демидов не может не оговориться, что «Германия едва ли может относиться безучастно к образованию на греческой территории нового фронта и сильной союзной армии»... Но греческие переговоры должны дать «время союзникам организовать оборону». А если в конце концов, Германия не останется «безучастной» к выполнению «русско-французского плана» и не оправдает хитрых расчетов Бриана на прикрытие армии ген. Саррайля флагом нейтральной Греции?.. Тогда, во-первых, будет пред'явлен новый счет России, а во-вторых, Греция будет обвинена в предательстве, Константин получит в добавление к почетному титулу «булгаробойцы», звание «рупельского изменника», а греческий народ подвергнется сугубой пытке голодом.

В декабре состоялись в Греции законодательные выборы. Венизелисты благоразумно воздержались от участия в них, и Венизелос об'явил бойкот вполне удачным. Избирательная борьба происходила между остальными политическими кликами. Правительство получило, как все и ожидали, большинство. Накануне созыва новой палаты по инициативе и личной просьбе Венизелоса, союзные посланники поставили на вид Скулудису «ущерб, причиняемый интересам Согласия *намеченным* правительством повозглашением военного положения в Афинах».. Одновременно в Париже разрабатывался вопрос о том, какие «продукты, необходимые для существования Греции», не должны пропускаться в Грецию, «если понадобятся меры экономического (!) воздействия на Грецию». Константин в беседе с английским посланником, протестует против политики французского правительства и против вмешательства во внутренние дела; необходимость об'явления военного положения он мотивирует венизелистской агитацией, направленной лично против него. При этом, Константин заявил, что Греция желает лишь «сохранить свое настоящее достояние, поддерживать хорошие отношения с Турцией и не желает видеть русских в Константинополе». Английский посланник благосклонно принял это замечание, которым Константин, очевидно, и хотел оказать ему любезность. «А мобилизация»? — спросил Эллиот. «При успешном для союзников обороте дела, Греция всегда может к ним присоединиться». «*Тогда надо спешить*, — заметил Эллиот, — *иначе будет поздно*».

Наибольшую энергию проявляют и теперь французы: Саррайль производит «захват консулов в Салониках» (выражение Демидова), — против чего афинское правительство, конечно, энергично протестует в Париже и Лондоне. Одовременно оно протестует и против воздушной боммардировки германцами греческой территории. Через день или два оно протестует против занятия французами острова Мителены, потом острова Кастелоризо, но тут уже энергия французов, по сообщению Демидова, производит «неприятное впечатление» и на Соннино. Камбон нашел даже по этому случаю настроение Соннино «опасным». Итальянское правительство осталось при особом мнении и по вопросу о мерах принятых в Афинах против венизелист-

ской агитации. На аудиенции, данной корреспонденту «Русского Слова»... «король сказал, что ему известно, что Италия сочувствует этой мере», ибо «Италия опасается возвращения к власти Венизелоса»...

Этот вопрос о военном положении в Афинах — поднятый Венизелосом очень занимает союзных дипломатов. Почему так обеспокоился Венизелос? Почему так энергично выступил Гильмен против *намерения* афинского правительства об'явить Афины на военном положении? И почему, наконец, Константин так настаивал на этой мере?

Информация Демидова не дает полного ответа на все эти вопросы,— один лишь раз настроение в Афинах он определяет, как весьма тревожное.

Надвигались, однако, события, о которых не могли не знать лица, игравшие в них роль руководителей и вдохновителей.

Не даром-же уравновешенный Эллиот предпреждал короля:

— Надо спешит, — иначе *будет поздно.*

Что значили эти слова? Понял-ли и верно-ли понял их король?

Тревога начинает проникать в ряды самих охотников, преследующих свою жертву. С недоверием дипломаты оглядываются друг на друга и, все подозрительно следят за Францией.

В итальянском министерстве иностранных дел, по доверительному сообщению, сделанному Демидову итальянским посланником в Афинах, косятся на занятие французами Корфу. «Он (итальянский посланник) указывает в Риме на настоятельность высадки итальянского отряда на острове, ибо французы по его мнению с *трудом очистят Корфу, особенно при военных успехах, способных поощрить заносчивость и империалистические замашки Франции.* «В Лондоне король Георг восстает против намерения французов занять остров Крит, где впрочем, немедленно устраивают собственную базу, «без предупреждения о том греческого правительства», сами англичане.

Итальянцы упорно уклоняются от участия в салоникской экспедиции, но требуют согласия Бриана на посылку на остров Корфу 200 карабинеров. Когда по поводу итальянского десанта в Афинах обнаруживается всеобщее неудовольствие, Соннино, признавая, что «ненависть греков против итальянцев, коей не чужд и сам Венизелос, достигает крайних пределов», заявляет что, «к сожалению французский посланник в Афинах поддерживает это чувство греков».

Русский посланник начинает тоже с большим вниманием приглядываться к общей обстановке и к действиям французской дипломатии. Ему «весьма доверительно из достоверного (нетрудно догадаться из какого) источника сообщают, что *французское правительство предоставило в распоряжение Венизелоса два миллиона франков на предмет пропаганды в войсках».*

Когда французский посланник представил на одобрение своих коллег текст ноты греческому правительству, в которой говорилось, что переход власти к венизелистскому правительству (Салоникскому) на некоторых островах произошел по инициативе самого населения их,—Демидов, выра-

жая готовность подписать эту ноту, замечает, что он «далеко не убежден в правильности этого утверждения, особенно в отношении Кефалонии, будто само население пожелало примкнуть к Венизелосу», и деловым образом поясняет свою мысль: «Во многих местностях либеральное движение сводится к готовности признавать власть, которая наилучше обеспечит жителям продовольствие». Царская отметка на донесении Демидов от 1 мая н. ст. отражает смутное недоумение: греческий королевич заверил царя, что «Греция предоставит все свои транспортные суда для перевозки сербских войск через Коринфский залив, но что Франция этого не хочет». Сазонов, обеспокоенный оттеснением России в Афинах на задний план, поднимает вопрос о подкупе греческой пресы и организации собственной информации (*«правильная* ориентировка в вопросах балканской политики *в желаемом для нас смысле»*,—по удачной формуле Демидова). Наконец, положение в значительной мере раз'ясняется и вызывает крайнее негодование Николая II, когда Демидов передает в Петроград (27 июня 1916 г.) сведение полученное им от близкого французскому посланнику Гильмену лица, *«о предвиденой им* (Гильменом) *эвентуальной перемене династии в Греции и выставлении в таком случае кандидатуры на греческий престол принца Луи Наполеона»*. «Это ни на что не похожее—приписывает на этом сообщении разгневанная царская рука:—Поведение французского посланника весьма предосудительно».

Через несколько дней парижский оффициоз открывает антидинастическую компанию. Демидов, сообщая о впечатлении, произведенном статьей в «Тан» на Заимиса, впервые солидаризируется с греческим правительством: «Мне неизвестно,—телеграфирует он,—насколько *французские увлечения* соответствуют общим видам союзников, но *у меня бесспорно имеются признаки подобного крайнего направления, могущего проявиться на деле»*.

На этой почве родственого и «корпоративного» негодования Николая II против анти-династической интриги—произошло, наконец, сближение между греческим правительством и русской дипломатией. Заимис, сменивший Скулудиса, в июле жалуется Демидову на действия ген. Саррайля в Салониках, потребовавшего выдачи ему греческих офицеров, разгромивших редакцию венизелистской газоты; греческий премьер указал при этом, что «обладая цензурными правами, Саррайль не принял мер против газеты, произведшей самые грубые нападки на греечского короля. С этим взглядом,—добавляет Демидов—я готов согласиться».

В 1916 год, к первому полугодию которого относится изложение настоящей главы, Греция вступила с правительством Скулудиса, которое в демонстративном выступлении своем против политики держав Согласия и в защиту государственной независимости Греции, получило от афинской палаты вотум доверия 266 голосами против *одного*, при 5-ти воздержавшихся.

Декларация правительства протестовала против «внешнего давления, производимого державами Согласия в отношении Греции с целью изменения

греческого политического курса, принятого во имя национальных интересов и в согласии с национальными желаниями. Председатель совета министров отметил среди многочисленных посягательств на суверенитет Греции, нарушение вечной нейтральности Корфу (гарантированной нарушителями ее в 1863 г.) и занятие Карабурну, сопровождавшееся угрозами и насилиями». Он не скрыл, что предвидит дальнейшие осложнения, но «каковы бы ни были последствия несогласованности греческой политики с требованиями могущественных мира сего, страна должна сознать, что ущерб, понесенный при этом направлении политики несравненно меньше, по сравнению с разорением, которое ожидало бы греков при ином политическом направлении».

Этой декларацией и этим вотумом правительство и палата вынесли себе смертный приговор.

7 апреля французское правительство уведомило Извольского, что оно «считает необходимым произвести на Грецию экономическое давление путем более строгой морской блокады», рассчитывая, что «эта мера вызовет неудовольствие греков против нынешнего правительства и может быть приведет к падению кабинета Скулудиса».

Английское правительство озабочено, однако, сохранением греческой армии, которой оно рассчитывает воспользоваться для осуществления своих особых планов; голодная блокада приведет Грецию к демобилизации; поэтому оно предпочитает воспользоваться безденежьем греческого правительства и обусловить новый заем переменой греческой политики.

Иначе смотрит на дело французское правительство. Не высказывая, впрочем, своей точки зрения, оно прилагает все усилия именно к осуществлению греческой демобилизации. Неизменный пока еще, хотя и безсильно будирующий временами, сателлит французской дипломатии, русское правительство пытается также заглянуть в неведомое будущее и найти в нем оправдание для своего единомыслия с французами: зачем нам греческая армия?—спрашивает Демидов,—в конце-концов она может завести Грецию в запоздалом хотя бы союзе с державами Согласия, в такие области, где для России присутствие греков совершенно нежелательно. Итальянское правительство всецело разделяет это мнение по своим собственным соображениям. Таким образом, Англия со своими возражениями против усиления голодной блокады остается одинокой.

В то же время французское правительство поднимает с прежней тревогой и энергией вопрос о том, что по имеющимся у него сведениям, Греция накануне введения *осадного положения*.

Баррер (французский посол в Риме) запрашивает Сонино, согласится ли Италия выступить в защиту подпадающей под угрозы репрессий партии Венизелоса. Ответ Сонино, конечно, уклончив, хотя и не содержит решительного отказа. Петроград медлил прямым ответом на аналогичный запрос Бриана, но «Палеолог еще ранее телеграфировал, что Вы заявили ему о Вашей готовности присоединиться ко всем мерам, которые покажутся

здесь (в Париже) необходимыми». В Лондоне к предложенной Брианом мере— морской демонстрации—отнеслись несочувственно.

Французское правительство настаивает на своем. Бриан спешит в Лондон убеждать Грея согласиться на французский план.

Между тем, Скулудис на запрос французского и британского посланников ответил, что «названная мера (введение военного положения) пока не имелась в виду и не была обсуждена в совете министров, оговаривая однако, что таковая относится к вопросам чисто внутреннего распорядка и что правительство к ней прибегнет, если сочтет это нужным».

Разумеется, это дела не меняет. Воздержание Италии тоже не охлаждает энергии французского правитльства. Неукротимый Гильмен привлекает на свою сторону английского посланника Эллиота, который вскоре в этом будет раскаиваться, но пока принимается убеждать великобританское правительство в необходимости потребовать от Греции «ряда требований, в число коих входит смещение нынешнего правительства, с заменой его деловым кабинетом, роспуск палаты и демобилизация. Требования эти должны быть подкреплены посылкой военных судов в Салоники, Патрас и Воло и высадкой войск в Пирее». Сообщая об этом в Петроград Извольский добавляет: «Бриан склонен к немедленному принятию самых энергичных мер, но встречает противодействие со стороны лондонского кабинета. Он выезжает сегодня вечером в Лондон и приложит там все старания к тому, чтобы устранить это противодействие».

«Исключение Италии (отказ ее от участия в этом выступлении) тем более обосновано, — комементирует эту программу Демидов что союзница наша преследует в Греции другие цели и сама вряд ли согласилась бы принять участие в шаге, направленном к оздоровлению Греции и *восстановлению ее в глазах держав*». В усердии своем Демидов предлагает даже «самую строгую блокаду».

На совещании в Лондоне требования были сокращены: от смещения правительства и роспуска палаты отказались, но требование полной демобилизации осталось. Частичную демобилизацию греческое правительство уже осуществило, но было предупреждено, что это не смягчит блокады. В результате этого совещания (по установленному порядку, без участия России) была отправлена телеграмма в Афины Эллиоту и Гильмену следующего содержания: «Союзные правительства не требуют, чтобы Греция нарушила свой нейтралитет. Только вследствие настояний греческого правительства они отдали распоряжение занять Салоники....» Они имеют многочисленные и вполне убедительные причины для того, чтобы заподозреть нынешний кабинет, поведение которого в отношении их не согласуется с принципами лояльного нейтралитета...» Заботясь о спокойствии и мире в Греции, державы «ограничиваются требованием формального заявления о том, что военное положение... не будет об'явлено; замены полицейских чиновников, поведение которых, повидимому внушено иностранными державами; расши-

рения демобилизации, которая уже начата по их указаниям». Эта декларация, подкрепленная уже усилением блокады, должна была быть пред'явлена Скулудису и опубликована для широких кругов населения.

Соннино заявил, что Италия всецело поддерживает пункт о демобилизации, но все остальное «считает вмешательством во внутренние дела Греции, на что могут иметь права лишь державы-покровительницы, в число коих не входит Италия... Он не желал бы участия Италии в их пред'явлении»—в виду «ненависти греков против итальянцев», подогреваемой французским посланником в Афинах.

Французский посланник, в согласии с парижскими инструкциями восстал против исключения пункта о смещении правительства; он добавил даже требование о недопущении к власти не только Скулудиса, но и Раллиса и Гунариса. Большое волнение вызвала «ссылка (на которой настаивал Грей) на факт приглашения Венизелосом союзных войск в Грецию». Демидов, заодно с Гильменом, восставший против этой сылки, не оспаривает этого факта, а говорит, что это «*не вытекает из официальной переписки*» *и не только скомпрометирует Венизелоса и сыграет в руку правительства, обвиняющего его в государственной измене,* но отчудит от нас *последние* симпатии наших поборников в Греции». А так как и без того афинокое население начало громить антанто-фильские (венизелистские) редакции и «утрожало союзным миссиям», то русский посланник просил «положить этому конец показанием солидарности, строгости, а в случае надобности и силы»,—слова, которые вызвали живейший отклик в сердце Николая II.

«Упоминая о приглашении греческим правительством союзных войск в Салоники,—настаивает и на следующий день Демидов—мы даем... сильнейшее орудие против Венизелоса в руки враждебного нам кабинета... Запрошенный нами Венизелос настолько возмущен сылкой, что он поручил английскому посланнику сделать от его имени призыв к лояльности и честности Грея прося исключения фразы не в виде услуги, а как бесспорного, его, Венизелоса, права. При таких условиях мы (Демидов, Гильмен, Эллиот) сообща решили воздержаться от вручения ноты... и просить дальнейших инструкций».

Настойчивости и ловкости французской дипломатии отвечали результаты, достигнутые ею: Демидов заключил свои телеграммы Сазонову просьбой добиваться в Лондоне согласия на решительные меры (смещение кабинета). Извольский после получения очередных инструкций от Бриана, предвосхищал согласие Сазонова на французскую программу требований (добавлявшую еще и выбор начальников греческой полиции союзниками). Одновременно Бриан через французского посла в Лондоне, требовал от Грея согласия на эти требования, дополнительно мотивируя их афинскими демонстрациями против союзников. Весьма ядовито Бриан напоминал при этом прецедент: замену Англией в 1885 г. кабинета Делианиса кабинетом Трикуписа («англичанина», см. выше с. 24) и, наконец, пригласивши к себе

английского посла в Париже и напугавши его демонстрациями в Афинах, Бриан добавил к прежней программе предложение немедленно послать в Пирей союзную эскадру.

Грей, настаивая на фактической верности ссылки на Венизелоса, согласился на изъятие ее из декларации. Венизелос был таким образом спасен, что для французской дипломатии было делом величайшей важности в общем плане ее действий... На морскую демонстрацию также было получено согласие. Декларация 18 июня 1916 г. держав-покровительниц в окончательной редакции своей не включала прямого требования смещения правительства Скулудиса, но пространно обвиняла его во всевозможных преступлениях против «дояльного нейтралитета» и против Греции. Одновременно же с морской демонстрацией греческому правительству должна была быть вручена нота, с перечислением всех требований французского проекта, вплоть до роспуска палаты. Таким образом Бриан одержал полную победу.

Инструкции посланные из Парижа французскому посланнику в Афинах и сообщаемые Извольским замечательны: здесь фигурирует десант, *разрушение бомбардировкой с моря мостов через Коринфский залив,* а в случае упорства греков *бомбардировка Саламинского арсенала, уничтожение греческого военного флота и занятие Афин».*

На другой день новой инструкцией, по соглашению с лондонским кабинетом, (очевидно смущенным необ'ятными парижскими проектами), французскому посланнику предлагалось вручить ноту, не дожидаясь прибытия союзной эскадры, но с предупреждением, что в случае неполучения удовлетворения, греческому правительству будет пред'явлен ультиматум с очень коротким сроком—в 6 часов, — уже по прибытии эскадры. По истечении срока, хозяином положения становился начальник эскадры, инструктируемый *французским* морским министром.

Нота была вручена греческому правительству 21 июня н. ст., в час дня. «В 8 часов вечера к нам (союзным посланникам) прибыл Заимис, который заявил, что он принял поручение короля сотавить новый кабинет «что в качестве председателя совета министров он принимает все наши требования, в полном согласии с его величеством... Тотчас же были отправлены распоряжения задержать эскадру».

В беседе с Демидовым король, еще до разрешения кризиса, сделал заявление, которое откровнностью свой заставляет думать, что политика его имела в виду действительное и неизменное сохранение нейтралитета: по словам Конетантина, если греческая армия не выступила в свое время против Саррайля, то лишь потому, что и тогда как и в этот день, все действия правительства подчинялись соображениям безопасности страны.

VIII. Правительство „доверия".

9 июня кабинет Заимиса присягал королю. Состав его, по определению Демидова,—«люди мало известные, но по большей части *представляющие гарантии в безпристрастности на предстоящих выборах».*

Английское правительство вполне удовлетворено; оно не хочет ставить никаких требований, которые могли бы создать Займису «серьезные затруднения»,—как напр., изгнание «германских агентов», о котором хлопочет Петроград, вдохновленный кружным путем, через Афины, из Парижа.

Но Соннино, которого во всем этом интересовала одна лишь демобилизация греческой армии, осаждает теперь французского посла и парижское правительство советами «зорко следить за точным выполнением принятых на себя греческим правительством обязательств, в *особенности касательно демобилизации,* и, в случае двусмысленного образа действий Займиса, тотчас прибегнуть к морской демонстрации в Пирее».

Даже покладистый Демидов «не может не высказать опасений по поводу намека Соннино Барреру на новую морскую демонстрацию... *Требуя греческой демобилизации, Италия добивается не столько безопасности союзных войск, сколько особой цели парализировать Грецию,* в деле выступления на стороне Согласия. Наконец, «итальянский кабинет усматривает для себя опасность в возвращении к власти Венизелоса и едва ли относится сочувственно к нашей деятельностиу в этом направлении. Союзница наша, вероятно, стремится запутать положение в Греции... Опасаюсь, как бы французское правительство ободренное последним легким успехом не сыграло в руку Италии».

Как мы знаем, Соннино предпочитал Займиса Венизелосу, ненависть (выражение Гирса) к которому в Риме возрастала с каждым днем. Итальянское правительство подготовляло новые соглашения с союзниками, состоявшиеся, действительно, через несколько месяцев и обещавшие Италии в собственность мало-азиатские вилайеты Адалии, Айдина и Конии, со Смирной. Возвращение Венизелоса к власти могло сделать эти соглашения невозможными. Как известно даже после того, как они уже были заключены (в С. Жан де Мориенн и в Лондоне в 1917 г.), парижская мирная конференция (т.-е. Клемансо, Вильсон и Ллойд-Джордж) аннулировали их в отсутствие Орландо и Соннино, и «передали» Смирну и меандрскую долину венизелистской Греции; сверх того, Италия давлением союзников поставлена была в необходимость уступить Додеканез договорами Титтони и Сфорцы с Венизелосом. Таким образом «ненависть» к Венизелосу в Риме была основана на рассчетах, в полной мере оправдавшихся впоследствии.

Наоборот, французское правительство—и тут особенную твердость чувств обнаружил стоявший за спиною гибкого Бриана, «весьма сухой человек» (по определению Извольского)—Пуанкаре,—совершенно не заинтересованно было в достижении какого-либо компромисса с греческим правительством. Цель его лежала гораздо дальше соображений о безопасности салоникской армии,—настолько дальше, что долгое время союзническая дипломатия не могла ее понять.

Ген. Саррайль, занимавшийся, по неоднократным заявлениям Соннино, политикой, а не военными делами, на другой день, после принятия власти

Заимисом возобновил нападки на афинское правительство под всевозможными предлогами, как будто в Афинах никакой перемены не произошло. В самих Афинах организуются демонстрации в пользу Антанты, «могущие перейти в безпорядки» (это предвидят парижские вдохновители Извольского, посылающие в виду этого военное судно в Пирей). Французский адмирал получает инструкцию—на случай отказа греческого правительства от обязательств «предотвратить» движение «германо-болгар» на Лариссу и Афины—высадить десант для занятия Афин. То, что греческая армия частично уже демобилизована, и демобилизация, по требованию союзников, продолжалась,—не останавливает на себе ничьего внимания. Вскоре дело дойдет до того, что союзники, разоружая до конца на море и на суше Грецию, будут требовать от нее «немедленного» об'явления войны Болгарии, немедленных военных действий.

27 августа н. ст. состоялась антантофильская демонстрация. После соответственных речей Венизелоса была избрнаа депутация к королю для указания «его величеству на несоответствие его политики с национальными вожделениями». Манифестанты несли и «Византийский стяг, обвитый трауром».

На следующий день сотоялась манифестация «анти-венизелистская»—при «стечении народа на треть меньше, чем вчера; состав народа (по сообщению Демидова): отсутствовал городской элемент, толпа состояла из местных крестьян из соседних селений, большей частью новоотпущенных запасных, прибывших с флагами и музыкой»... Король принял депутацию и благодарил ее.

Самым неприятным для Гильмена было то, что обе демонстрации прошли без всякого нарушения порядка. — Приходилось продолжать работу прежними приемами. Салоникская армия должна быть обеспечена новыми «гарантиями». Несмотря на возражения английского правительства, совет обороны соглашается на посылку в саламинскую бухту соединенной эскадры для установления контроля («в английском смысле слова», поясняет Извольский) над почтою и телеграфом в Афинах и Пирее.

Между тем, выступление Румынии на стороне Согласия не могло не произвести впечатления в Афинах. Из беседы с Константином (30 августа н. ст.) Демидов выносит впечатление, что «если бы союзники предоставили Греции денежные средства и снабдили греческую армию всем необходимым материалом ее (содействие) было нам обеспечено не в столь далеком будущем. Те же тенденции замечены были сегодня моим великобританским коллегою в беседе с Заимисом, а равно великобританским военным агентом в разговоре с ген. Москопулу, новым начальником штаба. Прибавлю, что не имею никаких оснований сомневаться в безусловной искренности и откровенности слов короля»,—последний, между прочим, заверил Демидова «королевским словом», что «он никаким соглашением с Германией не связан». Даже французский посланник, по словам Бриана, передаваемым Извольс-

ским,—«вынес из своей аудиенции впечатление о серьезном повороте в пользу (Антанты) со стороны короля Константина». Тем не менее, несмотря даже на то, что мысль о десанте в Париже, «вследствие возражений Англии», оставлена—«на всякий случай в Салониках будет держаться наготове французская бригада», и «Бриан продолжает думать, что необходимо установить контроль над почтой и телеграфом, а также, что следует воспользоваться случаем, чтобы очистить Грецию от германских агентов»... (Извольский, 1 сентября н. ст.). Когда к этим двум пожеланиям добавляется третье—выдача союзникам германских и австрийских судов в греческих портах,—лондонский кабинет соглашается пред'явить эти требования по прибытии эскадры в Саламин.

1 сентября эскадра прибывает в Саламин. «Гильмен телеграфирует, что прибывшая эскадра встречена греками с *величайшим энтузиазмом*»,—передает Извольский. «Сведения, сообщаемые французским посланником об энтузиазме, с которым греческое население встретило эскадру, не соответствуют действительности,—с явным негодованием телеграфирует Демидов. «Наоборот, наблюдается полное равнодушие, связанное с недоумением, что ради достижения незначительной сравнительно цели, прибегнуто к столь внушительным средствам». Разумеется, Демидов вполне разделяет это недоумение; однако, французская политика готовит ему гораздо большие неожиданности.

2 сентября греческое правительство получает ноту французского и британского посланников с тремя вышеуказанными требованиями и с угрозой, что в случае уклонения от немедленной «очистки» Греции от «неприятельских шпионов», «дело перейдет в непосредственное ведение (французского) адмирала».

Займис «принял целиком ноту»; он просил лишь разрешения греческому правительству «сноситься шифром со своими посланниками заграницей». В то же время общая военная конъюнктура и балканская в особенности (опасение перехода Болгарии на сторону Антанты) «побудили Займиса спешно позондировать парижский и лондонский кабинеты относительно возможности приобщить Грецию к державам Согласия». Демидов отмечает общую перемену настроения в пользу выступления Греции на стороне Антанты: «бывшие ярые нейтралисты ныне считают, что для Греции не остается иного исхода».

Такой перелом настроения должен был, помимо всего прочего, иметь специальную причину, каковой была, конечно, салоникская «революция», произведенная, ген. Саррайлем, под соусом «венизелизма». Власть перешла в руки «временного правительства», действовавшего, однако, как это ни странно (но весьма показательно для силы этого «революционного» движения) от имени его величества короля Константина!

6 сентября греческий посланник в Париже Романос заявляет «от имени Займиса о решимости греческого правительства изменить курс своей поли-

тики и о возможности выступления Греции на стороне союзников». Сто пятьдесят тысяч новых солдат и несколько хороших боевых судов и миноносцев—делится своею радостью Бриан с Извольским. Но от переговоров об условиях и от обещаний он уклоняется. Соннино, со своей стороны, настаивает перед Гирсом: никаких переговоров и обещаний «по вопросу о будущих территориальных приобретениях Греции»!

6-го же сентября французский адмирал узнал об отправке шифрованных радио-телеграмм афинским правительством своим представителям в столицах центральных держав, и заявил, что если такая отправка не будет немедленно прекращена, им будут приняты надлежащие меры. В предвидении *крайне нежелательной* высадки и *расправы* моряков, английский посланник просил Займиса спешно распорядиться о приостановке всяких радио-телеграмм». Сообщая об этом, Демидов добавляет доверительно:

«Английский посланник и я находимся под впечатлением, что *французы были бы не прочь довести дело до крайности,* а с пребыванием здесь эскадры инциденты возможны, по моему, на каждом шагу».

В день отправки этой телеграммы, 9 сентября, как раз в то время, как Гильмен принимал своих коллег в саду французской миссии, человек двадцать появилось вблизи последней; с криками «да здравствует король, долой Францию и Англию»,—они произвели несколько выстрелов из револьверов,—и тотчас скрылись.

Сообщая об этом безкровном нападении (никаких жертв, конечно, не было), Демидов сгоряча, после слов «человек двадцать» добавляет «принадлежавших к лиге резервистов». Каким образом обстрелянные посланники установили принадлежность нападавших к лиге резервистов—не об'яснено, но психологически это заключение вполне понятно. Возникает другой вопрос: почему лига резервистов выждала прибытия эскадры в Пирей для того, чтобы произвести это совершенно бессмысленное и бесцельное нападение? Почему резервисты, показавшие такую дисциплинированность во время уличных демонстраций, оказались такими сорви-головами как раз по прибытии союзной эскадры и—еще более удивительное совпадение,—в момент общего перелома настроения, о котором сообщал Демидов и которое уже сказалось в выступлении греческого посланника в Париже? — Этими вопросами никто не задается, но скоро мы найдем на них ответ.

На другой день председатель совета министров, разумеется, является к Гильмену с выражением глубокого сожаления и негодования по поводу несчастного происшествия.

Но Гильмен не даром усматривал в прибытии эскадры «самое радостное событие» и «торжество его политики». (Демидов 12/9). Он заявил Займису, что «не может считать инциндент исчерпанным», и ночью французский адмирал высадил 25 матросов для охраны французской миссии. Во исполнение же своего союзнического долга, Эллиот и Демидов потребовали: немедленного розыска, задержания и наказания виновных, срочного «рассле-

дования против военных или полиции, не исполнивших своих обязанностей» и незамедлительного закрытия в Афинах и других городах местных собраний резервистов. Заимис, конечно, ответил, что первые две меры уже приняты, а по поводу третьей он немедленно сделает королю доклад для получения надлежащих приказаний.

Лишь 19 сентября доверительно Демидов сообщает в самой осторожной форме, что продолжающееся следствие по этому делу установило факт участия в демонстрации «критян» и «беженцев», составлявших, как известно, ядро венизелистской партии. Отсюда Демидов заключает о «наличности пробокации со стороны венизелистской партии». «Весьма возможно—добавляет он с вполне понятной осторожностью (ибо, как мы увидим, его излишняя проницательность стоила ему не дешево впоследствии),—что какой-нибудь фанатично настроенный член этой партии затеял дело, *дабы вызвать десант с флота и восстание в народе*». Если к этому что-нибудь и следует добавить, так разве напоминание о том, что фанатизм венизелистской партии никогда не выходил из границ и способов обнаружения, указывавшихся французским правительством, Гильменом и Саррайлем.

Удивительно ли, что Гильмен торжествует и держится победителем, а его величество, король эллинов, окопался «траншеями» в своей резиденции, где вообще» приняты *военные меры к обеспечению его королевского величества и августейшей семьи от внезапного покушения союзников или венизелистов*»...

Является вопрос: не имеем ли мы здесь дело с «революционной» тактикой республиканской Франции, низвергающей в Греции монархию в интересах «демократии и свободы»?

Вопрос этот возникает в отношении одной только Франции потому, что русское правительство, как мы увидим, не прочь взять под защиту Константина, итальянское, как мы знаем, более, чем не сочувствует венизелистскому движению, великобританское старается «умерить пыл французов» раньше, чем такой приказ дает своей дипломатии Николай II.

Извольский горячо отвергает «подозрения, что французское правительство стремится низвергнуть короля Константина», когда Заимис самым решительным образом заявляет это Демидову. «Я несколько раз слышал,—говорит Извольский,—от Бриана и от других ответственных лиц, что Франция вследствие своего республиканского образа правления, должна проявлять особливую осторожность и воздерживаться от всяких посягательств на греческую династию». И вот что замечательно: «Здесь (т.-е. в Париже) отнюдь не склонны увлекаться личностью Венизелоса». В чем же дело? Чего хотят в Париже? Извольский так отвечает на этот вопрос, чувствуя, что он неотвратимо возникает:

«В общем задачи французской политики в Афинах определяются следующим образом: активное выступление Греции, хотя и признается желательным, но ему придается *второстепенное* значение, главная же цель союз-

ников должна заключаться в том, чтобы оградить салоникскую армию от всякой опасности с тыла, косвенной или прямой. Так как двор всецело подчинен германскому влиянию и на перемену его политики нельзя расчитывать, необходимо сделать в Афинах *то же, что сделали германцы в Константинополе и в Софии,* т.-е. подчинить контролю союзников все органы управления, могущие *угрожать их положению в Салониках...*» Ключ к решению этой проблемы, по изящному выражению Бриана, состоит в том, чтобы «encadrer le roi «поставить короля в надлежащие рамки», по не вполне точному переводу Извольского)—«т.-е. настоять на таком *кабинете, который давал бы полную гарантию*» [1]). Извольский различает при этом две тенденции: одну—более мягкую, «за которую стоит Бриан» (!), и другую—определяющуюся коротко словами: «дессант и военная оккупация Афин. Впрочем, и Бриан, повидимому, склоняется теперь к более радикальному образу действий».

В этом интересном сообщении Извольский обнаруживается до конца. Он прибегает сразу ко всем своим незамысловатым приемам устрашения Сазонова: к ссылке на какие-то еще более «радикальные» настроения, чем состояние духа г. Бриана; к «общественному мнению», которое у него всегда является на подкрепление инструкций, получаемых им от французского правительства, и которое всегда требует гораздо большего, чем французское правительство; наконец, к угрожающему «не могу скрыть от Вас» и зловещему «не могу не высказать опасения»... Не даром же Сазонов, как это показывают «материалы по истории франко-русских отношений», не выдержал однажды и заявил, что донесения Извольского склонны превращаться в направленные против собственного его правительства обвинительные акты.

«Не могу скрыть от Вас, что здесь (в Париже) вызывает некоторое недоумение положение, занятое в Афинах нашим посланником. Не могу не высказать опасения, что здесь может создаться представление, будто между Россией и Францией существует серьезное разногласие по греческому вопросу». Он находит к тому же, что разрыв между Грецией и Францией «для нас безусловно выгоден», и что Греция «при всяких обстоятельствах останется враждебным и чуждым нам элементом»... (Извольский 7/20 сентября, № 668).

И так, цель французской политики—«encadrer le roi» надлежащим советом министров для обеспечения салоникской армии? Почему же активное выступление Греции имеет «второстепенное значение»? Казалось бы—чего еще желать в смысле «обеспечения салоникской армии», если бы Греция активно выступила! Ведь, тот же Бриан прельщал Извольского 150.000 греческих солдат и греческим военным флотом. Неужели самый лучший кабинет,—хотя бы Венизелоса,—был нужнее и важнее, чем эта действительная помощь забившейся в салоникскую нору и вымиравшей от лихорадок

[1]) Заимис, однако, „пользовался доверием держав" (Демидов 16. XI).

армии Саррайля? Но нет,—надо еще сделать в Афинах «*то же, что сделали германцы в Константинополе и Софии*», а для этого необходимо прежде всего *ослабить салоникский фронт, увеличить* опасность, угрожающую салоникской армии. (Войска для десанта в Морее берутся, ведь, из салоникской армии, для пополнения которой союзное командование еще не открыло средств). Извольский (т.-е. Бриан) требует подкреплений от России, Баррер от Италии. Алексеев протестует; Кадорна изобретает всевозможные опасности (вплоть до угрозы нападения Швейцарии на Италию!) для того, чтобы отвертеться от назойливых неотступных требований Франции, в то самое время, как итальянское правительство нисколько не затрудняется оккупировать Эпир и подавлять оружием отчаянное сопротивление воинственного населения.

А затем—что же сделали германцы в Константинополе и Софии? Во-первых, они «делали» у своих *союзников* и по приглашению их, что весьма существенно не только с точки зрения международного права, но и по существу: они не вставляли ни султана, ни Фердинада в брианоовские рамки, а утверждались в Софии и Константинополе хозяевами положения военного, как до войны внедрялись там экономически. Так именно и характеризовалось положение немцев в Константинополе и Софии их противниками. Но, ведь, действия Бриана несколько шире «обеспечения салоникской армии». Они могут даже создать—и создали в действительности—немалую угрозу этой армии, потому что 150.000 солдат нейтральной страны, не желавшей превращения Афин в Константинополь (и англо-французов—в «германцев»), могли оказаться в тылу Саррайля и причинить ему весьма серьезные неприятности.

Посмотрим же, как осуществлялась на деле французская программа,—надежнейший способ определить ее действительную цель.

По прибытии «внушительной соединенной эскадры» в саламинскую бухту, французский адмирал Дартиж дю Фурне, «согласно своим предписаниям, тотчас же распорядился о захвате неприятельских судов, *стоявших с начала войны в Саламинской бухте и в Пирее,* на которых будто бы находились склады оружия и взрывчатых веществ. *Сомневаюсь,*—замечает Демидов,—чтобы на них было что-либо найдено».

Затем французский посланник (к которому присоединился и английский) потребовал удаления из пределов Греции «главных германских агентов», по списку, составленному англо-французской разведочной службой. В этом списке Демидов отмечает *покойников* и одного из советников короля, Сунирета, «*прилагающего старания к сближению Греции с Согласием*».

«Положение в стране становится хаотичным»,—сообщает он 13 сентября. Греки сдают болгарм Кавалу; гарнизон эвакуируется в Салоники *англичанами;* французы считают это «предательством» со стороны *греков.*

«Позволяю себе высказать,—телеграфирует через день Демидов,—что едва ли удобно возбранять сношения самостоятельного правительства с его

представителями и еще менее нейтральных миссий с их правительствами. Опасаюсь, как бы союзники не извлекли из такого чрезмерного вмешательства больше вреда, чем пользы. Буду ожидать указания в. в-ства относительно моего присоединения, *неизбежного во имя общей солидарности,* к предстоящим решениям союзных правительств». Царь приписывает: «Сомневаюсь, чтобы от такой меры получилась польза».

Еще через день Заимис об'ясняет Демидову мотивы своего решения подать в отставку. Основная причина, разумеется,—интервенция союзников, «выражающих ему доверие, но держащих эскадру в греческих водах, высаживающих матросов для охраны французской миссии, пред'являющих ему все новые требования. Заимис мне заявил недвусмысленно, что, по его мнению, французы, постепенно все более посягая на суверенные права Греции, задались целью низвергнуть короля, в чем он окончательно убедился из некоторых намеков, сделанных ему французским посланником. Мне показалось это преувеличением, хотя ясно, что союзники наши решили не считаться с королем при проведении мер *на их взгляд* настоятельных во имя безопасности союзных войск».

Об «активном выступлении» Греции—нет и речи. Между тем, Румыния оказывается в тяжелом положении; распространились слухи о громадных силах, направляемых блоком центральных держав на балканский полуостров.

IX. Хаос

16 сентября образован кабинет Калогеропуло, — Константин выразил надежду, что он продержится, хоть две недели, но Бриану и это показалось слишком долгим сроком. Он предлагает в Лондоне и Петрограде «совместное представление перед королем»... На вопрос Извольского, что предполагается предпринять в дальнейшем, Бриан ответил: *encadrer le roi* на этот раз при посредстве *высадки войск.* Ясно, что на этом пути он встречает противодействие со стороны Англии и если не противодействие, то, повидимому, мало сочувствия со стороны России». Действительно на этом донесении Извольского Николай II изобразил: «Я называю это полным вмешательством во внутренние дела Греции. Очень скользкий путь».

5/18 сентября английский посланник имеет уже предписание заявить новому правительству об установлении официальной блокады греческих берегов Эгейского моря. Фактически блокада уже применялась, но Эллиот и теперь не мог исполнить предписания, так как новое правительство не было еще признано союзниками, и, следовательно с ним не было официальных сношений. 19 сентября английский посол в Париже заявил, что Англия не признает нового кабинета и готова присоединиться ко всяким мерам, которые будут предложены Францией, если Константин, после должного преду-

преждения, не сменит кабинет Калогеропуло. На другой же день Романос делает Бриану конкретные предложения о выступлении Греции на стороне держав Согласия; срок выступления должен был быть определен по соглашению обеих сторон, после реорганизации и мобилизации греческой армии, при том условии, что соглашение останется тайным и потеряет силу, если к указанному сроку «равновесие военных сил на Балканах окажется не в пользу союзников»,—другими словами, в случае поражения Румынии. «В Лондоне нашли необходимым потребовать от греков двух предварительных гарантий: назначения кабинета, пользующегося доверием союзников; и заключения не тайного, а открытого соглашения. Извольский, сообщая об этом, добавляет, что Бриан «был склонен пойти навстречу этому (греческому) предложению и вступить на его основании в конфиденциальные переговоры с *нынешним* греческим кабинетом», чему будто бы помешало английское правительство. Демидов в своем интересном сообщении от 10/23 сентября гораздо правильнее расценивает положение.

Отмечая, что только оппозиция в Петрограде, Лондоне и Риме умеряет неудержимый натиск французской дипломатии, он заявляет: «я уверен, что образ действий Франции может и ныне повести к обратным (общей цели союзников) результатам. Гильмен, между прочим, *открыто заявляет о предпочтительности настоящего кабинета предшествующему* (Займиса), *так как он развязывает руки союзникам. Формула его, повидимому: чем хуже—тем лучше... В качестве руководительницы союзнической политики в Греции Франция по всем признакам* направляет, хотя бы косвенным путем, страну к *расколу и восстанию.* Упорство короля *только поощрялось систематическим преувеличением и не вполне точным* освещением событий в Греции, возбуждением европейского общественного мнения, нападками на него, наконец *произвольными действиями здесь французов*»... Демидов убежден в искренности решения короля примкнуть к союзникам, вследствие сознания отсутствия другого выхода из положения и перемены настроения в армии, под влиянием выступления Румынии, «революции» в Салониках и воспламенившихся, наконец, надежд на осуществление великогреческой программы Венизелоса. «Во всяком случае французское правительство, упрекая Венизелоса в нерешительности, тем самым признает желательность весьма опасных выступлений, способных привести к бесцельной для нас гражданской смуте». Далее, Демидов признает прямоту, последовательность и правомерность греческой политики нейтралитета и делает существенную поправку к поверхностно-франкофильской оценке положения, сделанной Извольским:

«Возвращаясь к охлаждению греческих симпатий к Франции, вызванному образом действий последней, не могу присоединиться в этом вопросе к мнению, высказанному нашим послом в Париже. О каком-либо серьезном более или менее длительном разрыве между Францией и Грецией—способном к тому же нам принести пользу—едва ли может быть и речь... *События, по-моему, ведут не к разрыву а наоборот, к будущему политическому и экономи-*

ческому закабалению Греции Францией... Полагаю, напротив, что в интересах России стремиться к полюбовному решению предстоящих жизненных задач на Востоке».

Самые недавние события—нынешняя военная революция в Греции с афинскими манифестациями любви и преданности перед зданием французского посольства,—вполне подтвердили справедливость точки зрения Демидова и предсказание его, что «в Греции, стране востока в полном смысле слова, восстановятся симпатии к любимой ее покровительнице».

При свете этих соображений, возникшее, в связи с греческими предложениями, разногласие между французским и английским правительствами приобретает исключительное значение и интерес,—совершенно ускользнувшие, конечно, от Извольского.

Во втором сообщении своем от 10/23 сентября, он излагает без всяких комментариев обе точки зрения:

Лондон предлагает: 1) потребовать образования нового кабинета, 2) потребовать от Греции об'явления до 1 октября *(т.-е. в течение недели)* войны Болгарии, 3) заявить Константину, что цель союзников не в низвержении его, а напротив, в укреплении положения его и династии.

Париж «в общем согласен с этим предложением,—наивно (или очень уже хитро) сообщает Извольский,—но предпочитает не ставить Греции категорического требования об'явить войну Болгарии, а указав ей на фактическое состояние войны между Грецией и Болгарией, предложить ей об'явить об этом состоянии. «Бриан... *не возражал бы против сохранения во главе греческого кабинета Калогеропуло*». Но за то он предлагает программу новых «гарантий безопасности салоникской армии» — «отозвание греческих войск с границ *старой* Греции, закрытие лиг резервистов... и т. п.», с добавлением в перспективе новых «принудительных мер».

Комментарий Извольского мы находим в его депеше, отправленной на следующий день. Разрешение принципиального спора между ним и Демидовым он доверчиво предоставляет будущему, заявляя, однако, свое удовлетворение по поводу того, что «при предстоящем разрешении балканских вопросов устраняется поддержка со стороны Франции неудобных для нас греческих вожделений». Далее, следует обвинительный акт в отношении «предательской» политики Константина и заключение: «в настоящем фазисе требование энергичных мер исходит скорее от Англии, нежели от Франции». То, что «не возражая против Калогеропуло» французское правительство при посредстве Гильмена, Саррайля, Дартижа дю Фурне и Венизелоса ведет дело к фактическому захвату Греции французами, совершенно ускользает от понимания Извольского, хотя это прекрасно поняли уже и в Лондоне, не говоря о Риме. Только поэтому (т.-е. из страха «перед энергичными мерами» французов) английское правительство пытается решительными мерами достигнуть компромисса, расстраивающего планы Гильмена и его парижских вдохновителей. Демидов целиком присоединяется к английской точке зрения.

Он отмечает от'езд Венизелоса с конечным назначением в Салоники, брожение в гарнизонах, сочувствие офицерства восстанию в Салониках и т. д. Но он опасается, «как бы события не послужили новой причиной к упорству короля»,—т.-е. главным образом, дальнейшей провокационной работы французской дипломатии,—и считает «крайне своевременным тотчас приступить к совместному решительному шагу», т.-е. к выполнению английской программы.

То, чего никак не мог (или не хотел) понять Извольский, в Лондоне не возбуждало никаких сомнений: Грей, находя, что французская программа «открывает дверь *дальнейшим пререканиям*», категорически отверг ее и настаивал на своих двух пунктах—реорганизации правительства и об'явлении войны Болгарии. Со свойственной брианвской политике «гибкостью», французское правительство немедленно ия'явило о своем безоговорочном присоединении к предложению Грея. Тем временем, Крит признал салоникское правительство, к 15/28 сентября «ожидался переворот на о. Хиосе», на многих других островах войска подготовлены были к тому же,—казалось, положение определилось в полной мере.

Но, уступчивая в Париже, французская дипломатия готовила «обходное движение» через Салоники и Афины.

27 сентября состоялось в Париже соглашение, а 29 сентября (вполне достаточный промежуток времени для получения инструкций из Парижа) «ген. Саррайль сообщает, что он считает безусловно нежелательным содействие греческой армии»... и что «он решительно предпочитает принимать в ряды союзных войск греческих добровольцев»... Одновременно «французский посланник возбуждает вопрос о целесообразности намеченного союзными правительствами шага перед королем Константином с требованием об'явления войны Болгарии». «*По мнению Гильмена,* предположенное выступление способно при таких условиях подорвать без особой для нас пользы предпринятое Венизелосом дело оздоровления Греции, не говоря уже о недопустимости подобного шага перед королем четырех посланников, который не *отвечал бы строго конституционному началу, оберегаемому державами, (?) и противоречил бы повторным их заявлениям, что они не добиваются выхода Греции из нейтралитета*» (!). По мнению французского посланника, надлежало бы воздержаться от такого выступления и *предоставить событиям в Греции следовать их естественному развитию*»... «Намечаемый Гильменом образ действий,—кратко поясняет Демидов,—поставил бы короля в безвыходное положение и, вероятно, отдаст Грецию через некоторое время в полную власть Венизелоса».

Таково сообщение Демидова от 29 сентября н. ст., а 1 октября он констатирует «упорное молчание держав», сопровождающееся «длительным непризнанием» правительства Калогеропуло, «и в виду бесповоротного отказа Саррайля от содействия греческой армии он «склонен присоединиться к мнению всех моих коллег, что настоящее выступление несвоевременно и не-

желательно». Действительно, дела на румынском фронте принимали такой оборот, при котором выступление Греции становилось бесцельным и просто неосуществимым. На другой день Демидов констатирует «возобновление деятельности союза резервистов», беспорядки в различных городах и заявляет: «В общем *большинство населения старой Греции противится войне, будучи утомлено и истощено двумя балканскими войнами и беспримерно долгой мобилизацией. После первой вспышки энтузиазма среди офицерства настает в сущности некоторое охлаждение к предприятию Венизелоса*».

В тот же день он сообщает о требовании французского адмирала о дополнительной высылке или выдачи ему не позднее 6 октября «германских агентов». Через два дня Гильмен собирает своих коллег, в присутствии французского адмирала, ибо упорное молчание и «длительное непризнание» правительства Калогеропуло имели своим результатом (и, конечно, своею целью в Париже) передачу всех полномочий по сношениям с греческим правительством французскому адмиралу дю Фурне. Гильмен доставил на это собрание начальника афинской полиции, который удостоверил, что смена «неблагонадежных» полицейских чинов произведена лишь частично и что виновники знаменитого нападения на французскую миссию «еще не наказаны».

Затем предприимчивый французский посланник предложил *«в случае возобновления резервистами насильственных действий», предоставить полную свободу действий французскому адмиралу.* Первым действием последнего была бы высадка 300 матросов в помощь греческой полиции.

«В виду особой важности мероприятия, способного вовлечь нас в крупные события, английский посланник и я сослались на необходимость получения инструкций от наших правительств; итальянский посланник категорически потребовал приобщения к десанту итальянских матросов». Доверительно, Демидов прибавляет, что ближайшей целью всех этих мер было бы облегчить вербовку рекрутов для ген. Саррайля, жалующегося на полное отсутствие у него резервов, вследствие громадного, как передают, числа лихорадочных больных».

4 октября бойкотируемый державами, афинский кабинет высказался в заседании своем всеми голосами против одного за об'явление войны, как за единственный выход из создавшегося положения. Константин не решился утвердить это мнение большинства, и кабинет, официально сославшись на бойкот его представителями держав Согласия, подал в отставку. 5 октября Гильмен вынуждает своих коллег обратиться к французскому адмиралу с поручением пред'явить греческому правительству (которое подало в отставку и не имело еще заместителя) ультиматум,—по поводу действий полиции, резервистов, и укрывательства «виновников покушения на французскую миссию». Демидов считает «долгом предупредить, что французское правительство решилось, повидимому, на радикальный образ действий»... Он сдается и готов признать, что ничего другого не остается, как следовать

за нашей союзницей, *ставшей руководительницей* событий в Греции, и, основываясь на письме французского адмирала, добавляет: «без высадки, в принципе уже, вероятно, решенной в Париже, нам здесь не обойтись». В тот же день он сообщает о новом десанте итальянских войск, которые «повидимому, займут весь северный Эпир... *Граф Боздари* (итальянский посланник) *не скрыл от меня, что так как Франция забирает Грецию в свои руки, Италии надлежит заручиться собственным залогом в стране*».

Распространяются слухи, что король с двором собирается бежать из Афин в Лариссу. Демидов предвидит, что предъявление ультиматума с угрозою десантом может укрепить и ускорить это решение. Он явно растерялся и просит точных инструкций у Сазонова.

Проект ультимативного обращения французского адмирала обсуждался 6 октября н. ст. «После долгих колебаний великобританский посланник согласился парафировать препроводительную (ноту) от имени четырех миссий», но при этом «заявил в состоянии крайнего возбуждения, что он не находит возможным во всем слепо следовать за французским адмиралом [1]). Итальянский посланник на *все соглашается, под непременным условием,* чтобы в случае высадки участвовал итальянский отряд наряду с французским»... Сам Демидов «не считал возможным отделиться». Оскорбленный в своих лучших чувствах Николай II, при чтении этого сообщения ставит робкий вопрос: «Нельзя ли умерить пыл французов?»—когда и английское правительство решает этот вопрос в том смысле, что «умерить пыл французов», с точки зрения британских интересов, совершенно необходимо, и заявляет через Эллиота, что оно «считает недопустимым предоставить слишком широкую свободу действий французскому адмиралу».

Гирс из Рима вносит новый мотив в эту нарастающую музыку: он поясняет, что требование Италии сопровождать своим отрядом французских моряков в Пирей внушено «не только *опасением предоставить одной Франции хозяйничать в Греции,* но и желанием во время переговоров касательно Малой Азии не упустить случая подчеркнуть равноправность Италии со всеми союзниками», а затем сердобольно заключает: «Неудобство для французов иметь с собою при высадке *только* итальянцев, могло бы быть устранено, на мой взгляд, участием в ней англичан и, если возможно, и наших моряков». Разумеется, Николай II и Сазонов не имели оснований внять этому совету. «Я безусловно против какого бы то ни было участия наших моряков в Греции»,—ободренный отношением к делу англичан решил Николай II, направляя это решение к морскому министру.

---

[1]) Начальник английской морской миссии остался крайне недоволен решением французского адмирала потребовать увольнения офицеров греческого флота, назначенных без согласия английской морской миссии, взамен заподозренных в намерении увлечь суда и команды на сторону Венизелоса: по мнению английского адмирала, „считаемые французским агентом враждебными Согласию офицеры, являются ничем иным, как лицами, желающими остаться верными присяге" (Демидов 10. X н. ст.).

9 октября новый кабинет под председательством Ламброса, приступил к исполнению обязанностей. Венизелистская печать об'явила его германофильским. Демидов определяет его, как «чисто—деловой», причем вся его деятельность, по мнению Демидова, ограничиться посильным исполнением требований французского адмирала.

Каковы же эти требования? Можно было бы думать, что они уже известны. Однако, французская дипломатия превзошла себя. В то время, как она предостерегает англичан от нарушения греческой конституции, французский адмирал вечером 10 октября препровождает греческому правительству ультиматум, срок которого истекает 11 октября в час дня и который требует: 1) секвестра греческого флота (31 судно), с оставлением его при французском адмирале, за исключением трех крупных кораблей которые должны быть совершенно разоружены, 2) занятия о. Липсо, охраняющего вход в Саламинскую бухту, 3) разрушение батарей о. Саламина «и некоторых других пунктов», 4) разоружения береговых пирейских баттарей, за исключением «двух, которые он намерен занять», 5) контроля назначенных им офицеров над пирейским портом, полицией и железными дорогами.

«Вследствие необычайных размеров требований, посланники не решились взять на себя передачу этого документа, который был тотчас отправлен в греческое министерство, без препроводительного от имени союзных миссий».

Результат—11 октября утром «греческое правительство принуждено склониться,—однако, не без протеста,—перед решениями адмирала и проявлением превосходящей силы».

X. Неудавшийся Кавур.

Так как салоникское «революционное» правительство действовало, как мы видели, именем короля Константина, то положение получилось тем более необыкновенное и сложное. В то время, как афинское правительство бойкотировалось державами Согласия и ставилось ими в условия, не позволявшие ему существовать,—официально ими непризнанное, салоникское было создано при их прямом участии, и продолжало пользоваться их помощью, и не могло без этой помощи существовать [1]).

Правда, Венизелос обещал союзникам победу своих сторонников, но при условии, что они «снабдят его надлежащими средствами»; на эти средства он обязывался «выставить несколько корпусов», и часть этих сил—«обратить против афинского правительства». Такова была программа этого «национального движения», опиравшегося на иностранные деньги и ино-

[1]) **Даже 24 декабря 1916 г. Демидов указывает, что Эгейские острова „подпадают под власть временного правительства при *помощи союзников*, „которые занимают военной силой эти острова и *передают их венизелистам*. (4 января 1917 г.).**

странную военную и дипломатическую поддержку. Сообщая о ней и о том сочувствии, которое эти планы встретили в Париже, Извольский не умалчивает о том, что «Франция ныне же будет оказывать Венизелосу материальное и денежное содействие» и, что «Венизелос обратился к «Афинскому банку» (Banque d'Athénes), *в котором заинтересованы французские капиталы,* с просьбой ссудить ему 6 миллионв франков, и что *французское правительство обсуждает способы облегчить осуществление этой сделки*» (Извольский 3—16 октября 1916 г.).

Какова же политическая программа этого «патриотического» движения, питаемого иностранным финансовым капиталом и непосредственно руководимого его дипломатической (Гильмен) и военной (Саррайль) агентурой?

По соображениям Извольского (ибо Венизелос, по его словам, «этого прямо не высказывает»),—«Венизелос, конечно, разумеет устранение короля Константина». Но если это так, почему же судебные власти, назначенные Венизелосом, действуют именем короля Константина на территории временного салоникского правительства?.. С другой стороны, признает Извольский, «дальнейшие планы Венизелоса не вполне ясны»,—в действительности, их никто не знает, ими никто не интересуется, «национальное движение» обходится без них.

Не странно ли? «Национальное движение» преследует единственную цель—дать солдат («резервы») ген. Саррайлю; оно на деле направлено к еще более почтенной цели—утверждению французского влияния в Греции («то, что, сделали германцы в Софии и в Константинополе»), но способы осуществления этой цели вырабатываются, применительно к обстоятельствам, Гильменом, партнерами «Афинского банка», во французском министерстве иностранных дел, при ближайшем участии Бриана и самого Пуанкаре. Поэтому Венизелосу нечего и думать связать себя какими-либо политическими обязательствами: он живет изо дня в день инструкциями своих покровителей и антрепренеров.

Роль, конечно, незавидная, но, ведь, обещано немалое вознаграждение: «великая Греция», «Византийская империя», Эпир, Македония, Адрианополь, Смирна, Константинополь!.. И Венизелос, скрепя патриотическое сердце, мирится с тем, что руководимое им временное революционное правительство, ведущее Грецию (и его самого) к великому будущему—к превращению в новую великую державу!—в настоящее время союзными правительствами *«низводится на степень рекрутского отделения».* Это его собственное определение роли «временного правительства» в телеграмме, адресованной Гильмену (Демидов 27 октября 1916 г.) и из'являющей благодарность за решение булонского совещания оказывать ему денежную и иную помощь...

Совещание союзных министров в Булони отказало Венизелосу в признании его правительства. По правде говоря, оно имело веские основания сомневаться в том, представляет ли это «национальное движение»—движение

действительно национальное. Но, сверх того, как мы знаем, *греческая армия* была совершенно не по вкусу ген. Саррайлю—ему нужны были просто рекруты в его собственную армию. Греческий флот? Дюфурне держал его «в своем кармане». Признать правительство Венизелоса, значило бы предоставить ему организацию собственной армии, вернуть ему реквизированные суда, предоставить ему фактическую власть, которая была уже в надежных руках французского адмирала и французского генерала. «Предоставить Грецию естественному ходу событий» было, очевидно, самой благоразумной тактикой. Спешить в таком положении, во всяком случае оснований не было,—тем более, что именно при таком положении вещей сговориться Франции с Англией (не говоря об Италии) было нелегким делом.

Вся эта обстановка не оставляет тем не менее сомнения в том, что Венизелос искренно считал себя вторым Кавуром. Кавур «создал» современную Италию, Венизелос должен был создать новую Грецию. Кавур начал с участия Сардинии в коалиции против России в крымскую войну, Венизелос должен был начать с участия в анти-германской коалиции. Кавур добивался своей цели через парижский конгресс 1856 г., Венизелос через парижскую конференцию 1919 г. Кавур пожертвовал Ниццей и Савойей, Венизелос жертвовал Драму, Серес, Кавалу. Кавур интриговал, унижался (как он сам рассказывает в письмах своих—даже перед собаченкой английской лэди, мужа которой надлежало привлечь на сторону Италии) и оставил в назидание потомству признание, что был способен на всякую низость для достижения великой национальной цели; Венизелос усвоил эту заповедь — признание «создателя» Италии и действительно не отступал ни перед чем.

Но в результате—разгром в Малой Азии и возвращение к программе Константина, казавшегося единственной помехой на пути к созданию великой Греции.

События уже показали, что Венизелос совершенно неправильно расценил политическую обстановку, которая отошла на 100 лет от Наваринской эпохи. Но в одном отношении он не только ошибся, но и погрешил против своего итальянского образца: Кавур *об'единял* Италию (даже Гарибальди с кролем Виктором Эммануилом), Венизелос же *раскалывал* Грецию и тем самым делал ее безпомощной игрушкой в руках дипломатии великих держав и превращался из национального героя в слепое орудие этой дипломатии. Его призывы к иностранной помощи, его надежды на союзническую интервенцию в Салониках, на Эгейских островах и в самих Афинах, его призывы ускорить высадку союзнических войск и посылку союзнической эскадры,—все это низводило его на степень добровольного пособника—сначала французской, потом английской дипломатии и олигархии воинствующего финансового капитала.

Русская дипломатия, еще не освобожденная от традиций монархизма и легитимизма революционизирующей властью европейской биржи, занимала в Афинах невыгодную для себя позицию, критического наблюдателя. Из-

вольский этим до последней степени встревожен и даже возмущен. Сообща с Сазоновым, он твердо верит, что из-за кровавого стола игры жизнями милионов людей, они уйдут с выигрышем, при дележе добычи,—проливов и Константинополя. Он хлопочет об одном—об угождении французскому правительству. Впоследствии французское правительство вознаградит Россию за его, Извольского, труды. И будучи твердо убежден, что путь к Константинополю из Петрограда лежит через Париж, он не оставляет Демидова в покое, обвиняя его в систематической порче прекрасных, по его убеждению, отношений России с Францией, и пытаясь превратить его в столь же приятного Гильмену партнера, каким он сам был для Бриана и Пуанкаре.

Замечательно, что Гирс, возражая против пущенной через Извольского Брианом мысли о протесте России против захвата Италией северного Эпира, без предварительного соглашения с союзниками,—предупреждал, что Италия *«усмотрит в нашем запросе новое указание на желание Франции* захватить Корфу и на опасения последней приближения итальянских войск к этому острову». В Риме Сазонов и Венизелос расценивались совершенно одинаково. И—только ли в Риме?

И все же Демидов не унимался: сильный тем, что «все его коллеги отдают себе отчет в том, что *французские увлечения* могут нас завести далеко», он настаивает на необходимости «умерить нашу союзницу». Он находит, что вследствие уступок Константина отпадают все «доводы французского правительства, ссылающегося на угрозу союзной армии и флоту для оправдания принимаемых им мер в Греции».

Его телеграмма от 4—17 октября 1916 г. говорит уже без обиняков о том, что «Греция разбита на три зоны»—французскую, английскую и итальянскую,—по поводу проведения союзнического контроля над средствами сообщения; заключительная фраза не лишена своеобразного очарования: «я не усматриваю особенной надобности в установлении русской зоны».

5—18 октября Демидов, сообщая о высадке отряда французских моряков (140 матросов при 2 пулеметах), отправленных в Афины для несения полицейской службы, называет эти «чрезвычайные меры»—«несколько искусственно вызванными», выражает надежду, что этот десант скоро будет отозван адмиралом, и доверительно передает: «мой английский товарищ выразил мне некоторое сожаление, что он поддался в этом деле настояниям Гильмена».

Итальянский коллега Демидова не обнаружил раскаяния по той причине, что для него дело было ясно: не отставать на суше и на море, от французов ни на шаг. Соннино же счел нужным 6—19 октября прямо заявить Гирсу, что *«личность Саррайля не внушает ему никокого доверия»* и что посылаемые в Салоники «войска не будут должным образом использованы, так как Саррайль все же будет заниматься больше политикой, чем военными действиями».

При таких-то условиях Извольский отказывается понять, почему, вместо того, чтобы спешить на помощь Гильмену и благодарить за понесенные труды Бриана,—и в Лондоне, и в Петрограде, и в Риме чего-то опасаются и портят отношения с французами: «генералу Саррайю дано самое категорическое предписание держаться в стороне от политики», и «Бриан самым категорическим образом заявил мне, что французское правительство отнюдь не желает идти по тому пути (устранения короля, хотя «Венизолос был бы рад если бы союзники взяли на себя» эту задачу), оно искренно стремится к тому чтобы найти почву для соглашения с королем и его правительством». К этому сообщению Извольский добавляет 7—20 октября:

«Мне кажется, что мы можем вполне доверить заявлению Бриана что он нетолько не намерен потворствовать анти-династическому движению в Греции, но искренно стремится найти почву для соглашения с королем Константином».

На другой день он сообщает программу этого соглашения: 1) Константин об'являет о состоянии войны между Грецией и Болгарией, 2) греческие войска сокращаются до сотава мирного времени, 3) греческие войска уводятся на юг, в Морею, 4) военные склады на севере упраздняются,—все это под контролем союзников. Иначе говоря, Греция должна разоружиться и начать войну. Но этого мало. Одновременно с этой частью французской программы должна осуществляться другая—«поощрение Венизелоса, — но без формального его признания. Решено удовлетворить его ходатайство о ссуде в 10 миллионов, и Палеологу поручено предложить Вам принять на нашу долю одну треть этой суммы». (Извольский, 8—21 октября 1916 г.).

Англичане противопоставили этому беспримерному проекту, на междусоюзнической конференции, предложение формально признать правительство Венизелоса с тем, чтобы «настоящему смешному положению положен был конец». Бриан находил, однако, это положение менее неудобным, чем восстановление греческой армии и греческого флота. Итальянцы и слышать не хотели о Венизелосе. Извольский «присоединился к мнению Бриана». Таким образом «весьма энергичное» выступление Асквита против Бриана принесло последнему лишь легкую и полную победу.

XI. „Настал день славы“ [1]).

С переходом портфеля министра иностранных дел от Сазонова к Штюрмеру петроградское правительство делает новую попытку ослабить натиск французов на родственный петербургскому афинский двор. С этой целью Штюрмер в инструкции Извольскому (1—14 октября) ставит во-

[1]) ~~„Le jonar de la gloire estarrivé“~~ (Марсельеза).

Le jour de la gloire est arrivé "

прос о «политических увлечениях» Саррайля [1]). Штюрмер поощряется в этом направлении сэром Бьюкененом, великобританским послом в Петрограде, ибо английская дипломатия уступая за соответствующие компенсации, руководящую роль в Греции ближайшей своей союзнице, окольным путем через дипломатию русскую и итальянскую, продолжает «тормозить» французскую.

Это ставит в затруднительное положение нашего парижского «приятного во всех отношениях» французам дипломата. Извольский пытается убедить свое правительство в том, что «для нас гораздо выгоднее, отказавшись от защиты короля Константина (давно ли он доказывал вместе с Брианом, что Константину никто и ничто не угрожает?..), решительно признать руководящую роль Франции в греческом вопросе и потребовать, *при случае*, предоставления нам такой же роли в том или другом более для нас существенном вопросе».

4—17 октября салоникское правительство обратилось к четырем державам с ходатайством об официальном признании его. Инструкция Штюрмера от того же 17 октября предрешала отрицательный ответ русского правительства, рассматривая «Венизелоса и его помощников, не как отдельное правительство, а в качестве... советников по отдельным отраслям управления, подчиненых высшему командованию»; такое решение вопроса, по мнению Штюрмера, «отнимет у движения венизелистов революционный и анти-династический характер». Отношение Соннино к Венизелосу было известно. Английское правительство считало положение в Греции «смешным». Французское—напротив, весьма удобным и продолжало указывать «на отсутствие у временного (венизелистского) правительства анти-династических видов», сылаясь при этом на заверения г. Политиса, ближайшего сотрудника Венизелоса [2]). На соответствующий запрос английского правительства сам Венизелос 21 октября ответил, что «временное правительство не имеет и не будет иметь анти-династического направления».

При таких обстоятельствах временное правительство об'являет 23 ноября войну Болгарии и Германии—через посредство союзнических консулов в Салониках. Одновременно адмирал Дартиж дю Фурне потребовал от афинского правительства сдачи ему всей артиллерии и военного снаряжения. Предупреждение Демидова о том, что этими мерами «страна может быть доведена до отчаянных решений», уже оправдывалось: греческая армия отказывала афинскому правительству в дальнейшем исполнении требований Дартижа. Трех-тысячный союзнический (в действительности, французский) отряд был двинут из Пирея в Афины. Как и следовало ожидать, он

---

[1]) В своих воспоминаниях Палеолог рассказывает, как поставленный на место Штюрмер в дальнейшем лишь справлялся, не соблаговолят ли французы посадить на место Константина кого-нибудь из русских великих князей.

[2]) Ныне министр иностранных дел афинского правительства.

«подвергся нападению». Пока в Афинах 25 французских матросов, их никто не трогал. Когда число их было увеличено до 140,—столкновений тоже не было. Трех-тысячный же отряд немедленно подвергся нападению.

Очевидцы сходятся в одном: в Афинах вспыхнуло одновременно с прибытием этого отряда, восстание венизелистов. Таким образом в течение двух суток в городе происходило формальное сражение: в предместьях шел бой с наступавшими французами, в центральных кварталах—с оказавшимися отлично вооруженными венизелистами. И это двойное сражение окончилось полной победой правительственных войск.

Опубликованное в итальянской [1]) и греческой прессе письмо Венизелоса, подлинность которого, он, впрочем, не мог признать и не признал, содержало, между прочим, следующие предупреждения:

«Последнее давление на афинское правительство будет сделано всеми силами Антанты для того, чтобы опрокинуть преграды искусственно поддерживаемые между ним и нами. Это должно произойти в ближайшее время... Мы действуем рука об руку с Антантой и в полном согласии с нею... Вы должны действовать решительно, без страха, при проведении принятых на наших совещаниях решений. Необходимо в определенный час уничтожить всех намеченных лиц, кто бы они ни были».

По сообщению Извольского «среди французов убито 6 офицеров и убито и ранено 200 нижних чинов».

Это «нападение» считается «несомненно предумышленным и тщательно подготовленным», — но не Гильменом и Дартижем, а греками. Если все это входило в греческие планы, то почему же афинское правительство спешит доставить взятых 1 декабря в плен французов, под конвоем греческих солдат, обратно в Пирей, к адмиралу Дартижу, и затем из'являет готовность дать союзникам—как и раньше за «нападение» на французскую миссию — любое удовлетворение?

Греческое правительство с Константином вместе, лучше кого бы то ни было другого знало, что оно находится во власти союзников и никакой помощи ни откуда ждать не может.

По требованию Гинденбурга, германское правительство предупреждало и раньше, и теперь, в связи с событиями 1 декабря, что Германия не может помочь Греции ни одним солдатом. Одержавши блестящую победу над союзническим десантом в Афинах, греческое правительство продолжает, как если бы ничего не произошло,—сдачу артиллерии и военного снаряжения Дартижу. Между тем, под'ем патриотического настроения в Афинах, после изгнания французов сказался небывалой анти-венизелистской демонстрацией, в заключение которой, в присутствии 100-тысячной толпы, афинский митрополит торжественнейшим образом предал анафеме Венизелоса и портрет последнего был, при общем ликовании, сожжен.

---

[1]) Corriere della Sera, 14. 1916.

Настоящим и полным торжеством афинская бойня была для той политики, которая в Афинах проводилась Гильменом, сообща с Саррайлем.

Петроградское министерство иностранных дел «из весьма секретного источника» узнает (телеграфирует Нератов Бенкендорфу 4 декабря н. ст.), что «Бриан предлагает лондонскому кабинету, кроме принятия целого ряда мер для восстановления спокойствия и обеспечения безопасности союзных войск, приступить к низложению короля Константина и официальному признанию правительства Венизелоса». Петроградское правительство—против этого плана и считает его «практически невыполнимым, в виду ясно обнаружившегося течения в пользу короля среди армии и народа в старой Греции».

Между тем, вопрос о греческих делах в Париже превратился в вопрос партийной борьбы. Противники Бриана обвиняли его в том, что он своею нерешительностью сделал возможным поражение французской армии в Афинах, и уже выдвигали на его место Рибо, который должен был показать истинно «пуанкаристскую» твердость и решимость.

5 декабря, имея от Бриана уже официальную программу «государственного переворота при помощи иностранных сил», управляющий министерством иностранных дел Нератов поручает Извольскому указать, что этот план требует отвлечения в Грецию больших военных сил, так как Греция явно на стороне Константина и не желает Венизелоса. Соннино высказался в том же смысле с оговоркою, что «он знает, что его советов не послушаются, но он все же считает долгом их высказать». Наконец, лорд Грей признал необходимым сначала сосредоточить в Греции «достаточную военную силу», из опасения, что все венизелисты в Афинах будут перебиты, при попытке союзников низложить Константина.

Бенкендорф об'ясняет, что «во время всего последнего периода кризиса в Греции, лондонский кабинет привлекался к обсуждению лишь частично и что неоднократно он ставился перед лицом свершившихся фактов»; поэтому в Лондоне сдержанно отнеслись к предложению Бриана о низложении короля.

Однако, *пока* происходит сосредоточение военных сил в Греции, Бриану больше ничего не нужно; он идет даже навстречу петроградским настроениям и заявляет Извольскому, что «французское правительство не настаивает в *настоящую минуту* на этом предложении».

Но так как пострадали французские войска и пролита французская кровь, то союзникам предлагается пред'явить Греции ультиматум (роспуск греческой армии, выдача «зачинщиков» последних событий, наказание «виновных» и т. д.), в случае же неполучения «в самый кратчайший срок» удовлетворительного ответа,—ген. Саррайлю должно быть предоставлено предпринять соответствующие военные действия». К этому Бриан «присовокупил, что завтра официально будет об'явлено о *блокаде* Греции и что ген. Саррайлю спешно посылаются все намеченные подкрепления».

Таким образом, пока в Греции сосредоточивается французами «достаточная военная сила», время не теряется: притом же союзникам своим французское правительство предоставляет полную свободу рассуждать о пользе и желательности блокады — после того, как она уже об'явлена. Соннино убежден в «несвоевременности и неразумности» обнародования декларации о блокаде, считая, что на деле применить ее надлежало бы, но «не об'являя об этом официально». Грей «срочно» просит французское правительство «воздержаться от официального опубликования блокады Греции».

Но французское правительство, ссылаясь на прежнее согласие лондонского кабинета, отвечает, что опубликование уже произошло. И, действительно, 8 декабря в «Journal Officiel» напечатано: «правительство французской республики, *разделяя мнение своих союзников* по вопросу об об'явлении блокады Греции, настоящим сообщает условия ее проведения»... и т. д.

С этого момента—как это отмечает в своем обзоре греческой политики английского правительства от 13 декабря и Бенкендорф,—в связи со сменой кабинета, английское правительство меняет тактику: убедившись в том, что старания тормозить французскую политику не приводят ни к какому результату и осуждают британскую дипломатию на ту же роль, которую играет русская и итальянская, лондонский кабинет решает взять под свое покровительство Венизелоса, т.-е. бороться с конкуренцией своей решительной союзницы ее же оружием. Первый шаг в этом направлении—официальное признание находящегося в Лондоне агента венизелистского правительства, несмотря на присутствие греческого посланника и без консультации с Парижем, Петроградом и Римом.

Ноты, пред'явленные союзниками 31 декабря и 8 января, в удовлетворение обиды французского правительства и с требованием подчинения важнейших отраслей государственной администрации союзническому контролю, были приняты афинским правительством с неизменной решимостью подчиняться силе. Оно даже облекло в форму из'явления «глубочайшего удовлетворения» принятие к сведению «точных гарантий, которые державы соблаговолили дать ему в отношении его *нейтралитета*, его *внутренней политики* и продолжительности блокады», а также «по поводу революционного движения». Оно просило вознаградить его покорность снятием блокады, ссылаясь при этом на «благотворное влияние, которое произведет на доведенное до крайней степени отчаяния общественное мнение страны». В этом ему было отказано: Блокада может быть снята только после точного и формального принятия и выполнения всех требований союзных держав,—гласила ответная нота союзных посланников 13 января 1917 г.

XII. Блокада.

И так, спор о Константине не был решен, а народу греческому был вынесен с общего согласия смертный приговор. Его казнили голодом. За что и с какой целью? За то, что он не хотел воевать против «исконного» врага? Так думало, без сомнения, подавляющее большинство «добрых французов» и британских патриотов, восхищенных этим зрелищем умерщвляемого голодом целого народа. Но, ведь, мотивируя блокаду, пред'являя одновременно с нею ультиматум, союзники, с Францией во главе, *гарантируют нейтралитет Греции!* Так, быть может, греческий народ казнится за то, что он предпочитает германофила Константина Венизелосу... Ему говорят обратное, заявляя о невмешательстве во внутреннюю греческую политику и о том, что державы, не питая анти-династических планов, не собираются поддерживать «революционное» движение и навязывать старой Греции Венизелоса. Правда, до сих пор говорили о гарантиях безопасности салоникской армии. Но, ведь, теперь она имеет за собою территорию венизелистского правительства, состоящего при ген. Саррайле, а, с другой стороны, она никакой опасности и не подвергалась в Салониках, и в поисках этой опасности ей пришлось раздвинуть операции свои вплоть до афинских площадей и улиц. Остается месть за «славный день», окончившийся так плачевно для французского оружия. Но и тут,—по свидетельству русского и итальянского посланников—«требования держав приводятся в исполнение добросовестно», о чем Сонино заявляет в Риме Гирсу...

И так, все требования, пред'явленные Греции, приняты ею, и все они исполняются ею добросовестно. При таком положении вещей, 14 февраля, *в* заседании союзных посланников, французский дипломат делает сенсационное заявление... о снятии блокады?.. о, нет: «*о предложении адмирала* (*Дартижа*) *бомбардировать Афины*»[1]).

У адмирала есть на это основание. «Внутреннее положение в Греции,—об'ясняет в своем донесении Демидов,—стало принимать тревожный оборот *в связи с сохранением блокады,* приписываемым Венизелосу, и угрожает *новой народной вспышкой* против либералов (венизелистов), а отчасти против французских контрольных офицеров и агентов».

Союзные посланники решают, что надо—прежде, чем бомбардировать Афины—об'яснить населению, для чего оно истребляется, почему оно казнится голодной смертью,—тем более, что афинские газеты говорят о том, что палачи не всегда заслуживают не только повиновения, но и благодарности со стороны своих жертв. Посланники решили предложить своим правительствам проект «строгой ноты с предупреждением о последствиях враждебной газетной кампании и недобросовестного выполнения обяза-

[1]) Телеграмма Демидова от 2/15 февраля 1917 г.

тельств (!) и с раз'яснением причин, препятствующих упразднению стеснительных мер против Греции». Эта строгая нота должна была быть пред'явлена греческому правительству, одновременно с опубликованием во всеобщее сведение.

В тот же день французский посланник об'явил греческому председателю совета министров, что «если венизелисты подвергнутся новым насилиям, адмирал не остановится перед *обстрелом Афин, несравненно на этот раз более действительным, чем произведенный в свое время*», (т.-е. 1 декабря). К этому Гильмен «присовокупил, что *если блокада вызвала смертные случаи, то это является следствием неправильного распределения припасов*, и что *судьба блокируемых его не разжалобит*, раз король и королевская семья продолжает по прежнему посещать вечера и зрелища и предаваться всякого рода увеселениям».

Разумеется, посланник императора самодержавца всероссийского скандализирован этим заявлением бравого дипломата французской республики: «подобное заявление в официальной беседе представляется не только неуместным, но способным лишь усложнить положение»,—замечает он.

«Лично мало сочувствуя вручению предположенной ноты», он готов «приобщить к ней свою подпись... в видах солидарности». Итальянский посланник, напротив, категорически отказывается письмом на имя английского посланника от участия в этом выступлении, считая его во всех отношениях недобросовестным, а снятие блокады «вопросом чести»; в Греции, действительно «существует враждебное Согласию настроение», но «продолжение блокады может таково лишь усилить». Предположенное обвинение греческого правительства в сдаче не всех винтовок, имевшихся в стране, и граф Боздари, и Демидов считают «крайне шатким», ибо их сдано более 100 тысяч, и никто не знает, сколько их имелось в стране и сколько осталось. Соннино соглашается с тем, что настроение, вызвавшее угрозы бомбардировкой, создано блокадой, и высказывается, главным образом, в смысле необходимости всеми мерами избегнуть случаев смерти населения от голода; «он опасается» общественного мнения *Америки* «и вмешательства *Вильсона* в пользу греков, как раз в то время, когда мы должны были бы стремиться привлечь его на нашу сторону». Тогда в Париже возникает план. добиться устранения неудобных свидетелей—Эллиота, Боздари и Демидова. Бриан предлагает одновременно отозвать всех четырех посланников с тем, чтобы они были заменены новыми лицами [1])... «Французское правительство,—доносит 2—15 апреля явно растерявшийся Демидов,—по-видимому, решило идти напролом».

Вопреки обязательству держав не способствовать распространению венизелистского движения, оно не только грозит бомбардировкой Афин—в случае «насилий» над венизелистами, но продолжает захватывать острова

[1]) См. телеграмму Извольского 5/18 февраля и др.

и передавать их венизелистскому правительству. Не только итальянцы, «но также и английские агенты в Греции, начиная с Эллиота,—сообщает Демидов 9—22 февраля 1917 г.—проявляют большое недоверие к образу действий французов в Греции и к общему поведению ген. Саррайля. Только они тщательно избегают высказываться на сей счет, а *тем более открыто противодействовать* нашим щепетильным союзникам, пытаясь постепенно и *незаметно смягчать преувеличенное суждение* последних, парализовать значние получаемых от французских агентов неправильных подчас данных и *приостанавливать принятие слишком крутых мер,* вроде *бомбардировки Афин,* этого памятника искусства и *незащищенного* при этом *города,*—каковым действием было бы на долгие года запятнано доброе и великое дело союзников».

Эта характеристика верна наполовину. Когда дело идет о закреплении французами за собою *результатов* «крутых мер», англичане противодействуют не исподтишка, а открыто и решительно.

Например, французский проект установления контроля в Греции, отдавший это дело в руки, главным образом, французов (см. телеграмму Демидова 7—20 марта 1917 г.), был сочтен английским посланником «трудно приемлемым, по причине чрезмерного преобладания французского элемента и косвенной зависимости контролеров от ген. Саррайля через подчиненного ему директора контроля, ген. Кобу». Немедленно английский посланник «подает в Лондоне мысль, что *Англии надлежало бы взять греческие дела в свои руки,* что *ген. Саррайль,* от коего можно ждать всяких неожиданностей, *должен быть отозван, а морское командование передано английскому адмиралу*». 5—18 апреля король в результате совещания с английским посланником, решает призвать к власти Заимиса, в виду прямого заявления Эллиота, что выбор Заимиса приведет к восстановлению добрых отношений с державами Антанты.

Еще раз наступает момент, когда правительство короля Константина—лишившееся «родственной поддержки в Петрограде», (по выражению Демидова), вследствие мартовской революции в России, — приближается к соглашению с державами Антанты. И еще раз это соглашение срывается французским правительством.

На междусоюзническом совещании в Савойе 9/22 апреля Рибо, сменивший Бриана, об'являет, что как раз теперь «французское правительство имеет доказательства недобросовестности греческого правительства, допускающего возвращение на север переодтыми греческих солдат, удаляемых в Пелопонес. Такое его, (т.-е. греческого правительства) поведение грозит серьезной опасностью союзным войскам, требуя сохранения на греческом фронте двух французских дивизий, необходимых Саррайлю для военных операций против болгар... На замечание Рибо, что ответственным лицом является король и что надлежит предупредить греческое правительство о возможности пред'явления союзниками требований о низложении короля, Соннино согла-

сился с этим, при условии, что союзники не будут покровительствовать провозглашению республики в Греции... Он об'яснил, что провозглашение республики могло бы... в Италии привести к внутренним беспорядкам и саботажу войны. Рибо и Ллойд-Джордж приняли условие Соннино» [1]).

«Цель Рибо — телеграфирует Извольский 21 апреля, — осуждающего политику Бриана в греческом вопросе, была расширить программу, установленную римской конференцией, не только стеснившую свободу действий Франции в Греции, но позволившую Италии захватить в Афинах неподобающую ей первенствующую роль (!?). Цель эта, повидимому, достигнута... В итоге достигнуто соглашение по следующим двум главным пунктам: 1) все три кабинета (Парижский, Лондонский и Римский) заявляют о неимении у них видов на о. Корфу, 2) за французским правительством признается свобода действий в Греции, причем не исключается возможность свержения короля Константина... На совещании был затронут вопрос об итальянских вожделениях в Малой Азии, причем итальянские министры настаивали на предоставлении Италии всего Конийского вилайета и Смирны. Им было отвечено, что вопрос этот должен быть разрешен по соглашению между 4 державами, но что ни Франция, ни Англия не имеют видов на Смирну».

По поводу результатов этого совещания, «предоставившего Франции свободу действий в Греции вплоть до принятия самых радикальных мер», Демидов забил тревогу: он предвидит кровопролитие, гражданскую войну и просит, по крайней мере о «заблаговременном предупреждении о времени приступления к решительным мероприятиям в видах обеспечения безопасности миссий»...

Вторичное совещание по греческим делам,—в Париже 6 мая 1917 г.,— решает, опять-таки по инициативе Рибо, вопрос об оккупации союзниками (французами) Фессалии с Ларриссою «главным образом с целью овладения тамошним урожаем». Итальянский посол попытался «поставить решение сказанного вопроса в зависимость от удовлетворения вожделений Италии на *Смирну и другие мало-азиатские области*. Рибо самым категорическим образом, отклонил эту попытку. Ллойд-Джордж, со своей стороны, заявил, что хотя лондонский кабинет *не возражает против приобретения Италией Смирны* на известных условиях, окончательное решение этого вопроса может последовать лишь по соглашению с *Россией*.

Извольский имел возможность тут же передать отрицательное отношение российского временного правительства к «велико-греческим вожделениям Венизелоса, могущим оказаться в противоречии с интересами России», а также пожелание временного правительства о том, что после низложения Константина, «решение вопроса об установлении нового образа правления в Греции должно быть предоставлено самому греческому народу».

---

1) См. телеграмму Извольского 24 апреля 1917 г. где дается схема предательской политики французского правительства в отношении Венизелоса; о ней ниже.

Ллойд-Джордж чрезвычайно энергично выразил свое согласие с этим и пришел, вместе с французскими министрами, в сильнейшее негодование когда итальянский посол хладнокровно констатировал, что «греческий народ примет, вероятно, решение, которое будет *подсказано* ему союзниками».

Английское правительство предоставило, как мы видим, французскому действовать до конца. Более того, оно деликатно нажимало на французское правительство, и вместо того, чтобы «тормозить», «смягчать» и« приостанавливать» крутые меры, отнимало у французского правительства почву для сохранения неопределенного положения в Греции. Оно пожертвовало Константином. Оно решило, наконец, дать французам возможность и даже обязать их дойти до конца, «до государственного переворота при посредстве иностранных сил» с тем, чтобы затем — также, как в вопросе об организации контроля—деликатно, но решительно поставить французов на надлежащее место.

Только что в Афинах все спрашивали себя, по сообщению Демидова,— чего хотят союзники? Теперь все знают, что французы решили свергнуть короля. Знает это и новый глава греческого правительства Займис, которому английский посланник обещал—также, как и Константину—помощь великобританского правительства. В чем же должна была выразиться эта помощь?

В дальнейшем намечается следующий ответ на этот вопрос: Ллойд-Джордж расчитывал на *временное удаление Константина и на возвращение его,* со всеми вытекающими отсюда,—пренеприятными для французов, разумеется,—последствиями. Состоялось ли между Константином и лондонским правительством прямое соглашение в этом смысле? Если даже и нет, то, как мы увидим и как показали обстоятельства, при которых состоялось возвращение Константина, и сам он, и английское правительство были к этому настолько подготовлены, что обе стороны в полном согласии приступили к продолжению дела, уплывшего из рук Венизелоса и покинутого французской дипломатией.

В ожидании дальнейших событий, Займис решил по его собственному выражению «*утомить Францию уступками*». Напрасная надежда! Франция, перед которой нет теперь препятствий, Франция без английского «тормоза» не оглядывается по сторонам и не смотрит на тех, кто на ее дороге. Сонино протестует против отвлечения в Грецию военных сил из Салоник и возобновляет «энергичный протест против насильственных мероприятий». Министр иностранных дел временного правительства, Терещенко, считает, что «намеченный французами и англичанами план греческого переворота для своего осуществления потребует отвлечения из Македонии значительных сил, создаст угрозу новых осложнений, расхолодит и подорвет народившееся бодрое наступательное настроение нашей южной армии, так как противник сможет перебросить освободившиеся в Македонии войска в угрожаемый сектор» и т. д. (телеграмма Терещенко в Париж и Лондон, 4 июня н. ст.

1917 г.) *Даже сербское правительство,* по отношению к которому совершен «первородный» грех Константином, «выражает крайнее недовольство отвлечением части союзнических войск с Македонского фронта». Английский посланник уже собирается вернуться к роли тормоза с прибытием назначенного (для оккупации Греции и низложения Константина) «верховным комиссаром» в Греции Жоннара.

Демидов 4 июня заключает из бесед с Эллиотом и Гильменом, что «на лондонском совещании союзники сговорились в смысле уступки французским настояниям» и что «прибытие Жоннара, в качестве комиссара союзников в Греции, состоится на днях». Он отмечает военные приготовления для оккупации Фессалии и предостерегает от движения на юг или требования отречения короля, во избежание «крупного возмущения и кровавой расправы с венизелистами». «Трудно, конечно, учесть психологию полуголодного, хотя в высшей степени терпеливого населения... Многое, вероятно, будет зависеть от образа действий Жоннара, при котором английскому посланнику поручено оставаться некоторое время в качестве опытного советника по греческим делам»... Граф Боздари полагает, что жизненные интересы Италии отнюдь не позволяют ей равнодушно относиться к *французскому вторжению в Грецию,* добавляя, что Италия себя компенсирует оккупацией всего Эпира с Японией до Превезы и что он вовсе не намерен подчиняться Жоннару.

«При этом приемлю смелость заметить,—заключает Демидов, — что преследуемый Францией курс в отношении Греции отнюдь не отвечает моим понятиям политической нравственности и едва ли, на мой взгляд, обоснован соображениями общей целесообразности... Навязывание Греции Венизелоса, в связи с сохранением небывалой 6-тимесячной блокады не только не согласуется с торжественным обещанием держав, *предельно обезоруживших Грецию,* но коренным образом, по моему, расходится с возвещенными Согласием высшими началами свободы малых наций и права народов на самоопределение» [1]).

«Тормозить» Жоннара полагалось бы Эллиоту, но перед решенным уже своим отъездом, Эллиот, вынужден «после некоторого колебания» передать Заимису «документ» Жоннара, извещающий греческое правительство о походе «за урожаем» в Фессалию, о том самом походе, от которого Эллиот собирался во что бы то ни стало удержать Жоннара и Саррайля. В оправдание свое он находит возможным заявить лишь, что «это действие будет последним его политическим выступлением».

По сведениям Эллиота, вторым шагом Жонара будет вручение греческому премьеру ультиматума с требованием отречения короля и ответа в 24-хчасовой срок, с занятием в ту же ночь Пирея французским отрядом.

---

[1]) Заместитель Извольского, г. Севестопуло, раз'ясняет позже, что формула „право народов на самоопределение" не может быть даже переведена на французский язык, а потому в этом деле с французов взятки гладки.

«Проводимая здесь французами политика — телеграфирует в день получения этих сведений (7 июня н. ст.) Демидов, — и поставленные ею на очередь задачи в Греции *ни в отношении политическом, ни нравственном, ни главное, военном* — не встречают моего сочувствия». Бедный Демидов знает уже, что французское правительство принимает меры к тому, чтобы он был убран из Афин, и просит лишь о том, чтобы «отозвание официально состоялось на тех же основаниях, как отозвание английского представителя».

XIII. Justice.

7 июня, вечером, на Саламинский рейд прибыл «*чрезвычайный французский комиссар союзников*», бывший французский министр, Жоннар.

Из последующих документов мы узнаем попутно две интересные подробности, весьма различного, однако, интереса и значения.

Во-первых, г. Жоннар избрал постоянным местопребыванием своим французское военное судно под выразительным названием «Жюстис» — слово, которое популярнейший во Франции энциклопедический словарик «Larousse», определяет как «*добродетель, в силу которой каждому возвращается то, что ему принадлежит*».

Во-вторых, этот живой символ справедливости и правосудия, эта олицетворенная добродетель французской буржуазии, которой в Греции уже принадлежат разнообразные имущества и законнейшее право кредитора на приобретение других, — этот «внимательный» и «весьма рассудительный» г. Жоннар скромно отрекомендовался Демидову «*директором правления Суэцкого канала*».

У меня, — внушительно заявил господин Жоннар — большие связи в Англии.

Ему доверяют в Англии. «В его личности, — снисходительно поясняет он русскому посланнику, — английское правительство усматривает известную гарантию умеренности, так как в качестве директора правления Суэцкого канала... он имеет много связей в Англии»... И притом — разве не ясно? — он сидит, так сказать, на «правосудии», его местопребывание «справедливость», его принесла по волнам Средиземного моря, добродетель, возвращающая каждому то, что ему принадлежит!

Около часа Демидов потратил на то, чтобы «с полной откровенностью» обрисовать перед чрезвычайным комиссаром положение дел. «В продолжение часа я развивал его в смысле Вашей (Терещенко) телеграммы, не скрывая ошибок обеих сторон», тенденционного освещения событий фанатическими агитаторами, «пагубного смешения военной и дипломатической компетенции», «опасности междуусобицы и анархии по пред'явлении требования об отречении популярного короля»... «Я его предостерег к тому же против военных выступлений и того настроения (Саррайля, повидимому), которое он, без сомнения, найдет в Салониках».

«Жоннар внимательно меня выслушал и показался мне в общем весьма рассудительным и умеренно настроенным».

После приличного обмена мнений, Жоннар успокоил взволнованного собеседника заявлением, что «у него пока не имеется определенного предписания потребовать отречения короля», хотя, по получении его, он, конечно, «вынужден будет пред'явить председателю министров соответственное требование», — как это ни прискорбно. Дело в том, что он не любитель такого рода поручений (стаскивать коронованных особ с престолов), — вдобавок у него нет никакой верительной грамоты, если не считать такой грамотой вывеску «Justice», украшающую его плювучую контору... Если он и согласился, в виде исключения, принять щекотливое поручение в этой стране, то не потому, что он охотник делать такие неприятности коронованным особам, а «*вследствие настояний английского правительства,* усматривающего в его личности известную гарантию умеренности»...

Господину посланнику и временному российскому правительству беспокоиться не стоит: здесь свои люди, люди деловые, и они столкуются. Жоннар не имеет удовольствия быть знакомым с директором греческого банка, г. Заимисом, но у них есть общие друзья в Англии и он сочтет приятным долгом «войти с ним в сношения, по возвращении из Салоник, дней через 5». «Хотя неимение верительной грамоты ставит его, очевидно, в ненормальное положение к греческому правительству»...

Вслед за тем г. Жоннар перевел разговоры « на цены». Он заверил Демидова, что цены (по которым произведена будет реквизиция фессалийского урожая) будут «более, чем приемлемые». Демидов попытался поколебать собеседника напоминанием об «авантюре адмирала Дартиж Дю-Фурне».

— О, с этой стороны можете быть покойны,—возразил благодушно г. Жоннар,—я буду обеспечен военной силой раньше, чем мы приступим к операции с ультиматумом.

— Однако, — продолжал Демидов, — этот план действий толкает Италию на сепаратное выступление, в роде провозглашения албанского государства под ее протекторатом и занятие ею греческого Эпира.

Чрезвычайный комиссар выразил явное неудовольствие:

— Италия в самом деле переходит границы справедливости!..

Недаром итальянский посланник отказался посетить Жоннара. Что же касается английского посланника, то с ним разговор был, судя по изложению Демидова, короче:

— Нельзя ли ограничиться требованием удаления короля до окончания войны, с назначением одного из королевичей регентом? — справился Эллиот.

— Я должен действовать на основании предписаний из Парижа, — ответил сухо г. директор.

«Мой великобританский коллега, — заключает свое замечательное сообщение Демидов, — готовится к от'езду, так как получил впечатление, что французский комиссар мало настаивал на его присутствии».

В тот же день, 7 июня, Терещенко телеграфировал поверенным в делах в Париже и в Лондоне:

«Сегодня я передал А. Тома и сэру Бьюкенену памятную записку, в коей прошу их обратить внимание правительств Франции и Великобритании на крайнюю желательность повременить по военным соображениям, с выполнением их проекта относительно переворота в Греции. «В этом решении двух правительств, Терещенко усматривает, сверх всего прочего, отказ от принципа солидарности союзников, так как решение состоялось без «согласия России, одной из держав-покровительниц».

9 июня, Демидов сообщает о занятии итальянцами Янины «по согласию, если не по просьбе, Заимиса». Итальянский посланник заявил Демидову, что эта оккупация — ответ на появление 2000 французских солдат на о. Левкасе и что итальянцы займут также Превезу и область Пинда.

Следующий день дает любопытный материал для сравнения детских упражнений петроградской дипломатии с классическим стилем британской дипломатической игры. Уже 9 июня, ночью, английский посланник (который, как оказывается, никуда не думает уезжать) узнал от Жоннара, что «нота, совмещающая требование отречение греческого короля с ответом в 24 часа, и решение о закупке (реквизиции) Фессалийского урожая, не взирая на отговорки лондонского кабинета, будет передана Заимису сегодня, (10 июня), в 6 часов вечера. 10.000-ный отряд французов уже находится в пути, и этой ночью должен занять Пирей, с немедленным дальнейшим наступлением на Афины. 10-го же июня, Терещенко срочно телеграфирует: «Бьюкенен передал нам просьбу своего правительства поддержать в Париже представление великобританского посла относительно отозвания генерала Сарайля и замены его другим, более подходящим лицом».

Одновременно, английский посланник пред'являет срочную телеграмму из Лондона с протестом своего правительства против оккупации Пирея, не предусмотренной лондонским совещанием, которое имело в виду лишь занятие Коринфского перешейка, но не десант в Аттике — и т. д. Длинный перечень возражений ранее заявленных со стороны России, Италии и Сербии против создания смуты в Греции, заканчивается предложением требовать только удаления короля до конца войны, а не отречения его.

11 июня в Пирейском порту состоялось свидание и знакомство двух «директоров», — Жоннара и Заимиса. На следующий день Демидов узнает, что «в беседе с Заимисом, Жоннар проявил большую твердость, хотя ультиматума не пред'явил. *Верховный комиссар сказал Заимису, что его родной город Аррас, будучи разрушен до тла, он не остановится перед бомбардировкой Афин*».

Неуклюжая фраза эта, видимо, представляет точный перевод с французского. Вряд ли рассудительный обитатель «Справедливости», вооруженной Шнейдером-Крезо, ограничился этим заявлением для первого знакомства с уважаемым директором греческого банка. К сожалению, подробности

этого свидания мы не узнаем из мемуаров ни Заимиса, ни Жоннара; деловые люди болтовней не занимаются. Но Демидов сообщает, что Жоннар заявил Заимису: Фессалийский урожай он заберет во что бы то ни стало, относительно же короля он повременит до получения указаний.

В полдень, 11 июня, Жоннар передает Заимису от *имени трех держав-покровительниц* ноту, требующую *отречения* короля Константина, вследствие нарушения им конституции. Срок ультиматума (как предвидел Эллиот) — 24 часа. Приложенный к ноте меморандум 1) устраняет от престола законного наследника, признаваемого неспособным к «конституционной политике», 2) обещает королю по от'езде из Греции содержание (разумеется, за счет Греции) в 500.000 драхм, 3) предупреждает о применении силы, в случае «беспорядков» и сопротивления [1]).

В 4 часа дня, Жоннар предложил Эллиоту собрать всех союзных и нейтральных посланников для обсуждения мер безопасности «в предвидении событий». Во время заседания, к Эллиоту явился Заимис с заявлением, что он рекомендует королю отречься. Английский посланник ответил «указанием на необходимость точного подчинения ультиматуму».

Тут же Демидов узнает, во-первых, что Превеза занята итальянцами и, во-вторых, что на просьбу об увольнении Саррайля «французское правительство ответило готовностью обсудить вопрос по миновании настоящих происшествий в Греции». Так был парирован маневр лондонского кабинета...

В 11 часов утра, 12 июня, Демидов сообщает, что король «решил отречься от престола» (как увидим информация не точная), и преемником назначил второго сына, Александра. Ответ греческого правительства гласил: «Так как Франция, Великобритания и *Россия* сегодняшней Вашей нотой требуют отречения его величества короля Константина и указания его преемника, нижеподписавшийся министр-председатель и министр иностранных дел имеет честь сообщить вашему превосходительству, что его величество король решил вместе с наследником принцем, *покинуть страну* [2]) и назначить своим преемником принца Александра».

Вечером, по обнародовании известия о решении короля, лавки стали закрываться и в населении заметно было постепенное нарастание возбуждения... На улицах образовались кучки, а потом и сборища... Густая толпа, окружившая с вечера дворец никого оттуда не выпускает, так что король, решивший было выехать ночью в Татой до прибытия английского судна (от французского он отказался) принужден был остаться в Афинах. На прилегающих к дворцу улицах сейчас сильное волнение. Король внушил представителям партий и лиг блюсти полный порядок во имя благополучия Греции.

В 4 часа пополудни — «народ еще окружает дворец... Верховный комиссар настаивает на скорейшем от'езде короля... Английский посланник

---

[1]) См. в приложении.

[2]) Об отречении ни слова.

высказал гофмаршалу необходимость, чтобы король покинул Афины самое позднее сегодня вечером, так как подозрительность французов растет... Из-за жары (!) союзные войска высаживаются, угрожая наступлением в случае, если бы король продолжал пребывание в возбужденном городе... Присяга *короля Александра* состоялась».

12 июня: Жоннар из'являет намерение сохранить Займиса у власти, с приобщением к его кабинету нескольких венизелистских министров и не намерен пока призвать самого Венизлоса в Афины. Английский посланник решительно собирается уехать в продолжительный отпуск, «оставляя дальнейшее ведение греческих дел всецело верховному комиссару».

13 июня: Спокойствие не нарушается; напротив, заметно улучшение настроения под влиянием прокламации Жоннара [1]), обещавшей снятие блокады, амнистию и *соблюдение нейтралитета Греции*. «Отныне — пишет Демидов, — наступает франко-греческий медовый месяц... Французский комиссар, остается, повидимому, в Афинах, в качестве верховного распорядителя внешних и внутренних судеб Греции... Последний переворот, без сомнения отдает Грецию в руки нашей нынешней союзницы. Король Константин, искренно желавший блага страны (!) пал жертвой окружавшей его среды... и т. д. «В общем его поведение со времени вручения ультиматума до отбытия из Греции отличалось прямотой и достоинством», — так изливает Демидов свои чувства.

14 июня: «Пирей занят французами, некоторые части которых дошли до непосредственной близости с Афинами. «В Фессалии столкновение французской армии с греческими отрядами. Французами (по заявлению Займиса) оно сочтено будет простым инцидентом».

16 июня: «Займис сказал мне (Демидову), что *верховный комиссар уверил его, что державы не воспротивятся возвращению короля*. Займис озабочен продолжающейся высадкою союзных войск в Пирее и спросил меня о причинах, в виду полного порядка. Он намекнул, что несмотря на уверения верховного комиссара о намерении создать самостоятельную и сильную Грецию, может быть, *Франция стремится к протекторату*. Должен признать, что для меня это скопление войск представляется мало об'яснимым. Десант продолжается. Высажен другой русский полк. Общая численность оккупационных войск в Греции достигает внушительной цифры 30.000». В том числе, как мы видим, и русские полки, тогда как от имени русского правительства г. Терещенко 15 июня телеграфирует поверенному в делах в Париже:

«Мы с удивлением осведомились о том, что французский верховный комиссар, прибывши в Грецию, пред'явил ультимативное требование об отречении греческого короля и назначении ему преемника от имени трех держав-покровительниц... Французскому правительству известно, что... мы не только не давали согласия на немедленное приведение в исполнение проекта госу-

[1]) См. приложение.

дарственного переворота в Греции, но и возражали неоднократно против своевременности такого образа действий... Из заявлений, сделанных лордом Сесилем в палате общин, в ответ на пред'явленный ему запрос, видно, что великобританское правительство также не считало Жоннара действующим от имени Англии. Мы считаем такое выступление Жоннара без нашего ведома, неправильным и просим вас об этом довести до сведения французского правительства».

Демидову только 18 июня *«удалось добыть»*, по его выражению, текст ультиматума и меморандума, врученных Заимису Жоннаром 11 июня от имени и России.

XIV. Медовый месяц.

«Тяжело приходится Греции от «французских свобод», а, главное возмущается население и офицерство», — скорбит 21 июня 1917 года Демидов. Французские генералы установили в Пирее и в Афинах фактически военное положение. Демидов «в душе вынужден сожалеть о том, что *предназначенная для освобождения Сербии салоникская экспедиция принимает форму похода на обезоруженную мирную Грецию*».

У Жоннара нет времени разговаривать с русским посланником. В виде особого снисхождения он поручил своему секретарю держать Демидова «в курсе его переговоров с Заимисом». От этого секретаря Демидов узнает, что Жоннар поставил себе задачей примирить Заимиса и Венизелоса, «в качестве советника или арбитра», но что Англия напирает на возможно незамедлительное возвращение Венизелоса. На запрос Демидова относительно необычайного сосредоточения войск — в том числе и русских — вблизи Афин, секретарь Жоннара ответил, что войска эти не имеют целью занять Афины, если в столице не возникнуть беспорядки.

По требованию своего правительства, Демидов добивается свидания с Жоннаром, для выяснения вопроса о знаменитом ультиматуме. Из разговора выяснилось одно: Жоннар *«считает себя уполномоченным трех союзных правительств»*, — что бы ни думали об этом в Петрограде. На этом ставится точка. Вопрос о праве Жоннара именем России производить государственный переворот — исчерпан. Заключение Демидова: на верховного комиссара «повлияла необходимость быстрого создания совершившегося факта, при известном ему несочувствии предприятию со стороны лондонского и петроградского кабинетов».

Из дальнейшей беседы выясняется, что Жоннар останется в Афинах до достижения соглашения между Заимисом и Венизелосом.

Последний, по его словам, доставляет ему много хлопот и неприятностей; он «горько жалуется на сговорчивость и нетерпение» Венизелоса, — за которым, как мы уже знаем, стоит английская дипломатия. Цель ее ясна:

поставить возможно скорее у власти Венизелоса и тем самым освободить французов от дальнейших забот о Греции.

Французы напротив, стараются использовать положение и оттянуть передачу власти Венизелосу.

«Саррайль принимает спешно меры, способные лишь возбуждать здешние настроения и тормозить умиротворяющую задачу Займиса», — сообщает Демидов 21 июня. Жоннар не пускает Венизелоса в Афины, но создает «обстановку венизелистского террора». Он высылает из Греции уже не только германофилов, но и руссофилов, как депутат Драгумис.

15 июня Жоннар, наконец, облагодетельствовал Грецию: он об'явил о снятии блокады и впустил первый пароход с хлебом в Пирей. Но Венизелоса, который «все больше торопится своим возвращением», упорно не пускают в Афины, — тем более, что он хлопочет об удалении «иностранных войск, присутствие которых способно умалить его в глазах многих греков, видящих в нем ставленника иностранцев». Дело все же кончается тем, что Займис подает в отставку, и Александр призывает — 25 июня 1917 г. — Венизелоса к власти. В этот самый день Жоннар пред'являет угрозу вторичной блокадой Греции за укрывательство высылаемых из Греции агитаторов.

При таких обстоятельствах возбуждается весьма занимательная полемика между Демидовым и г. Севастопуло, русским поверенным в делах в Париже, заместителем Извольского.

Севастопуло приходит в исступление от одного намека Займиса на стремление Франции к протекторату в Греции.

«Гнусная клевета», интрига «германских агентов», «слухи, распускаемые врагами и пацифистами», — так квалифицирует он эти подозрения и «не понимает, как Займис осмелился высказаться таким образом при союзном посланнике», (т.-е. как Демидов это допустил). Он не отрицает, что «парижский кабинет поступил бесцеремонно» и без достаточных реальных поводов, но не может непризнать вескими два французские аргумента: фессалийский урожай и нарушение Константином конституции... Он признает даже «влияние личных мотивов Бриана и парламентских соображений Рибо», понимает также, что «местные агенты, в роде Гильмена, своей безтактностью и тенденциозным освещением фактов, могли вывести из терпения своих коллег». Но «цели Франции были ею нам высказаны полностью», и «в Греции главной заботой Франции являются военные интересы союзников; поэтому, если... политика Венизелоса удовлетворит Англию, то она тем самым удовлетворит и Францию, и ни на какое соперничество между этим нашими союзницами в Греции не должно рассчитывать».

«Под словом *протекторат,* — возражает Демидов (23 июня), — Займис подразумевает фактическое подчинение страны Франции, а к такому исходу дело клонится, хотя в случае утверждения в Греции Венизелоса, Греция может снова возвратить себе независимость. В качестве приверженца, главным образом, Англии, он будет, вероятно, искать в ней опору и противовес вожде-

лениям Франции, которой он пользуется ныне в целях своего восстановления. Во Франции наступит разочарование Венизелосом, в этом я не сомневаюсь. Я убежден, что раздражение общественного мнения в союзных странах было долго искусственно поддерживаемо. Например, заявление Рибо в С. Жан-де-Морен, что Греция уклонилась от выполнениня всех военных обязательств ультиматума, в то время, когда чуть ли не весь материал армии был перевезен уже в Пелопонес... Неблагодарность народа сводится к неохоте взяться за оружие после двух лет войны и бесконечной мобилизации.

«Греческий вопрос приобрел новое значение, благодаря созданию из него во Франции платформы борьбы двух партий. Можно сказать, что в *продолжение шести месяцев, греческий народ голодал для того, чтобы во Франции дискредитирован был Бриан.*

«Ныне, в ущерб первостепенным целям Союза (Антанты), сюда направлен целый корпус с Македонского фронта для состязания с призраком. Король уволен, а войска не трогаются.

«Державы, ссылаясь на права свои охранять греческую хартию, *сами ее,* повидимому, (?) *нарушают,* причем Франция распоряжается *без надлежащего мандата, от имени России.* Наконец союзные дипломаты удаляются из Греции, чтобы предоставить Франции больший простор в действиях.

«Создаются совершившиеся факты, против которых приходится во имя союза, ограничиваться принципиальными возражениями».

Петроградское временное правительство стало на точку зрения Демидова и опубликовало декларацию в этом смысле, — тогда и Севастопуло заговорил о «каком то ослеплении французского общественного мнения» (телеграмма 9 июля).

27 июня Венизелос приносит присягу с новым кабинетом. «Французские войска стоят шпалерами по обеими сторонам аллеи, ведущей из Пирея (в Афины) и на главных улицах Афин. Скверы оцеплены французскими солдатами при пулеметах».

На другой день новое правительство дебютирует приостановкой гарантии судейской несменяемости, в целях очистки судейского состава и приступает к смещению государственных служащих, не принадлежащих к венизелистской партии.

29 июня отзываются греческие представители из враждебных Антанте государств.

А 1 июля Жоннар делает визит Демидову и развивает перед ним свои планы в отношении Греции.

«Он предполагает вскоре уехать, чтобы впоследствии вернуться в Афины и *приступить к осуществлению обширной военно-промышленной* программы... Он намечает *созидание в стране новых отраслей промышленности,* а именно на первых порах *основать заводы и мануфактуры* для изготовления сукна, обуви и вообще продуктов, поддающихся по местным условиям, легкому производству. В этой программе, вероятно, уже разработанной,

кроется—заключает Демидов, — небезинтересный, как мне кажется, факт подготовки к тесной в будущем экономической связи с Грецией. Небезинтересно также, что при этом свидании (что и было, очевидно, целью его), Жоннар сделал попытку припугнуть Демидова, предупредивши его, что в Париже считают Демидова виновником возражений временного правительства против действий Франции.

Вслед за тем, — не взирая на благородное негодование г. Севастопуло, — Греция принимает вид не то Алжира, не то Марокко под властью Лиоте: 5 июля Саррайль в'езжает с величайшей помпой в Афины. Обсуждается вопрос о том, будут ли при реорганизуемой греческой армии инструкторами только французы или союзные военные агенты в Греции. Французский национальный праздник 14 июля празднуется не менее торжественно, чем на родине г. Жоннара, и с соблюдением всех парижских обычаев. Афины и Пирей разукрашены французскими и греческими флагами. Иллюминация, шествия, фейерверки, военные парады, правительственная манифестация на могилах французских моряков, убитых 1 декабря. При всем том, «особого воодушевления у греков не наблюдалось, и праздник носил несколько искусственный характер», не взирая на то, что послушная «печать единогласно превозносит заслуги Франции перед Грецией и человечеством».

Все же, при поддержке английского правительства, Венизелосу удается выговорить у французов согласие на снятие контроля и на возвращение реквизированных судов,—однако, последнее остается лишь формальным удовлетворением Венизелоса, так как французы оставляют эти суда в своем распоряжении в интересах «обще-союзного дела».

Итальянское правительство в свою очередь ставит условием эвакуации Эпира очищение Греции французскими частями и отвод с Афона франко-русского отряда.

Вопрос о прекращении оккупации Греции поставлен был в программу союзнической конференции в Париже; в заседании 26 июля, греческий посланник настаивал на восстановлении греческого правительства в его правах, ссылаясь на «равное с другими союзниками положение Греции, после ее выступления, и на трудности, которые причинили бы правительству Венизелоса, проявления к обновленной Греции недоверия». В защиту Греции «особенно сильно, в резких выражениях выступил Ллойд-Джордж».

Между тем, внутреннее положение Греции было таково, что Венизелос мог удерживать власть только режимом террора. Ежедневно массами офицеры покидали армию. Население страдало от дороговизны и недостатка хлеба, выдававшегося в количестве 50 грамм на человека. Смещались не только судьи, но и духовенство. Арестовывались по всякому поводу и малейшему подозрению в сочувствии к королю или антипатии к венизелистам.

Собранная венизелистская палата депутатов 1915 г., 7 августа постановила воспретить свободное печатание парламентских речей и об'явить военное положение в Аттике и Беотии, а затем и во всей стране.

В то же время отношения Венизелоса с Италией таковы, что он «горько жалуется» на итальянскую политику захватов и сеяния вражды между Грецией, Сербией и Румынией. И даже с Францией начинаются серьезные нелады, так как Венизелос стремится сбросить иго французской диктатуры. Французы, например, требовали для себя верховного командования в греческой армии; Венизелос соглашался оставить в их руках интендантскую часть.

27 августа петроградское правительство осторожно пытается осведомиться, когда же французы собираются уйти из Фессалии, « в виду того, что итальянцы связывают пребывание своих войск в Эпире с нахождением французских в Фессалии».

18 августа Венизелос заявил Демидову « в состоянии раздражения, что податливость союзников в отношении Италии переходит пределы и, что Греции придется отправить в Эпир 15.000 войск, чтобы заставить итальянцев подчиниться постановлениям союзной конференции». А пока идет наступление на Национальный банк, откуда вытесняют и «честного беспартийного деятеля» Занциса, ибо, по заявлению Венизелоса, «необходимо обратиться к услугам иностранного организатора».

Действительно, 17 сентября, в Афины прибывает французская финансовая миссия, во главе с самим Сержаном, вице-директором государственного французского банка. А для приведения в боевую готовность греческой армии из Франции выехала военная миссия, с французским военным агентом во главе, в числе 80 офицеров.

Тем временем греческая палата депутатов занималась прошлым — вопросами о предании суду бывших правительств—и будущим—приобретением Константинополя, который с «учреждением российской демократии», отказавшейся от видов на него, естественно, должен быть «возвращен» Греции...

XV Венизелос — Константин — Венизелос.

В следующий 1918 год, Греция вступила с войною на плечах, — с войной именно при таких условиях, которыми пугал Константина Венизелос в 1915 г.: Греции пришлось вести войну, после заключения мирных договоров, без непосредственного участия в ней союзников.

Бюджет Греции на 1918 год представлял печальную картину:

Доходы:		**Расходы:**	
	(в фунтах стерлингах).		
Обычные	9 588.218	Обычные	11.851.233
Чрезвычайные	2.431.560	Чрезвычайные	42.615.422
Займы (Англии, Франции, С. С. Штатов . . .	30.000.000		
Внутренний заем	4.000.000	Итого . .	54.466.655
Всего .	46.019.778		

Таким образом, Греция находилась более, чем когда либо, в полной финансовой зависимости от держав Антанты.

Но это плачевное внутреннее состояние страны не помешало, разумеется Венизелосу развернуть перед парижской мирной конференцией полностью велико-греческую программу — с С. Эпиром, Фракией, Константинополем, Смирной и четырьмя мало-азиатскими западными вилайетами, островами Кипр, Додеканез...

Равным образом, с этим положением страны не считались и державы-победительницы, возложившие на Грецию задачу усмирить в Малой Азии «кемалистский бунт» против Севрского договора, предоставлявшего Греции в М. Азии Смирну с ее областью.

Исполняя волю своих властителей и соблазненная Севрским договором и обещаниями помощи, венизелистская Греция взялась за казавшееся многим легкое дело усмирения «ангорских бунтовщиков».

В мае 1919 года высадились в Смирне греческие войска.

Американское радио справедливо отметило тогда же, что союзные правительства не отдавали себе отчета, означает ли греческая оккупация Смирны продолжение войны с Турцией, или же происходит фактическое осуществление мандатов на управление мало-азиатской Турцией.

В военном отношении задача, поставленная грекам, облегчалась первоначально тремя обстоятельствами:

Если им только казалось, что против них «горсть бунтовщиков», то во всяком случае старая официальная Турция, с константинопольским правительством, лежала в классической восточной позе самоотречения и покорности у ног правительств, продиктовавших Севрский договор.

Во-вторых, кемалистам приходилось собирать свои силы, борясь одновременно на два фронта — против греков и дашнакской Армении.

В-третьих, продвижение греческих войск совершалось по территории, занятой уже союзническими войсками. Так, в Конии, Афион-Кара-Хиссаре и Айдине, грекам приходилось не сражаться с противником, а пользоваться результатами наступления английской дипломатии на итальянское правительство, войска которого в этих местах уступали место «победоносным армиям» Венизелоса.

Положение изменилось, когда ангорское правительство получило возможность сосредоточить все свои силы против греков. К этому времени последние продвинулись вглубь Анатолии, нащупывая дорогу к Ангоре и выход к Трапезундскому побережью, об'явленному ими уже историческим достоянием Греции со времен Митридата Понтийского.

Сражение на реке Сакариа в сентябре 1921 г. определило линию фронта и границу оккупированной греками турецкой территории следующим образом:

От Мраморного моря до Эски-Шехира (северный сектор), далее по прямой к югу через Афион-Кара-Хиссар (центральный сектор) и затем к юго-востоку, по долине Меандра до Эгейского моря.

В это время предсказание Демидова уже полностью сбылось: Франция «разочаровалась Венизелосом».

«Разочарование» это не носило характер неожиданности и внезапности; оно было давно предрешено. Еще 24 апреля 1917 г. Извольский телеграфировал:

«Рибо подтвердил мне, что он настаивает на более энергичной политике в Греции и что это должно естественно привести к низложению короля Константина... Перемена лица на греческом троне, вероятно, повлечет за собою возвращение к власти Венизелоса, «но — сказал мне Рибо — Вы можете вполне успокоить г. министра насчет последствий подобной перемены, ибо *французское правительство не примет перед Венизелосом никаких обязательств в смысле широких националистических стремлений греков...*

«На мое замечание, что я не могу не высказать опасения, что возвращение Венизелоса воскресит в здешних кругах прежнее эллинофильство, в свое время столь повлиявшее на неудачное решение вопроса о Кавале [1]), Рибо ответил, что после пережитых событий, не следует опасаться возрождения во Франции в прежних размерах эллинофильских увлечений. Это последнее мнение я слышал не от одного Рибо, а от многих здешних деятелей. Жюль Камбон следующим образом формулировал при мне схему будущих отношений к Венизелосу: «Всего лучше,—сказал он,—*собрать достаточно поводов к неудовольствию против Греции, чтобы быть свободными от всяких нравственных обязательств по отношению к ней*».

Совершенно незаменимым поводом к «неудовольствию», — вернее, к тому, чтобы замкнуть до конца круг величайшего предательства в отношении целого народа, какое когда либо удавалось цивилизованному европейскому правительству, — и было возвращение Константина осенью 1920 г.

«Я задал слишком большую работу греческому народу», — так об'яснил этот новый поворот колеса истории Венизелос. Но Константин вернулся в страну, у которой не было выбора, не было надежд на спасение со стороны Германии, не было другого пути, кроме диктуемого из Парижа или Лондона. Если не спасти Грецию от банкротства, то сохранить монархию можно было только в случае успеха в начатой войне. Возврата не было.

Еще в мае этого года Мильеран обменивается телеграммами с греческим королем Александром по поводу состоявшейся замены французских войск в Зап. Фракии греческими, и Мильеран приветствует «Великую Грецию». Впрочем, в июне, т.-е. до возвращения Константина—румынская печать уверяла, что французы вернулись на прежние позиции.

Возвращение же Константина совершенно развязало французам руки. Разочарованные в результатах дележа на Ближнем Востоке, раз'яренные

---

[1]) Напомним „табачное" эллинофильство.

хозяйничанием англичан в Константинополе, выбрасываемые из Киликии и угрожаемые в Сирии, они не могут примириться с тем, что севрский договор пошел на пользу англичанам.

Итальянцы в этом их решительно поддерживают, считая себя дважды преданными и обманутыми при дележе Ближнего Востока.

Английское правительство пытается еще поддержать шатающееся севрское сооружение. 30 ноября 1920 г. Керзон обращается к французскому правительству с нотой, в которой выражается согласие лондонского кабинета на признание Константина королем Греции и предлагается *сообща запретить* Греции входить в какое бы то ни было соглашение с Турцией по поводу Смирны, без ведома и одобрения союзников.

Однако, на лондонской конференции, 4 декабря, Англия, под натиском Франции и Италии, вынуждена подписать общую декларацию недоверия Греции, «обманувшей доверие союзников». С этого момента Франция открыто добивается пересмотра севрского договора, входит в сношения с ангорским правительством, передает ему оружие, заручается экономическими гарантиями и т. д. У Греции остается единственная «покровительница»—Англия.

На чем основана англо-греческая империалистическая комбинация английских интересов и греческих проектов воссоздания византийской империи (с двумя столицами, Афинами и Константинополем), и спасения Греции от банкротства при помощи богатой Смирнской области,—достаточно известно.

Известна близость Ллойд-Джорджа с «сэром Василием Захаровым», известно слияние лондонских и афинских интересов в семействах, столь влиятельных в английских высших кругах, как Раллисы. Надлежит, быть может, упомянуть здесь еще о могущественном банкирском доме Сассунов, раскинувшем разнообразные свои операции по всему Среднему и Ближнему Востоку, но преимущественно опирающемся на Индию и на Смирнскую область. Не подлежит сомнению, что провозглашение греками «автономного смирнского государства», накануне их разгрома было подсказано этой восточной финансовой династией, один из представителей которой вдобавок был ближайшим сотрудником Ллойд-Джорджа.

Однако, единства интересов и мнений в правящих английских кругах по восточному вопросу не было. Помощь Греции оказывалась вяло, робко, тайком, несмотря на «гладстониады» Ллойд-Джорджа против Турции. Представитель Греции при Лиге Наций, Франгулис, имел бесспорное право заявить уже осенью 1921 года, не отклоняясь, по крайней мере с греческой точки зрения, от истины:

«Греция выступила в Малой Азии по поручению держав. Покинутая ими, она продолжает действовать, без чьей либо помощи со стороны»...

«Греция, — гордо продолжал он, — стремится завершить в Малой Азии дело, начатое сто лет назад. Наша цель — воссоединить живущих в этой части света, греков с их отечеством».

На вопрос любезного журналиста, имеют-ли в виду греки воссоединить со своим отечеством и Константинополь, г. Франгулис ответил так:

«Константинопольская Святая София и афинский Парфенон для каждого сына Эллады — два этапа одной цивилизации»... [1]).

Так прошел еще год войны — непосильный для Греции, мобилизованной с 1912 года, и укрепивший военные силы ангорского правительства.

26 августа текущего года, решительным ударом центральной турецкой группы, под начальством Мустафа-Кемаля, на Афион-Кара-Хиссар началось генеральное наступление войск Великого Национального Собрания Турции.

Через 24 часа Афион-Кара-Хиссар пал.

Южная турецкая группа под начальством Исмет-паши, со всей массой наличной, кавалерии, двинулась с максимальной быстротой вдоль железной дороги на Ушак и Смирну; северная (Рифет-паша) удерживала почти отрезанную Брусскую греческую армию. Падение Эски-Шехира и Кутайи, лишенных сообщения между собой, последовало непосредственно вслед за начавшимся беспорядочным отступлением греков.

На второй оборонительной линии Ушак-Брусса совершенно деморализованная греческая армия не остановилась. Попытка генералиссимуса Трикуписа задержаться в Ушаке кончилась взятием турками в плен его со всем штабом.

8 сентября, две кавалерийские турецкие дивизии вошли в Смирну, куда на третий день триумфатором в'ехал Мустафа-Кемаль.

Так исчезла, вслед за греческой армией и мертворожденная «Ионийская республика», просуществовавшая недели две.

Кратким некрологом ее может послужить беглая историческая справка, оставляемая нами на ответственности парижского журнала, опубликовавшего ее, — «L'Eurape Nouvelle» (№ 37).

Во время мартовских совещаний по восточному вопросу, британское адмиралтейство, отвечая на запрос Ллойд-Джорджа, заявило, что для Англии безусловно необходимо сохранить Константинополь и проливы [2]); держать же их в своей власти возможно только располагая двойной линией защиты с юга Дарданелл. Первая линия была указана еще в 1913 г., на балканской конференции: это — Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия. Вторая же — впервые открытая теперь британским адмиралтейством,—упирается на западе в Салоники и на востоке—в *Смирну*. Таким образом, и родилась в Лондоне, по утверждению французской прессы, мысль заменить в Смирне вас-

---

[1]) „Journal des Débats", 26. IX 1921.

[2]) Англия уже воспользовалась своим положением охранительницы их „свободы" в июле 1920 г., когда британский посол в Константинополе уведомил Болгарию, что ни одно судно под болгарским флагом не будет пропущено через Босфор и Дарданеллы, так как Болгария заподозрена в оказании помощи турецкому национальному движению.

сальную (хотя и «великую») Грецию — тоже вассальной, маленькой, Ионической республикой.

Велико-греческая венизелистская авантюра обрушилась всей тяжестью своей на неудачника — Константина, и Венизелос теперь опять — герой дня в Греции. Пока еще не определился размер революционного движения, прежние политические влияния (хотя бы и чрез посредство офицерского «военно-революционного комитета») ищут точки опоры в «баловне Антанты». Венизелос принимает небывалый пост — представителя Греции в Европе. Он должен восстановить добрые отношения с европейскими державами — с Францией в первую очередь, ибо с Англией все кончено: Англия последняя по очереди «предала» Грецию и отказалась не только от «сэра Василия Захарова», но даже от Ллойд-Джорджа. И так, с помощью Франции, Венизелос должен спасти для Греции Фракию, дать Греции почетный мир...

И в Афинах происходят в эти дни дружественные манифестации перед зданием, связанным с воспоминаниями о бравом сотоварище Демидова, Гильмене,—если только он не занимает и ныне тех же помещений и не изумляется превратности человеческих судеб...А парижская печать с профессиональной кокетливостью уже полу-обещает «снисхождение» Венизелосу и задается сентиментальным вопросом:

— «Peut-être les Français, voudront-ils un jour, découvrir la Grèce»?...

Игра начинается с начала.

Е. А. Адамов.

Октябрь 1922.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

1915.

I

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 февраля 1915 г. № 63.

Копии в Ниш, Бухарест и Салоники.

Для большей скорости греческим правительством издан вчера королевский декрет, имеющий быть утвержденным законодательным порядком, согласно коему воспрещается, как вывоз, так и транзит всех без исключения предметов военной контрабанды. Греческим таможенным властям предписано сообразоваться по сему поводу со списками военной контробанды, опубликованными воюющими странами, а в случае сомнения, не дозволять вывоза или транзита товаров без разрешения министра финансов. В силу этого декрета, 4.000 ящиков с керосином для Дедеагача уже задержаны в Салониках.

Лучшего исхода едва ли можно было изыскать. Вывоз наших грузов остается, разумеется, обеспеченным греко-сербским соглашением.

Подп. *Демидов.*

II

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 февраля/10 марта 1915 г. № 91.

Гунарису удалось составить новый кабинет. Министром иностранных дел назначен Зографос, бывший уже ранее министром, затем главным деятелем в автономном Эпире, а в последнее время одним из директоров национального банка. Остальные министры мало известны. Кабинет сейчас принимал присягу королю.

Подп. *Демидов.*

III

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 февраля/13 марта 1915 г. № 96.

Копии в Париж и Лондон.

Сегодня имел первую беседу с новым министром иностранных дел, который меня заверил в тождественности направления политики нового кабинета с политикой предшествующего. Единственная разница точек зре-

ния состоит в моменте выхода Греции из нейтралитета. Настоящий кабинет, придерживающийся взглядов более консервативных, (пропуск) считает нужным закрепить за Грецией теперешнее ее достояние ранее, нежели пуститься на новые приращения. Венизелос, по мнению министра, слишком торопился выступлением, не имея за собой ни точных уверений и внешних гарантий безопасности, ни твердых обещаний компенсаций. Новые условия могут, однако, легко создать возможность греческого выступления, относительно коего министр выражался не без сочувствия. Я счел нужным воспользоваться поворотом беседы, чтобы теперь же вывести на чистую воду откровеным об'яснением наших бесспорных и первостепенных интересов — согласно вашим предписаниям, — указывая при этом моему собеседнику на широкие вознаграждения, ожидающие Грецию в Малой Азии, в случае ее участия в войне против Турции. Сначала несколько озадаченный, министр спросил меня, убежден ли я в сочувствии Англии нашему безпредельному господству в Константинополе и над проливами и не предвидится ли по этому поводу затруднений со стороны Италии, Румынии и др. государств. Он обратил мое внимание на много (пропуск) греческое население Константинополя (пропуск) права их (пропуск) самоопределение. Он осведомился, наконец, у меня, разрешено ли было бы греческим войскам, при случае, вступить с союзниками в Константинополь. Относительно сочувствия Англии, я ответил, что не имею сомнений в полной солидарности России и ее союзницы. Что же касается участи греков, то о нем беспокоиться нечего, так как они искони пользовались уважением России к их правам, и нет причин к тому, чтобы мы переменили наше к ним отношение. Вступление же греческих войск в турецкую столицу мы признаем отнюдь нежелательным, хотя бы во избежание недоразумений, а может быть и беспорядков. Министр закончил принятием нашего разговора к сведению, я же просил его пока считать беседу конфиденциальной.

Подп. *Демидов.*

IV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 мая 1915 г. № 178.

Копия в Рим.

Вследствие получения в Афинах сообщения агентства Стефани об об'явлении итальянским правительством блокады Албанского побережья, вплоть до мыса Кефали, греческое правительство предполагает, как только оно будет оффициально о сем уведомлено, выразить протест против блокады, обнимающей берега северного Эпира, занятого греческими войсками; кроме того, оно ссылается на аналогичное положение оккупированного итальянцами Додеканеза, во время греко-турецкой войны, когда последний не подвергнулся блокаде греческим флотом, вследствие его занятия Италией. Настроение против Италии здесь вообще крайне возбужденное.

Подп. *Демидов.*

V

Секретная телеграмма посла в Риме.

6/19 июня 1915 г. № 193.

Копия в Париж.

Болгарский ответ произвел на министерство иностранных дел впечатление желания болгар затянуть переговоры. Тем не менее, оно вполне сочувствует сообщенному ему вчера французским поверенным в делах проекту нового заявления держав Согласия, предоставляющего Болгарии границу Македонии 1912 г. и Кавалу с Драмою и Сересом. Соннино сделал лишь замечание о желательности назначить срок выступления Болгарии, во избежание новых затяжек с их стороны.

Подп. *Гирс.*

VI

Секретная телеграмма посла в Риме.

8/21 июня 1915 г. № 200.

Копии в Париж и Лондон.

Хотя наш проект содержит в себе лишь условия, могущие послужить основою для ответа Болгарии, а не самый текст ответа, министр иностранных дел обратил мое внимание на желательность не определять ныне же территории, предоставляемой Греции, взамен уступки Кавалы. Он предпочел бы говорить о Смирне лишь по возвращении к власти Венизелоса, полагая, что этим мы укрепили бы положение последнего.

Подп. *Гирс.*

VII

Секретная телеграмма посла в Риме.

15/28 августа 1915 г. № 335.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Я застал сегодня Соннино под впечатлением донесения посланника в Афинах, передающего свой разговор с королем. Его величество высказывал германофильские чувства, благодарил судьбу, что ему удалось сохранить нейтралитет, называл подвохом предложения держав Согласия и утверждал, что из сношений с германским императором он убежден, что Болгария не замедлит выступить заодно с Турцией и Германией. Соннино присовокупил, однако, что слова короля не соответствуют заверениям Венизелоса.

Подп. *Гирс.*

VIII

Секретная телеграмма посла в Лондоне*).

30 сентября/13 октября 1915 г. № 697.

Вследствие нездоровья, не мог видеть ни Грея, ни Никольсона, и в последнее время не мог, к сожалению, Вас информировать. Камбон сообщил мне некоторые подробности, которые могут дополнить телеграмму Извольского № 634. Совет, состоявшийся в Лондоне, в пятницу, на котором присутствовал Камбон, в действительности установил, что французские и английские силы высадятся в Салониках. На военной конференции в Шантильи постепенная высадка была решена с одобрения Жоффра и Китчнера. Союзнические контингенты определены пока в 150.000 человек, соответственно прежним переговорам с Венизелосом. Однако, лишь 30 или 40 тысяч людей должны быть высажены без промедления, остальные же контингенты не смогут быть доставлены полностью на место, ранее первых чисел ноября (пропуск). Необходимость дальнейших посылок войск была рассмотрена и решена в принципе. Но, сообразно мнению Жоффра и Китчнера, выбор и утверждение численности состава должны быть отмечены до того момента, когда англо-французское наступление во Франции, которое теперь не может быть остановлено, достигнет результатов, достаточных для того, чтобы оно могло быть закончено приблизительно через 10 — 15 дней. При отправке дополнительных сил и определении предполагаемого действующего состава, будущее поведение Греции должно быть принято в соображение. При настоящем положении военные власти не находят возможным ослабить контингент полуострова Галлиполи и английских сил в Египте в больших размерах.

Подп. *Бенкендорф.*

IX

Секретная телеграмма посла в Риме.

19 сентября/2 октября 1915 г. № 425.

Сегодня Соннино мне вновь высказал глубокое свое убеждение в необходимости скорейшей высадки хотя бы сперва и незначительного европейского отряда в Салониках и без предварительного согласия Греции. Он полагает, что этим державы лишь укрепят положение Венизелоса, по отношению к королю, тогда как неопределенность положения и нерешительность держав могут весьма легко привести к падению Венизелоса.

Подп. *Гирс.*

X

Секретная телеграмма посла в Риме.

17/30 сентября 1915 г. № 427.

Письмом Соннино уведомляет меня, что он вполне согласен с Вами в необходимости скорейшей высадки союзных войск в Салониках, так как

*) Перевод французского текста.

она является лучшим средством преодолеть совершившимся фактом колебания Греции. В этом смысле он телеграфирует итальянским послам в Париже, Лондоне и Петрограде.

Подп. *Гирс.*

XI

Секретная телеграмма посла в Риме.

10/23 сентября 1915 г. № 434.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

По поручению Грея, английский посол запросил мнение Соннино относительно предложения Англии заявить теперь же Греции, что в случае ее выступления в защиту Сербии, державы Согласия обеспечивают ей интегритет нынешних территориальных ее владений и обещают Смирну с прилегающей к ней областью. Соннино ответил, что он не видит необходимости торопиться с подобными предложениями. Он опасается, что по примеру Румынии, Греция примет обещания и все же не выступит. Венизелос повторит игру Братиано. Он находит, что пока нужно ограничиться ответом на греческий запрос, категорически заявив, что высаживающиеся в Салониках не будут занимать Македонию в пользу Болгарии. Он не исключает, однако, возможности дальнейших обещаний Греции, но лишь когда обстоятельства будут настоятельно требовать этого.

Подп. *Гирс.*

XII

Секретная телеграмма посла в Париже.

16/29 сентября 1915 г. № 605.

Ваши телеграммы №№ 4776, 4777, 4778 и 4788 получены.

Копии в Лондон и Рим.

Тотчас сообщил их содержание Делькассе, который сказал мне, что он не вполне понимает, почему Вы считаете, что предложенная им редакция сообщения в Софии, требующая ответа в двухдневный срок, позволит болгарам затянуть переговоры. В некотором отношении его проект даже сильнее Вашего, ибо Вы предвидите лишь разрыв сношений, тогда как он оставляет открытым вопрос о мерах принуждения. С другой стороны ему известно, что в Лондоне и Риме опасаются брюскировать короля Фердинанда, дабы не вызвать его на поспешные действия, и что Грей предпочитает выждать несколько дней, чтобы дать выясниться положению. Сам Делькассе отнюдь не настаивает на своем проекте и, желая прежде всего избежать всякой задержки, готов предоставить всю разработку окончательной редакции Грею и послам в Лондоне. Что касается Греции, Делькассе продолжает думать, что положение там далеко еще не выяснилось. Правда, по полученным сегодня утром из Афин сведениям, Венизелос сам наталкивает союзные державы на посылку войск в Салоники, обещая ограничиться одним формальным протестом, и выражает надежду, что совершившийся факт побудит

короля Константина окончательно перейти на сторону союзников, но нельзя быть уверенным, что Венизелос удержится у власти; в случае же его ухода и торжества короля и его начальника штаба, союзники могут оказаться в весьма затруднительном положении. Вчера еще в Лондоне весьма определенно высказывались против высадки войск в Салониках без формального согласия Греции. Делькассе повторил мне еще раз соображение, изложенное в моей вчерашней телеграмме № 603, и присовокупил, что покуда он не может высказать никакого суждения по вопросу о посылке войск, в случае воздержания Греции, ибо вопрос этот должен быть прежде всего рассмотрен высшим французским командованием и послужит предметом специального обмена мнений с союзниками. По последним известиям, близ сербской и румынской границ, сейчас уже сосредоточено около двенадцати австро-германских дивизий и есть указания на то, что Германия намерена послать на Балканы всего 350.000 человек. В заключение он спросил меня, не имею ли я известий о том, намерены ли мы послать свои войска на помощь Сербии. Он продолжает считать это крайне желательным.

Подп. *Извольский.*

XIII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

18 сентября/1 октября 1915 г. № 6591.

Грей, в присутствии Камбона, подтвердившего это, сказал мне, что приготовления для высадки в Салониках начаты и войска готовы, но следовало бы, чтобы миноносцы действовали, как разведчики, против немецких подводных лодок.

В ответ на мой вопрос, будет ли продолжаться высадка войск, несмотря на протест Греции, Грей ответил, что вопрос еще не был достаточно выяснен.

Подп. *Бенкендорф.*

XIV

Секретная телеграмма посла в Риме.

18 сентября/1 октября 1915 г. № 429.

Копии Париж и Лондон.

Министр иностранных дел продолжает думать, что другого средства воздействия на положение на Балканах нет, как немедленная высадка союзнических войск в Салониках. Всякое другое выступление лишь ускорит события при неподготовленности держав, которые не успеют своевременно собрать войска в Салониках. Он находит, что на ускорение высадки должны быть прежде всего направлены все старания.

Подп. *Гирс.*

---

*) Перевод французского текста.

XV

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

21 сентября/4 октября 1915 г. № 666.

Копия в Париж и Афины.

Грей мне сказал, что со вчерашнего дня положение (пропуск) и греческое правительство действует, не справляясь об условиях. Он считает бесполезным предлагать Греции гарантию целости ее территории. Эта гарантия, однако, должна быть подтверждена, как только Венизелос ее потребует. Что же касается обещания Смирны и хинтерлянда, Грей считал бы желательным, даже в этом случае, поставить этот вопрос, в зависимости от участия Греции в войне держав против Турции.

Подп. *Бенкендорф.*

XVI

Секретная телеграмма посла в Риме.

19 сентября/2 октября 1915 г. № 432.

Копии в Париж и Лондон.

Соннино получил те же сведения о настроении Венизелоса, произведшем на него впечатление. Он находит необходимым немедленно успокоить Грецию заявлением, что высадка производится для защиты Сербии, а не для передачи Македонии Болгарии. Он идет даже далее и не видел бы препятствий к заявлению в Софии, что в виду того, что Болгария ответила на предложения держав Согласия мобилизацией, эти предложения отпадают. Он высказал это последнее предложение Барреру.

Подп. *Гирс.*

XVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 сентября/2 октября 1915 г. № 423.

Срочная.

Копии в Лондон, Париж, Рим, Софию и Ниш.

Министр иностранных дел позвал к себе, 18 сентября, моих, французского и английского, коллег. Они нашли его в крайне возбужденном состоянии, относительно желательности немедленной высадки союзных войск. На него, вероятно, подействовало полученное за ночь заявление Грея и связанное с ним недоумение, касательно назначения десантных сил. К этим колебаниям прибавилось еще только что полученное им известие о неожи-

---

*) Перевод французского текста.

данном прибытии в Салоники английского генерала Гамильтона, начавшего уже распоряжаться в порту и приехавшего со своим штабом, даже без предупреждения здешнего английского посланника. Министр иностранных дел очень просит пока приостановить отправку войск в Салоники или задержать их в Мудросе, о чем мои коллеги сейчас телеграфировали, в надежде, что еще не поздно. Гамильтона же, повидимому, удалили за пределы греческих территориальных вод. Пренебрежение к греческому нейтралитету невыгодно толкуется в печати, с возобновлением нападок на Англию. Перед декларацией Грея, и вследствие известий о крайней необходимости все еще поддерживать переговоры с Болгарией, министр иностранных дел ныне желает получить недвусмысленные заявления держав о том, что войска предназначены на защиту Сербии, а не на оккупацию Македонии для передачи ее под известными условиями Болгарии. Вообще здесь создается положение опасения (?) и усиливается подозрительность к державам Согласия, не считающим, что нужно ясно определить их отношения к болгарскому вызову.

Подп. *Демидов.*

XVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 сентября/2 октября 1915 г. № 425.

Срочная.

Копии в Лондон, Париж, Рим, Ниш и Софию.

Последнее официальное английское сообщение значительно успокоило Венизелоса, которого я нашел более бодрым и обнадеженным. Мои французский и английский коллеги сейчас отправляются к нему с заявлением, что присылаемые войска имеют целью помочь Сербии, а отнюдь не оккупировать земли в пользу Болгарии, что в большой мере облегчит задачу Венизелоса, затрудненную преждевременной вспышкой греческого общественного мнения. Из сказанных заявлений получается впечатление, что английское правительство, наконец, сознает болгарскую опасность. Оказывается, что прибывший в Салоники английский генерал не сэр Иан (?) Гамильтон, а его однофамилец.

Подп. *Демидов.*

XIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 сентября/2 октября 1915 г. № 428.

Копии в Лондон, Париж, Рим, Ниш, Софию и Бухарест.

Мой французский коллега официально заявил сегодня, 19 сентября, Венизелосу о прибытии в Салоники первого отряда французских войск, что Франция и Англия, как союзницы Сербии, посылают войска на помощь последней, а равно для охраны сообщения с нею. Обе державы расчитывают на Грецию, что она не воспротивится мерам, принятым в интересах Сербии,

в качестве союзницы Греции. Венизелос просил присовокупить к упомянутому заявлению, что греческий суверенитет остался неприкосновенным, и что союзные войска не вмешаются во внутренние дела администрации. По моим сведениям, уже готовый греческий лишь формальный протест укажет на отсутствие состояния войны между Сербией и Болгарией и что, поэтому, Греция еще не поставлена в необходимость осуществить обязательства к Сербии, что в свою очередь исключает надобность в помощи со стороны союзниц.

Подп. *Демидов.*

XX

Секретная телеграмма посла в Париже.

20 сентября/ 3 октября 1915 г. № 616.

Копии в Лондон и Рим.

Делькассе сказал мне, что он получил сегодня утром из Афин известие, что Венизелос соглашается на высадку союзных войск в Салониках, обещая ограничиться чисто формальным протестом, с целью оградить нейтралитет Греции и что войскам обеспечен самый дружеский прием. Делькассе считает, таким образом, что все препятствия устранены. Он не имеет окончательного ответа из Лондона, но надеется на согласие Грея и думает, что высадка первых эшелонов французских и английских войск, в количестве около 50.000 человек, состоится в самом непродолжительном времени.

Подп. *Извольский.*

XXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

20 сентября/3 октября 1915 г. №430.

Копия в Ниш.

На вечрашнее заявление французского представителя, с просьбой пропустить через Салоники союзные войска, греческое правительство тотчас ответило протестом, указывающим на невозможность для него согласиться на эту меру, тем более нарушающую нейтралитет Греции, что она принимается двумя воюющими державами. То обстоятельство, что войска эти исключительно предназначаются на помощь Сербии, союзницы Греции, нисколько не изменит юридического положения королевского правительства, ибо даже с точки зрения балканской, нейтралитет Греции до появления «казус федерис» *) не может быть затронут опасностью, которая, угрожая Сербии, вызывает отправку на ее помощь международных войск. Заготовленный заранее протест этот, очевидно, чисто формального свойства и отнюдь не помешает высадке.

Подп. *Демидов.*

---

*) Повод для выполнения военных союзных обязательств.

XXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

20 сентября/3 октября 1915 г. № 431.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон, Рим и Балканские Миссии.

Итальянский посланник сейчас заявил Венизелосу о присоединении Италии к французским и английским сообщениям о том, что союзные войска предназначены на помощь Сербии и что, вследствие принятого Болгарией положения, все обещанные последней уступки ныне недействительны. Венизелос крайне оценил бы подобное же заявление со стороны императорского правительства.

Подп. *Демидов.*

XXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 сентября/5 октября 1915 г. № 439.

Срочно.

Король сейчас позвал к себе Венизелоса и заявил ему, что он не может следовать его политике до конца. Венизелос тут же подал в отставку.

Подп. *Демидов.*

XXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 сентября/5 октября 1915 г. № 440.

Сегодня, 22 сентября, началась высадка англо-французских войск. Прошу сообщить в министерство иностранных дел.

Подп. *Демидов.*

XXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 сентября/6 октября 1915 г. № 441.

Копии в Париж, Лондон, Рим и Балканские Миссии.

Преждевременные, на мой взгляд, заявления Венизелоса в Палате вызвали крупные разногласия между правительством и королем. К сожалению, Венизелос увлекся, вопреки нашим увещеваниям, и не выждал окончания мобилизации, а равно более подвинутого хода событий до огласки настоящего значения его политики. Из его слов с трибуны определилась решимость выступить с Согласием на помощь Сербии против кого бы то ни было. Поспешность эта тем менее простительна, что ему было известно настроение

короля, желающего всячески избежать войны, а также систематическое воздействие кайзера на его величество и влияние со стороны германских советников, как германский посланник и Стрейт. Ныне создалось здесь положение весьма серьезное, мобилизация заканчивается, союзные войска высаживаются в Солуни, причем на полное сосредоточение их в Сербии потребуется не меньше месяца, тогда как австро-немцы находятся, по слухам, накануне нападения, а болгары, еще пуще поощряемые уходом Венизелоса, готовы к ним присоединиться. При весьма вероятном бездействии Греции и уклонении ее под разными предлогами от союзных обязательств, нельзя не считать кон'юнктуру угрожающей. Мой французский коллега чуть ли не заговорил о приостановке высадки в Солуни, опасаясь разгрома союзников при малочисленности войск. Мне неизвестно отношение Англии к новому греческому перевороту, но все же, казалось, ей следовало бы безотлагательно принять самое энергичное положение перед явно не (пропуск) образом действий Греции, а особенно перед неисключенной возможностью пособления будущим морским министром гибельной деятельности германских подводных лодок. Более чем когда-либо желательна, на мой взгляд, присылка на Балканы нашего отряда. В настоящее время король советуется с различными деятелями, в целях составления кабинета, а вчера приглашен был во дворец Заимис; сегодня, 23 сентября, призывался предводитель оппозиции, Гунарис. Говорят о возможности коалиционного кабинета, под председательством Раллиса. Венизелос заявил мне, что его партия, составляющая значительное большинство, не поддержит министерства, которое уклонилось бы от обязательств к Сербии. Между тем, роспуск палаты, с производством новых выборов, едва ли возможен при состоянии общей мобилизации. Мой английский коллега будет принят сегодня утром королем.

Подп. *Демидов.*

XXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 сентября/6 октября 1915 г. № 443.

Копии в Париж, Лондон, Рим и Балканские Миссии.

На сегодняшней, 23 сентября, аудиенции у короля, его величество заявил моему английскому коллеге, что с уходом Венизелоса положение не следует считать изменившимся. Высадка союзных войск может идти своим чередом, греческая мобилизация не будет приостановлена. Его величество желал бы лишь соблюсти нейтралитет возможно дольше. На вопрос Эллиота, как отнесется Греция к нападению Болгарии на Сербию, король не пожелал высказаться, так как он намерен сначала посоветоваться с председателем совета министров, каковым назначается Заимис. В сотав нового коалиционного кабинета войдут, кроме вышеупомянутого лица, почти все лидеры парламента, как Раллис, Гунарис, Теотокис, а может быть и Драгумис. Выбор Заимиса скорее неблагоприятен. Английский посланник недвусмысленно дал понять королю, что, в случае назначения морским министром Стратоса, он рекомендует своему правительству, вследствие угрозы от германских подводных лодок, учредить строжайшее наблюдение за греческими берегами, так как названное лицо заподозрено в том, что оно подкуплено

немцами. Король высказал удивление, но, вероятно, послушается совета. Его величество не намерен прибегнуть к роспуску палаты, надеясь на возможность управлять с существующей. Если судить по его вчерашним уверениям, Венизелос советует не чинить препятствий такому кабинету, лишь бы не был пока поднят вопрос об обязательствах к Сербии, в каковом случае он, очевидно, не мог бы оказать поддержки министерству, большинство членов которого относилось бы отрицательно к необходимости соблюдать греко-сербский союз. У английского посланника получилось впечатление, что король менее враждебно отзывался о Болгарии.

Подп. *Демидов.*

XXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 сентября/8 октября 1915 г. № 447.

Копии в Париж, Рим Бухарест и Ниш.

Мои союзные коллеги и я только что посетили нового министра иностранных дел. Заимис нам заявил, что его кабинет будет придерживаться, по примеру предшествующего, политики благожелательного, по отношению к державам Согласия, нейтралитета. На запрос моего великобританского коллеги об отношении нового правительства к союзу с Сербией, министр сослался на его неподготовленность по вопросу, имеющему обсуждаться завтра, 25 сентября, на совете министров. Что касается греческой мобилизации, Заимис мне ответил, что она продолжается по-прежнему. Вообще, он показался мне на первых порах крайне сдержанным. Английский посланник передал ему по поводу (пропуск) записку, из коей явствует, что Великобританскому правительству достоверно известно, что еще в июле между Австро-Германией Турцией и Болгарией состоялось соглашение, по которому последняя имеет получить всю южную Сербию до Цариброда и часть Албании, с выходом на Адриатическое море, а равно территории новой Греции.

Подп. *Демидов.*

XXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 сентября/8 октября 1915 г. № 448.

Копии в Париж, Лондон и Ниш.

С падением кабинета Венизелоса, в Греции снова определился сдвиг в сторону нейтралитета. С ожидаемым со дня на день возгоранием Балканского пожара, вопрос о соблюдении союза с Сербией стал на непосредственную очередь. Как известно, большинство палаты — партия либералов — стоит на почве выполнения союзных обязательств, тогда как король, новый кабинет и генеральный штаб склоняются к самому узкому толкованию договора с Сербией и считают его ныне чуть ли не действительным, вследствие общеевропейского характера, принимаемого конфликтом, при активном вмешательстве австро-германцев. Страх перед последними несомненно является

важнейшим фактором уклонения балканцев от их естественного пути, а посему все усилия должны быть ныне приложены к проявлению решимости и показанию государственной мощи держав скорейшей высадкой возможно больших сил на помощь Сербии. Только при этом условии удастся по моему, разделаться с германским гипнозом и убедить греков и румын присоединиться к союзникам. Должен при этом добавить, что за самое последнее время в Греции наблюдается заметное смягчение в бывших неприязненных отзывах о Болгарии. Венизелос еще недавно мне говорил, что он далеко не исключает наличности прямых непосредственных заявлений кайзера королю Константину о дружеских намерениях Болгарии, по отношению к Греции. Вероятно, Германия дала здесь гарантию, что первая отнюдь не нападет на последнюю. Скажу более, — держатся упорные слухи о том, что согласно германским обещаниям, Греции достанутся Монастырь, Дойран и Гевгели, а Болгария окончательно отказывается от Кавалы. Слухи эти проникли в печать и в значительной степени содействуют охлаждению анти-болгарского пыла. Эта очевидная близорукость может привести Грецию, впоследствии, к потере не только Кавалы, но и Салоник. Тем более следовало бы Греции отнестись осторожно к германским внушениям, а державам дать ей понять, что высаживаемые в Салониках силы предназначены не только на защиту Сербии, но и самой Греции, войска коей должны бы примкнуть к войскам союзников, коль скоро последние покажутся достаточно внушительными для обороны Балкан от германцев.

Подп. *Демидов.*

XXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 сентября/11 октября 1915 г. № 454.

Копии в Париж, Лондон и Ниш.

Состоявшаяся сегодня, 28 сентября, в греческой палате декларация правительства будет передана вашему высокопревосходительству телеграфным агентством. Краткая и бесцветная, она отражает пассивное отношение нового кабинета к предстоящим грозным событиям на Балканах, ибо под формулой вооруженного нейтралитета кроется подготовляющаяся измена союзнице. В пространной речи Венизелос указал на полное ныне отсутствие в Греции парламентского режима, а равно на опасность правительственной политики, способствующей созданию великой Болгарии. Вопрос о доверии не был поставлен, а оппозиция склонилась, из опасения роспуска, перед неизбежным. Таким образом, в ту самую минуту, когда Болгария приступала, сообща с Германией, к предательскому нападению на Сербию, греческая палата хладнокровно отреклась от долга и молчаливым решением своим пособляла злейшему врагу эллинизма.

Подп. *Демидов.*

XXX

Секретная телеграмма посла в Париже.

29 сентября/12 октября 1915 г. № 639.

Не могу скрыть от Вас, что возбуждение против России, вследствие сомнений в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах,

с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственых кругах. С одной стороны, нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного будто бы нашей несговорчивостью, по отношению к Румынии, и систематическим пристрастием к Болгарии. С другой — указывают, что отсутствие наших войск не только нанесло бы удар союзному престижу и историческому положению России среди балканских народов, но поставило бы и Францию, и Англию в самое невыгодное и опасное положение, внушив против них сказанным народам сомнение в единении союзников. Открывающемуся на Балканах новому фазису великой войны здесь придают громадное значение и считают, что открытие австро-германцами пути в Константинополь, помимо того, что оно прекратит доступ к России, даст Австрии и Германии возможность получать в неограниченном количестве из Малой Азии продукты и людей. Поэтому, общественное мнение громко требует, чтобы этому новому напору были противопоставлены соединенные усилия всех четырех союзных держав. В противном случае возникнет вопрос, может ли Франция без уверенности быть поддержанной на Балканах, рисковать ослабить силы на главном своем фронте. Указывают на то, что Россия должна получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды и что если она будет участвовать в общем (пропуск) Франция и Англия должны будут пересмотреть свои решения; касательно Константинополя и проливов. Статья в этом смысле появилась в столь серьезном органе, как «Журналь-де-Деба». Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что, ради спасения положения и привлечения Румынии, Россия должна пожертвовать частью Бессарабии. Все это создает здесь крайне для нас неблагоприятную атмосферу и может серьезно отразиться на наших отношениях с Францией. Между прочим, на этой почве происходит ожесточенная кампания против Делькассе и Палеолога, могущая кончиться их увольнением.

Подп. *Извольский.*

XXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 сентября/13 октября 1915 г. № 456.

Копии в Лондон, Париж, Ниш и Бухарест.

Личная.

Доверительно. — Только что имел обстоятельную беседу с королем. Его величество неуклонно и совершенно непоколебимо придерживается взгляда, что с вооруженным вмешательством германцев на Балканском полуострове маленькой Греции надлежит остаться нейтральной и не вступать в борьбу общеевропейского свойства. Все приводимые мною доводы, неоднократно уже повторенные, обрушивались о неукоснительное решение короля, твердившего не без раздражения против Сербии, что последняя шантажировала Грецию, напрасно об'явила войну Германии, а в самое последнее время без нужды отозвала своего представителя из Софии и поторопилась выдачей паспортов болгарскому посланнику в Нише. Король настаивал при этом на аргументе, изложенном в моей телеграмме № 449. На вопрос мой, имеется ли у него какое нибудь соглашение с королем Ферди-

нандом, его величество откровенно заявил мне, что он никакого доверия к нему не питает, и что дело ограничивается тем, что здешний болгарский посланник дает самые положительные заверения об отсутствии каких-либо агрессивных целей против Греции. Германия же уверила его, что неприкосновенность Греции не будет нарушена ,но что нападение на Болгарию ею сочтено будат, как направленное против нее самой. Мобилизация, хотя идет без всякого воодушевления, как то было в 1912 году, доведена будет до конца. Я спросил короля, окончательно ли он решился на нейтралитет и нет ли на его взгляд такого случая, который мог бы побудить Грецию из него выйти. Его величество на это ответил, что его мучает возможность, при наличии в Греции союзных войск, распространения военных действий и на греческую территорию, в каковом случае невольно пришлось бы ему вступить в борьбу. Мне кажется, что следует обратить особое внимание на это обстоятельство. Я, конечно, не приминул указать королю на опасности, ожидающие Грецию с образованием великой Болгарии. Король мне сказал, что вопрос этот был им серьезно обдуман и что он пришел к заключению, что, впоследствии, чрезмерное увеличение Болгарии встретит отпор не только со стороны Румынии, но и не найдет сочувствия в самой Австрии. Об Англии король говорил с особенной горечью, обвиняя в опрометчивости ее балканской политики, в захватных видах на Салоники и на занятые ею острова, каковые она в будущем использует против России, — о чем я выразил ему сомнение. В заключение король уверил меня в неприкосновенности братских чувств питаемых им к государю императору. Король весьма любезно отнесся к моей просьбе снова его посетить через несколько дней. Я воспользовался случаем, дабы просить его величество принять полковника Гудима, находящегося все еще в неопределенном и неудобном положении, в связи с делом о краже шифрованных телеграмм, в целях положить конец неуместным здесь толкам; король выразил на это свое согласие.

Подп. *Демидов.*

XXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 октября 1915 г. № 461.

Лично.

Весьма доверительно. Для вашего личного сведения. Вашему высокопревосходительству по всей вероятности известно предположенное Англией обращение в Бухаресте и Афинах, в целях привлечения Румынии и Греции к выступлению. Первой заявлено о присылке через Салоники к ноябрю 200.000 союзнического отряда и о снабжении в двухмесячный срок ружьями русского 500.000 войска для Балкан. Второй же предложено заявить о сделанном в Бухаресте шаге, а равно о необходимости принять решение в 48-часовой срок, причем, в случае отказа, произойдет серьезная перемена в отношениях Англии к Греции. Предварительно сообщив сказанное Венизелосу, по поручению своего правительства, английский посланник решил повременить здесь выступлением для получения ответа из Лондона, можно ли предложить Греции, на случай ее содействия, болгарскую Фракию до Дедеагача, что повлияло бы на греческое решение, причем им указано на жела-

тельность предать здесь гласности содержание нового английского предложения, в видах воздействия на общественное мнение страны. Венизелос полагает, что представленное в таком виде дело может увенчаться успехом. Оно поставит короля в крайне затруднительное положение. Английский посланник усердно просил меня о сем не телеграфировать, вследствие чего был бы крайне признателен меня не называть.

Подп. *Демидов.*

XXXIII

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме (для Вашего личного сведения). Сообщается в Афины.

4/17 октября 1915 г. № 5100.

Из доверительного источника узнаю, что существует предложение предложить Греции, в случае если она решится немедленно придти на помощь Сербии, болгарскую Фракию до Дедеагача. Относясь вообще отрицательно к постоянному увеличению вознаграждений, предлагаемых за греческое выступление, я тем ни менее готов на этот раз горячо поддержать указанное предположение, если только оно способно побудить Грецию к безотлагательному выполнению своего обязательства в отношении Сербии.

Подп. *Сазонов.*

XXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 октября 1915 г. № 472.

Копии в Париж, Лондон и Ниш.

Лично.

Речь Вивиани, указавшая, между прочим, на прибытие союзных войск на Балканы для охраны Бухарестского мира, уже не удовлетворяет больше греков, мечтающих ныне о большем. По этому поводу Венизелос полагает, что обещание Греции державами Согласия болгарской Фракии дало бы ему возможность в настоящую минуту подготовить здесь поворот в общественном мнении в пользу выступления. Если бы державы об'явили, после такого заманчивого для Греции предложения, о решимости их прибегнуть к принудительным мерам, то, по мнению Венизелоса, король был бы поставлен в самое затруднительное положение, и едва ли мог бы долее настаивать на своей политике пассивности, без опасности крайних для него последствий. Французский посланник телеграфирует в этом смысле в Париж.

Подп. *Демидов.*

XXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 октября 1915 г. № 478.

Копии в Париж, Лондон, Рим и Ниш.

Мой французский коллега получил предписание, в случае снабжения его союзных коллег одинаковыми инструкциями, предложить греческому правительству за немедленное выступление болгарскую Фракию, обнимающую все прибрежье Эгейского моря. По получении моими коллегами соответствующих инструкций, присоединяюсь к этому представлению, согласно Вашей телеграмме 5100.

Подп. *Демидов.*

XXXVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

6/19 октября 1915 г. № 656.

Получил Вашу телеграмму № 5100.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Переговорил по ее содержанию с Вивиани, который сказал мне, что он вполне разделяет Ваше мнение, относительно предположения обещать Греции болгарскую Фракию до Дедеагача, в случае если она обещает немедленно придти на помощь Сербии. Вивиани телеграфировал в этом смысле в союзные столицы и Афины.

Подп. *Извольский.*

XXXVII

Секретная телеграмма посла в Риме.

6/19 октября 1915 г. № 472.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Ваша телеграмма № 5100 получена.

Французский посол, по поручению своего правительства, срочно запросил Соннино, согласна ли Италия присоединиться к коллективному предложению Греции болгарской Фракии, сли она придет на помощь Сербии. Соннино ответил, что если оно принято всеми союзниками, то он, конечно, не отделится от них, но что он не сочувствует предложению. До него дошел слух, что Англия намерена была одна, от своего имени высказаться в Афинах, в смысле предложения, и он предпочел бы такое выступление, не связывающее окончательно руки всему Четверному Согласию. Он допускает возможность революции в Болгарии и изгнание короля, и спрашивает себя, неужели же в таком случае мы отнимем Фракию от Болгарии и отдадим ее

Греции. Кроме того он находит, что великие державы, слишком преждевременно раздав подобные обещания, которых не принимают второстепенные государства, отчасти вредят своему престижу.

Подп. *Гирс.*

XXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 октября 1915 г. № 479.

Копии в Париж, Лондон, Рим, Ниш и Бухарест.

Великобританское правительство поручило своему представителю в Афинах сделать греческому правительству сообщение следующего содержания: «Обманутое в своих ожиданиях решением Греции воздержаться от оказания помощи Сербии, оно не считает приводимые ею доводы, в пользу уклонения от союзных обязательств, убедительными. Во избежание разгрома Сербии, оно обращается к Греции, в интересах последней, с просьбой оказать помощь союзнице. Если Греция это исполнит, Великобританское правительство выражает готовность уступить ей остров Кипр. Если же Греция безоговорочно присоединится к союзницам, то ей предоставлено будет соучастие в приобретаемых по окончании войны выгодах, но предложение, касающееся Кипра, стоит вне зависимости от последнего случая и обусловлено лишь немедленным выступлением со всей ее армией на помощь Сербии. Английское правительство просит о незамедлительном ответе.

Подп. *Демидов.*

XXXIX

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

7/20 октября 1915 г. № 721.

№ 5100 получен.

Копии в Париж и Афины.

Никольсон мне сказал, что Грей не принял еще никакого решения по этому вопросу. Конфиндентциально Никольсон мне сообщил, что он, лично, не является сторонником новых предложений Греции. Он рассуждает, приблизительно, как Соннино. Он не верит в действительность этого средства в данный момент и опасается, что греческое правительство увидит в этом симптомы слабости держав. Он даже думает, что система абсолютного молчания, в отношении Греции и Румынии, в течение некоторого времени, произведет на них больше впечатления. Он думает также, что предложение болгарской Фракии Греции может сделать текущую войну более популярной в Болгарии, чем теперь.

Подп. *Бенкендорф.*

---

*) Перевод французского текста.

XL

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 октября 1915 г. № 480.

Копии в Париж, Лондон, Рим, Бухарест и Ниш.

Заимис заявил сегодня, 7 октября, в моем присутствии, моему английскому коллеге, что предложение острова Кипра не может побудить Грецию к выступлению на помощь Сербии, так как выступление это, по мнению штаба, не только ни к чему не повело бы, но неизбежно приведет к разгрому самой Греции. Я воспользовался случаем, чтобы спросить министра иностранных дел, считает ли он всякие обещания Греции бесполезными перед убежденностью компетентных военных кругов в невозможности с успехом сопротивляться германо-болгарскому натиску. Заимис подтвердил здешнюю точку зрения чисто практической недействительностью такой военной помощи со стороны Греции. При таких условиях, предложение Греции болгарской Фракии едва ли даст положительные результаты, умаляя в то же время престиж Согласия, хотя оно бесспорно может оправдываться соображениями в пользу политики Венизелоса и оппозиции, при условии немедленного предания этого предложения широкой гласности.

Подп. *Демидов.*

XLI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 октября 1915 г. № 482.

До меня доходят слухи, будто бы некоторые члены греческого кабинета, как Гунарис и Теотокис, переговариваются с посланниками враждебных государств, в целях заключения греко-болгарского соглашения и раздела между Грецией и Болгарией Сербии и Албании. Председатель совета министров, которого я вторично об этом запросил, вчера, 7 октября, категорически опроверг возможность подобных переговоров без его ведома и просил моего разрешения довести мои недоумения до сведения его коллег по кабинету, против чего я не возразил. Министр иностранных дел меня заверил, помимо сего, что в случае перенесения военных действий, с отступлением сербов, к границе Греции, греческие войска никогда не будут направлены против союзников. Министр иностранных дел бесспорно искренен, но в силах ли он противодействовать подпольной работе Гунариса, непосредственного ставленника короля. Если англо-французские войска не окажутся в ближайшем времени в достаточном числе для внушения страха греческому правительству, можно предвидеть возможность разоружения сербов, оказавшихся на греческой территории. При наличии же сосредоточения к этому времени крупных союзных сил, весьма правдоподобно присоеденение к ним греков. Все по моему стоит ныне в зависимости от быстроты действий союзников, чего крайне опасаются здешние германофилы. Мне кажется, что вскоре надлежало бы, не ранее однако прибытия внушительного количества союзных войск, недвусмысленно заявить королю Константину, что мы счи-

таем нейтралитет Греции явно направленным против нас, как очевидно соответствующий интересам наших врагов. Быть может государю императору благоугодно будет при наступлении удобного момента приказать мне передать несколько серьезных слов предупреждения, что предоставило бы мне твердые основания для откровенных об'яснений с его величеством.

Подп. *Демидов.*

XLII

Секретная телеграмма посла в Риме.

8/21 октября 1915 г. № 482.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Соннино вполне разделяет Ваше мнение, касательно необходимости положить предел дальнейшим обещаниям вознаграждения Греции. По вопросу же о заявлении, что все обещанное может быть взято обратно, он высказал убеждение в его преждевременности и опасности, в виду сравнительной еще малочисленности европейского отряда в Салониках. Лишь, когда союзники вполне укрепятся в этом порте и Греции нельзя будет более чинить им затруднений, он признал бы необходимым заговорить с Грецией энергично.

Подп. *Гирс.*

XLIII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

8/21 октября 1915 г. № 727.

Копия в Париж.

Личная. Мильеран уехал, заключив с английским правительством соглашение, по которому английские войска, отправляющиеся для пополнения состава до 150.000, будут направлены сначала для снабжения продовольствием в Александрию, а оттуда будут переправлены для совместных действий с французскими войсками против продвижения немцев на Константинополь. Если в случае, однако, после прибытия этих войск в Александрию, положение изменится в такой мере, что потребуется новое соглашение — оба правительства к нему приступят. Это соглашение было достигнуто не без трудностей. Целая группа членов кабинета, среди которых Бальфур, лорд Керзон и Сельборн, высказывала мнение, что в настоящее время необходимо не упускать из виду опасности в Азии и Египте. Другая группа, во главе с Ллойд-Джорджем, поддержанная с военной точки зрения Китчнером, настаивала на необходимости прежде всего попытаться остановить наступление немцев на Константинополь. Отсюда вытекла формула, составленная Камбоном, которая была принята, вследствие чего состоялось соглашение о предполагаемых военных мерах. Проход английских войск через Алексан-

*) Перевод французского текста.

дриво был решен, согласно мнению лорда Китчнера, доказавшего, что это не потеря, а выигрыш времени, в виду того, что прямое снабжение продовольствием из Англии потребовало бы больше времени, чем через Египет. Аргумент, заставивший, повидимому, склониться к этому решению, был тот, что если даже немцы пройдут через Болгарию на Константинополь, союзники, тем не менее, будут вынуждены поддерживать сообщение Сербии с морем и что Салоники ни в коем случае не могут быть оставлены. Я получил эти сведения от Камбона. Грей, которого я видел только в присутствии итальянского посла, сказал мне лишь то, что английское и французское правительства достигли полного соглашения.

Подп. *Бенкендорф.*

XLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 октября 1915 г. № 484.

В связи с моими представлениями председателю совета министров, правительство опубликовало, 9-го октября, официально сообщение, опровергающее самым положительным образом существование каких бы то ни было переговоров с Болгарией, в видах заключения соглашения. Греческое правительство, согласно сообщению, никогда не добивалось подобного.

Подп. *Демидов.*

XLV

Секретная телеграмма посла в Риме.

13/26 октября 1915 г. № 491.

Копии в Лондон и Париж.

Министр иностранных дел придерживается убеждения, что не следует делать Греции никаких предложений, пока европейский отряд в Салониках не будет настолько внушителен, чтобы король оказался в необходимости согласиться. По его мнению, никакое дипломатическое наше выступление не может при других условиях иметь успеха и даст лишь возможность королю лишний раз доказать Берлину свою преданность новым отказом державам Согласия.

Подп. *Гирс.*

XLVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 октября/5 ноября 1915 г. № 523.

Копии в Париж и Лондон.

Во всяком случае надо предвидеть, что новые выборы уже не дадут большинства либералам, как вследствие приемов давления правительства их производящего, так и по причине крайней популярности короля и общей неохоты населения, утомленного двумя войнами, приступить к третьей. Не подлежит сомнению, что Греция, следуя по наклонной плоскости, все более направляется к личному режиму, на который население, стремящееся, главным образом, к отдыху, реагировать не станет.

Подп. *Демидов.*

XLVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 октября/6 ноября 1915 г. № 709.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Из разговора с Камбоном я мог заключить, что здесь вовсе не думают вновь поднимать вопроса о предложении Фракии Греции. Камбон прямо сказал мне, что не следует повторять ошибки, сделанной с предложением Кипра. По его мнению, пока положение в Греции не выяснится, всего лучше воздержаться от каких либо новых шагов в Афинах. Союзные войска продолжают высаживаться в Салониках и скоро достигнут цифры 150.000 человек. Он думает, что король Константин достаточно понимает фактическую зависимость Греции от держав Согласия, чтобы решиться занять по отношению к ним недружелюбное положение. Если он, тем не менее, перешел на сторону наших врагов, сказанные державы должны будут обсудить принятие принудительных мер, каковыми могут явиться не только блокада греческих беретов, но и занятие тех или других пунктов. По мнению Камбона, блокада может оказаться полезной также как средство лишить германские подводные лодки возможности получать провиант.

Подп. *Извольский.*

XLVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

28 октября/10 ноября 1915 г. № 715.

Копии в Лондон Рим и Афины.

Сегодня утром греческий посланник сообщил Камбону текст телеграммы Скулудиса, в коей он заявляет, что греческое правительство имеет твердую решимость продолжать свой нейтралитет, с характером искреннейшего благожелательства, по отношению к державам Согласия и к союз-

ным войскам в Салониках. Камбон выразил Романосу чувство живейшего удовольствия, по поводу этого сообщения, и присовокупил, что высадка союзных войск в Салониках не только оказывает услугу Сербии, союзнице Греции, но является для самой Греции гарантией сохранения за ней этого порта. Камбон сказал мне, что греческое сообщение произвело здесь вполне благоприятное впечатление. Он разделяет мнение Демидова, что нет надобности заранее затрагивать с греческим правительством вопрос о возможности перехода сербских войск через греческую границу. Если бы это случилось, державы могут заявить, что они смотрят на эти войска, как на части собственных своих войск.

Подп. *Извольский.*

XLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 октября/10 ноября 1915 г. № 535.

Срочно.

Копии в Париж Лондон и Рим.

Положение вещей в Греции внезапно обострилось. Председатель заявил сегодня, 28, моим коллегам, что совет министров принял решение разоружить не только сербские, но и союзные войска, при их отступлении на греческую территорию. У нас имеются признаки, что Германия пред'явила подобное требование греческому правительству, всего более поддающее ему страха с приближением германских войск. Нами получены, кроме сего, сведения о неожиданной, на время отложенной, перевозке в Македонию последних двух греческих корпусов. При таких обстоятельствах и принимая во внимание, что союзные войска могли бы оказаться при незначительной их численности в крайне опасном положении, на состоявшемся сегодня продолжительном совещании мы пришли к заключению о желательности срочно просить наши правительства разрешить нам незамедлительно сделать коллективное совместное представление греческому правительству о недопустимости принятого им решения и потребовать от него письменной же гарантии в том, что ни союзные, ни сербские войска не будут Грецией разоружены. Мы считали бы весьма полезным одновременное производство морской демонстрации у Пирея, ибо дело принимает весьма, по нашему мнению, серьезный оборот, при усилении здесь деятельности германских офицеров и пропаганде в армии, а спасти положение можно только решимостью и быстрым проявлением силы.

Подп. *Демидов.*

L

Секретная телеграмма министра иностранных дел начальнику штаба Верховного Главнокомандующего.

Петроград, 28 октября/10 ноября 1915 г. № 5570.

Несмотря на выраженное генералом Кадорна принципиальное согласие послать войска в Салоники, эта мысль встречает противодействие в итальянских правительственных кругах, вследствие чего трудно надеяться на ее осуществление. Тем не менее, тотчас по получении телеграммы вашего высокопревосходительства 456, я передал ее содержание в Париж, Лондон и Рим, поручив нашим представителям сделать, вместе с союзниками, новую попытку убедить итальянцев в необходимости участия их в военных действиях на Балканах.

Подп. *Сазонов.*

LI

Секретная телеграмма начальника штаба Верховного Главнокомандующего *).

28 октября **) 1915 г. № 456.

Ход военных действий итальянской армии на Изонцо не дает права расчитывать на достижение существенных результатов. По состоянии погоды, операции здесь скоро совсем прекратятся. Общие интересы всех союзников настоятельно требуют, чтобы значительные силы итальянцев получили скорое и полезное применение на Балканах. Высадка от 50-ти до 70-ти тысяч, занятие Кавалы и обязательное назначение одного командующего над всеми союзными войсками упрочило бы положение союзников на Балканах, расширило бы их базу, дало бы большую безопасность даже при выступлении греков и могло бы повести к крупным стратегическим результатам, при развитии удара на Софию—Ускюб. Не признаете ли полезным и возможным, произвести коллективное давление на итальянцев для принятия такого образа действий, обещающего больше, чем безнадежное наступление на Изонцо. Ближайшие интересы Италии в Албании могли бы быть обеспечены небольшими силами, примерно десятком тысяч человек. Решение на такую операцию и выполнение ее надлежало бы произвести не теряя времени. Переброска войск обеспечена богатством торгового флота, почти безопасного от подводных лодок; высадка не встретит вооруженного противодействия даже в Кавалле. Усиление вообще союзников на Балканах, думается, воздействует благотворно на Грецию, удержав ее в состоянии нейтралитета в худшем случае.

Подп. *Алексеев.*

---

*) На имя Сазонова, министра иностранных дел.
**) Старый стиль.

LII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 октября/10 ноября 1915 г. № 532.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

Новый председатель совета министров вполне подтвердил мне сегодня, 28 октября, сказанное им вчера великобританскому посланнику, касательно благожелательного Согласию нейтралитета Греции. По вопросу об интернировании сербов, в случае отступления части их в пределы Греции, Скулудис, взявший почин разговора на эту тему, поведал мне, что лично он глубоко надеется, что подобный случай не наступит, но что Греция обязана, тем не менее, к соблюдению Гаагской ковенции и не должна рисковать нарушением ее нейтралитета воюющими сторонами. Крайне озабоченный возможностью наступления этого случая, министр вошел по сему поводу в сношения с представителями другой группы держав, в целях заблаговременного принятия какой нибудь комбинации, способной обеспечить сохранение греческого нейтралитета,—например установления, по соглашению, нейтральной зоны, по которой могли бы безпрепятственно пройти отступающие войска. Он просил обратить внимание сербского правительства на крайнюю затруднительность положения, в которое Греция оказалась бы поставленной перед Австро-Германией. Я указал министру на весьма невыгодное для Греции впечатление, которое получилось бы в столицах Согласия при мысли о возможности разоружения сербов, а равно на несообразность меры, направленной против союзников Греции, когда на греческой территории уже имеются крупные союзные силы, число которых с каждым днем прибывает. Скулудис ограничился замечанием о фактической неизбежности. Министр, очевидно, поставил себе задачей охранять до последней возможности нейтралитет Греции, с каковой целью он надеется убедить наших противников воздержаться от перенесения военных действий в греческие пределы, обещая им строгое соблюдение международных конвенций, по отношению к сербам, и пытаясь получить их согласие на учреждение нейтральной полосы по греческой территории. Полагаю, что появление болгар на последней вовлекло бы Грецию в конфликт. О внутренних делах министр мне сказал, что непримиримое положение, принятое по отношению к инциденту с военным министром либералами, оскорбившего, по мнению их, народное представительство, ставит правительство в небоходимость распустить парламент, причем новые выборы состоятся при уменьшенном числе избирателей, так как Греция демобилизоваться не может и неуклонно намерена оставаться в состоянии вооруженного нейтралитета.

Подп. *Демидов.*

LIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 535.

29 октября/11 ноября 1915 г. № 720.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Здесь получена сегодня от французского посланника в Афинах телеграмма приблизительно того же содержания. Хотя в ней и не сказано, что совет греческих министров уже принял решение, относительно эвентуального разоружения не только сербских, но и союзнических войск, она пред-

ставляет положение в очень серьезном виде. Камбон сказал мне, что еще до ее получения, состоявшийся сегодня утром совет министров решил, на основании предыдущих сообщений Гильмена, послать в Пирей англо-французскую эскадру, которая будет, вероятно, состоять из двух судов и нескольких траулеров, ибо здесь обезпокоены сведениями о намерении греков поставить минные заграждения в Пирее и других греческих портах. Камбон сказал мне, что это будет сочтено за неприязненное действие по отношению к союзникам, ибо в этих водах нет иных военных судов, кроме союзнических. Кроме того, совет министров решил послать со специальной миссией в Афины, а оттуда в Салоники, министра без портфеля Дени Кошена, с целью выяснить там политическое и военное положение и произвести давление на короля и на министров. Дени Кошен, известный своим эллинофильством, имеет много личных связей в Афинах, где одна из улиц названа его именем. О точном содержании его инструкций буду телеграфировать завтра.

Подп. *Извольский.*

LIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

30 октября/12 ноября 1915 г. № 722.

Получил № 5589. Копии в Лондон и Афины.

Тотчас сообщил ее содержание Камбону, который в ответ прочел пространую телеграмму, посланную сегодня французскому посланнику в Афинах, по тому же предмету. В телеграмме этой, которая будет сообщена Вам Палеологом, Гильмен извещается о решении французского правительства, касательно посылки англо-французской эскадры в Пирей. Между французским и английским морскими штабами обсуждается, как состав этой эскадры, так и особые меры против установки минных заграждений в греческих портах. Гильмену предписывается заявить греческому правительству, что союзники не допустят разоружения ни собственных, ни сербских войск, и что они требуют гарантии безопасности высаженных в Салониках войск. Заявление это должно быть сделано, однако, не ранее, как по прибытии на место союзной эскадры. Кроме того, Гильмен должен покуда воздержаться от точного определения, в чем именно будут состоять эти гарантии, ибо вопрос этот еще обсуждается. Камбон сказал мне, что таковыми гарантиями могут явиться: передача на время войны управление Салоник союзникам, определение особой зоны для союзных войск, и укрепление оной союзниками. Вопрос об авансе греческому правительству должен быть отложен до разрешения всего вышеизложенного. Дени Кашен уже выехал на восток. Официально об'явлено лишь о его миссии в Салоники. Ему, повидимому, не дано подробных инструкций, и цель его миссии, прежде всего, выяснить положение и произвести нравственное воздействие на короля греческого и его министров.

Подп. *Извольский.*

LV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 октября/12 ноября 1915 г. № 537.

После долгих колебаний греческое правительство приняло решение обнародовать декрет о роспуске Палаты Депутатов. Появившийся, 29 октября, королевский указ созывает избирателей к 6-му декабря для производства выборов, а новую палату депутатов к 11-му января 1916 г. Члены либеральной партии еще не выяснили сове отношение к этому событию. Слухи об их намерении воздержаться от участия в настоящей избирательной кампании преждевременны.

Подп. *Демидов.*

LVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 октября/12 ноября 1915 г. № 538.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

29 октября здешний французский посланник частным образом предупредил Скулудиса об отношении его правительства к возможности разоружения союзных и сербских войск. Он заявил Скулудису, что если франко-английские или сербские войска, между которыми державы не делают различия, оказались бы в необходимости отступить на греческую территорию, факт задержания хотя бы одного солдата был бы сочтен за действие, крайне серьезные последствия которого надлежало бы греческому правительству измерить. Предупреждение это, вероятно, будет тотчас обсуждено на совете министром. Печать отражает чувства общественного беспокойства в ожидании каких-то грозных событий. Считаю настоятельным категорически рассеять, путем коллективного выступления, двусмысленное понимание греческой нейтральности, на деле давно и всячески нарушенной и все же толкуемой греческим правительством, несмотря на заверения греческих министров и на существующий союз с Сербией, с точки зрения обще-правовых норм. Письменным гарантиям Греции ныне нет возможности придавать веры и обеспечение ее благожелательности можно получить лишь одновременным появлением в ее водах союзных эскадр. Взгляд этот раздляется и видным государственным деятелем Греции, который просил его не называть.

Подп. *Демидов.*

LVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

31 октября/13 ноября 1915 г. № 540.

Копии в Париж и Лондон.

На основании общих предписаний поддержать представление французского посланника, мой английский товарищ повторил, 30-го октября, греческому председателю совета министров сказанное последним французскому посланнику, в виде предупреждения. По предложению английского послан-

ника, я присоединился к этому предварительному заявлению, в согласии со смыслом инструкций вашего высокопревосходительства. Мы нашли председателя совета министров крайне взволнованным. Он просил нас изыскать способ охраны греческого нейтралитета, являющегося главным предметом его забот, ясно при этом намекая нам на давление, производимое здесь Германией, по вопросу о разоружении, и настойчиво повторял нам, что во всей стране не найти ни одного грека, который желал бы войны. Я позволил себе указать первому министру, что последовательные заявления всех чередовавшихся здесь правительств о благожелательности к державам Согласия нельзя сводить на степень пустых риторических форм, а надо их рассматривать, как принятие реальных обязательств, что союзные войска были посланы на защиту Сербии по просьбе Венизелоса, тогда главы правительства, и что Займис недвусмысленно подтвердил обещание оказать войскам всякое содействие, обнимающее, конечно, право их свободного передвижения по греческой территории, что нынешнее правительство не может отказаться от обязательств его предшественников, что, наконец, нейтралитет Греции носит особый характер, не имеющий ничего общего с нейтралитетом, например, Голландии, ибо он сопряжен с твердыми обязательствами не только по отношению к союзникам, но и к Сербии, союз с которой, по недавним еще заверениям самого короля, отнюдь не утратил силу. На замечание председателя, что вопрос о Сербии надо оставить в стороне и что мы не должны сомневаться в его искренних к нам намерениях, я возразил, что мы вполне убеждены в его личных чувствах, но что существуют, к сожалению, иные веяния, с коими мы не можем не считаться. Министр на это ответил, что подозрения наши не обоснованы и что он не допустил бы, пока он находится у власти, каких-либо помимо него предприятий. Во всяком случае, в ожидании решительного шага, греческое правительство осведомлено о точке зрения Согласия на вопрос о разоружении и о нашем взгляде на характер нейтралитета Греции.

Подп. *Демидов.*

LVIII

Секретная телеграмма первого секретаря посольства в Париже.

2/15 ноября 1915 г. № 728.

Срочная.

Повторяю телеграмму Извольского № 728.

Получил Вашу телеграмму 6617.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Бриан, которому я тотчас сообщил ее содержание, сказал мне, что французское правительство, по соглашению с лондонским кабинетом, окончательно остановилось на следующем образе действий. Решено немедленно сосредоточить в Судской бухте сильную англо-французскую эскадру. Одновременно с этим, и не дожидаясь, как предполагалось ранее, прихода союзных судов в Пирей, греческому правительству будет пред'явлено требование прекратить сосредоточение греческих войск в Салониках и предоставить союзным войскам Салоники и железные дороги, в условиях полной для

оных безопасности. Если бы переговоры приняли неблагоприятный оборот, эскадра тотчас подойдет к Пирею, причем, в случае надобности, она не ограничится простой демонстрацией, а предпримет решительные действия. Инструкции в этом смысле, посылаемые французскому посланнику в Афинах, будут сообщены Вам Палеологом.

Подп. *Татищев.*

LIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 ноября 1915 г. № 553.

Копии Париж, Лондон и Рим.

Я нашел председателя совета министров обеспокоенным возбужденным тоном, в отношении Греции, англо-французской печати. Я ему сказал, что, по моему мнению, наступила пора для Греции определить ее отношения к державам Согласия, в виды коих нисколько не входит вовлечь Грецию против ее воли в войну, но которые обязаны точно знать, на что они могут здесь расчитывать, при первостепенной важности интересов, созданных балканским походом. Я указал министру на факт приглашения союзных войск правительством Венизелоса, в видах облегчить Греции выполнение ее союзнических обязанностей и на (пропуск) Заимиса, не признавшего этих обязательств, на недопустимое применение конвенции по вопросу о разоружении, как англо-французов, так и сербов, и на настоятельность получения на сей счет самых недвусмысленных гарантий. Я заметил, частным образом, что сосредоточение греческих войск в Салониках является, с решением Греции уклониться от конфликта, совершенно ненужным, и что опасность со стороны Болгарии могла бы быть с большею пользою предупреждена отправкой этих войск, только стесняющих союзные войска, на болгарскую границу, более к востоку. Наконец, я обратил его внимание на упорный слух о намерении греческого правительства ставить минные заграждения в некоторых пунктах, а особенно у входа в Салоникскую бухту, и на очевидную неприязненность подобной меры. Председатель считает, что отношение Греции к державам терпит какое-то непонятное для него недоразумение. Он упорно отклонил, на основании заявлений в палате депутатов самого Венизелоса, тезис о приглашении последним союзных войск, против чего я позволил себе усердно возразить. Повторив все прежние свои заверения, он просил передать вашему высокопревосходительству, что Греция ни в коем случае не возьмется за оружие, хотя бы под угрозой германских штыков против войск союзников и что, ссылаясь на постановления Гаагской конференции по вопросу о разурежнии, греческое правительство решило поступить с союзными войсками точно также, как с высадкой в Салониках, т.-е. ограничиться формальным протестом для спасения лица (?) перед нашими врагами. На деле ни один солдат не будет тронут. Что касается сербов, министр полагает, что их обезоруживая Греция сослужит услугу, предупреждая их уничтожение на греческой территории. Нельзя не улыбнуться перед таким софизмом. На мое замечание о желательности удалить греческие войска из Салоник, в видах предоставления большей свободы действий союзным войскам, министр ответил, что вопрос этот чисто военного свойства, что он уже предлагал совместное его обсуждение между греческим и союзным шта-

бами и выразил готовность его поднять на совете министров, лишь только он мог бы иметь уверенность, что союзники не пред'явят за сим каких-нибудь дальнейших требований о военных передвижениях. Министр категорически опроверг намерение правительства заградить какие-либо места минами, а равно и слухи о германской пропаганде в армии, относительно коих был уже запрос военного министра... В заключение, я вторично указал министру на необходимость вполне точно определить положение Греции, по отношению к Согласию, так как на мой взгляд дело принимает серьезный оборот, и тем рассеять то бесспорное недоверие, которое возбудило за последнее время у держав, как внутренняя, так и внешняя политика греческого правительства.

Подп. *Демидов.*

LX

Секретная телеграмма посла в Париже.

Копии в Лондон и Рим.

6/19 ноября 1915 г. № 740.

Камбон сказал мне, что проект ноты греческому правительству, по рассмотрении его на совещании английских и французских министров, подвергся некоторым изменениям. Кроме того, из него исключена фраза о том, что союзные державы готовы обсудить замечания греческого правительства по их содержанию, ибо это могло бы подать повод грекам сделать попытку затянуть переговоры, что было бы тем более опасно, что, по последним известиям, греки ставят мины заграждения. Новый текст ноты будет сообщен Вам Полеологом. Камбон присовокупил, что по техническим причинам союзная эскадра соберется у острова Милос не в пятницу, а лишь в начале будущей недели. Из слов его я мог заключить, что вручение ноты состоится по прибытии эскадры к острову Милос, но что союзные суда подойдут к Пирею и Саламину, лишь по получении приказания о том из Парижа и Лондона. На мой вопрос, приступит ли, в случае надобности, эскадра к принудительным действиям и к каким именно, Камбон ответил мне, что на этот счет еще не принято окончательных решений, что морской (пропуск), в случае не удовлетворительного ответа греческого правительства, без таковых действий не обойдется, причем он упомянул о захвате Саламинского арсенала или его разрушении.

Подп. *Извольский.*

LXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 ноября 1915 г. № 572.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

9-го ноября, утром, получено известие о прибытии вчера в Милос союзной эскадры, ожидаемой только завтра. Скулудис тотчас запросил французского посланника о значении этой меры. Посланник ответил, что появление союзного флота в греческих водах может лишь облегчить греческому

правительству задачу убеждения германцев в неизбежности удовлетворить требования держав Согласия. Завтра предполагаем вручить коллективную ноту, так как дальнейшая затяжка с приходом судов невозможна. Король позвал к себе итальянского посланника, которому он горько жаловался на английского и французского посланников, указывая на неслыханное обхождение Англии и Франции с Грецией и на неоправдываемое воздействие, производимое такими мерами, как эмбарго греческих судов и присылка эскадры. Король неоднократно заявлял о полной безопасности союзных войск со стороны греческих и усматривает в этих мерах средство давления на Грецию, чтобы вывести ее из нейтралитета. Итальянский посланник ответил, что такая возможность державами здесь имеется в виду. Король повторил безповоротное свое решение остаться нейтральным. В случае отступления союзных войск на греческую территорию, им будет предоставлено беспрепятственно сесть на суда и отбыть куда угодно. Но если, отступив в Грецию, они будут продолжать военные операции и организацию обороны, он даст распоряжение, во избежание вовлечения Греции в конфликт, о немедленной демобилизации своей армии и предоставить греческую территорию, вплоть до Салоник, обеим воюющим сторонам, не делая различия между наступающими силами германцев и болгар. Он как бы предпочитает разорение страны всякому вмешательству. Кошен привез из Салоник крайне тяжелое впечатление, будто бы союзные войска находятся, в видувозводимых греками в тылу у союзников укреплений и концентрации в Салониках значительного количества греческих войск, как бы в подготовленной им ловушке.

Подп. *Демидов.*

LXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 ноября 1915 г. № 570.

На состоявшемся, 8-го ноября, общем собрании либеральной партии принято решение, рекомендуемое Венизелосом, безусловно воздержаться от предстоящих выборов, в виде протеста против незаконности роспуска палаты, и вследствие ожидаемого неправильного их результата, вытекающего из ненормальных условий, в которых, с мобилизированным состоянием страны, выборы имеют быть произведены. Либеральная партия не желает в настоящую минуту разжигать выборные страсти и не согласится нести какую-либо ответственность за извращенное представление о греческом общественном мнении, которое получится от подобных выборов. Она оставляет за собою право возобновить борьбу, при восстановлении более нормальных внешних и внутренних условий. Избирателям Венизелисом рекомендуется при этом воздержаться от голосования. Не подлежит сомнению, что участие названной партии в выборах привело бы (пропуск) к самым печальным для нее последствиям. Венизелос обнародовал энергичный манифест к греческому народу, в коем он указывает на вышеупомянутые мотивы воздержания его партии, на отмену в Греции конституционного режима и на жалкую политическую комедию представляемую этими выборами.

Подп. *Демидов.*

LXIII

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

10 ноября *) 1915 г. № 5812.
Сообщается в Париж и Лондон.

Благоволите поддержать Ваших французского и великобританского сотоварищей в пред'являемом ими Соннино от имени своих правительств требовании выполнить обязанности, возложенные на Италию секретным договором от 13/26 апреля, а равно и посылки отряда войск в Солунь.

Подп. *Сазонов.*

LXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

12/25 ноября 1915 г. № 758.

Доверительно. Оборот событий в Сербии и положение союзных войск в Салониках сильно волнуют здешнее общественное мнение и вызывают резкие нападки на правительство. Политические круги и печать разделились на два лагеря. Одни, с Клемансо во главе, указывая на недостаточность высаженных в Салониках сил и на невозможность для Франции отвлечь большее число солдат со здешнего фронта, требуют отозвания англо-французских что бы то ни стало удержаться в Салониках, ибо, помимо даже вопроса о спасении Сербии, что все еще признается возможным, занятие этого пункта имеет громадное значение для союзников. Сторонники этого взгляда требуют посылки в Салоники значительных подкреплений и считают, что союзники должны употребить все усилия и принести все жертвы, чтобы преградить австро-германцам доступ к Константинополю, или, по крайней мере, укрепившись в Салониках, серьезно угрожать флангу неприятельских сил. Уверяют, что генерал Жоффр разделяет эти последние взгляды, но я еще не успел этого проверить. Если французские войска будут принуждены отступить из Македонии и сосредоточиться в Салониках, что само по себе представит весьма трудную операцию, возникнет положение сходное с тем, которое Веллингтон занял в 1810 г. у так называемых «ligues de Torres Vedras» в Португалии. Это, при нынешних артиллерийских средствах неприятеля, может окончиться катастрофою. В случае подобной катастрофы, или даже если союзные войска добровольно покинуть Салоники, следует ожидать неизбежного министерского кризиса, ибо Вы изволите вспомнить, что падение предыдущего кабинета было вызвано именно возражениями против Салоникской экспедиции со стороны Делькассе, письмо коего к Вивиани, конечно, сделается известным. Уверяют даже, что подобный исход может пошатнуть положение президента республики. Неудача Салоникской экспедиции не преминет также отразиться на отношении французского общественного мнения к союзникам, которых здесь обвиняют в неоказании

*) Старый стиль.

содействия нации, которая первая пришла на помощь Сербии. Не могу скрыть от Вас, что упреки эти слышатся и по адресу России, что было бы весьма желательно авторитетное раз'яснение с нашей стороны.

Подп. *Извольский.*

LXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 ноября 1915 г. № 581.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

№ 1. Французское правительство считает крайне спешным получить согласие греческого правительства на некоторые конкретные требования, в связи с опасностью создавшегося положения для союзных войск в Македонии. Спешность, полагаю, вызвана решением оттянуть главные сербские силы в Албанию и неосуществимостью их соединения с союзниками, а потом и неизбежностью предстоящего отступления последних на греческую территорию и к Салоникам, оборона которых представляется жизненной необходимостью. При этих условиях, я позволяю себе присоединиться. 13 ноября, к моим коллегам в коллективном шаге перед Скулудисом, с вручением ему памятной записки, текст которой, содержащий пожелания союзников, передаю за № 2

Подп. *Демидов.*

LXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

13/26 ноября 1915 г. № 582.

№ 2 Копия Париж, Лондон и Рим.

Текст памятной записки, поданной французским посланником председателю совета министров от имени четырех союзных представителей: «1. Удаление греческих войск из Салоник и окрестностей. 2. Свободное и полное распоряжение железными и другими дорогами до границы, особенно в направлении Криволака и Монастыря, достаточно полное для того, чтоб мы могли принять все меры, необходимые для нашей защиты, как в самом городе, так и в его окрестностях, так как организация обороны вокруг Салоник и перед Халкедонским полуостровом является первой необходимостью к обезпечению безопасности союзного дессанта. 3. Принятие на море таких мер, как право осмотра судов и лодок в территориальных водах. Из тяжелого и угрожаемого положения, в какое ставит союзные войска отступление сербов к Албании и Черногории, проистекает крайняя необходимость в том, чтоб удовлетворение этих требований было дано не только словесными уверениями, но и реальными мерами, именно: эвакуацией Салоникской области греческими войсками, каковые отводятся назад, чтобы не иметь возможности мешать свободе наших передвижений и нашей обороне».

Подп. *Демидов.*

---

*) Перевод французского текста.

LXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 ноября 1915 г. № 585.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Греческое правительство ожидает раньше, чем ответить на памятную записку союзников, чтобы последние высказались, относительно характера выраженных ими пожеланий; другими словами, оно хочет предварительно осведомиться, являются ли эти пожелания безпрекословными требованиями или вожделениями допускающими обсуждение. На запрос по сему поводу французского посланника, ответ из Парижа еще не поступил. Требование очищения греческими войсками Салоник считается самым трудным из поднятых нами вопросов. По мнению штаба, подобное перемещение войск потребует много времени, а с переходом железнодорожного сообщния в руки союзников поставит греческие войска в невозможные условия по их снабжению. Король мне сказал, что им самим составлена пространная нота державам, которую он еще не решился, однако, вручить.

Подп. *Демидов.*

LXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 ноября 1915 г. №586.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

№ 1.

За № 2 передаю текст ответа греческого правительства на требования нашей памятной записки от 13-го. Хотя ответ имеет форму нового предложения, все же предоставление военным властям обеих сторон заботы взаимного определения «способа осуществления» пожеланий держав дает основание заключить о принципиальном согласии греческого правительства на удовлетворение этих пожеланий. Что касается третьего пункта памятной записки — права розыска и уничтожения неприятельских подводных лодок в греческих территориальных водах, — то Скулудис ограничился замечанием, что Греция будет по прежнему терпеть эти действия у своих берегов. Трудно на самом деле требовать, чтобы правительство письменно обязалось допустить у себя действия, идущие прямо вразрез со всякими правами нейтралитета. К достижению соглашения по возможным нуждам союзных войск надлежит, по моему, приступить не теряя времени.

Подп. *Демидов.*

LXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

15/28 ноября 1915 г. № 587.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

№ 2. «Принявши к сведению дружеские заявления, сопровождающие требования представителей держав Согласия, пред'явленные им правительствами к

*) Перевод французского текста.

Греции, королевское правительство, в своем стремлении также дать доказательство своего дружеского расположения и принужденное считаться с тяжелым положением, в каком находится в Македонии греческая армия, как и союзные войска, а также с крайней необходимостью притти к практическому соглашению, предлагает поручить с обеих сторон воинским властям заботу определить в пределах, указываемых независимостью Греции, сохранением ее нейтралитета и насущными нуждами ее мобилизованых армий, способы выполнения требований, пред'явленных державами Согласия».

Подп. *Демидов.*

LXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

17/30 ноября 1915 г. № 590.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Попросив меня к себе, король в продолжительной беседе сказал мне то же, что и итальянскому посланнику (телеграмма № 572). Я пытался разубедить короля в скрытом желании держав вовлечь Грецию в войну и настаивал на безусловной необходимости и спешности обеспечить союзным войскам свободу действий. Король сказал мне, что допущение реорганизации и обороны на греческой территории союзных сил, вытесненных из Сербии, является уже актом выхода из нейтралитета и что Германия ему заявила о решении в этом случае преследовать союзников в греческих пределах. Греции остается только демобилизоваться и присутствовать, в качестве зрителя, при разорении страны. Если же союзники, отступие, решатся покинуть Грецию, то король гарантирует им беспрепятственный выезд, под прикрытием греческих войск. Я сказал королю, что мое понимание греческого нейтралитета является совсем иным и что неоднократные заверения его правительства в особенном благоволении к Согласию, наряду с сербским союзом, давали полное основание надеяться на более широкое толкование нейтралитета Греции и что все недоразумение зиждится на этом разногласии. Я указал королю на насущный характер требований союзников, намекая на всю лежащую на нем ответственность при их невыполнении или оттяжках. Король возразил, что скорое очищение Салоник греческими войсками является по техническим соображениям невыполнимым, требуя по крайней мере 3 месяца, а что с удалением их в другие местности Македонии и перенятием железно-дорожных сообщений, его войска подвергнутся риску голода и лишений. Он прибавил, что пожелания генерала Саррайля, будто бы, являются, по словам Кошена, меньшими, по сравнению с требованиями союзных правительств, и что все известия о возводимых против союзников укрепелниях, а равно о постановке мин, совершенно неосновательны. В виду достижения удовлетворительного соглашения по этим вопросам, король предлагает командировать офицеров греческого штаба к французскому главнокомадующему. Подходя к обеюму обмену взглядов, я позволил себе предупредить короля об опасном пути, выбранном им. Я обратил его внимание на ожидающую Грецию изолированность и постепенное отчуждение от нее всех симпатий, подробно разбирая будущее ее положение с упадком союза с Сербией, с неисключенной еще переменой отношения к нам Болгарии и

утратой благоволения держав Согласия. Король ответил, что Сербия окончательно разгромлена и что со стороны Болгарии он имеет основание пока не опасаться выступлений против Греции. Что насилие держав лишь усугубит его упорство. Наконец, что положение англо-французов в Македонии становится все более критическим, ибо болгары уже вытеснили их из Криволака и Градско. Последние, по всей вероятности, направлены будут против остатков сербских войск в Албании, тогда как австро-германцы будут наступать против союзников. В отношении внутренней политики, король сказал, что она ведется, как и внешняя, исключительно им самим. Возвращение к власти Венизелоса король не допустит до окончания войны. По этому поводу король мне доверительно сказал, что оставленные им в старой Греции первый и второй корпуса, на которые он может совсем положиться, предназначены в избирательных целях для подачи голосов против (пропуск). Не следует удивляться этому, когда все дела тяготеют в Греции вокруг внутренней политики и короля, искреннего, хотя и слабого, в сущности, характера и окруженного министрами, с узким кругозором и мелкими замашками политиканов, исключительно озабоченных под личиной патриотизма созданием сильной парламентской партии и истреблением венизелизма.

Подп. *Демидов.*

LXXI

Секретная телеграмма посла в Париже.

18 ноября/1 декабря 1915 г. № 772.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Камбон сказал мне, что, по рассмотрении ответной греческой ноты, французское правительство признало, что заключающиеся в ней общие уверения недостаточны, и что прежде, нежели начать переговоры между союзными и греческими военными начальниками, необходимо получить от греческого правительства определенный ответ по трем пунктам: о железных дорогах, о надзоре в греческих территориальных водах и об укреплении Салоник. Вместе с сим, дабы обеспечить союзные войска от всяких случайностей, решено ныне же, и не дожидаясь сказанного ответа, приступить к работам по укреплению Салоникского района. Гильмену и генералу Саррайль даются соответственные инструкции. Одновременно с этим, в виду известий из Афин о крайнем личном раздражении короля Константина против Франции и Англии. Гильмену поручено заявить его величеству о дружеских к нему чувствах и об отсутствии, со стороны французского правительства, недоверия к данному им слову.

Подп. *Извольский.*

LXXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

18 ноября/1 декабря 1915 г. № 775.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Камбон прочел мне телеграмму французского посланника из Афин приблизительно того же содержания, но рисующую положение в Афинах

в еще более черных красках. Получается впечатление, что король Константин и его правительство стремятся лишь выиграть время и расчитывают, что австро-германцы заставят союзные войска удалиться из Салоник. Лондонский кабинет высказался здесь в пользу признания греческой ноты удовлетворительною и за немедленный приступ к переговорам между союзниками и греческими военными начальниками. Но французское правительство настаивает на данных вчера Гильмену инструкциях, т.-е. на требовании категорического ответа по трем оставшимся невыясненными пунктам. Камбон присовокупил, что здесь имеют твердую решимость действовать энергично и, в случае надобности, прибегнуть к силе и к оказавшемуся уже действительным сокращению ввоза в Грецию продовольственных припасов.

Подп. *Извольский.*

LXXIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

19 ноября/2 декабря 1915 г. № 778.

Ваша телеграмма № 5960 получена.

Копии в Лондон и Рим.

Тотчас переговорил по ее содержанию с Брианом, который сказал мне, что он вполне разделяет Ваше мнение о насущной нобходимости как можно скорее выработать общий план действий союзников на Балканах. Здесь также имеются указания на намерения австро-германцев произвести давление на Румынию, к границе коей отправлено пять дивизий, освободившихся после разгрома Сербии. Бриан еще раз высказал мне, что французское правительство считает абсолютно необходимым прочно основаться в Салониках и ныне же довести там численность союзных войск до 300.000. Число это может быть вслед за сим еще увеличено для совместных действий с Россией и Италией. Он с раздражением отозвался о планах Китчнера и колебаниях и разномыслии среди лондонского кабинета. Бриан присовокупил, что он готов принять приглашение приехать в Лондон для обсуждения настоятельного вопроса, но настаивает на том, чтобы предварительно состоялся в Шантильи, назначенный на воскресенье, военный совет, при участии генералов Френча, Жилинского и Порро, дабы им иметь твердое основание для разговоров с английскими министрами.

Подп. *Извольский.*

LXXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

19 ноября/2 декабря 1915 г. № 778 (бис).

Копии в Лондон и Рим.

Бриан сказал мне, что он продолжает энергично настаивать в Лондоне на необходимости пред'явить Греции категориечские требования, с одновременным стеснением доставки ей продовольствия и, в случае надобности, принятием других принудительных мер. Он приписывает ухудшение поло-

жения в Афинах выступлению там Китчнера, который не скрыл от короля Константина плана вывезти союзные войска из Салоник и тем внушил ему сомнениеи в твердости и единомыслии союзников. Мнение это может, по его убеждению, об'яснить предложение короля о выходе союзных войск из Салоник под прикрытием греческих войск. Предложение это Бриан считает дерзкими и унизительными для союзников, которые, по его мнению, должны показать Греции свою решительность и силу.

Подп. *Извольский.*

LXXV

Секретная телеграмма посла в Париже.

20 ноября/3 декабря 1915 г. № 780.

Копии в Лондон и Рим.

К тому, что было сказано мне вчера Брианом, Камбон сегодня присовокупил, что французское правительство уже приняло, со своей стороны, меры для стеснения доставки в Грецию продовольствия и что оно надеется, что такие же меры будут безотлагательно приняты со стороны Англии.

Подп. *Извольский.*

LXXVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

20 ноября/3 декабря 1915 г. № 783.

Копии в Лондон и Рим.

Только что узнал от Камбона, что Великобританское правительство настаивает на совещании между английскими и французскими министрами до заседания высшего совета союзников в Шантильи, назначенного на воскресенье. Вследствие сего, Бриан, генерал Галиени и адмирал Лаказ, а также вероятно и генерал Жоффр, выезжают завтра утром в Калэ, где встретятся с английскими министрами.—По известиям из Лондона, Китчнер энергически высказывается за очищение Салоник и в противном случае грозит отставкой, что немедленно создаст в Англии министерский кризис. Бриан продолжает твердо отстаивать свое мнение о необходимости не только оставаться в Салониках, но также предпринять на Балканском полуострове активные и согласованные с Россией и Италией действия в широких размерах. Если ему не удастся убедить англичан, по словам Камбона это может повести к министерскому кризису во Франции. Французские министры вернутся в Париж завтра, поздно вечером, и я узнаю о результате совещания лишь в воскресенье. Высший совет в Шантильи будет, вероятно, отложен на день или на два. Итальянский генерал Порро уже здесь.

Подп. *Извольский.*

LXXVII

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 ноября/4 декабря 1915 г. № 765.

Лично.

Весьма доверительно.—Здешнее военное ведомство имеет в Вене осведомителя, который изредка посылает сюда военные сообщения, кои, будто бы, до сих пор всегда оправдывались. Это лицо передает ныне, что, во время пребывания Гунариса у власти, Греция заключила соглашение с Германией на следующих условиях: Греция получит южную Албанию с Валлоной и Монастырь с 20-ти верстной полосой; взамен этого, она уступает Болгарии Кавалу, Серес и Драму, до реки Струмы, и обязуются, по своему выбору, либо остаться нейтральной, либо выступить на стороне Германии.

Подп. *Поклевский.*

LXXVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 ноября/6 декабря 1915 г. № 794.

Копии в Лондон и Рим.

Виделся сегодня с Брианом, который сказал мне, что на совещании в Калэ он самым энергичным образом настаивал на следующем плане. Союзные войска должны во что бы то ни стало сохранить свою базу в Салониках, так как весь фронт имеет не более 45 километров длины; базу эту очень легко укрепить и держать даж при нынешнем числе союзных войск; число это следует постепенно увеличивать и довести до 350 или 400 тысяч, включая галлипольские отряды и остатки сербских войск. Через несколько месяцев, т.-е. к весне, предпринять общее и согласованное наступление на всех фронтах — русском, итальянском и балканском. Такое согласованное наступление даст союзникам наиболее шансов решительной победы. План этот встретил самый решительный отпор со стороны англичан, т.-е Китчнера, который (впал) при этом в противоречие с самим собою, ибо в Париже он утверждал, что в Салоникх можно продержаться всю зиму с тремя дивизиями, а в Калэ напирал на критическое положение высаженных там 120.000 человек. Китченер, после долгих прений, согласился лишь произвести эвакуацию не сейчас, а после 4 или 5 недель. По возвращении из Калэ, Бриан телеграфировал П. Камбону, в Лондон, употребить все усилия, дабы убедить лондонский кабинет не принимать окончательного решения без обсуждения вопроса всеми союзниками. По словам Бриана, упорство англичан тем досаднее, что, по последним сведениям из Афин, имеется полная надежда на улажение дела с греками. Бриан присовокупил, что он будет настаивать на своем плане до конца и надеется на поддержку в Лондоне, со стороны России и Италии, причем мнение, высказанное сегодня большинством военного совета, послужит твердым основанием для этих настояний. На мой вопрос, какие последствия будет иметь окончательный отказ Англии, он ответил, что в таком случае, конечно, придется эвакуировать Салоники, но что он, тем не менее, не вернет французских войск во Францию, а оставит их где нибудь по близости на тех или других греческих островах, дабы воспользоваться первым случаем для возобновления действий на Балканах.

Подп. *Извольский.*

LXXIX

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 ноября/7 декабря 1915 г. № 796.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Великобританский посол сообщил здесь, что Эллиоту предписано присоединиться к Гильмену, чтобы испросить согласие греческого правительства на занятие всех пунктов, которые окажутся необходимыми для их обороны, сколько бы времени ни продолжалось их пребывание в Салониках. По личному мнению Камбона, это как будто указывает, что лондонский кабинет еще не принял окончательного решения эвакуировать Салоники и под влиянием вчерашнего военного совещания подвергает этот вопрос новому обсуждению.

Подп. *Извольский.*

LXXX

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 ноября/8 декабря 1915 г. № 797.

Ваша телеграмма № 6040 получена.

Копии в Лондон и Рим.

Сообщил ее содержание Бриану, который еще раз подтвердил мне, что он вполне разделяет Ваше мнение о необходимости сохранить союзные войска в Салониках и что он самым энергичным образом настаивает на этом в Лондоне. Из того, что мне известно о ходе вчерашнего военного совета и из доверительного моего разговора с фельдмаршалом Френчем, мне кажется, что английские генералы, участвовавшие в совете, не вполне разделяют мнение лорда Китченера и до известной степени поддаются единодушным аргументам генералов Жоффра, Жилинского и Порро. Получается впечатление, что тогда, как английские министры настаивают на эвакуации Салоник, выставляя требования военных, английские генералы ссылаются, главным боразом, на будто бы окончательное решение своего правительства. Если это так, то казалось бы не следует терять всякую надежду на успех дальнейших настояний в Лондоне. Мнение это разделяется Камбоном, который сказал мне, что необходимо настоять на том, чтобы настоящий вопрос был подвергнут обсуждению между всеми четырьмя союзниками на предполагаемом совещании в Париже.

Подп. *Извольский.*

LXXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 ноября/8 декабря 1915 г. № 612.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

По просьбе английского и французского посланников, итальянский посланник, и я, в отдельности, сообщили, 25 ноября, Скулудису о полной нашей солидарности с их заявлениями, а также о желательности успешного

исхода переговоров греческого правительства с союзным военным начальством по удовлетворению требований оного. Я сказал Скулудису, что в противном случае, союзникам по необходимости придется вернуться к более категорическим приемам. Указывая на неблагоприятный оборот кампании для англо-французов, Скулудис сказал, что Греция пойдет в своих уступках до крайних пределов, допускаемых ее своеобразным нейтралитетом, т.-е. до пределов, за которыми Германия не остановится перед вторжением в греческую территорию. Греция по его словам не может считать совместимым с ее нейтральностью, чтобы союзные войска, отступив на ее территорию, подготовлялись к новым военным действиям. Германия в таком случае усмотрит в этом, нарушение греческого нейтралитета и не постесняется преследовать союзников вместе с болгарами в греческой Македонии, которая превратится в театр борьбы и подвергнется всяким зверствам и опустошениям. Греческим же войскам отдан будет приказ о демобилизации. Выразив надежду, что дело до этого не дойдет, я поставил Скулудису на вид, что в интересах самой Греции надлежит пока приложить все усилия к избежанию пререканий по вопросам, обсуждающимся с генералом Саррайлем. Последний, между прочим, только что уведомил французского посланника о твердом решении первым делом возбудить вопрос об очищении греками салоникских фортов, что предвещает крупные затруднения.

Подп. *Демидов.*

LXXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 ноября/8 декабря 1915 г. № 614.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

Здешний французский посланник получил сообщение о решении своего правительства приступить к задержанию всех греческих судов в французских портах. Мера эта, принятая по выяснении хотя бы первых результатов военного совещания в Салониках, вместе с резким тоном последней телеграммы Саррайля, как бы подтверждает неблагоприятный оборот военных операций в Македонии и грозит новыми осложнениями с Грецией. Английский военный агент высказывается за оставление балканского предприятия. Учитываемое здесь разногласие между французским и английским взглядами невыгодно отражается на положении, а эвакуация Салоник при нынешних условиях нанесла бы, по моему, сильный удар престижу Согласия. Скулудис не скрыл от меня убеждения, что экспедиция ныне зиждится на соображениях политического свойства, а, что с точки зрения военной партия союзников проиграна.

Подп. *Демидов.*

LXXXIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

27 ноября/10 декабря 1915 г. № 800.

Получил Вашу телеграмму № 6044.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Сообщил ее содержание Бриану. Сегодня утром сюда прибыл Грей и Китченер для окончательного обсуждения вопроса о Салониках. Я имел длинную беседу с Греем и самым энергичным образом поддерживал перед

ним русско-французскую точку зрения. В результате совещания, между французскими и английскими министрами решено, что (следует) немедленно, окончательно выяснить положение в Салониках и ныне же принять все небоходимые меры, чтобы обеспечить безопасность находящихся там союзных войск. Вопрос о дальнейшем образе действий союзников на Балканах оставлен покуда открытым и будет решен, впоследствии, в зависимости от хода событий. По соглашению с Греем, Бриан послал в Афины телеграмму, в коей Гильмену предписывается заявить греческому правительству, что командующие союзными войсками приступят без дальнейших проволочек к осуществлению мер, на которые король Константин выразил принципиальное согласие в последнем разговоре с французским посланником и что если при этом возникнут какие-либо затруднения, союзники прибегнут к решительным действиям. Подробное содержание инструкции Гильмену и генералу Саррайль будет сообщено Вам Палеологом. Таким образом, можно считать, что сделан весьма существенный шаг к устранению противодействия английского кабинета русско-французской программе. Дальнейшее же развитие прогаммы будет, вероятно, подвергнуто обсуждению в предположенных совещаниях союзных министров в Париже.

Подп. *Извольский.*

LXXXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

27 ноября/10 декабря 1915 г. № 803.

Копии в Лондон и Рим.

Ваша телеграмма № 6083 получена.

Из предыдущих моих телеграмм Вам уже известна настойчивость, с которой французское правительство поддерживает общие пожелания России, Франции и Италии. Сегодня Грей и Китченер были у президента Республики и показались ему более склонными к сговорчивости. Они остаются здесь до получения из Афин ответа на посланную Гильмену телеграмму Камбон сказал мне, что последние известия о положении союзных войск в Македонии менее тревожны и что войска эти постепенно отступают к Салоникам. По его словам здесь вполне сознают, что положение в Салониках может быть обеспечено лишь при условии увеличения числа высаженных там войск. Для французов весьма трудно взять войска с здешнего фронта. Для англичан сделать это гораздо легче, вследствие излишней глубины их линии. Необходимо, чтобы Италия также прислала бы отряд в Салоники. Камбон считает весьма желательным, чтобы предположенное совещание в Париже сотоялось как можно скорее, ибо видит в нем средство убедить англичан и итальянцев. Более сговорчивое настроение Грея и Китченера он приписывает телеграмме государя императора королю Георгу.

Подп. *Извольский.*

LXXXV

Секретная телеграмма посла в Париже.

27 ноября/10 декабря 1915 г. № 805.

Срочная.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

От Гильмена, видевшегося вчера утром с королем, получен вчера вечером следующий ответ: король подтвердил ему свои прежние заявления, присовокупив, однако, что на заявления эти не следует ссылаться, как на обязательство. Король прибавил: «Вы имеете от меня уверенность, что в этих пределах Вам обеспечен уход части греческих войск и что вы можете приступить к мерам по укреплениям и по железным дорогам. Испрашивайте и берите, что Вам будет нужно и пусть английский генерал поступает точно также, но по возможности с соблюдением материальных и нравственных нужд греческой армии. Не останавливайтесь перед нашими протестами». Король думает, что германцы и болгары не вступят теперь на греческую территорию, но по его словам греческие войска не в состоянии их остановить. После аудиенции у короля , Гильмен виделся с начальником генерального штаба, который, повидимому, понял необходимость уступить. Камбон только что сказал мне, что вышеизложенный ответ считается здесь удовлетворительным, и что, не входя в дальнейшие об'яснения с греческим правительством, генералу Саррайль предписано тотчас сговориться с греческим полковником Паллисом об осуществлении намеченных мер.

Подп. *Извольский.*

LXXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 ноября/10 декабря 1915 г. № 615.

Английское правительство приняло аналогичные меры к задержанию в великобританских портах всех товаров предназначенных для Греции. Италия вероятно присоединится. Председатель совета министров, обеспокоенный уже дошедшими до него слухами о принимаемых мерах, прислал к французскому посланнику с (пропуск) по сему поводу начальника (пропуск). Французский посланник советовал обратиться за раз'яснением к греческому представителю в Париже

Подп. *Демидов.*

LXXXVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

28 ноября/11 декабря 1915 г. № 808.

Копии в Лондон и Рим.

После вторичного совещания с французскими министрами, Грей и Китченер выехали сегодня обратно в Лондон. Подробности совещания мне еще не известны, но я знаю, что Бриан вынес из него вполне благоприятное впечатление.

Подп. *Извольский.*

LXXXVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

28 ноября/11 декабря 1915 г. № 793.

Копии в Лондон и Рим.

Военный совет союзников состоялся в Шантильи сегодня утром. С подробностями его я ознакомлюсь лишь завтра, когда увижусь с генералом Жилинским. От Бриана мне известно, что представители России, Франции и Италии высказались единодушно за сохранение союзных войск в Салониках: английские — за эвакуацию.

Подп. *Извольский*.

LXXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 ноября/11 декабря 1915 г. № 620.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Получив предписания, французский посланник отправился к королю и сообщил в главных чертах их содержание. Затем посланники Согласия собрались у Скулудиса, которому английский посланник прочел полученные французским посланником категорические инструкции о необходимости приступить без дальнейших разговоров к осуществлению мер по обеспечению безопастности союзных войск в Македонии. Король показался французскому посланнику в более примирительном настроении. Вот результат: 1) Король приказал оттянуть немедленно от Салоник 5-й корпус, далее к востоку, кроме одной дивзии. Саррайль этим, повидимому, удовольствуется. 2) Король не допускает участия французов в заведывании железнодорожным движением, но готов увеличить, сколько потребуется, греческой состав линии. В случае крайней необходимости можно будет обойтись без этого разрешения. 3) Относительно мер обороны, король их не допускает на своей герритории, но никакого сопротивления им не будет оказано греческими войсками, которые ограничатся очищением необходимых мнстностей. Правительство выразит по сему поводу энергичный протест... формального свойства... В случае коллизии войска не будут стрелять в союзные. 4) Король дал слово, и это должно считаться достаточным, что орудия фортов «Карабурну» и «Вардар» не будут обращены против союзного флота или войск. Правительство, вероятно, приостановит по недостатку средств дальнейшие сооружения на этих фортах. Сравнивая эти уступки с требованиями Саррайля, является полная возможность согласительного исхода. В заключение Скулудис просил об оставлении в целости моста у Демир-Хоссюра, чтобы не отнять от греческих войск главной их питательной артерии. Несомненно, что применение давления на Грецию оказало свое влияние на ее уступчивость. Злоупотреблять же этими средствами, по моему, не следует. Полагал бы желательным постепенно снимать запреещние ввоза, в зависимости от выяснения наших условий. Парижское совещание безусловно су-

щественно изменило положение к лучшему. Однако, судя по телеграмме Грея английскому посланнику, английское правительство еще не предрешило принципиального вопроса о продолжении балканской экспедиции, на мой взгляд столь насущной, с политической точки зрения, на востоке.

Подп. *Демидов.*

XC

Секретная телеграмма посла в Париже.

29 ноября/12 декабря 1915 г. № 810.

Копии в Лондон и Рим.

Маржери, присутствовавший в качестве переводчика и составителя протоколов на совещаниях между французскими и английскими министрами, как в Калэ, так и в Париже, сообщил мне следующие о них подробности: В Калэ англичане твердо отстаивали взгляды Китченера, т.-е. необходимость немедленного очищения Салоник. В Париже они значительно приблизились к точке зрения французского правительства. Результат вчерашнего заседания может быть резюмирован следующим образом: союзные войска отступают из Македонии к Салоникам, где принимают все меры к устройству укрепленных позиций, но уже не с целью эвакуации, а с тем, чтобы остаться и твердо основаться в этом районе. Сообразно с этим, английские войска, находящиеся на транспортах в Салоникской гавани, будут продолжать высаживаться. Это однако же не предрешает вопроса ни о дальнейшем увеличении числа союзных войск в Салониках, ни о последующем плане действий сознков на Балканском театре, каковые действия будут зависеть от общего хода событий. Присутствовавший при разговоре, Камбон, сказал мне, что хотя таким образом на последних совещаниях достигнуты весьма существенные результаты, следует неослабно продолжать воздействовать на лондонский кабинет, прежде всего, дабы привести его к сознанию о необходимости усилить союзные войска в Салониках. Далее возникает вопрос об об'единении командования этими войсками ,ибо, к сожалению, ныне между генералами Саррайль и Монро не существует полного согласия. Камбон подтвердил мне, что Бриан вполне отдает себе отчет в недостаточности союзных сил в Салониках и что он надеется, что Жоффр, получив высшее командование на восточных фронтах, не будет препятствовать их увеличению. Сегодняшние парижские газеты говорят о достигнутом на совещаниях полном соглашении между Францией и Англией по возбужденным вопросам. Я не мог не заметить, что это не вполне отвечает действительности и может до известной степени ввести общественное мнение в заблуждение, с чем Камбон согласился.

Подп. *Извольский.*

XCI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 ноября/13 декабря 1915 г. № 628.

Калмыков сообщает с Родоса: «Итальянское правительство приказало временно задержать греческие суда в Додеканозе. В Родосе задержаны два парохода».

Подп. *Демидов.*

XCII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 декабря 1915 г. № 634.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Саррайль все еще жалуется на чинимые ему греческими военными и гражданскими властями затруднения. Между тем союзные правительства уже распорядились о снятии запретительных мер, являющихся самым действительным средством воздействия на Грецию. Французское правительство признало правильность точки зрения учредить рационирование Греции, постепенно удовлетворяя ее насущным нуждам; но не допуская образования здесь сколько нибудь крупных запасов...

Подп. *Демидов.*

XCIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

2/15 декабря 1915 г. № 816.

Копии в Лондон и Рим.

Бриан, с которым я виделся сегодня в первый раз после совещания с Греем и Китченером, подтвердил мне, что между ним и английскими министрами установилось согласие лишь о ближайших действиях англо-французских войск на Балканском полуострове, а именно: решено, что эти войска, отступив к Салоникам, укрепятся в этом районе, и что находящиеся на транспортах в Салоникской гавани английские части будут продолжать высаживаться. Таким образом, англичане отказались покуда лишь от мысли ныне же эвакуировать Салоники. Что же касается дальнейшего плана союзников на Балканском полуострове, то вопрос этот остается открытым и решение его будет зависеть от общего хода событий. По мнению французского генерального штаба, англо-французские войска, при нынешней их численности, вполне могут продержаться в Салониках, в течение зимних месяцев, но к весне их необходимо будет усилить, в зависимости от того, будут ли решены наступательные действия союзников на Балканском полуострове, согласно плану генерала Алексеева. При этом здесь имеется в виду перевезти в Салоники часть сербской армии, а также добиться от Италии посылки туда же 75.000-ного отряда. Бриан еще раз повторил мне, что он всецело стоит за выполнение плана генерала Алексеева, каковой план разрабатывается в настоящее время французским генеральным штабом. Он думает, что раз англичане отказались от немедленной эвакуации Салоник, их можно будет постепенно приготовить к принятию русско-французского плана; этому могут способствовать предполагаемые совещания союзников в Париже. В заключение Бриан сказал мне, что трудная операция отступления к Салоникам выполняется вполне успешно, что английские и французские войска уже находятся на греческой территории и что есть основание думать, что германские войска, в силу состоявшегося между Грецией, Болгарией и Германией соглашения, не перейдут греческой границы. Со своей стороны, я обратил внимание Бриана на несоответствие между действи-

тельными результатми англо-французских совещаний и заявлениями французских и английских газет, между прочим «Таймса», что между английскими и французским правительствами состоялось полное и определенное соглашение о их будущей политике на Балканском театре.

Подп. *Извольский*.

XCIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 декабря 1915 г. № 639.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Союзная эскадра на Милосе распущена 2-го декабря.

Подп. *Демидов*.

XCV

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

3/16 декабря 1915 г. № 644.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

№ 2. Текс памятной записки: «Вследствие жалоб неоднократно представляемых в последние дни союзными военными властями в Македонии, правительства Франции, Великобритании, Италии и России поручили их представителям в Афинах выразить энергичный протест против препятствий, чинимых греческими властями, к исполнению обещаний греческого короля, а также против нарушения обязательств, принятых на себя греческим правительством по отношению к державам.

Представители союзных держав получили также приказание более не допускать подобных актов и указать на необходимость, в которую будут поставлены их правительства, несчитаться с греческими властями, и принимать все меры, какие им покажутся необходимыми, если будут продолжать препятствовать союзным военным властям в осуществлении мер к обеспечению их обороны и безопасности.

Подп. *Демидов*.

XCVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 декабря 1915 г. № 643.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

№ 1.

За № 2 передается текст памятной записки, врученной, 2-го декабря, Скулудису, в виду недопустимых постоянных придирок и несоответствия действий греческих властей с данными королем обещаниями. Мы обратили

*) **Перевод французского текста.**

внимание Скулудиса на весьма серьезный и срочный характер наших представлений и, ссылаясь на определенные жалобы Саррайля: на чинимые греками на каждом шагу препятствия свободного пользования союзниками железнодорожными и телеграфными сообщениями, снятие для нужд греческих войск значительной части подвижного состава, воспрещение англичанам делать разведки на Халкидонском полуострове, разоружение сербских войск и т. п. Скулудис возражал главным образом, против возможности оставления греческих войск без средств снабжения. Разговор принял крайне острый оборот, когда Скулудис заявил, что он отказывается принять нашу памятную записку. Однако, памятная записка осталась у него. Приходится пожалеть о совпадении наших представлений с снятием мер и уходом эскадры с Милоса. Надеюсь, что будут оказаны некоторые уступки, а то Саррайлю придется идти на пролом. Инструкции посланные греческим властям и прочитанные нам Скулудисом о предоставлении полной свободы партиям сербских войск, показались нам удовлетворительными. Пока ни австрийские, ни болгарские войска не переступали греческой границы. Существует мнение, что они от этого воздержатся, чтобы не вовлечь Грецию в войну.

Подп. *Демидов.*

XCVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 декабря 1915 г. № 642.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вчера, 2-го декабря, нашими французским и английским коллегами, получен оффициальный и письменный протест греческого правительства против воздвигаемых союзными войсками укреплений и оборонительных сооружений на греческой территории, не совместимых с нейтралитетом Греции, с ее суверенными правами и земельной неприкосновенностью. Мероприятия эти способны скомпрометировать Грецию в глазах государств, находящихся в войне с державами, и создать положение, находящееся в противоречии с состоянием нейтралитета, бесповоротно принятым Грецией, и в свою очередь признанным державами четверного согласия.

Подп. *Демидов.*

XCVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 декабря 1915 г. № 646.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Греческое правительство прилагает усилия, чтобы предотвратить вторжение в греческую территорию австро-германо-болгарских войск, особенно последних, указывая на затруднительность в противном случае дальнейшего сохранения греческого нейтралитета. Хотя сведения крайне сбивчивы, полагаю, что переговоры эти ведутся одновременно в Афинах и Берлине. Со-

глашение пока не достигнуто, ибо Германия едва ли может относиться безучастно к образованию на греческой территории нового фронта и сильной союзной армии, представляющей угрозу сообщению с Константинополем и препятствие к преобладанию германцев на Балканах. Закрытие австро-германских школ в Салониках, и приготовление к отбытию австро-германских колоний, дают повод предполагать о готовящемся наступлении противников. Недостаточность же германских сил у греческих границ, не более 80.000, потребуют привлечения болгар, а может быть и турок. Ходят слухи, будто бы произошло столкновение между греками и болгарами, ранено будто бы около 200 человек. По греко-сербской границе установлена нейтральная зона в два километра по обеим сторонам. Нападение германцев, стоящее в зависимости от переговоров, даст время союзникам организовать оборону. 6 декабря (начинаются) выборы при безусловном воздержании всех либеральных партий. Войскам с сегодня воспрещено покидать казармы. Возможен приказ о частичной хотя бы демобилизации. В Салониках греческие войска, согласно нашим требованиям, очищают город.

Подп. *Демидов.*

XCIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 декабря 1915 г. № 650.

Греческое правительство пред'являет конкретные протесты против действий союзных войск, по мере того, как последние занимают пункты для нужд обороны. 5-го декабря поступил к французскому посланнику таковой протест, по поводу занятия французами здания у Гюменицкого моста. На мой вопрос председателю совета министров, какой смысл имеют эти протесты, которые все равно придется оставить без внимания, в высших военных соображениях, министр ответил необходимостью доказательства перед палатой депутатов, что правительство неуклонно заботилось об охране интересов и нейтралитета Греции.

Подп. *Демидов.*

C

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 декабря 1915 г. № 651.

Вчера, 6-го декабря, состоялись законодательные выборы в Греции. Все избиратели либеральной партии скрылись (?) и исполняя указания их главы Венизелоса, единодушно воздержались от голосования. По первым результатам получилось, что приблизительно одна треть выборщиков подавала голоса, по сравению с общим числом балотировавших 31 мая. Сам Венизелос считает бойкот удавшимся. Состав новой палаты депутатов, таким образом, распределен между большинством гунаристов, значительным числом раллистов, членами самостоятельной и других мелких партий. Досто-

примечательно, что избирательная борьба большей частью происходила между последователями двух членов нынешнего кабинета — Гунариса и Раллиса.

Подп. *Демидов.*

CI

Секретная телеграмма посла в Париже.

9/22 декабря 1915 г. № 837.

Министр иностранных дел обратился ко мне с нотою, в которой сообщает, что французское правительство полагало бы полезным принять, если понадобится, меры экономического воздействия на Грецию, путем ограничения ввоза в королевство некоторых продуктов, необходимых для существования Греции. Французское правительство полагает, что существующее уже здесь международное бюро по продовольствованию Швейцарии, в коем участвует агент нашего министерства торговли, могло бы заняться этим вопросом и просит меня, в виду спешности, уполномочить принять участие в предстоящем, в понедельник, заседании нашего морского агента, совместно с его сотоварищами союзных держав, в виду важной роли, которую играют международные флоты в деле контроля над торговыми сношениями Греции. Я уполномочил капитана Дмитриева принять участие в этом заседании.

Подп. *Извольский.*

CII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

12/25 декабря 1915 г. № 669.

Венизелос указывает на причиняемый интересам Согласия ущерб намеченным правительством провозглашением военного положения в Афинах и некоторых городах Греции, в целях обуздания свободы печати, запрещения оппозиционных проявлений и, в сущности, для принятия исключительных мер против либералов. Мы решили запросить председателя совета министров, каждый отдельно, о мотивах, оправдывающих, при отсутствии беспорядков, такой образ действия, считаемый нами не оправдываемым обстоятельствами.

Подп. *Демидов.*

CIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 декабря 1915 г. № 681.

Копия в Париж.

Король сказал на аудиенции английскому посланнику, что готов предоставить посильно облегчение союзникам, если они обратятся прямо к нему, веря его слову, считая их представления его правительству весьма обидными.

Недовольство короля сосредоточено ныне всецело на французах, министре иностранных дел Бриане и французском посланнике, приписывая давление на Грецию исключительно французскому почину. Ко времени созыва палаты король считает необходимым провозгласить здесь военное положение. На замечание английского посланника, что подобная мера невыгодно отразится в союзных государствах, король об'яснил ее самозащитой. Выходки Венизелоса открыто идут против режима и личности короля. На заявление короля, что внешняя политика находится в руках народа, английский посланник заявил, что именно народу то и не дано возможности следовать своим побуждениям. Король сказал, что Греция желает лишь сохранить свои настоящие достояния, подерживать хорошие отношения с Турцией и не желает видеть русских в Константинополе. При сохранении Грецией нейтралитета, Германия гарантировала ей целость ее владений. «А мобилизация» спросил английский посланник. Король об'яснил ее вмешательством в войну Болгарии, германское же обещание относилось специально к островам и сделано еще до выступления Болгарии. При успешном для союзников обороте дела, Греция всегда может к ним присоединиться. «Тогда надо спешить, заметил Эллиот, иначе будет поздно».

Подп. *Демидов.*

CIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 декабря 1915 г. № 680.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Опасаюсь, как бы в связи с восстанием на Кастеллоризо, не возникло бы недоразумение между Францией и Грецией. Предводителем движения, окончившегося изгнанием греческих войск с острова и задержанием посланных из Самоса жандармов, является Лакардиз, популярное среди населения лицо, захватившее в 1912 году остров у Турции, а ныне состоящее агентом французской разведочной службы. Греческое правительство распорядилось, на основании греческой оккупации острова, приписанного пока державами Турции, отправить военное судно для восстановления порядка и наказания Лакардиза. Между тем, Франция, намеревавшаяся занять остров из военных соображений для установления на нем радио-станции, послала крейсер с отрядом из 250 человек, который прибудет, вероятно, позже греческого. Можно ожидать, если не столкновения, то крайне нежелательного обострения отношений с Грецией.

Подп. *Демидов.*

CV

Секретная телеграмма посла в Париже.

15/28 декабря 1915 г. № 853.

Батшев доложил мне, что международная комиссия в Париже, обсудив, по предложению французского правительства, вопрос об ограничении снабжения, пришла к следующим заключениям:

1) Желательно, чтобы дипломатические представители союзных государств сделали одновременно в Афинах следующее заявление: союзные правительства решили избежать образования запасов в нейтральных странам, граничащих с воюющими странами, и поэтому, прилагая все старания к обеспечению Греции пребыванием товаров достаточных для внутреннего ее потребления, союзные правительства будут поддерживать контроль за привозом в Грецию, чтобы избежать образования значительных запасов.

2) Необходимо дать указания консулам в С.-А. С. Штаты и Южной Америке о предупреждении грузоотправителей, что грузы зерна и муки в Грецию могут подлежат задержанию в Гибралтаре или Средиземном море, чтобы избежать такого образования запасов.

3) Международная комиссия установит ежемесячные контингенты товаров, наиболее важных для потребления Греции, причем желательно дать инструкции комиссиям, дающим разрешение на вывоз запрещенных товаров, которые не имеют непосредственного значения; упомянутые комиссии должны сообщать международной комиссии в Париже о выдаваемых разрешениях, чтобы она могла, в соответствии с соображениями союзных миссий в Афинах, приостанавливать в случаях необходимости дальнейшую выдачу комиссиями помянутых разрешений.

4) Комиссия вполне присоединилась к предложению английского правительства о заверении греческому правительству, что количество угля, достаточное для нормальных его потребностей, может быть доставляемо ему соединенным королевством; на первое время предполагается ограничиться определенным контингентом ввоза в Грецию зерна и муки, разных минеральных масс, угля, всяких жиров и масла. По мнению комиссии, намечаемые меры могут быть действительны лишь при условии немедленного их осуществления. По сему прошу срочного телеграфного ответа, одобряются ли эти меры императорским правительством. Предположение о порядке наблюдения за ввозом упомянутых товаров телеграфирую дополнительно. Об изложением Баташев просит сообщить, министру торговли.

Подп. *Извольский*.

CVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 декабря 1915 г. № 683.

Саррайль требует удаления из Салоник консулов враждебных держав, как очагов шпионства. Во избежание лишних насильственных действий, предполагал бы предупредить о сем греческое правительство, дабы оно посоветовало враждебным консулам заблаговременно удалиться.

Подп. *Демидов*.

CVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

17/30 декабря 1915 г. № 687.

Нашим французским коллегой возбужден вопрос о совместном письменном заявлении греческому правительству о решении принятом союзни-

ками ограничить снабжение и ввоз товаров в нейтральные государства, сопредельные с враждебными странами. В случае неполучения обратных указаний, присоединяюсь к названному заявлению.

Подп. *Демидов.*

CVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

18/31 декабря 1915 г. № 692.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Текст проектируемого коллективного представления греческому правительству, относительно упомянутых действий: «Согласно распоряжения их правительств, представители Франции, Великобритании, Италии и России имеют честь довести до сведения греческого правительства нижеследующее: 1) Союзные правительства в своем намерении избежать накопления запасов в нейтральных странах, пограничных с вражескими странами, постановили сохранить в силе свой контроль над греческим ввозом, стремясь вместе с тем обеспечить Грецию снабжением, достаточным для ее внутреннего потребления. 2) Дозволения на вывоз в Грецию для всех запрещенных товаров, которые не имеют непосредственного военного значения, будут даваться союзнической ограничительной комиссией. 3) Что касается снабжения углем, английское правительство принимает его на себя, в соответствии с нормальными потребностями Греции, при условии одобрения британского угольного комитета».

Итальянский посланник испрашивает инструкции для присоединения к этому заявлению; я также присоединюсь к заявлению, если на то не будет несогласия вашего высокопревосходительства.

Подп. *Демидов.*

CIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 декабря 1915 г./1 января 1916 г. № 694.

Помимо энергичного протеста в Париже и Лондоне против захвата консулов в Салониках, греческое правительство пред'явило также протест в Берлине против воздушных предприятий германцев над греческой территорией, имеющих пока последствием убийство греческого пастуха. Прочтя мне оба протеста, генеральный директор выразил сожаление, относительно унизительной для Греции формы принимаемых союзниками мер, отдавая себе, однако, отчет в необходимости оных, по существу. Арестованных Саррайлем консульских чинов, вывезенных на французском военном судне, всего — 60 человек. Найдены компрометирующие документы.

Подп. *Демидов.*

---

*) Перевод французского текста.

CX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 декабря 1915 г./4 января 1916 г. № 709.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французскому посланнику предписано сообщить греческому правительству о состоявшемся занятии французским отрядом острова Митилены. Занимающие остров войска — колониальные. Ожидается новый протест греческого правительства.

Подп. *Демидов.*

CXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 декабря 1915 г./5 января 1916 г. № 711.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Мой итальянский коллега доверительно сообщил мне, что занятие французами острова Кастеллоризо произвело неприятное впечатление на Соннино.

Подп. *Демидов.*

CXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 декабря 1915 г./6 января 1916 г. № 875.

Телеграммы за №№ 5534 и 5535 получены.

Копии Лондон и Рим.

Тотчас сообщил их содержание Бриану. Камбон сказал мне, что французский посол в Риме несколько дней тому назад имел с Соннино разговор в указанном Вами смысле и встретил с его стороны довольно резкий отпор. Камбон вполне разделяет Ваше мнение о политике Италии, даже подозревает ее в желании как нибудь отделаться от уступок, сделанных ею о вопросе о запрещении Сербии (пропуск) к Адриатическому морю. Но он лично считает, что при нынешнем настроении Соннино, было бы опасно делать ему какие либо представления по настоящему поводу. Ответ Бриана я получу, вероятно, завтра.

Подп. *Извольский.*

CXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 декабря 1915 г./10 января 1916 г. № 735.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Мои союзные сотоварищи и я высказались, в отдельности, перед Скулудисом, по вопросу о введении военного положения, в смысле нежелатель-

ности применения этой меры. Скулудис ответил, что правительство еще не приняло решения, но что, в случае, если оно найдет это нужным, осуществить (пропуск) меру. В стране будто бы неспокойно. На (самом севере) волнение, венизелистские газеты одобряют и поощряют действия союзников, по отношению к Греции. Скулудис сказал мне, что интересы Согласия не пострадают и все благоприятные нам известия будут пропускаться в Греции. Необходимые меры против иностранных разведок, нарушающие нейтралитет и достоинство Греции (пропуск). Скулудис резко отозвался о деятельности некоторых французских консулов, призывающих к расколу эллинизма приглашением греков к участию на пан-греческом конгрессе в Париже. Имею серьезные основания полагать, что итальянское правительство иначе смотрит на вопрос о военном положении. На аудиенции, данной вчера корреспонденту «Русского Слова», Полякову, король сказал, что ему известно, что Италия сочувствует этой мере. Это даст возможность прекратить выходки в печати против Италии, а кроме того, Италия опасается возвращения к власти Венизелоса и способствует всему, что может повредить греческому государственному деятелю.

Подп. *Демидов.*

1916.

CXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 января 1916 г. № 2.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французская высадка на Корфу и задержание германских агентов напугало представителей центральных держав и их союзников, не считающих себя в безопасности в Афинах. Часть их архивов отправляется сухим путем в Монастырь, часть сжигается. Появление у Пирея двух английских военных судов усугубило их опасения. Неправильность подвоза угля грозит приостановкой освещения и отопления города. Едва ли желательно возбуждать против нас общественное мнение, мирящееся с занятием территории, но не с вздорожанием предметов первой необходимости. Итальянский посланник доверительно сказал мне, что в министерстве иностранных дел косятся на занятие французами Корфу, куда ныне переносится и сербское правительство. Он указывает в Риме на настоятельность высадки итальянского отряда на острове, ибо французы по его мнению с трудом очистят Корфу, особенно при военных успехах, способных поощрить заносчивость и империалистические замашки Франции. Я возразил посланнику, что не только считаю его подозрения совсем необоснованными, но одно выражение их опасным, в виду необходимости безусловной солидарности союзников.

Подп. *Демидов.*

CXV

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 января 1916 г. № 19.

Копия Лондон и Рим.

Бриан только что вернулся из Лондона. Я с ним еще не виделся, но Камбон сказал мне, что он остался очень доволен своими беседами с английскими министрами. По всем затронутым вопросам констатировано полное единомыслие. В частности налажен вопрос о морских трактах. Выяснено так же, что англичане не только окончательно отказались от мысли уйти из Салоник, но готовы послать туда, в случае надобности, подкрепления. Наконец, разговор коснулся возникшего в здешних морских сферах предположения занять остров Крит, причем король Георг высказался против этого предложения, находя, что не следует слишком натягивать струну.

Подп. *Извольский.*

CXVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 января 1916 г. № 21.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 19.

Копия Лондон и Рим.

Только что виделся с Брианом, который вполне подтвердил мне то, что я телеграфировал вчера со слов Камбона. Все затронутые им в Лондоне вопросы вполне успешно разрешены. В частности, для упорядочения вопросов о морских трактах решено учреждение в Лондоне особой комиссии из представителей заинтересованных союзных государств. По вопросу о Салоникской экспедиции англичане уже не возражают более против мысли, что весной Салоники могут сделаться базой для наступательных действий. Этот последний вопрос должен, впрочем, быть рассмотрен на предстоящей конференции союзников в Париже. Грей вполне согласен на созыв этой конференции. Остается добиться согласия Соннино, к чему Бриан не преминет приложить дальнейшие усилия. В случае окончательного отказа со стороны Соннино, Бриан думает, что можно будет обойтись без Италии.

Подп. *Извольский.*

CXVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

9/22 января 1916 г. № 23.

Копия Лондон и Рим.

Доверительно. Мне известно, что здесь идет речь о поездке Бриана в Рим, между прочим с целью побороть сопротивление Соннино к созыву конференции в Париже.

Подп. *Извольский.*

CXVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

9/22 января 1916 г. № 29.

Копия Лондон и Рим.

Барреру предписано еще раз настоять перед Соннино на участии Италии в Парижской конференции и одновременно зондировать почву насчет приезда Бриана в Рим.

Подп. *Извольский.*

CXIX

Секретная телеграмма посла в Париже.

21 января/3 февраля 1916 г. № 69.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Итальянский посол испросил по поручению своего правительства, согласия французского правительства на посылку на остров Корфу 200 итальянских карабинеров. Бриан ответил ему, что Франция не имеет никаких задних мыслей о Корфу и будет весьма рада появлению там итальянских солдат.

Подп.: *Извольский.*

CXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 января/5 февраля 1916 г. № 73.

Председатель совета министров сделал, 27 января, в палате депутатов декларацию от правительства, клеймящую в резких выражениях политику держав Согласия в отношении Греции и указывал на внешнее давление, производимое ими, в видах изменения греческого политического курса, принятого во имя национальных интересов и в согласии с народными желаниями. Председатель совета министров отметил, среди многочисленных посягательств на суверенитет Греции, нарушение вечной нейтральности Корфу и занятие Карабурну, сопровождавшееся угрозами и насилиями. Министр предвидит дальнейшие с развитием событий осложнения. Правительство твердо решило терпеть давление, в надежде на конечное торжество права. Каково бы ни было последствие несогласованности греческой политики с требованиями могущественных мира сего, страна должна сознать, что ущерб понесенный при этом направлении политики несравненно меньший, по сравнению с разорением, которое ожидало бы греков при ином политическом направлении. Палата депутатов, после коротких прений, вынесла доверие правительству 266 голосами против одного, при 277 голосовавших и пяти воздержавшихся министров.

Подп. Демидов.

CXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 февраля 1916 г. № 91.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

На вчерашнем заседании палаты депутатов один депутат от Корфу, в запросе о высадке итальянцев на острове, выразился крайне оскорбительно об Италии и, как говорят, о короле, причем председатель совета министров, отвечая на запрос, не счел нужным выразить хотя бы сожаления по поводу этой выходки. Вследствие сего, итальянский посланник посетил сегодня председателя совета министров и спросил его, считает ли он отчет заседания

правильно переданным печатью. Министр иностранных дел ответил, что воздержался от порицания депутата, чтобы не обострять прений. Неудовлетворенный ответом, итальянский посланник передал инцидент на оценку своего правительства. Печать всех направлений недружелюбно отзывается о прибытии итальянского отряда.

Подп. *Демидов.*

CXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 февраля 1916 г. № 99.

Калмыков доносит, что Хиос занят англичанами.

Подп. *Демидов.*

CXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 февраля 1916 г. № 101.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Председатель Совета министров жаловался французскому посланнику на только что сотоявшиеся новые нарушения греческого нейтралитета: во 1-х, высадка английского отряда на Хиосе и задержание 6-ти лиц, среди которых кроме австро-германских вице-консулов, имеются греческий и даже итальянский подданные; во 2-х, задержание французским отрядом в Кандии германского и австрийского консульских агентов; в 3-х, занятие союзниками острова Оттона, близ Корфу, и задержание на море значительного числа болгарских и греческих подданных, направленных на Крит, где пребывание их считается союзниками нежелательными. Так как действия эти совершены без ведома и предупреждения посланников, французский посланник отозвался незнанием. Совпадение же их с прибытием генерала Сарайля не способствует дружеской беседе его с королем.

Подп. *Демидов.*

CXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 февраля 1916 г. № 104.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 101. Генеральный директор сообщил французскому посланнику, что телеграмма, по поводу французской высадки в Кандии, была неправильно разобрана и что дело ограничилось унесением вещей и документов ранее задержанного на Крите германского консула. По поводу же Хиоса Калмыков телеграфирует, что английский дессант ушел, забрав двух враждебных консулов и 16 подозрительных лиц.

Подп. *Демидов.*

CXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 февраля 1916 г. № 106.

Копия в Париж.

Весьма доверительно сообщают мне из достоверного источника, что французское правительство предоставило в распоряжение Венизелоса два миллиона франков на предмет пропаганды в войсках.

Подп. *Демидов.*

CXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

14/27 февраля 1916 г. № 116.

Личная.

Полное безденежье греческой казны побудило, наконец, правительство обратиться к Франции и Англии за средствами. Если союзники (пропуск) в принципе признают просьбу о займе в той или иной форме достойной удовлетворения, естественно возбудить вопрос о компенсациях за подобную услугу. Франции и Англии, как главнейшим кредиторам Греции, очевидно, нет смысла доводить Грецию до несостоятельности. Согласие на заем могло бы быть, между прочим, обусловлено демобилизацией страны, терпящей непомерное бремя от столь продолжительного и, повидимому, безцельного мобилизованного состояния. Венизелос высказывается за демобилизацию Греции, и войска, утомленные долгим ожиданием и лишениями, жаждут роспуска. Мера эта была бы кажется очень популярной и могла бы быть легко представленной, как отвечающая прямым интересам Греции. В остальном Греция продолжала бы волей и неволей оказывать услуги Согласию. Ждать же от нее в будущем действительной военной помощи, при нынешнем ее состоянии, вряд ли по-моему возможно. В наших ли интересах, чтобы Греция, запоздавши, выступила наряду с нами и запросила за сомнительные услуги крупные земельные компенсации в краях, где владычество греков может быть для нас не так желательно. Условие о греческой демобилизации, в связи с займом, приобретает, таким образом, значение, требующее всестороннего обсуждения, а в случае признания его нам полезным оно должно бы непременно исходить, без всякого с нашей стороны участия, от английского и французского правительств.

Подп. *Демидов.*

CXXVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 марта/7 апреля 1916 г. № 238.

Копии в Лондон и Афины.

Камбон сказал мне, что, в виду отказа Скулудиса разрешить перевозку сухим путем сербской армии и других явно недружелюбных его действий, французское правительство считает необходимым произвести на Грецию

экономическое давление, путем более строгой морской блокады. Здесь рассчитывают, что эта мера вызовет неудовольствия греков против нынешнего греческого правительства и может быть приведет к падению кабинета Скулудиса. Французскому послу в Лондоне поручено об'ясниться в вышеизложенном смысле с Греем.

Подп. *Извольский.*

CXXVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

26 марта/8 апреля 1916 г. № 241.

Копии в Афины и Лондон.

Камбон сказал мне, что в Лондоне высказываются против применения более строгой блокады, ибо это могло бы привести к демобилизации греческой армии, что представляется англичанам нежелательным. По мнению лондонского кабинета, цель может быть скорее достигнута, если греческому правительству, крайне нуждающемуся в деньгах, будет раз'яснено, что оно получит таковые от союзников, лишь в зависимости от перемены занятого им положения.

Подп. *Извольский.*

CXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 марта/9 апреля 1916 г. № 203.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Мои французский и английский товарищи имели сегодня крупный разговор с председателем совета, к которому они отправились для раз'яснений по делу об использовании союзным флотом бухты Аргостоли. Скулудис заявил моим коллегам, в состоянии крайнего раздражения, что нет пределов посягательствам на самостоятельность Греции и что он предпочел бы видеть последнюю побежденной, нежели предметом подобных постоянных унижений. Ставя новую меру в связи с намеченной будто бы перевозкой сербской армии Коринфским каналом, Скулудис сказал, что он скорее взорвал бы мост, чем завалит (?) канал. Английский посланник заметил, что он не имеет мотивов, указывающих на связь между обеими мерами, но что последнее заявление Скулудиса представляется ему самым серьезным с того времени, как он грозил разоружением союзников. Он прибавил, что намерения Англии и Франции вполне дружелюбные. Эллиот тотчас попросил аудиенции у короля, с которым он повидается завтра, 28 марта, утром.

Подп. *Демидов.*

CXXX

Секретная телеграмма поверенного в делах в Афинах.

2/15 апреля 1916 г. № 220.

Копия в Париж.

Англичане приступают, 2-го апреля, к заграждению сетями Судской бухты на Крите без предупреждения о том греческого правительства.

Подп. *Урусов.*

CXXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 апреля 1916 г. № 251.

Копия в Париж.

Лично. Весьма доверительно.

По сведениям достойным внимания, в Афинах снова образовалась «военная лига» из офицеров местного гарнизона. Деятельное участие в этой организации принимает будто бы полковник Метакса, заправила генерального штаба. Под предлогом защиты короны, лига поставила себе задачей воздействовать силой против всяких проявлений венизелизма, наводя страх на либералов, а равно сопротивляться перевозке сербов через Грецию и вообще посягательствам Согласия на суверенные права страны. Неизвестно, насколько король одобряет подобную затею, но прецедент 1919 г. указывает на крайнюю опасность таких военных приемов устрашения и способов захвата власти, могущих вызвать худшие последствия, вроде гражданской войны, а может быть повернуться, при известных условиях, и против самой короны. Не исключена возможность покушения на Венизелоса, что вероятно повлекло бы вмешательство держав. Перспектива появления сербских войск в самом сердце Греции безусловно пугает правительство, подозревающее союзников, особенно французов, в намерении возбудить присутствием этих войск движение против нейтралитета, а в лучшем случае занять главную железно-дорожную артерию Греции, дабы распоряжаться страною в качестве полных хозяев. Германцы очевидно потакают правительству в этих подозрениях. Мне кажется, надлежало бы приступить, не стесняясь, к осуществлению всяких мер, являющихся абсолютною военною необходимостью и по возможности избежать таких действий, которые способны восстановить против нас без особой насущной нужды общественное мнение и побудить возбужденные уже против нас элементы к какому-либо необдуманному и непоправимому шагу.

Подп. *Демидов.*

CXXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

18 апреля/1 мая 1916 г. № 224.

Копия в Рим.

Французский посланник представил на наше одобрение текст ответной ноты греческому правительству, по поводу перехода некоторых островов к Солунскому правительству. В проекте указывается на то, что союзные

державы, не оказывая сопротивления почину местного населения, высказавшегося на некоторых островах, между прочим на Занте и Кефалонии, в пользу Временного Правительства, отнюдь не действовали в разрез с условиями их ноты от 26-го декабря. В случае получения коллегами инструкций подписать ноту, я не премину присоединиться, хотя далеко не убежден в правильности утверждения, особенно в отношении Кефалонии, будто само население пожелало примкнуть к Венизелосу. Во многих местностях либеральное движение сводится к готовности признавать власть, которая наилучше обеспечит жителям продовольствование.

Подп. *Демидов.*

CXXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

18 апреля/1 мая 1916 г. № 257.

Копии в Париж и Лондон.

По соглашению с моими товарищами, я посетил сегодня, 18, короля, которому я изложил, совершенно частным образом, многочисленные доводы в пользу перевозки сербской армии через Грецию. Я уверил между прочим его величество в отсутствии каких-либо задних мыслей у держав, озабоченных, главным образом, обеспечением безопасности сербов и действующих в отношении Греции исключительно под побуждением повелительных военных нужд. Я указал королю на представившийся ему случай показать доброжелательность к балканской союзнице, уступая именно ей в вопросе, по которому было отказано державам, и тем не только поднимая личный престиж, но и подготовляя Греции почву к эвентуальному сближению с державами Согласия, окончательная победа коих является для меня несомненною. Перевозка сербов через Грецию, прибавил я, — представляется делом гуманности. После понесенных Сербией громадных потерь и жертв, она не может рисковать потоплением хотя бы самой незначительной части ее армии.—Выслушав меня внимательно, король сказал, что он не придает веры слухам о затаенных замыслах держав, но что с присутствием сербов безпорядки могут вспыхнуть естественным образом, особенно при неизбежности устройства на пути этапных лагерей. Он относится очевидно отрицательно к проекту, но несравненно менее категоричен в отказе, чем его правительство, утверждая, что если последнее согласится, он, со своей стороны, возражать не будет. Между тем Скулудис твердит одно и то же, сегодня еще наотрез отказав полковнику Васичу прибыть из Корфу для обсуждения железнодорожных условий в допущении сербов (пропуск) по Греции. На мой вопрос, воспротивится ли он силой высадке сербов, король, несколько колеблясь, ответил мне, что нет, но он не ручается за сохранность союзных сооружений, в виду сильного будто бы возбуждения среди греческого населения против прохода иностранных войск. Я вынес впечатление, что король пуще всего опасается германских репрессий, вроде воздушного обстрела сел и городов и тому подобного. Впрочем, по последним сведениям, в Салоники уже приплыла кружным морским путем первая сербская дивизия, в составе около 20.000 чело-

век. Великобританское правительство, повидимому, пытается склонить французское правительство на перевозку сербской армии частью кружным путем, частью Коринфским каналом. Из Парижа только что сообщают о появлении в Коринфском заливе германских подводных лодок.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано: «Королевич Христофор заверил меня, что Греция предоставит все свои транспортные суда для перевозки сербских войск через Коринфский канал, но что Франция не желает ими воспользоваться».

Царская ставка 21 апреля 1916 г.

CXXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 апреля/2 мая 1916 г. № 256.

Союзные морские власти, решившись пользоваться Судской бухтой на Крите в качестве базы, приступили к заграждению ее северной части. Греческому правительству будет заявлено о временном характере меры. На островах Гавдос и Сериго учреждаются союзниками станции безпроволочного телеграфа.

Подп. *Демидов.*

CXXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 апреля/8 мая 1916 г. № 267.

Копии в Париж и Лондон.

Греческому посланнику в Лондоне поручено было протестовать против использования Судской бухты, вследствие чего английское правительство дало заверение, что отнюдь не посягает на суверенитет Греции и мера эта является исключительно временной и вызвана военной необходимостью. Геннадиус просил подтвердить это заверение в письменной декларации, на что английское правительство выразило принципиальное согласие. Ныне английский посланник сообщил своим коллегам и мне, что проект декларации сообщен в союзных столицах, с просьбой уполномочить соответственных представителей в Афинах примкнуть к ней «си омнес» *). Французский посланник полагает, что новое письменное заявление греческому правительству является лишним и даже нежелательным, так как оно только умалило бы значение греческой ноты от 11/24 ноября, в коей между прочим содержится: «Королевское правительство со своей стороны заверяет, что у него никогда не было намерения мешать каким-либо способом свободе мероприятий союзных правительств на суше и на море, или нарушить чем-либо безопасность их войск во всем районе их действий».

Подп. *Демидов.*

---

*) При условии общего согласия.

CXXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 мая 1916 г. № 283.

Доверительно. Считаю долгом высказать, что, в вопросе борьбы с германофильскою пропагандою в Греции, руководящая деятельность естественно выпадает на долю Франции и Англии, как держав непосредственно осуществляющих военные задачи союзников в Греции. Помимо борьбы с германскими агентами путем полицейского надзора, на который нашими союзниками тратятся чрезвычайно громадные средства, ими сделаны начинания, с целью повлиять на общественное мнение через посредство печати: приобретаются газеты, субсидируются отдельные издания и организовано особое французское телеграфное агентство, «Радио», выпускающее бюллетени, заключающие в себе известия в одностороннем освещении, в пользу интересов Согласия. Казалось бы наиболее целесообразным, чтобы наши союзники, силою обстоятельств выдвинувшиеся вперед в деле военного и политического воздействия на Грецию и вступившие уже на путь пропаганды и системы субсидий, продолжали осуществлять эту задачу, тогда как наше участие в этом деле, не принося на мой взгляд, существенной пользы, лишило бы императорскую миссию благоприятных сторон, которые ей дает беспристрастное невмешательство в политическую борьбу и громкую пропаганду здесь практикуемые. Сомнительное же достижение действительных результатов этим путем заставляет меня, вследствие вышеизложенных соображений, высказаться против организации нами в Греции в настоящее время предполагаемого дела, расходы на которое явились бы мало производительными. Если однако, по тем или иным соображениям, министерство нашло бы необходимым прибегнуть к подобной мере, представляю приблизительную оценку того, что могло бы быть сделано: 1) субсидии двум газетам, готовым служить нашим целям— 3000 франков в месяц, 2) субсидия Афинскому телеграфному агентству, которое, вероятно, согласится помещать в своих бюллетенях сообщения в желаемом духе—5000 франков в месяц, 3) устройство негласной организации которая на основании телеграфных известий передаваемых из русских и иностранных газет, а также соображения общего характера, редактировало бы материалы для помещения в различных органах местной печати. При этом задачей являлось бы распространение сведений о военных успехах союзников, их мощи и ресурсах, освещение экономических задач, согласно нашим интересам, а также правильная ориентировка в общих и текущих вопросах балканской политики, в желаемом для нас смысле. Работа эта вызвала бы расход около 1500 франков в месяц, плата же различным газетам, в том числе и оплачиваемым ныне германцами, которые согласятся на помещение подобных сведений, по цене 2—3 франка за строку, а также вознаграждение отдельным редакторам и сотрудникам газет, которые пользовались бы указанным материалом и развивали бы внушаемые им мысли, выразится по меньшей мере в 12.000 франков в месяц. Помимо этого возложить издание популярных брошюр—расход до 200 франков в месяц. Вместе с дополнительными издержками журнальный бюджет был бы свыше 20.000 франков в месяц.

Подп. *Демидов.*

CXXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 мая 1916 г. № 283.

Продолжение:

Однако, непременным условием осуществления указанных предположений является присылка в Афины особого лица, обладающего достаточным опытом и тактом, которое, не находясь в составе миссии, могло бы негласно руководить пропагандой, на подобие того, как дело поставлено у французов, имеющих здесь во главе организации некоего г. Тюро, личного друга Бриана. Со своей стороны, миссия указывала бы советников среди местных людей, которые у нее имеются в виду, и, осуществляла бы свою роль содействием как в деле выбора людей, так и в области направления общих руководящих начал таковой деятельности. Непосредственные же сношения с органами печати и денежные уплаты разным лицам отнюдь не могут, по местным условиям, быть производимы кем-либо из чинов миссии. Равным образом и осведомительная деятельность может быть осуществляема, по моему мнению, лишь указанной организацией. Последней окажется быть может возможно при дальнейшем развитии прибегнуть к помощи отдельных агентов, которые согласились бы работать в нашу пользу в различных местностях Греции. Следует иметь в виду также возможное привлечение греческих симпатий, путем оказания материальной помощи греческим беженцам из Турции. Дело это, могущее быть начатым с произвольным количеством денежных средств, могло бы принести существенные результаты, в виду непосредственной связи беженцев с оставшимся в Малой Азии греческим населением весьма чувствительным к помощи, которая ему бы оказывалась, что имело бы отражение на будущих условиях политических отношений в Турции. В заключение считаю долгом повторить, что непосредственное участие миссии в деле пропаганды и осведомления является на мой взгляд недопустимым. Равным образом полагаю, что, в противовес германской здесь работе, французами, а отчасти и англичанами, тратятся достаточные средства, хотя их деятельность и являлась очевидно сильно запоздалой, по сравнению с немцами, положившими основание пропаганде в Греции за два—три месяца до войны. Таким образом, общее дело союзников по моему мнению в достаточной мере осуществляется здесь французами и англичанами, нам же следовало бы лишь, путем приобретения какой-либо одной газеты, подготовить почву для отстаивания исключительно русских интересов, имея в виду многочисленные и серьезные точки соприкосновения с Грецией которое повлечет за собой развитие наших военных действий в Турции и будущую судьбу Оттоманской империи, а также отношение Греции к особо близкому нам вопросу о Св. Горе.

Подп. *Демидов.*

CXXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 мая 1916 г. № 301.

Греческое правительство ответило на заявление представителей Согласия запиской, коей оно принимает к сведению, что союзные правительства признают распространение (пропуск), вытекающих из обмененных между

королевским правительством и державами в ноябре нот, на греческие территориальные воды, включая бухты Аргостоля и Суду. В названной записке односторонним образом дословно подтверждаются заверения держав, с упущением, однако, обязательств, принятых Грецией, не препятствовать свободе движений (?) союзных правительств, как на суше, так и на море.

Подп. *Демидов.*

CXXXIX

Секретная телеграмма посла в Риме.

19 мая/1 июня 1916 г. № 406.

Копии в Париж и Афины.

Соннино предписал итальянскому посланнику в Афинах зорко следить за настроением в Греции и, в случае обострения там положения, обсудить совместно со своими коллегами меры, которые, могли бы быть приняты союзными правительствами. Он желал бы, однако, чтобы союзники воздержались от преждевременных мер.

Подп. *Гирс.*

CXL

Секретная телеграмма посланника в Риме.

23 мая/5 июня 1916 г. № 409.

Копии в Париж и Афины.

Французский посол сообщил Соннино, что, по французским сведениям, до будущей среды будет провозглашено в Греции осадное положение, с целью арестов Венизелоса и его сторонников. Баррер запросил при этом, согласится ли Италия предписать своему посланнику в Афинах потребовать от Скудулиса об'яснения и, в случае неудовлетворительного ответа, принять участие в морской демонстрации у острова Мило(са).

Соннино ответил, что не возражая в принципе против этих мер, к которым он готов присоединиться, он все же находит, что надлежало бы сперва запросить мнение посланников в Афинах, относительно как своевременности обращения к Скулудису, так и посылки эскадры. Он желал бы, вообще, предоставить больше инициативы посланникам в совместном предложении мер.

Подп. *Гирс.*

CXLI

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 мая/6 июня 1916 г. № 273.

Копии в Рим, Лондон и Афины.

Бриан сказал мне, что к сделанному им союзным правительствам предложению, в случае неудовлетворительного ответа Скулудиса по вопросу об осадном положении, принять участие в морской демонстрации у острова Милоса, лондонский кабинет отнесся несочувственно, а римский скорее ук-

лончиво. Из Петрограда он не имеет прямого ответа, но Палеолог еще ранее телеграфировал, что Вы заявили ему о Вашей готовности присоединиться ко всем мерам, которые покажутся здесь необходимыми. Между тем, ответ Скулудиса, на пред'явленные ему английским и французским посланниками требования (пропуск), имеет явно неудовлетворительный характер. Если, несмотря на полученное им предостережение, Скулудис решится провозгласить осадное положение, Бриан считает, что державы Согласия должны ответить на это посылкой эскадры в Пирей и установлением блокады. Бриан намерен. во время своего пребывания в Лондоне, куда он выезжает завтра, постараться склонить лондонский кабинет к своей точке зрения.

Подп. *Извольский*.

CXLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

24 мая/6 июня 1916 г. № 326.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французский и великобританский посланники сделали вчера, 23-го мая, совместные заявления греческому председателю совета, касательно намечаемого будто бы греческим правительством провозглашения военного положения в Афинах, направленного, главным образом, против свободы печати, в частности, либералов и их прессы. Скулудис ответил, что названная мера пока не имелась в виду и не была обсуждена в совете министров, оговаривая. однако, что таковая относится к вопросам чисто внутреннего распорядка и что правительство к ней прибегнет, если оно сочтет это нужным. Эллиот возразил, что державы покровительницы гарантировали греческую конституцию с вытекающими из нее свободами и намекнул на последствия такого образа действий правительства. Со своей стороны, французский посланник просил заблаговременно предупредить о принятии правительством подобного решения. Скулудис уклонился от такого обещания.

Подп. *Демидов*.

CXLIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

26 мая/8 июня 1916 г. № 376.

Копии в Лондон и Афины.

Камбон прочел мне полученную здесь сегодня телеграмму из Афин от французского посланника, в коей подробно изложен план действий, выработанный им в полном, по его словам, согласии с русским и английским товарищами, но без участия итальянского, держащегося особого мнения. План этот, имеющий ультимативный характер, предполагает пред'явление Греции ряда требований, в числе коих входят: смещение нынешнего правительства, с заменой его деловым кабинетом, роспуск палаты и демобилизация Требования эти должны быть подкреплены посылкой военных судов в Салоники, Патрио и Воло и высадкой войск в Пирее. Как из личного разговора

моего с Брианом, о коем я телеграфировал за № 373, так и из слов Камбона, я заключаю, что Бриан склонен к немедленному принятию самых энергичных мер, но встречает противодействие со стороны лондонского кабинета. Он выезжает сегодня вечером в Лондон и приложит там все старания к тому, чтобы устранить это противодействие.

Подп. *Извольский.*

CXLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

26 мая/8 июня 1916 г. № 333.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

В развитие моих соображений по предварительному совместному установлению санкций против Греции на случай, если бы державы покровительницы пришли к соглашению о необходимости осуществления таковых, мною предложено моим товарищам, телеграфирующим о том своим правительствам, следующие требования, которые по моему должны бы быть пред'явлены греческому правительству при поддержке морских сил: 1) Демобилизация греческой армии, представляющей собою в настоящее время ничто иное, как политическое орудие против наших друзей и способное, в сущности, повернуться против союзников, при некотором неблагоприятном для них обороте дел. Такая мера могла бы быть встречена в стране с большим сочувствием и способствовала бы нашей популярности. 2) Замена настоящего враждебного нам кабинета, если не явно благоприятствующим Согласию, то по крайней мере менее пристрастным, каким-нибудь «кабине д'аффер», переходного характера, для ведения текущих дел и производства новых выборов, при немедленном роспуске настоящей неработоспособной и неправильно избранной палаты. Надо предвидеть, что люди, в роде Займиса, откажутся составить министерство под внешним давлением. 3) Замена начальника полиции другим по нашему выбору и 4) незамедлительное удаление из Греции, например к швейцарской границе, главарей германской пропаганды Шенка и др., согласно имеющемуся списку. Последнее условие показалось моим товарищам чрезмерным. Мне же сдается, что излечение должно быть радикальным и что, требуя большего, мы большего добьемся. Пред'явление пожеланий должно бы исходить от держав покровительниц, во имя блага греческого народа, и основываться на договорных правах сих государств. Исключение Италии тем более обосновано, что союзница наша преследует в Греции иные цели и сама вряд ли согласилась бы принять участие в шаге, направленном к оздоровлению Греции и восстановлению ее в глазах держав. Для большего действия блокаду надлежит установить самую строгую. По сведениям Фессалийского урожая хватит Греции на 2—3 месяца. В таком случае державы не навлекли бы на себя одиум подвергать невинное население голоданию. Впрочем, с принятием самых существенных наших требований, блокада была бы тотчас снята. Следует, однако, ожидать упорного сопротивления короля.

Подп. *Демидов.*

CXLV

Секретная телеграмма посла в Париже.

28 мая/10 июня 1916 г. № 387.

Копии в Лондон и Афины.

Греческий поверенный в делах вручил энергический письменный протест против мер, принимаемых Францией и Англией по отношению к греческой торговле. Принимая ноту Какламаноса, Камбон не скрыл от него, что державы Согласия имеют в виду сказанными мерами дать почувствовать греческому правительству свое неудовольствие занятым Грецией положением. На вопрос Какламаноса, не является ли частичная демобилизация удовлетворением данным державам, Камбон ответил, что необходима полная демобилизация и что французскому посланнику в Афинах поручено сделать по этому вопросу греческому правительству надлежащее сообщение.

Подп. *Извольский.*

CXLVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

28 мая/10 июня 1916 г. № 386.

Копии в Лондон и Афины.

Камбон ознакомил меня с телеграммой Бриана французскому посланнику в Афинах, посланной им из Лондона после совещания с Греем. Гильмену предписывается раз'яснить Скулудису причины принимаемых державами Согласия мер, по отношению к греческой торговле, и пред'явить ему следующие требования: 1) Формальное обещание не применять осадного положения, 2) увольнение полицейских чиновников, деятельность коих, повидимому, направляется из-за границы и 3) полная демобилизация. Палеологу поручено сообщить Вам текст сказанной телеграммы и просить Вас снабдить Демидова тождественными инструкциями. Бриан возвращается из Лондона сегодня вечером.

Подп. *Извольский.*

CXLVII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

28 мая/10 июня 1916 г. № 324.

Бриан, Жоффр, Рок и Клемантель уехали обратно в Париж, после трех заседаний с иностранными послами; 1) было установлено, что между английским и французским генеральными штабами существует полное согласие, по вопросу об английском наступлении во Франции, которое было решено, но проект которого обсуждался только генеральными штабами между собой, а не в совете министров. 2) Было установлено, что следовало бы

---

*) Перевод французского текста.

подготовить наступление союзнических сил в Салониках, но что оно невозможно в настоящий момент. Мотивы этого те, что генерал Саррайль заявляет, что он не может предпринять наступления, если ему не дадут двух дополнительных английских дивизий. Англия в настоящий момент располагает, помимо войск, посылаемых ею ежедневно во Францию, лишь двумя дивизиями, которые находятся в Египте. Когда Жоффр стал настаивать на том, чтобы эти две дивизии были отправлены во Францию, английское правительство уступило этому желанию. Вторым мотивом является то, что из пяти английских дивизий, находящихся в Салониках, лишь две имеют полное вооружение. Три дивизии не имеют ни тяжелой артиллерии, ни горной. Эти факты были установлены с цифрами в руках Ллойд-Джорджем и Роком. Английское правительство обязалось приступить к вооружению трех дивизий (не более) в возможно кратчайший срок, предвидя, однако, что на это потребуется некоторое время. 3) Некоторые (пропуск) касающиеся проекта декларации, которая должна быть пред'явлена греческому правительству. Результатом явился текст телеграммы № 323. Вопрос о том, является ли удобным потребовать отставки нынешнего кабинета был только поставлен и немедленно снят с очереди, как вмешательство в дела (пропуск) страны, которое не может быть оправдано и которое представляется тем более неудобным, что оно произвело бы самое дурное впечатление на общественное мнение Греции и сделало бы невозможным образование нового кабинета, приемлемого и вооруженного необходимым авторитетом и влиянием.

Подп. *Бенкендорф.*

CXLVIII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

28 мая/10 июня 1916 г. № 323.

Следующая телеграмма, текст которой был мне дан французским посольством, явилась в результате лондонского совещания между представителями английского и французского правительства. Телеграмма эта была отправлена английскому и французскому посланникам в Афинах, а французское правительство взялось представить ее на одобрение императорского правительства.—Текст: «Необходимо осведомить правительство и народ Греции о причинах мероприятий, принятых союзными правительствами. Они имеют многочисленные и вполне убедительные причины для того, чтобы заподозреть нынешний кабинет, поведение которого в отношении их не согласуется с принципами лояльного нейтралитета. Они не требуют, чтобы Греция нарушила свой нейтралитет. Только вследствие настояний греческого правительства они отдали распоряжение занять Салоники, и нельзя отрицать того, что это сохранило Греции город, который без присутствия союзнических армий был бы в настоящее время во власти болгар. Вступление в Грецию болгарских сил и занятие форта Рупель и других стратегических пунктов, при попустительстве греческого кабинета,—является для союзных войск угрозой, которая налагает на три державы-поручительницы за независимость Греции обязательство требовать принятия немедленных мер (пропуск) обеспечить гре-

*) Перевод французского текста.

ческому народу спокойствие и мир; союзные державы ограничиваются требованием формального заявления о том, что военное положение, при осуществлении которого у них не было бы никаких гарантий, не будет об'явлено; заменены полицейских чиновников, поведение которых, повидимому, внушено иностранными директивами, расширения демобилизации, которая была уже начата по их указаниям. В согласии с Вашими коллегами, английским и русским, Вы пред'явите эту декларацию г. Скулудису и не скроете ее от публики. Подп. Бриан».

Подп. *Бенкендорф.*

CXLIX

Секретная телеграмма посла в Риме.

29 мая/11 июня 1916 г. № 416.

Копия в Париж и Афины.

Французский посол ответил сегодня Соннино, что распространяемый газетами слух, будто бы блокада Греции уже об'явлена—не верен. Англия и Франция прибегли только к решению не выпускать больше из анлийских и французских портов находящихся в них греческих судов. Баррер просил принять такую же меру по отношению к греческим судам, находящимся в итальянских портах. Соннино ответил принципиальным согласием, оговорившись, однако, что он должен запросить мнение морского министра.

Подп. *Гирс.*

CL

Секретная телеграмма посла в Риме.

29 мая/11 июня 1916 г. № 418.

Копия в Париж и Афины.

Соннино высказал вчера Барреру и сегодня мне следующее, по поводу предполагающихся мер против Греции. Он всецело присоединяется к требованию о демобилизации эллинской армии и желает принять участие в пред'явлении этого требования, как относящегося к общему союзникам военному положению. Остальные пункты требований он считает уже вмешательством во внутренние дела Греции, на что могут иметь право лишь державы покровительницы, в число коих не входит Италия. Не возражая против них, он не желал бы участия Италии в их пред'явлении. Это тем более, что ненависть греков против итальянцев, коей не чужд и сам Венизелос, достигает крайних пределов, и он, Соннино, хотел бы избежать всего того, что могло бы дать лишний повод к проявлению этой ненависти. Он отметил, что, к сожалению, французский посланник в Афинах поддерживает это чувство греков.

Подп. *Гирс.*

CLI

Секретная телеграмма посла в Париже.

30 мая/12 июня 1916 г. № 389.

Копия в Лондон и Афины.

Камбон прочел мне телеграмму из Афин, в коей французский посланник в весьма энергичных выражениях указывает на недостаточность требований, которые предполагается пред'явить Греции, и на необходимость настоять на смещении кабинета, с исключением возможности возвращения к власти Скулудиса, Раллиса или Гунариса. С другой стороны, великобританский посол сообщил здесь сегодня, что Грей возражает против предлагаемых посланниками в Афинах изменений в тексте ноты, имеющей быть врученной греческому правительству, особенно против пунктов 2-го и 3-го. Я еще не виделся с Брианом, после его возвращения из Лондона, но при свидании с ним не премину еще раз высказаться, согласно Вашей телеграмме Бенкендорфу № 2401, т.-е. в смысле необходимости принять по отношению Греции решительные меры.

Подп. *Извольский.*

CLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

31 мая/13 июня 1916 г. № 346.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Английское правительство выражает согласие на изменение текста ноты, выработанной в Лондоне, лишь по первому пункту. Оно считает нужным настоять на сохранении в ней ссылки на факт приглашения Венизелосом союзных войск в Грецию, что не вытекает из официальной переписки и не только скомпрометирует Венизелоса и сыграет в руку правительства, обвиняющего его в государственной измене, но отчудит от нас последние симпатии наших поборников в Греции. Требования замещения начальников полиции по нашему указанию, Грей не находит удобным из-за принципа невмешательства во внутренние дела. С другой стороны, парижский кабинет принимает целиком наши поправки. Несогласный с мнением своего правительства, английский посланник телеграфирует в Лондон, настаивая на необходимости пред'явления всех четырех предложенных мною требований, согласно моей телеграмме № 333. В самом деле события идут быстрее решений правительств. Я вполне присоединяюсь к мнению, что если мы не предпримем здесь в самом ближайшем будущем энергичного шага, германцы заберут страну в свои руки. Дело не терпит. Наши блестящие победы побуждают немцев и их приверженцев к крайним усилиям в Греции, а для нас создают своевременность твердых выступлений. Сегодня ночью, толпа, предводительствуемая агентами Гунариса и Шенка, начала громить, без сопротивления

полиции, редакции дружественных Согласию газет и выражала угрозы по адресу союзных миссий. Положить этому конец можно только показанием солидарности, строгости, а в случае надобности и силы.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано : «Опять повторяю, что Демидов прав».

Царская Ставка 4 июня 1916 г.

CLIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 июня 1916 г. № 348.

Срочная.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

Вследствие принятия Брианом возражений лондонского кабинета, здешнему французскому посланнику предписано приступить к совместной декларации в том виде, в каком она была составлена в Лондоне, с изменением лишь по первому пункту о напоминании греческому правительству его прежних обязательств. Между тем, мы все трое абсолютно убеждены в полной нецелесообразности, крайней слабости и даже величайшем вреде этой ноты. Она сводится в сущности к одному требованию, — полной демобилизации. Возможность об'явления осадного положения уже отпала, естественно, согласно конституции, с частичной греческой демобилизацией, а замена начальников полиции без предварительного соглашения с нами лишена всякого значения, ибо один германофил заменит другого. Упоминая о приглашении греческим правительством союзных войск в Салоники, мы даем без всякой надобности сильнейшее орудие против Венизелоса в руки враждебного нам кабинета, с трепетом ожидающего ныне нашего приговора, уклоняемся при этом от истинного смысла текущих событий и, вызывая в стране открытое разногласие между державами покровительницами и их сторонниками в Греции, способствуем торжеству германцев. Запрошенный нами Венизелос настолько возмущен ссылкой, совершенно по-моему лишней, на приглашение союзников, что он поручил английскому посланнику сделать от его имени призыв к лояльности и честности Грея, прося исключения фразы не в виде услуги, а как бесспорное его, Венизелоса, право. При таких условиях, мы сообща решили воздержаться от вручения ноты, могущей повредить интересам Согласия в Греции, и просить дальнейших инструкций. Мы вполне солидарны в убеждении о необходимости требовать полной демобилизации, смены кабинета с заменой его деловым, роспуска палат и предоставления народу высказаться на новых выборах, замещения по соглашению с нами начальников полиции, ныне подведомственной германцам, и даже удаления из страны германских пропагандистов. Греческое правительство со страхом, либералы с радостью ждут от нас веского выступления. Было бы величайшей ошибкой дать вздохнуть первому и окончательно разочаровать последних. Не признаете ли ваше высокопревосходительство возможным, вследствие изложенных выше соображений, повлиять на английское правительство для принятия им соответственно более решительного образа действий.

Подп. *Демидов.*

CLIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

1/14 июня 1916 г. № 394.

Копии в Лондон и Афины.

Только что виделся с Брианом, который сказал мне, что он вполне убежден в необходимости действовать по отношению к Греции самым энергичным образом, но что он встречает на этом пути противодействие со стороны лондонского кабинета, который возражает против пред'явления требования сменить кабинет Скулудиса и заменить полицейских чиновников по соглашению с державами. По мнению Бриана, принимаемые против греческой морской торговли меры не имеют смысла, если они не оправданы одновременным пред'явлением требований. Смена греческого кабинета, по настоянию держав, имеет за собою несколько прецедентов, например, замену в 1885 году кабинета Дельяниса кабинетом Трикуписа; он считает, поэтому, что следует ныне же настоять на полной демобилизации, на отставке кабинета Скулудиса и на назначении новых полицейских чиновников, представляющих достаточные гарантии для союзников. Состоявшийся совет министров вполне одобрил эту программу и французский посол в Лондоне получил указания настоять на ней перед Греем. Бриан думает, что вслед за сим необходимо будет добиться роспуска греческого парламента и производства новых выборов, в которых могли бы участвовать все выборщики. Основываясь на Вашей телеграмме Бенкендорфу № 2401, я считал себя в праве высказать Бриану, что Вы также считаете полумеры недостаточными и стоите за применение к Греции решительных мер. Я присовокупил от себя, что наши последние, поражающие военные успехи должны создать на Балканах особенно благоприятную атмосферу, с чем Бриан вполне согласен.

Подп. *Извольский.*

CLV

Секретная телеграмма посла в Париже.

2/15 июня 1916 г. № 399.

Копии в Лондон и Афины.

Бриан сказал мне, что вследствие полученного здесь известия о происходящих в Афинах, с ведома и, вероятно, по внушению полиции, демонстрациях против союзников, он поручает французскому послу в Лондоне еще раз настоять перед Греем на пред'явлении греческому правительству решительных требований, а именно о смещении кабинета и роспуске палаты, с подкреплением этих требований посылкой эскадры в Пирей.

Подп. *Извольский.*

CLVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

2/15 июня 1916 г. № 401.

Бриан вызвал сегодня утром великобританского посла и сославшись на происходившие в Афинах, при явном попустительстве властей, демонстрации, сказал ему, что здешнее общественное мнение и парламентские круги крайне этим раздражены и требуют решительных мер по отношению к Греции. Бриан прибавил, что в Афинах хорошо известно о разногласии по настоящему вопросу между парижским и лондонским кабинетами, что это внушает греческому правительству еще большую дерзость. Поэтому Бриан просил лорда Бартн энергично настоять перед Греем на необходимости полностью принять телеграмму, выработанную посланниками в Афинах, в том числе и великобританским, т.-е. потребовать от Греции полной демобилизации, смены кабинета, роспуска палаты и замещения, по соглашению с союзниками, начальников полиции. Требования эти должны быть поддержаны посылкой эскадры в Пирей. Английский посол сказал мне, что он телеграфирует в этом смысле в Лондон.

Подп. *Извольский.*

CLVII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

3/16 июня 1916 г. № 342.

Текст телеграммы Грея английскому посланнику в Афинах: «Я могу лишь сказать, что содержание сообщения, полученного по телеграфу от французского правительства, вполне оправдалось. Верно, что мы никогда не послали бы войск в Салоники без приглашения г. Венизелоса, и мое впечатление таково, что в известный момент король дал на это свое согласие и что был обещан благожелательный нейтралитет. Кое-что должно, однако, быть заявлено в Афинах без промедления и (пропуск) но что Вы и Ваши коллеги должны немедленно составить декларацию, которая была бы всеми вами принята. Эта декларация должна содержать пункт, который Вы и Ваши коллеги считаете существенным, но я, со своей стороны, предпочел бы требование об изгнании германских агентов, как барон Шенк, и отставки (пропуск) начальников полиции и их замещения чиновниками (пропуск) нашим доверием. Это явилось бы конкретным требованием, которое оправдывалось бы недавним инцидентом. Если бы греческое правительство приняло это требование, то это означало бы полную уступку союзникам, а дальнейшее последовало бы потом. Если бы же оно отказало, то мы имели бы твердую почву для таких, не имеющих прецедента, требований, как смена правительства и новые выборы».

Подп. *Бенкендорф*

---

*) Перевод английского текста.

CLVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

5/18 июня 1916 г. № 352.

Срочная.

Копии в Париж и Лондон.

Представляю на благоусмотрение вашего высокопревосходительства выработанный нами текст предполагаемой декларации греческому правительству: «По распоряжению своих правительств, нижеподписавшиеся посланники Франции, Великобритании и России—представители держав-покровительниц Греции—имеют честь пред'явить греческому правительству (пропуск) следующую декларацию, которую они также получили распоряжение довести до сведения греческого народа. Как уже торжественно и письменно заявлялось, три державы-покровительницы Греции не требуют от нее нарушения ее нейтралитета. Явным доказательством сего служит то, что в первую очередь они требуют полной демобилизации греческой армии, дабы дать греческому народу спокойствие и мир. Но они имеют многочисленные и очевидные причины подозревать греческое правительство, поведение которого в отношении их не согласуется ни с обязательствами, неоднократно бравшимися им на себя, ни даже с принципами лояльного нейтралитета. В то же время оно слишком часто покровительствовало происках некоторых иностранцев, которые открыто работали над тем, чтобы сбить с толку греческое общественное мнение, извратить национальное самосознание и создать на территории Греции враждебные организации, что противоречит нейтралитету страны и нарушает безопасность военных и морских сил союзников. Вступление в Грецию болгарских сил, и занятие форта Рупель и других стратегических пунктов, при попустительстве греческого кабинета,—являются для союзнических войск новою опасностью и вынуждают три упомянутые державы требовать гарантий и принятия срочных мер».

Подп. *Демидов.*

CLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 июня 1916 г. № 354.

Срочная.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

Обоим моим коллегам разрешено оделать греческому правительству безизменений составленую нами декларацию. В случае неполучения мною от вашего высокопревосходительства соответственного предписания до среды, приложу к оной свою подпись. Вырабатывается, совместно с адмиралами, программа морской демонстрации, имеюшей состояться 3-го утром, одновременно с вручением ноты. Вследствие военно-морских затруднений по быстрому заграждению Фалерской бухты, союзная эскадра появится в ней и

*) Перевод французского текста.

отойдет за сим к Саламинскому проливу для стоянки. Текст декларации уже отправлен в Салоники для изготовления в нескольких тысячах экземплярах и немедленного ее распространения, по вручении. Эскадру будет сопровождать на случай надобности десантный отряд в 8—10 тысяч человек. Правительство старается разгадать содержание наших требований, о коих отчасти догадывается. Главным образом сопротивление короля коснется, вероятно, пункта о роспуске палаты, так как новые выборы грозят возвращение к венизелистскому режиму. Его величество быть может, согласился бы на максимальную отсрочку (пропуск) палаты. Мы предупредили о предстоящем шаге Венизелоса, ибо не исключена, по нашему мнению, возможность арестования вождя либералов и его главных приверженцев. Крайне трудно предугадать исход событий.

Подп. *Демидов.*

CLX

Секретная телеграмма посла в Париже.

7/20 июня 1916 г. № 411.

Копии в Лондон и Афины.

Французскому посланнику в Афинах посланы вчера вечером следующие телеграфные инструкции: нота должна быть вручена лишь ко времени прибытия соединенной эскадры, которой необходимы (пропуск) дней для приготовлений и которая, поэтому, может прибыть в Фалерскую бухту не ранее пятницы, 23 июня нового стиля. Вместе с нею, из Салоник прибудет десант, в составе одной французской и одной английской бригады с артиллерией. Если греческое правительство не из'явит немедленного согласия, десант будет высажен и займет Фалеры и Пирей. Одновременно с этим, союзный флот разрушит мосты в Коринфе и Халкисе, дабы воспрепятствовать подвозу греческих войск из Пелопонеса и Фессалии. Если это окажется недостаточным, имеются в виду еще следующие меры, которые, однако, будут приняты не иначе, как по особому распоряжению правительств: бомбардировка Саламинского арсенала и уничтожение греческого военного флота, занятие Афин, разрыв сообщения с двумя греческими корпусами, в районе Кавалы и разоружение греческой дивизии, находящейся в Салониках.

Подп. *Извольский.*

CLXI

Секретная телеграмма посла в Риме.

7/20 июня 1916 г. № 430.

Копии в Париж и Афины.

Соннино предписал итальянскому посланнику в Греции, одновременно с передачею декларации представителями держав покровительниц, пред'явить греческому правительству письменное требование о полной демобилизации.

Подп. *Гирс.*

CLXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 июня 1916 г. № 418.

Копии в Лондон и Афины.

Сейчас французскому посланнику в Афинах посланы, по соглашению с лондонским кабинетом, следующие новые инструкции: в виду неудобства откладывать сообщение декларации до прибытия эскадры, т.-е. до 23 июня нового стиля, нота должна быть вручена завтра, 22-го июня. Вручая ноту, не имеющую характера ультиматума, посланники должны заявить, что если они не получат удовлетворения, греческому правительству будет пред'явлен ультиматум с очень коротким сроком, а именно от 9 часов утра до 3 часов пополудни. Этот второй фазис начнется с прибытия эскадры. По истечении срока ультиматума, т.-е. 23 июня нового стиля, в 3 часа пополудни, управление действиями перейдет к начальнику эскадры, который будет сноситься с французским морским министром. Одновременно с отправкой Гильмену вышеизложенных инструкций, французскому послу в Лондоне поручено настоять перед Греем на безотлагательном снабжении английских войск в Салониках обещанной материальной частью для активных действий на Балканах, которые могут оказаться необходимыми в самом скором времени.

Подп. *Извольский.*

CLXIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 июня 1916 г. № 422.

Копии в Лондон и Афины.

Камбон сказал мне, что эскадра прибудет в Фалерскую бухту завтра, в четверг; десантные войска из Салоник, вероятно, не опоздают. По полученным здесь из Афин сведениям, там ожидали добровольной отставки кабинета Скулудиса и замены его кабинетом Заимиса, с участием адмирала Кундуриотиса и здешнего греческого посланника Романоса, находящегося в Афинах в отпуску. Камбон думает, что в таком случае дело уладится мирным путем и без применения крайних средств. По его словам, здесь больше всего придают значения требованию о роспуске парламента и производстве новых выборов.

Подп. *Извольский.*

CLXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 июня 1916 г. № 361.

Копии в Париж и Рим.

Одновременно с пред'явлением посланниками трех держав известной декларации, итальянский посланник вручит греческому правительству ноту, в коей итальянское правительство, указывая на полную солидарность Италии

с союзниками, но принимая во внимание, что она не принадлежит к числу держав покровительниц, ограничивается требованием возвращения греческой армии к состоянию мирного времени. Доверительно. У меня имеются признаки, что мой итальянский товарищ, не считающий шага держав согласным с интересами Италии, дает понять, что его правительство уклонилось от присоединения к общему выступлению, из уважения к принципу невмешательства во внутренние дела Греции. Так как в правительственной печати сейчас появились хвалебные по адресу Италии статьи, на основании приписываемых ему слов, граф Бодвари поместил, по нашему внушению, соответственное опровержение.

Подп. *Демидов.*

CLXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 июня 1916 г. № 362.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вследствие полученного французским посланником предписания немедленно вручить ноту, не ожидая прибытия судов, таковая была пред'явлена нами греческому правительству сегодня, 8-го июня, в час дня. В восемь часов вечера к нам прибыл Заимис, который заявил, что он принял поручение короля составить новый кабинет и что в качестве председателя совета министров он принимает все наши требования, в полном согласии с его величеством. При таких условиях тотчас же были отправлены распоряжения задержать эскадру в Салониках.

Подп. *Демидов.*

CLXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 июня 1916 г. № 363.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

Вчера знаменательный день, 8 июня, закончился полным восторжествованием держав тройственного Согласия. Самый факт проявления ими решительности и солидарности оказался достаточным, чтобы избавить их от нежелательного применения силы. Не могу не выразить вашему высокопревосходительству глубокой признательности за мудрую и столь полезную поддержку нашего выступления (пропуск) как французское правительство изменило первоначальное решение выждать появления об'единенной эскадры. Мои французский и английский товарищи лично вручили подписанную нами декларацию генеральному директору и сообщили ему о предстоящих мерах воздействия. Тем временем я отправился к королю в Таттой и был немедленно принят его величеством. Передав ему копию документа, я приложил усилия, дабы убедить его величество в настоятельной необходимости быстрого принятия требования держав, а равно в безусловной решимости последних до-

вести на этот раз дело до конца. Не перечту тех бесчисленных доводов, включая династические, которые я привел августейшему моему собеседнику, в пользу проявления им в эту историческую минуту гибкости и уступчивости. Скажу только, что король был уже каким-то образом осведомлен об отправке судов при десантном отряде и что (пропяск) возмущенные, большей частью на личной почве, выпады монарха. Я вынес определенное впечатление, что опасного военного сопротивления союзникам оказано не будет. Король мне открыто доверил, что если его войска, во избежание разочарования Греции, в свое время не пошли против Саррайля, то и в настоящую минуту его удерживают те же грозные для страны последствия. Не преувеличивая значения этой беседы, я все же полагаю, что она возымела некоторое смягчающее действие на короля. В еще большей мере дипломатическому успеху способствовали победы нашего оружия в Галиции. Момент оказался как нельзя более удачным. На мою просьбу дать хотя бы принципиальное согласие на наши требования, король ответил, что ему надо лично обсудить вопрос со своими министрами, но не скрыл от меня, что отставка кабинета Скулудиса уже им принята. Я не замедлил сообщить благоприятный результат беседы с королем моим двум коллегам, которые тотчас же о сем известили свои правительства. В 3 часа нам возвратили врученную утром ноту при письме генерального директора, заявляющего, что таковая не была принята Скулудисом, вследствие оффициальной отставки правительства. Мы тотчас вернули ноту в министерство, с указанием на неимение у нас оффициальных данных об уходе кабинета. Тем временем во французскую миссию поступили срочные телеграммы о задержании отправки войск из Салоник, об отмене прежних распоряжений по прибытию эскадры, что свидетельствовало о какой-то перемене в программе и дне демонстрации по приказанию французского морского министерства. Положение наше становилось крайне трудным, а по мнению Гильмена, даже опасным, вследствие возможности возникновения беспорядков в Афинах и движения против венизелистов или союзных миссий. В 8 часов вечера приход Заимиса, заявившего нам о принятии полностью всех наших требований, тотчас рассеял все наши опасения. Новый председатель совета прибавил, что, прибыв только что из дворца, он еще не успел обеспечить себе сотрудников по кабинету и что письменная ответная нота с согласием на все требования будет нам доставлена в ближайшее время, но что он надеется, что королевское слово и его собственное нас пока удовлетворяет. В общем, не считая ушедших министров и кучки их приверженцев, наша демонстрация произвела в стране успокоительное впечатление и вызывала чувство облегчения.

Подп. *Демидов.*

CLXVII

Секретная телеграмма посла в Риме.

9/22 июня 1916 г. № 436.

Копии в Париж и Афины.

Итальянское правительство посылает военное судно для участия в морской демонстрации в Фалерской бухте.

Подп. *Гирс.*

CLXVIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

15/28 июня 1916 г. № 445.

Копии в Париж и Афины.

Передавая мне свой разговор с французским послом касательно положения, создавшегося в Греции, Соннино сказал мне, что он выразил Барреру свое мнение о предпочтительности не производить слишком резкого давления на Займиса для побуждения его немедленно же приступить к роспуску палаты, заседания коей уже прекращены, и к новым выборам. Он крайне сожалеет однако, что державы не потребовали немедленного обнародования декрета о демобилизации, не представляющей, на его взгляд, тех же затруднений и вполне об'яснимой обстановкой войны. Он опасается затяжки в этом деле, могущей хотя и несновательно, дать надежду враждебному нам греческому правительству, что счастье вновь улыбнется Германии и наше требование можно будет и не исполнить. К тому же, если державы серьезно думают начать наступление со стороны Салоник, то оно во всяком случае рисковано до полной демобилизации Греции.

Подп. *Гирс.*

CLXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10/23 июня 1916 г. № 364.

Весьма быстро составленный новый кабинет сегодня, 9-го июня, уже присягал королю. Сам Займис оставил за собой портфель иностранных дел. Остальные министры, люди мало известные, но по большей части представляющие гарантии в беспристрастности на предстоящих выборах, которые по всей вероятности возвратят Венизелоса к власти. Новый министр внутренних дел, полковник Харалампис—человек безусловно честный. Он родственник Займиса. В Афинах и по всей Греции царит полное спокойствие.

Подп. *Демидов.*

CLXX

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

13/26 июня 1916 г. № 362.

Копия Париж.

Получена Ваша телеграмма № 2714. Я сообщил содержание Гардинджу. Он мне ответил, что намерения, которые проявляет Займис, столь удовлетворительны, что деятельность германских агентов, лишенных правительственной поддержки, стала мало опасной. Он думает, что заставить нынешнее греческое правительство изгнать барона Шенка, значило бы создать ему немедленно серьезные затруднения, которые он считает более благоразумным избежать.

Подп. *Бенкендорф.*

---

*) Перевод Французского текста.

CLXXI

Секретная телеграмма посла в Париже.

14/27 июня 1916 г. № 447.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Баррер телеграфирует из Рима, что Соннино, относящийся крайне недоверчиво к королю Константину, считает необходимым зорко следить в Афинах за точным выполнением принятых на себя греческим правительством обязательств, в особенности касательно военной демобилизации, и, в случае двусмысленного образа действий Займиса, тотчас прибегнуть к морской демонстрации в Пирее.

Подп. *Извольский.*

CLXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

14/27 июня 1916 г. № 371.

Личная.

Копия в Париж.

Как образчик преувеличения здешнего французского посланника, доверительно приведу переданное мне близким к нему лицом сведение о предвиденной им эвентуальной перемене династии в Греции и выставлении в таком случае кандидатуры на греческий престол принца Луи Наполеона. Между Гильменом и Саррайлем, бывшими сначала не в ладах, по моим сведениям, ныне установились твердые отношения.—Очень просил бы меня не называть.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственной Николая II рукою написано:

«Это ни на что не похоже. Поведение французского посланника весьма предосудительное».

Царская ставка 18-го июня 1916 г.

CLXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 июня 1916 г. № 379.

Выполнение греческих обязательств, вполне, на мой взгляд, искренне преследуемое Займисом, встречает под рукой сопротивление штаба и германофильских кругов, не потерявших надежды свести на нет результаты успешного выступления тройственного Согласия. Ныне уже выясняется, что не мало нам еще предстоит хлопот, чтобы добиться точного осуществления обещанного. По достоверным сведениям, солдаты усовещеваются (?) организуются лиги резервистов, коим внушается и цель: противодействие венизелистам на выборах, что от подачи голоса тому или иному кандидату зависит война или мир

для Греции. Германцы распускают слухи о предстоящем нападении на союзников в Македонии. В этом отношении желательна возможно быстрая демобилизация для отвлечения будущих выборщиков от разлагающей военно-политической среды. Нам надлежит, по моему, в каждом отдельном случае раскрыть глаза Заимису и, действуя по отношению к нему с должной твердостью, но без всяких резкостей, избегать всего, что могло бы вызвать его уход и поставить нас в необходимость снова прибегнуть к мерам предупреждения. Не могу не высказать опасения по поводу намека Соннино Барреру на новую морскую демонстрацию. Мне известно, что решение итальянского правительства присоединиться в последнюю минуту отправкой крейсера «Пьемонте» к союзной демонстрации было связано с намерением участвовать и в высадке под предлогом защиты миссии и итальянских подданных (пропуск), что было избегнуто, ибо итальянский десант был бы сочтен здесь (пропуск) уже унижением для Греции и мог бы испортить дело союзников возбуждением совсем лишних инцидентов. Требуя греческую демобилизацию, Италия добивается не столько безопасности союзных войск, сколько особой цели парализировать Грецию, в деле выступления на стороне Согласия. Наконец, по вопросу о роспуске палаты и новых выборов итальянский кабинет усматривает для себя опасность в возвращении к власти Венизелоса и едва ли относится сочувственно к нашей деятельности в этом направлении. Союзница наша, вероятно, стремится запутать положение в Греции, по возможности затруднить задачу займа и поощряя (пропуск) решение держав убедить их в неизбежности приступить к новым мерам бездействия и унижения Греции без особой нужды. Опасаюсь, как бы французское правительство, ободренное последним легким успехом, не сыграло в руку Италии. Здешние французские власти, с посланником во главе, единодушно выражают сомнение, чтобы дело обошлось без прибытия эскадры и высадки войск.

Подп. *Демидов*.

CLXXIV

Секретная телеграмма посла в Риме.

18 июня/1 июля 1916 г. № 451.

Копия в Париж.

Лично. Получив предписание воспользоваться первым случаем, чтобы внушить итальянцам мысль послать две дивизии в Салоники, как первоначально соглашался Кадорна. Французский посол отвечает, что при нынешнем наступлении итальянцев на австрийском фронте, при чем войска были взяты из Албании и из Ливии, ни итальянское правительство, ни Кадорна не согласятся послать войска в Салоники. Баррер полагает, что удобный случай для внушения этой мысли не представится в ближайшем будущем. Вполне разделяю взгляд моего французского коллеги, но для большей верности телеграфирую нашему военному агенту при главной квартире, точно выяснить, сколько итальянских войск в Албании.

Подп. *Гирс*.

CLXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

24 июня/7 июля 1916 г. № 395.

Копия в Париж.

Весьма доверительно. Заимис получил от греческого поверенного в делах в Париже извещение, что в газете «Темпс» *) появилась статья, признающая бывшее соглашение держав с покойным королем Георгом утратившим силуи вообще пропитанная антидинастическим чувством в отношении Греции. Такие статьи, в связи с весьма резким обхождением французской (пропуск) с греками, на взгляд Заимиса очень вредно отражаются на симпатиях последних к первым. Мне неизвестно, насколько французские увлечения соответствуют общим видам союзников, но у меня бесспорно имеются признаки подобного крайнего направления, могущего проявиться на деле, в зависимости от положения, которое примет корона, по выяснении результатов предстоящих выборов.

Подп. *Демидов.*

CLXXVI

Секретная телеграмма посла в Риме.

25 июня/8 июля 1916 г. № 446.

Насколько мне известно, Титтони до сих пор ничего не телеграфировал в Рим о посылке итальянскихх войск в Салоники. Не думаю, чтобы король, имеющий бесспорное нравственное влияние в армии, решил оказывать давление в вопросе передвижения войск. Его величество на приеме в Удине доказывал мне, что он нисколько не считает себя действительным главнокомандующим и никогда не вмешивается в распоряжения Кадорны. Он присутствует в армии, чтобы жить со своими солдатами, не имея возможности в столь тяжелое время оставаться спокойно в своей семье. К тому же итальянцы совершенно поглощены теперь Трентинскими событиями и перевезли туда часть войск из Албании. Недавно еще Соннино говорил мне, что албанский отряд сильно уменьшен и ему неизвестно сколько остается там войск.

Подп. *Гирс.*

CLXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 июня/8 июля 1916 г. № 394.

Копия в Париж.

Заимис не скрыл от мня своего возмущения против образа действий генерала Саррайля, потребовавшего сдачи французским властям греческих офицеров, разнесших контору газеты в Салониках и ранивших ее редактора.

*) Temps.

Председатель совета министров не намерен заявить по сему поводу протест, но он полагает, что дело подлежит греческому суду и он мне высказал сожаление, что Франция, как держава, гарантировавшая независимость Греции, сама посягает на эту независимость, а равным образом, что, обладая, вследствие осадного положения, цензурными правами, Саррайль не принял мер против газеты, произведшей самые грубые нападки на греческого короля. С этим взглядом я готов согласиться.

Подп. *Демидов*.

CLXXVIII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

30 июня/13 июля 1916 г. № 409.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 379.

Копии в Париж и Афины.

Грей получил телеграмму в подобных же выражениях. Он мне сказал, что в ответе греческому премьер-министру он ограничится указанием на то, что он считает, что выборы должны пройти совершенно правильно и что будущий кабинет должен будет зависеть от результатов, не предрешая заранее вопроса о главе будущего кабинета.

Подп. *Бенкендорф*.

CLXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 июля 1916 г. № 407.

Вследствие соглашения между Саррайлем и командующим греческими войсками в Салониках, дело офицеров, разгромивших редакцию газеты в названном городе, получило разрешение, удовлетворяющее обе стороны. Королевским декретом виновные офицеры запаса подвергаются двухмесячному заключению в крепости, офицеры же действующей армии на год увольняются от службы.

Подп. *Демидов*.

CLXXX

Секретная телеграмма посла в Риме.

5/18 июля 1916 г. № 496.

Личная.

Лично. Для побуждения Италии послать в Салоники по крайней мере 1 дивизию, французскому послу предписано сообщить весьма доверительно Соннино, что в Салоники будут посланы 1—2 русские дивизии.

Подп. *Гирс*.

---

*) Перевод Французского текста.

CLXXXI

Секрет

7/20 июля 1916 г. № 518.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Прибывший сюда королевич Андрей греческий виделся с Брианом, который сказал ему вкратце нижеследующее: «Мы ожидаем, что предстоящие выборы будут абсолютно свободными, и что если большинство выскажется в пользу Венизелоса, король Константин призовет его к власти. Если Венизелос не получит большинства, мы просим короля не призывать ни Скулудиса, ни Гунариса, а поручить образование кабинета лицу, в роле Заимиса. По вопросу об участии Греции в войне на стороне союзников, Бриан высказал, что участие это несомненно принесло бы Греции большие выгоды и что это подтверждается совершающимися событиями, но время упущено и ныне союзники более в содействии Греции не нуждаются. Это последнее заявление, повидимому, произвело на королевича удручающее впечатление.

Подп. *Извольский.*

CLXXXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 июля 1916 г. № 522.

Копия в Лондон.

Мне известно из достоверного источника, что королевич остался очень недоволен своим разговором с президентом республики. Г. Пуанкарэ, человек вообще весьма сухой, высказал ему в гораздо более резкой форме приблизительно то же, что было сказано ему мягким и вкрадчивым Брианом, и присовокупил, что если Греция вернется к прежнему своему образу действий по отношению к союзникам, последние должны будут прибегнуть к энергичным мерам.—В разговоре с министром без портфеля Кошеном, известным своим эллинофильством, королевич, главным образом, оспаривал право держав покровительниц вмешиваться во внутреннюю политику Греции.

Подп. *Извольский.*

CLXXXIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

8/21 июля 1916 г. № 497.

Копии в Париж и Лондон.

Запрошенный мною военный агент телеграфирует: Кадорна боится Швейцарии, повышенный тон которой якобы вынуждает его быть готовым немедленно парировать угрозу с этой стороны. Далее, посылка войск в Салоники в воображении итальянцев неминуемо связана с опасностью для Валлоны, для отражения которой могут также понадобиться резервы... В виду

сего предвижу сильное сопротивление требованиям французов. Считаю упомянутые страхи вздорными и ссылку на положение Трентино не обоснованной, а посылку дивизии, и даже более, в Салоники вполне возможной и полезной, при условии подчинения итальянского отряда также французам. Благодаря нашим успехам, а также общему положению, итальянцы находятся ныне в более благоприятных условиях для наступления на Изонцо, чем два месяца тому назад, и посылка дивизии в Салоники этих условий изменить, конечно, не в состоянии.

Подп. *Гирс.*

CLXXXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

13/26 августа 1916 г. № 605.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Здесь состоялся сегодня утром совет министров для обсуждения последних сообщений из Афин. В виду заявления Займиса посланникам, что греческое правительство не окажет сопротивления движению германо-болгар на Ларисссу и Афины, но что оно также не воспротивится мерам, которые могут быть приняты против этого союзниками решено предупредить короля Константина, что если он не примет обязательства предотвратить вышесказанное движение, союзники пошлют соединенную эскадру в Пирей и высадят десант для занятия Афин. Французскому адмиралу уже даны, по соглашению с английским адмиралтейством, соответствующие инструкции. В виду ожидаемых на завтра в Афинах демонстраций, могущих перейти в безпорядки, сделано распоряжение о немедленной отправке из Мальты в Пирей военного судна. Бриан, с которым я виделся тотчас по окончании совета министров, сказал мне, что совокупность получаемых из Греции сведений указывает, что Дусманис и его сообщники составили форменный заговор, с целью предоставить Грецию в распоряжение германо-болгар, и что по всем вероятиям к заговору этому причастен и сам король Константин.—По личному убеждению Бриана, этого вполне достаточно, чтобы побудить союзников ныне же, и не дожидаясь ответа короля или германо-болгарского движения на Ларисссу, приступить к выполнению намеченных мер, что может оказать услугу самому королю и династии, но, разумеется, он не предпримет ничего в этом смысле без соглашения с союзниками. Доверительно.—Считаю долгом отметить эти заявления Бриана, в виду возводимого на него здесь в общественных кругах обвинения в излишней мягкости по отношению к Греции, будто бы вследствие личного влияния на него принцессы Марии греческой и все еще находящегося здесь королевича Андрея.

Подп. *Извольский.*

CLXXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 августа 1916 г. № 462.

Копия в Рим.

Генеральный директор мне сообщил, что в министерстве иностранных дел получены сведения о высадке итальянского десанта в Химаре, жители

которой, с давних времен известные своими чувствами независимости, оказывают сопротивление с оружием в руках. Причины итальянского действия не выяснены.

Подп. *Демидов.*

CLXXXVI

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

14/27 июля 1916 г. № 432.

Лорд Гардиндж сообщил мне о беседе, которую он имел сегодня утром с принцем Андреем греческим. Эта беседа все время велась в весьма дружественной форме. Принц начал с уверения, что чувства короля, принцев и всей страны были сначала и продолжают оставаться до сих пор во всх отношениях благосклонными к союзническим державам; что барон Шенк не имеет никакого значения и не пользуется никаким влиянем; что на резервистов не было произведено никакого давления при голосовании на выборах, и он выразил свое скорбное изумление по поводу доказательств недоверия со стороны держав и по поводу мероприятий, которые ими приняты в отношении Греции и которые, по его мнению, ничем не оправдываются. Лорд Гардиндж ответил ему сначала, что сведения англичан о германской агитации барона Шенка, о его влиянии, распространявшемся даже на двор, не подлежат сомнению, что он также знает, что резервисты были об'ектом явного давления при выборах и что по этим пунктам уверения принца не могут изменить его убеждения. Он прибавил, что английская политика, которая всегда была дружественна в отношении Греции, продолжала бы, наверное, эту линию, если бы власть не была в руках германофильского кабинета и армии, руководимой генеральным штабом, вдохновляемым теми же чувствами. Создалось положение, неудобства которого во время войны слишком очевидны, чтобы не обязать английское правительство, вместе с его союзниками, к выступлению, безусловно требуемому обстоятельствами. Принц не пытался защищать стремления прежнего кабинета. Он лишь сказал, что в Греции та популярность, которой пользуется король, нейтрализовала стремления его министров. Лорд Гардиндж прибавил, что, в отношении нынешнего положения в Греции, английское правительство, в качестве державы-покровительницы, займет конституционную позицию. Он настаивал на полной свободе выборов и на создании кабинета, соответствующего чувствам страны, в которых принц взял на себя труд уверить его. Гардиндж тотчас же прибавил, что если политика вышедшего в отставку кабинета создала исключительную ситуацию, которой державы не могли терпеть, то положение будет точно таким же, если к власти возвратятся Скулудис и его коллеги и что в этом последнем случае английское правительство,—и он твердо уверен в том, что и союзнические державы поступят так же,—будет действовать еще раз так же, как оно действовало до отставки последнего греческого кабинета. Принц видел короля перед посещением лорда Гардинджа.

Конфиденциально: Я полагаю, что его миссия вызвала здесь лишь весьма относительное доверие.

Подп. *Бенкендорф.*

*) Перевод французского текста.

CLXXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 августа 1916 г. № 476.

Вчера состоялась народная демонстрация либералов, принявшая грандиозные размеры. Венизелос произнес весьма сильную, хотя и умеренную, речь, часто прерываемую одобрительными возгласами и овациями многочисленной толпы. В речи Венизелос клеймил гибельную политику Греции и предложил, чтобы народ избрал депутацию, которая, представившись королю, указала бы его величеству на несоответствие его политики с национальными вожделениями и открыла бы ему глаза на то обстоятельство, что он пал жертвой военных советов и собственной слабости. Депутация эта уже составляется. Венизелос в своей речи обещал поддержку либералов кабинету Заимиса, которому из делового надлежит превратиться в политический.—Манифестация отличалась полным спокойствием и достоинством. Впереди шествия несли национальный флаг и Византийский стяг, обвитый трауром.

Подп. *Демидов.*

CLXXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 авг. 1916 г. № 479. (Получена 21-го) *).

Манифестация анти-венизелистов состоялась 15 августа, при стечении народа на треть меньше, чем вчера. Состав народа: отсутствовал городской элемент и толпа состояла из местных крестьян из соседних селений, большею частью новоотпущенных запасных, прибывших с флагами и музыкой. Пламенные речи против Венизелоса и либералов держали Гунарис, Раллис и Степан Драгумис. Толпа исключительно кричала «да здравствует король»; были национальные флаги и Византийский, но без траура. Порядок нигде не был нарушен. Отправлен адрес королю, который выразил благодарность народу. Народу раздавались в десятках тысяч экземпляров воззвание фельдмаршала Макензена к греческому народу, с порицанием действий союзников в Греции и похвалой германской армии, охраняющей права и свободу населения, ни один волос которого не упадет. Надо думать, что германские деньги щедро были розданы манифестантам и запасным.

Подп. *Дёмидов.*

CLXXXIX

Секретная телеграмма посла в Риме.

15/28 августа № 602.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Соннино предписывает итальянскому посланнику присоединиться ко всякому предупреждению или заявлению Греции, одобренному всеми союзными правительствами.

Подп. *Гирс.*

---

*) Старый стиль.

CXC

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

18/31 августа 1916 г. № 485.

Копия в Париж, Лондон и Рим.

Я имел 17 августа часовую беседу с королем (пропуск) принял совершенно частным образом, так как французский посланник получил аудиенцию лишь на завтра. Я нашел короля еще неоправившимся от недавней операции прореза нарыва в боку. Сообщение его величеству содержания телеграммы вашего высокопревосходительства № 3715 заметно его ободрило. Король глубоко тронут столь ценным доверием к нему государя императора, высказывая в то же время признательность за проявленное Вами доброжелательство к Греции, о каковом ему донес королевич Николай. Я не преминул заметить королю, что от него всецело зависит придать отношениям с державами Согласия более доверчивый характер, и что добровольное его решение расстаться с обоими главными виновниками недоразумений уже значительно прояснило атмосферу. Я прибавил, что для полного оправдания высокого доверия государя императора надлежало бы ему на деле доказать необоснованность предположений об ориентировке его политики в сторону Германии. Его величество дал мне свое королевское слово, что он никаким соглашением с Германией не связан, если не считать известных нам заверений, полученных Грецией от обеих воюющих сторон, касательно оккупации территории, возмещения убытков и т. д. Он заверил меня, что и впредь он никакого соглашения не заключит с Германией, а с Болгарией и Турцией подавно. По его твердому убеждению германо-болгары отнюдь не попытаются продвинуться к Лариссе и Афинам, но Греция, будучи демобилизованной, не могла бы воспротивиться такому движению силой. На мой вопрос, какое влияние на Грецию возымеет выступление Румынии, король ответил, что германцы недели три тому назад старались его убедить, что у них уже заготовлено несколько корпусов, с помощью которых они быстро нанесут удар Румынии. Его величество не придает веры этим хвастовствам и, повидимому, считает обстановку на Балканах существенно изменявшийся, после вмешательства Румынии. Из его слов я мог заключить, что если бы союзники предоставили Греции денежные средства и снабдили греческую армию всем необходимым материалом, ее (пропуск) было бы нам обеспечено не в столь далеком будущем. Те же тенденции замечены были сегодня моим великобританским коллегою в беседе с Заимисом, а равно великобританским военным агентом в разговоре с генералом Москопуло, новым начальником штаба. Прибавлю, что не имею никаких оснований сомневаться в безусловной искренности и откровенности слов короля Константина.

Подп. *Демидов.*

CXCI

Секретная телеграмма посла в Париже.

18/31 августа 1916 г. № 615.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Французский посол телеграфирует из Лондона, что совет обороны выразил согласие на немедленную отправку соединенной эскадры в Саламин-

скую бухту. По прибытии эскадры союзные посланники должны заявить греческому правительству, что в виду наличности доказательств, что неприятель получает из Греции сведения о действиях союзных войск, союзники принуждены установить контроль в английском смысле этого слова — над почтою и телеграфом в Афинах и Пирее. Английскому адмиралу даны соответствующие инструкции. П. Камбон присовокупляет, что, повидимому, великобританское правительство возражает против высадки десанта и завладения железными дорогами и портами. Эту последнюю меру он считает невыполнимой. Английский посол должен сделать сегодня Бриану сообщение о вышеизложенном.

Подп. *Извольский.*

CXCII

Секретная телеграмма посла в Париже.

19 августа/1 сентября 1916 г. № 621.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Бриан, с которым я только что виделся, подтвердил мне, что союзная эскадра вышла сегодня утром из Милоса и должна была около 4-х часов прибыть в Саламинскую бухту. На мой вопрос, какая предполагается программа действий, он ответил, что вследствие возражений Англии, мысль о высадке десанта им оставлена, но что на всякий случай в Салониках будет держаться наготове французская бригада. По его словам, французский посланник вынес из своей аудиенции впечатление о серьезном перевороте в пользу (пропуск), со стороны короля Константина, который продолжает настаивать на сохранении пассивного положения, по отношению к германо-болгарам, и не преминул указать Гильмену на разницу во взглядах союзных посланников на создавшееся положение. Бриан продолжает думать, что необходимо установить контроль над почтой и телеграфом, дабы прекратить передачу сведений неприятелю, а также, что следует воспользоваться случаем, чтобы очистить Грецию от германских агентов. В заключение он сказал, что, разумеется, он ничего не предпримет без согласия союзников.

Подп. *Извольский.*

CXCIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

20 августа/2 сентября 1916 г. № 494.

Копии в Париж и Лондон.

№ 1.

За № 2, препровождаю текст ноты, переданной сегодня французским и великобританским посланниками греческому правительству по вопросу о контроле над почтой и телеграфом и об удалении неприятельских шпионов из пределов королевства. Французский посланник раз'яснил председателю совета, что способ применения контроля имеет быть установлен совместно,

по принятии требований, а что относительно удаления агентов, в случае уклонения от его осуществления, дело перейдет в непосредственное ведение адмирала. Заимис попросил обсудить вопрос до понедельника.

Подп. *Демидов.*

CXCIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

20 августа/2 сентября 1916 г. № 623.

Копии в Рим и Афины.

Получил Вашу телеграмму 3755.

Сообщил ее содержание Бриану, который только что ответил мне письменно, что он не разделяет мнения лондонского кабинета о желательности отсрочки греческих выборов. По его мнению, следует воспользоваться впечатлением, произведенным выступлением Румынии, и надвигающимися на Балканах событиями. С другой стороны замешательство, которое по крайней мере временно замечается среди германцев и во враждебных союзникам кругах Греции, создает благоприятную союзникам атмосферу, и если вследствие занятия болгарами некоторых местностей в Македонии, где поэтому не могут состояться выборы, наши сторонники рискуют потерять некоторое число мест, можно думать, что, с другой стороны, они выиграют эти места, благодаря выгодному течению общественного мнения, созданного последними военными событиями на Балканах. Бриан присовокупляет, что он надеется, что Вы разделяете его точку зрения, и что наш посланник не предпримет в Афинах никаких шагов в пользу отсрочки выборов.

Подп. *Извольский.*

CXCV

Секретная телеграмма посла в Париже.

20 августа/2 сентября 1916 г. № 624.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Вчера вечером великобританский посол сообщил Бриану, что если в Афинах не наступит радикальной перемены положения, лондонский кабинет согласен на пред'явление Греции, вслед за прибытием эскадры в Саламин, следующих требований: удаление барона Шенка и его агентов, выдача союзникам находящихся в греческих портах германских и австрийских судов и передача в ведение союзников почты и телеграфа. Французскому посланнику предложено сговориться со своими товарищами относительно выработки соответствующей ноты греческому правительству. Гильмен телеграфирует, что прибывшая вчера вечером в Саламин эскадра встречена греками с величайшим энтузиазмом.

Подп. *Извольский.*

CXCVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

21 августа/3 сентября 1916 г. № 498.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Неожиданные грозные события в Македонии и опасения, как бы болгары не опередили Грецию переходом на сторону союзников, побудили греческого председателя совета министров спешно позондировать парижский и лондонский кабинеты, относительно возможности приобщить Грецию к державам Согласия. В стране наблюдается довольно резкий поворот в сторону наступления. Займис, посоветовавшись не только с Венизелосом, но и с представителями противоположных партий, получил от последних одинаковый отзыв о желательности выступления Греции. Бывшие ярые нейтралисты ныне считают, что для Греции не остается иного исхода. В основании предложения Займиса, очевидно, лежит просьба о предоставлении Греции денежных средств.

Подп. *Демидов.*

CXCVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

21 августа/3 сентября 1916 г. № 502.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Сведения, сообщаемые французским посланником об энтузиазме, с которым греческое население встретило эскадру, не соответствует действительности. Наоборот, наблюдается полное равнодушие, связанное с недоумением, что ради достижения незначительной, сравнительно, цели, прибегнуто к столь внушительным средствам.

Подп. *Демидов.*

CXCVIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

21 августа/3 сентября 1916 г. № 613.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

В виду прибытия в Пирей союзной эскадры, Италия посылает туда одно судно, вероятно, «Либи». Командир этого судна сойдет на берег, лишь в случае необходимости обеспечить безопасность итальянской миссии.

Подп. *Гирс.*

CXCIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 августа/4 сентября 1916 г. № 513.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Заимис принял целиком ноту французского и английского посланников. Вслед затем генеральный директор, посетив двух моих коллег, на словах сообщил от имени Заимиса, что правительство желало бы, конечно, сноситься шифром со своими посланниками за границею, и принимать под личную ответственность Заимиса содержание отправляемых телеграмм. Он просит возможно скорее передать ему список иностранцев, подлежащих удалению. Что же касается привлечения к ответственности греческих подданных, причастных к неприятельскому шпионажу, он из'являет готовность исполнить требование в пределах греческих законов, намекнув совсем частным образом на свободу союзников принять собственные меры.

Подп. *Демидов.*

CC

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 августа/7 сентября 1916 г. № 515.

Мои английский и французский коллеги и я получили из Санти-Кваранта и Премети телеграммы с протестами населения против занятия итальянцами северного Эпира, где они ввели военное положение и смещают местные власти. Жители просят о снятии оккупации, заявляя о своих симпатиях к державам-покровительницам и преданности «родной» Греции.

Подп. *Демидов.*

CCI

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 августа/7 сентября 1916 г. № 631.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Бриан сказал мне, что греческий посланник заявил ему вчера от имени Заимиса о решимости греческого правительства изменить курс своей политики и о возможности выступления Греции на стороне союзников. Бриан ответил ему, что греческое правительство имело достаточно времени, чтобы взвесить все обстоятельства дела и что, ныне, сказанному правительству остается принять окончательное решение и заявить о немедленном выступлении Греции. Со своей стороны, французское правительство будет, конечно, готово оказать Греции надлежащую денежную и материальную поддержку, но оно ни в каком случае не пойдет на какие-нибудь новые затяжные переговоры с греческим правительством о тех или иных условиях вы-

ступления. Передавая мне о своем ответе Романосу, Бриан присовокупил, что немедленное приобщение греческих военных сил к союзным войскам на Балканах имело бы несомненную силу, ибо Греция легко могла бы выставить 150.000 человек и предоставить в распоряжение союзников несколько хороших боевых судов и миноносцев. На мой вопрос, как он смотрит на последние события в Салониках, Бриан ответил, что не придает им большого значения, но что они служат показателем поворота в настроении среди греческого войска, и, конечно, повлияют на короля Константина и окружающих его лиц.

Подп. *Извольский.*

CCII

Секретная телеграмма посла в Риме.

25 августа/7 сентября 1916 г. № 614.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Соннино высказал мне, что он отдает себе вполне отчет, что Греция должна будет выступить на нашей стороне и, что ничто не остановит ее на этом пути. Он находит, что державам не следует препятствовать этому, в виду крайней нежелательности осложнять в Греции династический вопрос. По его мнению, державы не должны, однако, входить в какие-либо переговоры или давать какие-либо обещания, по вопросу о будущих территориальных приобретениях Греции, ограничиваясь снабжением ее, в случае ее выступления, денежными и материальными средствами.

Подп. *Гирс.*

CCIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 августа/9 сентября 1916 г. № 514.

Копии в Париж и Лондон.

Французский адмирал узнал об отправке отсюда нескольких шифрованных радио-телеграмм в столицы враждебных государств и заявил письменно, основываясь на своих инструкциях, что, если такая отправка не будет прекращена к полуночи с 24 на 25, им будут приняты надлежащие меры. В предвидении крайне нежелательной высадки и расправы моряков, английский посланник просил Заимиса спешно распорядиться о приостановке отправки всяких радио-телеграмм. Дело осложняется еще тем, что помянутые сообщениня производились с греческого военного судна «Аверов». По поводу шифрованных телеграмм, французский посланник придерживается взгляда, что греческому правительству следует предоставить право сноситься лишь с его представителями в союзных и нейтральных государствах, тогда как Заимис считает недопустимым запрещение сношений с греческими оффициальными агентами, хотя бы в неприятельских странах, под его ответствен-

ностью. Доверительно. Английский посланник и я находились под впечатлением, что французы были бы не прочь довести дело до крайностей, а с пребыванием здесь эскадры инциденты возможны, по моему, на каждом шагу.

Подп. *Демидов.*

CCIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 августа/9 сентября 1916 г. № 520.

Срочно.
Копии в Париж и Лондон.

Сегодня, 27 августа, во время нашего заседания в саду, французской миссии, человек 20 принадлежащих к лиге резервистов (пропуск) и произвели несколько выстрелов из револьверов при криках: «Да здравствует король, долой Францию и Англию». Раненых не было. Демонстранты тотчас скрылись.

Подп. *Демидов.*

CCV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 августа/10 сентября 1916 г. № 523.

Копии в Париж и Лондон.

Председатель совета министров посетил вчера вечером французского посланника и выразил ему от имени греческого правительства сожаление и негодование свое по поводу прискорбного события.

Французский посланник благодарил министра иностранных дел, прибавив однако, что он не может считать инцидент исчерпанным и будет ждать указаний от своего правительства. Ночью французский адмирал высадил с крейсера «Брюикс» 25 матросов для охраны миссии. Сегодня утром мой французский и английский товарищи и я потребовали от председателя совета министров: во-первых, немедленного розыска, задержания и наказания виновных, во-вторых, надлежащих санкций по быстрому расследованию против военных или полиции, не исполнивших своих обязанностей, и, в третьих, незамедлительного закрытия в Афинах и других городах местных собраний резервистов. Мы просили, кроме того, министра иностранных дел возбудить, по собственному почину, открытое порицание королем действий лиц, прикрывавшихся его именем при преступном нападении на миссию дружественной державы. Председатель совета министров нам ответил, что им уже приняты зависящие меры к исполнению первых двух требований. Что же касается остальных, он тотчас отправится в Татой за приказаниями его величества.

Подп. *Демидов.*

CCVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 августа/12 сентября 1916 г. № 491.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Прибытие внушительной соединенной эскадры в Саламину состоялось без инцидентов. Французский посланник тотчас отправился к председателю совета с успокоительными заверениями, что десанта не произойдет и, вообще, указал на вполне дружественный характер меры, направленной против германского влияния в Греции. По словам Гильмена, усматривающего в приходе судов самое радостное событие и до некоторой степени торжество его политики, Заимис был вполне удовлетворен его сообщениями.

Согласно своим предписаниям, адмирал Дартиж до Фурнье, тотчас распорядился о захвате неприятельских судов, стоящих в начале войны в Элевзинской бухте и Пирее, на которых будто бы находились склады оружия и взрывчатых веществ. Сомневаюсь, чтобы на них было что найдено. На этих судах уже поднят французский флаг. Английский посланник сейчас получил предписание присоединиться к своему французскому товарищу, с требованием удаления из пределов Греции главных германских агентов, список коих, с Шенком во главе, составлен разведочной службой, а равно учреждения союзного контроля над станциями беспроволочного телеграфа и всеми почтово-телеграфными отделениями. Последняя мера, по-моему, встретит на практике серьезные затруднения. Мне не совсем понятно, имеет ли состояться выступление от имени держав-покровительниц, или только от англо-французов, принимающих непосредственное участие в демонстрации. Показателем в отношениях французов является хотя бы тот факт, что среди лиц, предложенных к удалению из Греции французским морским агентом, имеются двое уже умерших. В общем господствует сравнительное спокойствие. Число греков, желающих немедленного выступления, заметно увеличивается.

Подп. *Демидов.*

CCVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

31 августа/12 сентября 1916 г. № 525.

Копии в Париж и Лондон.

В силу полученных им инструкций, французский адмирал, командующий соединенной эскадрой, созвал французского и английского посланников и меня, для совместной выработки условий союзного контроля над греческими почтово-телеграфными учреждениями, во исполнение требования держав. Условия эти, принятые нами по соглашению с адмиралом, представляются на одобрение наших правительств. Так как греческое правительство уже отдало срочное распоряжение о прекращении передачи всяких радио-телеграмм и, принимая во внимание, что за соблюдением этого условия легко можно следить с союзных судов, нами предположено, в случае отправки радио-телеграммы, не разрешенной 3-мя посланниками, тотчас за-

нять станцию на суше. При вторичном нарушении, греческие военные суда должны будут спустить свои беспроволочные сети. Запрещение пока строго соблюдается. Относительно обыкновенных проволочных шифрованных телеграмм нами намечена следующая программа: 1) Учреждение союзных контролеров во всех главных центрах, а равно летучих отрядов для промежуточных станций. 2) Смещение некоторых неблагонадежных служащих. 3) Право наблюдения за всеми решительно отправлениями. 4) Запрещение шифрованных телеграмм, кроме отправляемых греческим правительством своим представителям в союзных столицах и миссиям в нейтральных странах. Французский посланник считает рискованным допустить шифрованные сношения с Берном, откуда сведения могли бы быть передаваемы в Берлин. 5) В случае разрешения союзными правительствами сношений греческого министерства с нейтральными или вражескими государствами, обязанность сообщать № телеграммы, число групп и содержание. Относительно шифрованных сношений с их правительствами здешних нейтральных представителей, из коих некоторые заподозрены в германофильстве, мы ожидаем отзывов наших правительств. 6) Всякая попытка обмана или уничтожения полосок, будет строго наказываться. 7) Установление союзной цензуры над всеми почтовыми отправлениями.

Подп. *Демидов.*

CCVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

31 августа/13 сентября 1916 г. № 530.

(Получена 8/21 сентября).

Копии в Париж и Лондон.

По сведениям, полученным от английского адмирала, греческий гарнизон Кавалы сдался болгарам. Надо думать, что греческие войска очистили болгарам укрепления. Некоторые части, успевшие сесть на суда, согласно распоряжению военного министра, переданному через английского адмирала, направлены последним не в Воло, а в Салоники, где управление, как известно, в руках греческого революционного комитета. Такое действие считается здесь предательским со стороны адмирала. Эллиот срочно телеграфировал направить эти войска в Воло. Положение в стране становится хаотичным. На Митилене и Хиосе и, как передают, также на Самосе и Крите происходит сепаратистическое брожение. По моему убеждению, лишь активное выступление Греции способно остановить ее на пути к разложению.

Подп. *Демидов.*

CCIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 сентября 1916 г. № 533.

(Получена 6 сентября 1916 *) г.).

Копии в Париж и Лондон.

Вчера 31 августа состоялось новое совещание с французским адмиралом считающим нужным приступить немедленно к осуществлению почто-

*) Старый стиль.

во-телеграфного контроля и санкции против причастных к германскому шпионажу. По первому вопросу адмирал полагает желательным, — в ожидании нами инструкций касательно представления греческому правительству права шифрованных сношений с его заграничными агентами, а равно здешним нейтральными миссиями с их правительствами, ныне же назначить главного контролера, в лице капитана французской морской службы Клержо, который выработал подробную программу деятельности контрольной комиссии одобренную посланниками. О таковом назначении намечено заявить греческому правительству нотой с приложением помянутой программы. Позволяю себе высказать, что едва ли удобно возбранять сношения самостоятельного правительства с его представителями и еще менее нейтральным миссиям с их правительствами. Опасаюсь, как бы союзники не извлекли из такого чрезмерного вмешательства больше вреда, чем пользы; буду ожидать указаний вашего высокопревосходительства относительно моего присоединения, неизбежного во имя общей солидарности к предстоящим решениям союзных правительств.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано:
«Сомневаюсь, чтобы от такой меры получилась польза».
Царская Ставка, 9 сентября 1916 г.

CCX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 сентября 1916 г. № 540.

Копии в Париж и Лондон.

В виду спешности, на которой настаивает адмирал (пропуск) вчера, 1-го сентября, греческому правительству (передана) нота за подписью четырех посланников, с заявлением о назначении главным контролером греческой печати и телеграфа капитана Клержо. К ноте приложена программа его прав и функций с оговоркой относительно двух вопросов, предоставленных на решение наших правительств, а именно: касательно об'ема прав сношения греческого правительства с его представителями за границей и здешних нейтральных миссий с их правительствами. Копия обоих документов — вализой.

Подп. *Демидов.*

CCXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 сентября 1916 г. № 534.

Копии в Париж и Лондон.

По вопросу о санкциях против греческих агентов неприятельского шпионажа выяснено, что греческие подданные не могут быть привлечены к судебной ответственности, согласно греческому правопорядку, за неимением требуемых законом улик и, разумеется, к ним неприменимо понятие о высылке их греческим правительством за границу. Вследствие сего, адмирал предлагает, чтобы ему было предоставлено потребовать принятия мер в

административном или ином порядке, в целях отправки и сосредоточения на определенном греческом острове обвиняемых лиц или высылку их за границу, под угрозой приступить собственными средствами к проведению этой меры. Посланники ждут по сему предмету срочных указаний их правительств. Считаю долгом прибавить, что в списке лиц, предложенных англо-французской разведочной службой к удалению, помечены напр., г. Сунирет, правда, известный своими германскими симпатиями, но являющийся самым близким советником короля и ныне, как говорят, прилагающий старания к сближению Греции с Согласием. Если наши правительства одобряют программу адмирала (пропуск), необходимо подвергнуть список тщательному пересмотру.

Подп. *Демидов.*

CCXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 сентября 1916 г. № 537.

Копия в Париж. Личная.

На последнем свидании с Заимисом, мой собеседник выказал мне полную откровенность. Из его слов я вынес, что уход, который я предвидел в телеграмме (пропуск), вызван не столько пошатнувшимся его здоровьем, или необходимостью уступить место кабинету политического характера, сколько невозможным положением, созданным ему крайним партийным раздором, глухим сопротивлением его начинаниям и, наконец, вмешательством союзников, выражающих ему доверие, но держащих эскадру в греческих водах, высаживающих матросов для охраны французской миссии, пред'являвших ему все новые требования, упрекающих его в бессилии и попустительстве. Заимис мне заявил недвусмысленно, что по его мнению, французы, постепенно все более посягая на суверенные права Греции, задались целью низвергнуть короля, в чем он окончательно убедился из некоторых намеков, сделанных ему французским посланником. Мне показалось это преувеличенным, хотя ясно, что союзники наши решили не считаться с королем при проведении мер, на их взгляд настоятельных, во имя безопасности союзных войск. Что касается скорого выступления Греции, король, по-моему, пытается выиграть время. Взятие германо-болгарами Туртукая и Силистрии произвело, конечно, невыгодное впечатление, особенно с преувеличением германцами своего успеха. При этом здесь вполне отдают себе отчет в том, что балканский фронт представляет громадную важность для Германии, для сохранения ее сообщений с Востоком и, вследствие чего, укоренилось убеждение, что она приложит все усилия, дабы удержать эти сообщения, не останавливаясь перед выпрямлением, в случае надобности, линии своего западного фронта и освобождая, таким образом, значительное количество своих войск, часть коих, несомненно, была бы переброшена на Балканы. Генеральный директор мне сказал, что получена в этом смысле телеграмма от греческого посланника в Париже, где обсуждалась эта возможность, которая не поощрит короля к выступлению.

Подп. *Демидов.*

CCXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 сентября 1916 г. № 542.

Известия, получаемые союзными посланниками, сходятся на том, что вокруг Татоя, где проживает король, приготовлены траншеи и, вообще, приняты военные меры к обеспечению его королевского величества и августейшей семьи от внезапного покушения союзников или венизелистов. По сведениям, железнодорожные мосты, на пути ведущем в направлении Ларриссы, минированы. Генерал Дусманис все еще нередко посещает Татой. При трудно разрешимом министерском кризисе, положение становится весьма серьезным, король меня вызывает сегодня, 3-го сентября, утром.

Подп. *Демидов.*

CCXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 сентября 1916 г. № 545.

Копия в Париж и Лондон.

Из сегодняшней продолжительной беседы с королем я вынес далеко неутешительное впечатление, поскольку дело касается выступления и вообще разумного понимания интересов Греции. Его величество хуже, чем когда либо, настроен против союзников, образ действий которых в отношении Греции он крайне резко осуждает, порицая не только французов, в лице Саррайля и Гильмена, но и англичан, коим он приписывает умышленную перевозку войск из Каваллы в Солунь для присоединения к восставшим частям. Он с негодованием выразился о производимых над Грецией ,значит над ним, насилиях, под давлением коих она из нейтралитета не выйдет, причем, никакая мобилизация фактически не может на его взгляд пройти сколько нибудь успешно подобным принуждением. Пока армии на деле не существует, ранее двух месяцев и думать нечего о приведении ее в готовность, следовательно немедленное выступление Греции может иметь лишь нравственную ценность. Назначение заранее срока этому выступлению опять-таки, по мнению короля, невозможно, ибо, в случае неуспеха к тому времени наступательного движения генерала Саррайля, он ни под каким видом не тронется. На Венизелоса король возлагает вину за все настоящие бедствия Греции и скорее, нежели к нему обратиться, Его Величество предпочел бы сам устраниться. Пока английский и французский посланники, особенно последний, опустившийся по словам короля на степень выборщика-венизелиста, совещаются с Венизелосом, им нечего ждать от него. К выборам в Греции не было приступлено, прибавил король, вследствие отрицательного отзыва Венизелоса, опасающегося поражения его партии, в чем он отчасти прав. Наконец, король, не скрыв от меня намерения предварительного выступления, выговорить в пользу Греции земельные компенсации, примерно, болгарскую Фракию до реки Марицы, Додеканез и часть Албании до реки Скумби без Валлоны, ставит непременным условием самостоятельное командование им своей армии. Не затрагивая подробностей, я сказал королю, что на мой взгляд, он ставит вопрос на совершенно иную почву, чем державы, озабоченные главным образом, обеспе-

чением безопастности македонских войск и имеющие вполне определенные данные о том, что неприятель осведомлен о происходящем в районе союзной оккупации, каковым соображением вызваны принимаемые ими строгие меры.

Выступление Греции в ближайшее время было бы встречено в России сочувственно, но с наступившими на всех фронтах военными успехами, участие это послужило бы скорее интересам самой Греции, нежели союзников, тем более, что война является единственным средством положить конец внутреннему раздору, снова об'единит страну и расколотую на двое армию. Король заметил, что он не придает веры слухам о брожении на островах, распускаемые будто бы венизелистами, а что касается интересов Греции, то он о них заботится и предпочел бы, чтобы иностранцы о них менее пеклись. Полагаю, что при таких условиях следует ограничиться в Греции охраной военных интересов союзных армий, предоставляя пока страну собственной участи в вопросе выступления.

Подп. *Демидов.*

CCXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 сентября 1916 г. № 546.

В интервью, данным новым председателем совета представителю одной из здешних газет, г. Калогеропулос заявил, что правительство в своей политике будет придерживаться самого благожелательного нейтралитета к державам Согласия. Он намерен, повидимому, придать кабинету политический, а не деловой характер, что не соответствует обязательствам принятым Грецией по выполнению ноты 8 июня, ибо, как известно, пока не приступлено ни к роспуску палаты, ни к производству новых выборов. Новый кабинет по своему оттенку нельзя считать нам дружественным. Вся венизелистская печать осуждает его состав.

Подп. *Демидов.*

CCXVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

5/18 сентября 1916 г. № 663.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Доверительно. Бриан сказал мне, что новый греческий кабинет производит здесь самое невыгодное впечатление. Он составлен из теотоскистов и анти-венизелистов, т.-е. из явных противников союзников. К тому же, он несомненно, имеет политический характер, а следовательно, не отвечает требованиям принятой Грецией ноты 8 июня. Наконец, он, очевидно, имеет целью произвести выборы, исход коих предрешается заранее не в пользу союзников. При таких условиях, Бриан считает необходимым поставить вопрос, могут ли союзники допустить подобную комбинацию и не следует ли им выступить с совместными представлениями перед королем. Он телеграфирует в этом смысле в Петроград и Лондон. На мой вопрос, какая им намечается дальнейшая программа действий, он ответил мне, что по его лич-

ному убеждению, следовало бы произвести высадку войск, дабы поставить короля Константина в надлежащие рамки, — по его выражению: «encadrer le roi». Ясно, что на этом пути он встречает противодействие со стороны Англии и, если не противодействие, то повидимому, мало сочувствия со стороны России. Настоящий вопрос будет рассматриваться завтра в здешнем совете министров.

Подп. *Извольский.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано:

«Я называю это полным вмешательством во внутренние дела Греции. Очень скользкий путь».

Царская Ставка, 9 сентября 1916 г.

CCXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 сентября 1916 г. № 548.

(Получена 20 сентября) *).

Английский посланник имеет предписание заявить греческому правительству об установлении оффициальной блокады греческих берегов Эгейского моря. Блокада эта на практике уже осуществлялась. Эллиот повременил, однако, сказанным заявлением, вследствие непризнания еще нового правительства нами. Сведения, поступающие сюда о положении в Кавалле и ее окрестностях, пока довольно сбивчивы. Тем не менее я выяснил, что часть греческих войск, решивших остаться верными королю сдалась болгарам и, по сведениям, уведены в качестве «мирных пленных» в Германию, где, повидимому, пытаются себя насколько возможно обеспечить от присоединения греческих сил к союзникам. Другая часть, успевшая сесть на суда, была вывезена, по распоряжению английского адмирала, на Тазос, с предоставлением свободного выбора либо примкнуть к восставшим частям, либо проследовать в старую Грецию. Так снова произошел раскол. Одни последовали за полковником Христодулосом и примкнули к союзникам в Солуни, меньшинство же, направленное в Воло, вернулось в Афины. Болгары, повидимому, еще не решаются занять Каваллу из опасения обстрела флота. По всем данным, в руки неприятеля попало значительное число орудий, много военного материала, съестных и всяких припасов. Наш вице-консул, переправившийся сначала на Тазос, ныне благополучно прибыл в Солунь.

Подп. *Демидов.*

CCXVIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

5/18 сентября 1916 г. № 637.

Копии в Париж и Афины.

Греческий поверенный в делах оффициально сообщил Соннино, о составлении в Афинах нового кабинета и от имени последнего просил сочувственного к нему отношения Италии. Соннино ответил, что по отношению к Греции он следует за ближе стоящими к делу державами-покровительницами Греции, и присоединяется к их выступлениям. Он обещал лишь дей-

*) Старый стиль.

ствовать насколько возможно умиротворяющим образом, но дал совет новому кабинету приложить старания идти на встречу пожеланиям союзников. На его частный вопрос, следует ли считать новый кабинет политическим или аполитическим, поверенный в делах ответил, как личное свое мнение, что пока не выяснится к нему отношение держав Согласия, кабинет является скорей аполитическим.

Подп. *Гирс.*

CCXIX

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

6/19 сентября 1916 г. № 556.

Весьма конфиденциально. Гардиндж поделился со мной весьма конфиденциально своей вчерашней беседой с принцем Андреем греческим. Он мне сказал, что беседа носила тяжелый характер, что, проявляя всяческое уважение, он считал, что лучше всего говорить совершенно откровенно. Принц прочел ему длинную телеграмму короля, который надеялся, что в силу доверия британского правительства будет ослаблена строгость мероприятий, введенных для контроля почты и телеграфа. Гардиндж ответил, что он не может обнадежить его по этому поводу. Принц спросил, разве он не имеет доверия к личности короля. Гардиндж ответил, что он жалеет о том, что имя его величества было упомянуто в данном случае, что лично он всегда был противником крайних мер именно потому, что он имел доверие, но что боится, что король в настоящее время подчиняется весьма губительным влияниям, которые сделали упомянутые меры срочными, что державы не могут терпеть, чтобы Афины превратились в постоянный центр информации для врагов. Когда принц выразил сожаление по поводу того, что он слышал, Гардиндж ему указал на некоторые факты (пропуск). Он ему сказал, что перехваты посольской почты раскрыли, что в (пропуск) недавний и критический (пропуск), германский военный атташе [1]) был принят во дворце четыре раза в течение трех дней, в то время, как никакой другой военный атташе не был там принят, что сношения с врагом велись постоянно, что беспроволочный телеграф, под контролем греческого правительства, передавал телеграммы германского военного атташе в Афинах его коллеге в Софии. Он прибавил, что во время враждебной демонстрации против посольств, в то время, когда толпа пересыпала оскорбления по адресу Англии и Франции криками: «Да здравствует король», поведение его величества не было очень дружественным. Наконец, Гардиндж указал принцу, как на факт исключительной важности, на случай сдачи врагам, с оружием, багажем и амуницией, корпуса греческой армии, сдача, которая была одобрена. Беседа закончилась без того, чтобы принц добивался большего. Гардиндж просил меня передать это сообщение, как особо конфиденциальное.

Подп. *Бенкендорф.*

---

*) Перевод французского текста.

1) Фалькенгаузен

CCXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 сентября 1916 г. № 552.

(Получена почтой из Александровска).

Доверительно. Ход следствия по делу о нападении на французскую миссию не вполне закончен, все же имеются данные наводящие на заключение, что в демонстрации участвовали критяне и беженцы. Это обстоятельство в свою очередь указывало бы на наличность провокации со стороны венизелистской партии. Весьма возможно, что какой нибудь фанатично настроенный член этой партии затеял дело, дабы вызвать десант с флота и восстание в народе.

Подп. *Демидов.*

CCXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 сентября 1916 г. № 553.

К представителям держав-покровительниц в Афинах поступают телеграммы, с постановлениями вынесенными митингами на Митилене, Хиосе, Самосе и Икарии, в пользу национальной политики Греции и военного отпора вековому врагу. Подобная же телеграмма отправлена и королю. Не подлежит сомнению, что на островах происходит сильное брожение против правительства.

Подп. *Демидов.*

CCXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

7/20 сентября 1916 г. № 668.

Копии в Лондон и Афины.

В виду все более обостряющегося положения в Афинах, считаю долгом представить нижеследующие заключения, вынесенные мною из бесед моих с Брианом и его сотрудниками, а также с различными лицами и здешними политическими деятелями. Прежде всего я должен заметить, что высказанные Заимисом подозрения, что французское правительство стремится низвергнуть короля Константина абсолютно не верно. Я несколько раз слышал от Бриана и от других ответственных лиц, что Франция, вследствие своего республиканского образа правления, должна проявлять особливую осторожность и воздерживаться от всяких посягательств на греческую династию. Король Константин, конечно, об этом осведомлен через проживающего в Париже своего брата и весьма возможно, что именно уверенность в личной безопасности поощряет его к упорству. С другой стороны, здесь считают короля бесповоротно подпавшим германскому влиянию и не верят в возможность какой либо перемены в настроении. Поэтому, когда несколько времени тому назад, Демидов высказал доверие к заявлениям короля об изменении курса его политики, это вызвало здесь недоумение. Здесь, впрочем, убеждены, что не король направляет придворную клику и генераль-

ный штаб, а что ими всецело руководит королева и близкие к ней лица, вроде Стрейта. Безусловно не доверяя королю, здесь, с другой стороны, отнюдь не склонны увлекаться личностью Венизелоса, которого упрекают в нерешительности. В этом отношении были некоторые разногласия между здешним министерством иностранных дел и Гильменом, который обвинялся в чрезмерном подчинении влиянию Венизелоса. В общем, задачи французской политики в Афинах определяются следующим образом. Активное выступление Греции, хотя и признается желательным, но ему придается второстепенное значение: главная цель союзников должна заключаться в том, чтобы оградить Салоникскую армию от всякой опасности с тыла, косвенной или прямой. Так как двор всецело подчинен германскому влиянию и на перемену его политики нельзя расчитывать, необходимо сделать в Афинах то же, что сделали германцы в Константинополе и Софии, т.-е. подчинить контролю союзников все органы управления,могущие угрожать их положению в Салониках. Начало этому положено учреждением контроля над почтой и телеграфом, но этого, очевидно, недостаточно и раз король Константин продолжает идти по пути явно враждебному союзникам, последние должны, по выражению Бриана, «поставить его в надлежащие рамки», т.-е. другими словами настоять на таком (пропуск) кабинете, который давал бы им полную гарантию. Что касается до способа выполнения этой программы, то среди французского правительства существует две тенденции: одна — в пользу скорей мягкого образа действий, за которую стоит Бриан, а другая в пользу скорей мягкого образа действий, за которую стоит Бриан, а другая— ской эскадры, каковые меры энергично рекомендуются морским министром адмиралом Лаказом. Бриан, повидимому, склоняется теперь к более радикальному образу действий и в разговоре со мною высказался за немедленную высадку. Общественное мнение тнкже требует энергичных действий и, мне кажется, что в настоящем вопросе здесь наступает критическая минута и что в самом скором времени здесь будут приняты окончательные решения. Не могу скрыть от Вас, что здесь вызывает некоторое недоумение положение, занятое в Афинах нашим посланником. Спешу оговориться, что в здешнем министерстве иностранных дел я не слышал никаких нареканий на Демидова и мне известно, что в своих сообщениях Гильмен ни разу на него не жаловался, но морской министр вполне откровенно выразил нашему морскому агенту свое неудовольствие, а в здешних газетах, несмотря на цензуру, появляются намеки на недостаток единения между представителями в Афинах. Отнюдь не входя в рассмотрение правильности взглядов Демидова по существу, не могу не высказать опасения, что здесь может создаться представление, будто между Россией и Францией существует серьезное разногласие по греческому вопросу. Мне кажется, что разрыв между Грецией и Францией, которая пользовалась до сих пор здесь особенными симпатиями, для нас безусловно вытоден. С другой стороны, Греция верно и при всяких обстоятельствах останется враждебным и чуждым нам элементом и вряд ли проявление нами в настоящее время симпатий к королю Константину способно это изменить. Было бы крайне прискорбно, если бы эти симпатии вызвали в нашей союзнице чувство неудовольствия и подали бы ей повод со своей стороны отдалиться от нас в каком либо другом, имеющем для нас существенное значение, вопросе.

Подп. *Извольский*

CCXIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

7/20 сентября 1916 г. № 669.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Великобританский посол передал здесь, вчера, сообщение, в коем высказывает, что новый греческий кабинет не отвечает требованиям, пред'явленным в ноте союзников и принятым Грецией, что по мнению лондонского кабинета союзные посланники в Афинах должны, не вступая в сношения с новым греческим министерством, сделать королю Константину соответствующиие представления, и что, если французское правительство находит возможным принять в Афинах те или другие меры, великобританское правительство готово вступить в обсуждение таковых. Бриан сделал эти сообщения французским послам в Петрограде, Лондоне и Риме для сведения, но не выступил еще ни с какими предложениями, желая, повидимому, согласно мнению, выраженному некоторыми из посланников в Афинах, выждать выяснения тенденции нового греческого кабинета.

Подп. *Извольский.*

CCXXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 сентября 1916 г. № 671.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на телеграммы Демидова 555 и 557.

Греческий посланник передал вчера, конфиденциально, Бриану упомянутое в них предложение, присовокупив, что покуда сообщение это делается лишь парижскому и лондонскому кабинетам. Греческое правительство предлагает, тотчас по окончании реорганизации и мобилизации армии, выступить на стороне союзников в срок, который будет определен в соглашении. Если к этому сроку окажется, что равновесие военных сил на Балканах не в пользу союзников, другими словами, в случае поражения Румынии, соглашение делается недействительным. Соглашение должно оставаться в строгой тайне и, если оно будет преждевременно разглашено, Греция освобождается от всяких обязательств. Со своей стороны, союзники должны обязаться во время войны оказывать Греции надлежащую военную и финансовую поддержку, а при заключении мира содействовать осуществлению греческих национальных вожделений. По первому впечатлению, Бриан был склонен пойти навстречу этому предложению и вступит на его основании в конфиденциальные переговоры с нынешним греческим кабинетом. Он телеграфировал вчера вечером в этом смысле П. Камбону, от которого, между тем, поступила телеграмма о впечатлении, произведенном греческим сообщением в Лондоне. Лорд Гардиндж высказал Л. Камбону, что, по его мнению, предложение греческого кабинета не заслуживает доверия и имеет явной целью лишь затянуть переговоры, что поэтому необходимо прежде всего потребовать от короля Константина назначения кабинета, могущего дать союзникам надлежащие гарантии и затем настоять на заключении не тайного, а явного соглашения. По обсуждении этой телеграммы сегодня утром в совете министров, Бриан предписал П. Камбону оставить вчерашнюю его телеграмму без исполнения и запросить лорда Грея, какой он предполагает наметить образ действий в ответ на греческое предложение.

Подп. *Извольский.*

CCXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 сентября 1916 г. № 565.

(Получена 20 сентября) *).

Лобачев телеграфирует за № 204.

Поднятое в Самосе и Кандии венизелистскими депутатами противоправительственное движение распространяется по острову успешно, пока (без) пролития крови. Канея присоединится в воскресенье.

Подп. *Демидов.*

CCXVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

10/ 23 сентября 1916 г. № 677.

Получил Вашу телеграмму 4063.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Сообщил ее содержание Бриану, который ответил мне нижеследующее: Греческое правительство сделало третьего дня здесь и в Лондоне, а с тех пор, вероятно по его совету, и в Петрограде, предположение, подробно изложенное в моей телеграмме № 671, о выступлении Греции на стороне союзников, обставив оное различными, совершенно неприемлимыми условиями. Вчера вечером великобританский посол сделал по этому поводу здесь сообщение, в котором лондонский кабинет предлагал потребовать от короля Константина: 1) образовать кабинет из лиц, внушающих доверие союзникам и 2) об'явить до 1-го октября нового стиля войну Болгарии. Вместе с тем, Грей предлагал заявить королю Константину, что требования союзников отнюдь не направлены против короля, а напротив того, что их исполнение явится также наилучшим способом укрепить его положение и его династию. Бриан в общем согласен с этим предложением, но он предпочитает не ставить Греции категорического требования об'явить войну Болгарии, а указав ей на фактическое состояние войны между Грецией и Болгарией, предложить ей об'явить об этом состоянии, с тем, чтобы принять участие в военных действиях на стороне союзников по реорганизации и мобилизации греческой армии. Об'явление это не подвергнет Грецию никакой опасности, ибо она весьма защищена союзниками. Если греческое правительство на это не согласится, то союзники должны потребовать от него гарантии безопасности салоникской армии, как-то: отозвание греческих войск с границы старой Греции, закрытие лит резервистов, удаление шпионов с островов и т. п. В случае отказа со стороны греческого правительства, союзники прибегнут к принудительным мерам. Что касается состава греческого кабинета, Бриан считает необходимым настаивать на удалении пока открыто враждебных союзникам членов его и лично не возражал бы против сохранения во главе его Калогеропуса.

Подп. *Извольский.*

---

*) Старый стиль.

CCXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10/23 сентября 1916 г. № 562.

Копия в Париж.

Накануне возможного принятия союзными правительствами решения по вопросу о выступлении Греции, не могу не высказать следующих соображений. Если за последнее время наблюдалось несколько менее радикальное отношение французского правительства к греческим делам, надо приписать это умеряющему действию петроградского и (пропуск) кабинетов, не пожелавших пока прибегнуть к крайним средствам, будучи в то же время солидарны, в том, что касается общей цели союзников в Греции. Безусловно присоединяясь к этому взгляду, я уверен, что образ действий Франции может и ныне повести к обратным результатам. Гильмен, между прочим, открыто заявляет о предпочтительности настоящего кабинета предшествующему, так как он развязывает руки союзникам. Формула его повидимому: чем хуже — тем лучше. Этот образ действий Франции дал повод Заимису к предположению, быть может и несоновательному, об антидинастических ее повадках. В качестве руководительницы союзнической политки в Греции Франция по всем признакам направляет, хотя бы косвенным путем, страну к расколу и восстанию. Упорство короля только поощрялось систематическим преувеличением и не вполне точным освещением событий в Греции, возбуждением европейского обещственного мнения, нападками на него, наконец произвольными действиями здесь французов, не дававших королю времени спокойно обсудить тяжелую обстановку на Балканах. Ныне я склонен допустить, что, несмотря на его раздражение, король, под влиянием тяжелой внутренней обстановки, а, главным образом, вследствие единогласного отзыва военноначальников, искренне, хотя и неохотно, решился примкнуть к союзным державам. Во всяком случае французское правительство, упрекая Венизелоса в нерешительности, тем самым признает желательность весьма опасных выступлений, способных привести к бесцельной для нас гражданской смуте и утрожать режиму. Нельзя на мой взгляд отказать королю в бесспорной прямоте, а под час даже в чрезмерной откровенности. Его величество, будучи с его точки зрения все время последовательным, неизменно предупреждал о намерении своем предоставить обеим воюющим сторонам право сводить их счеты на греческой территории, при безусловном воздержании греческих войск. Он дал слово, что Греция не связана особым соглашением с нашими врагами и ручательство, что его войска никогда не нападут на союзников. В этом отношении не было оснований ему не доверять. Постыдная сдача германцам полковника Хаджопуло состоялась, как мне достоверно известно, вопреки приказанию военного министра, переданному через посредство английского адмирала. Было дано распоряжение всем греческим войскам сесть на корабли и отступить в Воло. От неразумной политики до предательской, расстояние большое. Я полагаю, что было бы неправильно игнорировать столь влиятельный в стране фактор, каковым является до сих пор король, и, отнюдь не выпуская из виду союзнического единения, я, со своей стороны, прилагал все усилия, быть может мало успешно, к улажению отношений между королем и моими товарищами. Возвращаясь к охлаждению греческих симпатий к Франции, вызванному образом действий последней не могу присоединиться в этом вопросе к взгляду, выска-

занному нашим послом в Париже. О каком либо серьезном, более или менее длительном разрыве между Францией и Грецией,—способном к тому же нам принести пользу—едва ли может быть и речь. Настоящие недочеты, насколько мне знакомы местные условия, чисто поверхностные и временные, в данное время лишь вредят союзному делу в Греции. События, по моему, ведут не к разрыву, а, наоборот, к будущему политическому и экономическому закабалению Греции Францией. Если не считать укоренившихся подозрений к личности короля, мне думается, что во Франции весьма скоро воскреснет прежний фил-эллинизм, а в Греции, в стране востока в полном смысле этого слова, тотчас восстановятся симпатии к любимой ее покровительнице. Полагая, напротив, что в интересах России, в качестве возможной соседки Греции и будущей участницы в Средиземно-морских делах, обеспечить себе здесь полезную опору и, учитывая важность наших будущих интересов в Греции и пользуясь к тому же греко-сербским союзом, как естественным соединительным звеном, стремиться к полюбовному разрешению предстоящих жизненных задач на востоке.

Подп. *Демидов.*

CCXXVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

11/24 сентября 1916 г. № 680.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова 562.

Копии в Лондон и Афины.

По поводу изложенных в ней соображений считаю долгом высказать следующее: Спор о том, насколько окажется длительным охлаждение французских симпатий к Греции разрешится в более или менее продолжительном будущем, покуда же мне кажется несомненно, для нас выгодным, что при предстоящем разрешении балканских вопросов устраняется поддержка со стороны Франции неудобных для нас греческих вожделений. С другой стороны, опыт показал, сколь мало благодарны балканские нации за оказываемое им Россией благодеяния, и вряд ли разумно строить какие либо политические расчеты на выступлениях в пользу короля Константина. Замечание мое, что здесь обвиняют Венизелоса в непоследовательности и нерешительности неправильно понято Демидовым; обвинение это касается прошлой деятельности Венизелоса, в качестве главы правительства, и вовсе не указывает на желание французского правительства вызвать смуту и угрожать режиму в Греции. Затем могу лишь еще раз подтвердить, что в виду высказываемой Демидовым уверенности в прямоте и беспристрастности короля Константина, здесь считают его политику не только не разумной, но и безусловно предательской и враждебной по отношению к союзникам. Первый акт предательства здесь видят в отказе выполнить условия договора с Сербией, далее указывают на то, что Греция обязалась соблюдать не абсолютный, а благосклонный по отношению к союзникам нейтралитет, между тем, целый ряд неоспоримых фактов, начиная со сдачи форта Рупель, свидетельствует о явном потворстве неприятелю со стороны как правительства, так и короля Константина, открыто высказавшего пожелание видеть союзников опрокинутыми в море. Сдача генерала Хаджопуло, произошла может быть вопреки инструкции военного министра, но во всяком случае в полном согласии с

придворной кликой. Как бы то ни было здесь считают, что король Константин всецело подпал влиянию королевы и окружающих ее лиц, а следовательно, и императора Вильгельма, и не имеют к нему ни малейшего доверия. Из телеграммы Бенкендорфа видно, что ныне столь же мало доверия ему оказывают и в Лондоне, о чем, по имеющимся здесь сведениям, лорд Грей прямо заявил королевичу Андрею и в настоящем фазисе требование энергичных мер (исходит) скорее от Англии, нежели от Франции.

Подп. *Извольский.*

CCXXIX

Секретная телеграмма посла в Париже.

13/26 сентября 1916 г. № 681.

Получил Вашу телеграмму № 4111.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Тотчас сообщил ее содержание Бриану. Сегодня же утром великобританский посол передал Бриану сообщение, в коем высказывается, что по мнению лондонского кабинета, программа, выработанная французским правительством, открывает дверь дальнейшим пререканиям, и что поэтому лорд Грей настаивает на своем предложении пред'явить королю Константину требования: 1) немедленно об'явить войну Болгарии и 2) образование министерства из лиц, внушающих доверие союзникам.

Подп. *Извольский.*

CCXXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 сентября 1916 г. № 568.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

От'езд Венизелоса не является еще началом восстания, ибо он предполагает сделать последнюю попытку об'единить Грецию в борьбе с исконным врагом и обратиться с Крита к эллинскому народу с патриотическим воззванием и призывом к национальной политике. Он выразит готовность всеми силами поддержать правительство, если оно пойдет по этому пути. Если же правительство в самое ближайшее время не согласится на активное выступление он прибегнет к революционным средствам. После Крита, Венизелос посетит Митилену, Хиос и, вероятно, направится в Солунь. Его сопровождают адмирал Кундуриотис, присутствие коего придает большой вес либеральному движению, а также видные члены партии и многие офицеры. Во всех почти гарнизонах наблюдается брожение. Среди офицерства усиливаются стремления в пользу присоединения к восставшим в Солуни. Движение постепенно ведет к фактическому участию в военных действиях против болгар лучших элементов, помимо (пропуск) Греции. Опасаясь, как бы события не послужили новой причиной к упорству короля, полагал бы крайне своевременным тотчас приступить к совместному решительному шагу, либо перед правительством, либо перед самим королем, и, указав на угрожающее положение страны, потребовать, в его же интересах, немедленного об'явления состоянии войны с Болгарией.

Подп. *Демидов.*

CCXXXI

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

13/26 сентября 1916 г. № 572.

Лично.

Я вполне согласен с Вами по вопросу о неудобстве требовать от короля Греции частичного изменения кабинета. Вступать на путь указывания монарху руководителей разных ведомств, мне представляется столь же странным, сколь и неправильным. Это не помешало, однако, тому, что, державам уже заявили о том, что нынешний кабинет не пользовался их доверием—что является уже совершенно другим и вполне оправдывается обстоятельствами. Мне кажется, что было бы проще и логичнее придерживаться уже формулированного взгляда о том, что новый кабинет необходим. Задача короля при этом была бы даже проще. Если бы его величество призвал Займиса к власти, положение прояснилось бы, как с точки зрения союзных держав, так и для него самого, принимая во внимание наличность местной оппозиции, которая становится, в самом деле, опасной с тех пор, как Венизелос стал открыто руководить ею. Задуманная Брианом мысль о постановке альтернативы не кажется мне удачной в том смысле, что лишь затянет колебания, с тем конечным результатом, что король в скором времени будет вынужден выступить по прямому приказу держав и в форме гораздо более задевающей его достоинство, чем по первой мысли Грея — заставить его признать состояние войны, которое в действительности уже существует.

Подп. *Бенкендорф.*

CCXXXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

14/27 сентября 1916 г. № 683.

После вчерашнего сообщения великобританского посла, французское правительство решило отказаться от своей программы и приняло предложение лорда Грея о пред'явлении королю Константину требования: 1) немедленно об'явить войну Болгарии и 2) составить новый кабинет из лиц, внушающих доверие союзникам. Бриан телеграфировал это согласие Полю Камбону, который сообщает, что великобританскому послу в Петрограде предписано сговориться со своим французским товарищем и предложить Вам, от имени парижского и лондонского кабинетов, проект декларации, имеющей быть пред'явленной лишь королю Константину, так как союзники не находятся в сношениях с нынешним кабинетом. Если итальянское правительство не согласится присоединиться к этой декларации, посланники России, Франции и Англии должны передать это заявление, втроем, в качестве представителей трех держав-покровительниц.

Подп. *Извольский.*

---

*) Перевод французского текста

CCXXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 сентября 1916 г. № 571.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Если король и правительство не примут в самом ближайшем времени решения об'явить войну Болгарии, надо предвидеть постепенное отпадение от оффициальной Греции не только лучших войск и морских элементов, но и государственных служащих. Воззвание, подписанное Венизелосом и Кундуриотисом, еще дает возможность королю взять в свои руки национальное движение. Но время не терпит. Крит всецело во власти временного правительства. Сегодня, 15-го, ожидается переворот на Хиосе. Всюду на островах вербуются войска, имеющие примкнуть к союзникам. Многие офицеры выезжают из старой Греции в Солунь. Вследствие колебаний короля, я позволил себе передать его величеству через третье лицо последнее предупреждение и самый искренний призыв к действиям.

Подп. *Демидов.*

CCXXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 сентября 1916 г. № 573.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Генерал Саррайль сейчас сообщает что он считает, безусловно нежелательным в настоящем фазисе содействия греческой армии, деморализованной и мало расположенной к военному выступлению, руководимой к тому же германофильским штабом, от которого можно ожидать скрытого сопротивления, чтобы не сказать предательства. Он решительно предпочитает принимать в ряды союзных войск греческих добровольцев, постепенно прибывающих в Солунь, воодушевленных патриотическим под'емом и посылаемых им на фронт по надлежащем обучении. Вследствие веских соображений, высказанных главнокомандующим восточной армией, французский посланник возбуждает вопрос о целесообразности намеченного союзными правительствами шага перед королем Константином, с требованием об'явления войны Болгарии. У Гильмена к тому же имеются сведения, что его величество, крайне неохотно идущий на войну, высказал намерение выступить не иначе, как под принуждением союзных правительств, пользуясь якобы этим извинением перед Германией; при этом мобилизация, сделанная под открытым иностранным давлением протечет вяло и неуспешно. По мнению Гильмена, предположенное выступление способно при таких условиях подорвать без особой для нас пользы предпринятое Венизелосом дело оздоровления Греции, не говоря уже о необычайности подобного шага перед королем четырех посланников, который не отвечал бы строго конституционному началу, оберегаемому державами, и противоречил бы повторным их заявлениям, что они не добиваются выхода Греции из нейтралитета. По мнению французского посланника, надлежало бы воздержаться от такого выступления и предоставить событиям в Греции следовать их естественному развитию. Лучшие силы страны будут продолжать стекаться в Солунь, ко-

ролю же останется, в конце концов, добровольно подчиниться действительности. За последние дни наблюдается в самом деле ряд новых отпадений. Греческий отряд стоящий в Катерини перешел, с полковником Параскевопулю во главе, на сторону союзников, к коим примкнули также несколько новых единиц греческого флота. Командир «Аверова» подвергнут аресту. Генерал Маскопуло получил отпуск и собирается, как говорят, в Салоники. Жители Митилены постановили присоединиться к Венизелосу. В состав образовавшегося на Крите временного правительства вошел, в качестве третьего члена, известный генерал Данглис. Наконец, сам генеральный директор, Политис, и многие государственные служащие не скрывают своего намерения переехать в Салоники, коль скоро король не решается на единственный исход. Не скрою, что намечаемый Гильменом образ действий поставил бы короля в безвыходное положение и, вероятно, отдаст Грецию через некоторое время в полную власть Венизелоса.

Подп. *Демидов.*

CCXXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

18сентября/1 октября 1916 г. № 580.

Срочная.

Копии в Париж Лондон и Рим.

Вследствие безусловно отрицательного отношения генерала Саррайля, в связи с новой обстановкой в Греции, к содействию греческой армии, а также по некоторым причинам, изложенным в упомянутой моей телеграмме, я склонен ныне присоединиться к мнению всех моих союзных коллег, телеграфирующих о том своим правительствам конфиденциально, что намеченное выступление несвоевременно и нежелательно. Итальянский посланник, равным образом примкнувший к этому взгляду, сообщает в Рим, что, по его сведениям, у короля наблюдается поворот в сторону нейтральности, под влиянием германцев, распространяющих слухи о предстоящем разгроме Румынии и скором прибытии на Македонский фронт—нескольких германских дивизий. Граф Боздари [1]) при таких обстоятельствах полагает, что выступление перед королем, с заявлением о необходимости об'явить войну Болгарии, обречено на неуспех, не скрывая, однако, что по его мнению, разделяемому и мною, воздержание наше почти равносильно поощрению греческого революционного движения.

Подп. *Демидов.*

CCXXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

18 сентября/1 октября 1916 г. № 581.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Упорное молчание держав и длительное непризнание ими настоящего греческого правительства ставит нас в тем более неудовлетворительное положение, что союзные кабинеты поддерживают сношения с греческим представителями в столицах. Надлежало бы на мой взгляд положить конец этой нежелательной обстановке и заявить о признании министерства Калогеро-

[1]) Итальянский посланник в Афинах.

пуло с тем, чтобы наименее надежные его члены были удалены по нашему указанию. По моим сведениям здесь готовы были бы на это пойти. В союзных столицах должно было бы ограничиться заявлением греческим представителям, в ответ на последние греческие предложения, в точности мне неизвестные, что таковые считаются неприемлемыми.

Подп. *Демидов.*

CCXXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 сентября/2 октября 1916 г. № 587.

Копия в Париж.

По всей Греции наблюдается возобновление деятельности союзов резервистов. Были беспорядки в Патрасе, Навплии и других местностях. По некоторым сведениям, германская миссия снова получает крупные средства, расточаемые, главным образом, среди резервистов, которые под видом лояльности монарху и шумливой защиты родины, прикрывают нехотение воевать. В общем большинство населения старой Греции противится войне, будучи утомлено и истощено двумя балканскими войнами и беспримерно долгой мобилизацией. После первой вспышки энтузиазма, среди офицерства настает в сущности некоторое охлаждение к предприятию Венизелоса. Во флоте приняты строгие меры репрессии, желающие выехать задерживаются. Все же многие офицеры, собиравшиеся примкнуть к движению, пока выжидают вновь предвещенного им в ближайшие дни решения короля. Перед державами же развертывается правительственная комедия выступления.

Подп. *Демидов.*

CCXXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 сентября/2 октября 1916 г. № 588.

(Получена 24 сентября) *).

Союзные миссии препроводили, 19 сентября, в министерство иностранных дел письмо французского адмирала, адресованное греческому правительству, в котором французский командующий морскими силами в Средиземном море, требует, в силу полученных им предписаний, высылки из пределов Греции или выдачи ему не позже полудня, 6 октября нового стиля, германских агентов, не отправленных, вследствие их неявки, с партией барона Шенка. В случае неисполнения требований, адмирал грозил принятием собственных мер.

Подп. *Демидов.*

CCXXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

21 сентября/4 октября 1916 г. № 591.

Копии в Пайриж, Лондон и Рим.

Французский посланник заявил нам, в присутствии адмирала Дю-Фурнэ, о необходимости настоять на строгом применении принятых кабинетом Займиса обязательств, к осуществлению коих нынешнее правительство не при-

*) Старый стиль.

лагает никаких гарантий. Гильмен указывал на то, что, согласно обещаниям Заимиса, в свое время выраженным им в правительственном сообщении, всякие публичные собрания и проявления деятельности, грозящие общественному порядку, будут надлежащим образом преследуемы. Между тем, резервисты, или точнее поддонки городского населения, оплачиваемые якобы Гунарисом и германцами, продолжают агитацию и покушения под видом преданности королю. По свидетельству прибывшего на заседание начальника полиции Зимбракакиса, смещение полицейских чинов, на основании ноты 8 июня, состоялось лишь частично, а виновники покушения на французскую миссию еще не наказаны. Греческие агенты, причастные к немецкой пропаганде, остались на местах. Так как французскому адмиралу поручено блюсти за исполнением этих обязательств, и в виду того, что мы не находимся в сношениях с нынешним кабинетом, Гильмен предложил, чтобы союзные миссии препроводили в греческое министерство новое письмо, по примеру первого (телеграмма № 588)—от имени адмирала, греческому правительству, с требованием срочных принятий мер против всякого нарушения общественного порядка. В случае же возобновления резервистами насильственных действий, он будет распоряжаться по своему усмотрению. Французский посланник раз'яснил, что последнее означает установление контроля над афинской полицией и высадку приблизительно 300 матросов, в подмогу греческой полиции. В виду особой важности мероприятия, способного вовлечь нас в крупные события, английский посланник и я, сослались на необходимость получения инструкций от наших правительств. Итальянский посланник категорически потребовал приобщения к десанту итальянских матросов с «Либии». Вопрос будет нами снова обсуждаться сегодня, 21 сентября, на экстренном заседании. Доверительно. В основе дела лежит, главным образом, сообщение генерала Саррайля, жалующегося на полное отсутствие у него резервов, вследствие громадного, как передают, числа лихорадочных болезней. Резервисты же всячески препятствуют вербовке греческих добровольцев. Высадка имела бы, повидимому, целью способствовать здешнему дезертирству. Венизелос, от'езд коего состоялся под покровительством Франции и под защитой французских военных судов, обещает вскоре предоставить в распоряжение Саррайля 50.000 добровольцев с островов. Должен сказать, что адмирал Дю-Фурнэ высказывает большую умеренность и предусмотрительность, нежели французский посланник, а тем паче фрацузский морской агент, деятельность которого он чуть не открыто порицает. Тем временем, король совещается с разными лицами, между прочим, с Скулудисом и Димитрокопуло, быть может, в видах составления нового кабинета. Признаков его намерения выступить пока не наблюдается.

Подп. *Демидов.*

CCXL

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 сентября/5 октября 1916 г. № 593.

Срочно.

Копия в Париж, Лондон и Рим.

На сегоднешнем заседании нами решено было отправить французскому адмиралу письмо за подписью 4-х посланников, с указанием на невыполнение греческим правительством обязательств: 1)Замещения по соглашению с дер-

жавами некоторых чинов полиции (нота 8 июня, пункт 4), и 2) Розыск и наказание виновных в покушении на французскую миссию, а равно немедленного закрытия помещения союзов резервистов (мой № 523), деятельность коих за последнее время проявлялась с новой силой. На основании сего, от адмирала скоро поступит письмо греческому правительству ультимативного свойства, которое французский посланник предполагает препроводить, от имени 4-х миссий, в греческое министерство. В виду намеченных крайних последствий, в случае неисправного осуществления требований, мои сотоварищи и я, подписавшие письмо на имя французского адмирала, дабы не отделяться от наших коллег, все же просили назначение возможно долгого срока, в видах получения от наших правительств спешных указаний. В ожидании инструкций вашего высокопревосходительства, считаю долгом предупредить, что французское правительство решилось, повидимому, на радикальный образ действий и что передача помянутого письма может привести к весьма серьезному положению, на пути решительного поощрения национальному движению в Греции и отдалении от короля, который, к сожалению, не видит раскрывшейся перед ним пропасти. При создавшихся условиях не усматриваю иного исхода, как следовать за нашей союзницей, ставшей руководительницей событий в Греции.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственной Николая II рукою написано:

«Надо постараться умерить пыл французского правительства, вдохновляемого ген. Саррайль и французским посланником в Афинах».

Царская Ставка, 26 сентября 1916 г.

CCXLI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 сентября/5 октября 1916 г. № 594.
(Получена 27 сентября).

Под председательством короля, состоялся, 21 сентября, совет министров, на котором все члены кабинета, кроме министра внутренних дел, высказались в пользу немедленного об'явления войны Болгарии. Так как король с мнением этим, повидимому, не согласился, кабинет подал в отставку, принятую королем. Опубликованное правительственное сообщение гласит, что уход кабинета вызван его неудачей войти в соприкосновение с представителями Согласия в Афинах и создавшимся, таким образом, положением, препятствующим развитию национальных вопросов. Говорят о составлении нового кабинета.

Подп. *Демидов.*

CCXLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 сентября/5 октября 1916 г. № 595.
(Получена 28 сентября).**).

Копия в Рим.

Итальянские войска высадились на-днях в Санти-Кваранта и продвинулись в Аргироскастро и Дельвино, постепенно направляясь в Корицу. Они займут, повидимому, мало по малу весь северный Эпир. Со стороны греков

*) Старый стиль.
** Старый стиль.

не оказано сопротивления. Греческое правительство запросило итальянскую миссию о причинах оккупации. Ответ, вероятно, последует такой же, как в отношении Тепелени (см. мой № 500). Доверительно. едва ли подлежит сомнению, что римский кабинет, пользуясь союзом и уверенностью в греческой пассивности, займет всю область северного Эпира, под предлогом стратегических нужд и чтобы прекратить контрабанду, ссылаясь на австрийские там козни. Граф Боздари не скрыл от меня, что так как Франция забирает Грецию в свои руки, Италии надлежит заручиться собственным залогом в стране.

Подп. *Демидов.*

CCXLIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

23 сентября/6 октября 1916 г. № 684.

Копия в Париж.

Инцидент между Саррайлем и начальником итальянской дивизии в Салониках улажен. Из последовавших между обеими сторонами об'яснений выяснилось, что он был сильно раздут итальянской главной квартирой, вне намерений начальника дивизии.

Подп. *Гирс.*

CCXLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 сентября/6 октября 1916 г. № 596.

Срочно. № 1.

На основании предписаний французского морского министра, адмирал Дартиж только что препроводил к французскому посланнику письмо, передаваемое за № 2, с просьбой обсуждений с союзными посланниками новых незатронутых еще вопросов. Судя по их содержанию и общему тону, без высадки, в принципе уже вероятно решенной в Париже, нам здесь не обойтись. Мне было бы крайне ценно получить точные предначертания В. В., в связи с развивающимися требованиями французского правительства. У некоторых моих коллег имеются сведения, впрочем еще не проверенные, о приготовлениях к выезду короля со двором и приближенными в Ларисссу. Принятие нашими союзниками намечаемых коренных мер может способствовать ускорению решения короля, в предвидении коего желательно было бы выяснить отношение к эвентуальному положению.

Подп. *Демидов.*

CCXLV

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

23 сентября*6 октября 1916 г. № 596.

№ 2. Срочно.

Мною только что получен от морского министра приказ договориться с союзническими посланниками: 1) по вопросу об отозвании обратно на греческие военные суда, как бы мало их ни было на берегу морских и об

*) Перевод французского текста.

удалении сухопутных офицеров, которые проявили враждебные чувства по отношению к Антанте; 2) по вопросу о контроле над Пиреем, и над портами, которые могли бы угрожать безопасности нашего флота и нашей армии, над полицией и над железными дорогами. Прошу Вас уведомить об этом союзных посланников и сообщить мне, когда бы мы могли собраться для обсуждения этих не терпящих отлогательства вопросов. Примите уверения и т. д. Подп. Д,Артиж Дю-Фурнее.

Подп. *Демидов.*

CCXLVI

Секретная телеграмма посла в Риме.

24 сентября/7 октября 1916 г. № 685.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Полагаю, что требования итальянского посланника о непременном участии итальянского отряда на ряду с французским, в случае высадки в Пирее, основано на предписании из Рима. Оно внушено не только опасением предоставить одной Франции хозяйничать в Греции, но и желанием во время переговоров касательно Малой Азии не упустить случая подчеркнуть равноправность Италии со всеми союзниками. Неудобство для французов иметь с собой при высадке только итальянцев могло бы быть устранено на мой взгляд участием в ней англичан и, если возможно, и наших матросов.

Подп. *Гирс.*

На подлинном собственной Николая II рукою написано:

«Я безусловно против какого бы то ни было участия наших моряков в Греции. К морскому министру».

Царская Ставка, 2 октября 1916 г.

CCXLVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

24 сентября/7 октября 1916 г. № 604.

Итальянский посланник сообщил устно директору политических дел, что оккупация итальянцев в северном Эпире имеет исключительно целью обеспечить границу от банд и австро-болгарского шпионажа. Римский кабинет считает, что последние меры отнюдь не нарушают международного статуса области и нисколько не изменяют повторного по сему предмету обмена заявлений между консультой и афинским кабинетом.

Подп. *Демидов.*

CCXLVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

24 сентября/7 октября 1916 г. № 602.

Копии в Париж и Лондон.

Великобританский посланник мне сообщил, что его правительство считает недопустимым предоставить слишком широкую свободу действий французскому адмиралу, командующему эскадрой у Саламина.

Подп. *Демидов.*

CCXLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

24 сентября/7 октября 1916 г. № 603.

(Получена 8 октября) *).

На Самосе состоялся переворот, под предводительством известного местного деятеля Софулиса. Остров примкнул к национальной обороне. Не пожелавшим присоединиться, предложено покинуть местность.

Подп. *Демидов.*

CCL

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 сентября/8 октября 1916 г. № 608.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Обсудив в частной беседе с генеральным директором положение в Греции, неопределенность коего, на мой взгляд, вредна во всех отношениях, я пришел к заключению о необходимости пролить на него свет. В этих видах мною предложено моим трем союзным товарищам отправить нашим правительствам тождественную, вполне нами согласованную, телеграмму, следующего содержания: «Хотя король, по всем признакам, решил не объявлять войны Болгарии, нам он это, однако, открыто не высказал, а между тем, кажущиеся его колебания весьма невыгодно отражаются на наших интересах, ибо многие гражданские и военные чины в Греции выжидают только решения короля, прежде чем самим принять решение. К тому же король, повидимому, оправдывает свое отрицательное отношение к выходу из нейтралитета, вопреки мнению, высказываемому большинством его советников, тем обстоятельством, что державы не ответили на его предложение союза. При таких условиях, дабы отнять у короля этот предлог и тем выяснить положение, союзные посланники в Афинах предлагают, чтобы английское и французское правительства ответили греческим представителям о неприемлемости предложений, сделанных от имени его величества. Во избежание вида какого бы то ни было давления на Грецию—каковым король не приминул бы тотчас воспользоваться—оффициально ответ должен бы ограничиться сказанным заявлением; однако, лично и чисто оффициозно можно было бы прибавить, что, если Греция находит выход из нейтралитета соот-

*) Старый стиль.

ветствующим своим интересам, союзные державы с сочувствием примут ее решение и предоставят ей нужную поддержку, под непременным, однако, условием, чтобы об'явление войны Болгарии состоялось немедленно». Я полагаю, что этим шагом мы не только очистим атмосферу, но и развяжем союзникам руки для дальнейшего образа действий, причем я даже считал бы вполне оправдываемым и целесообразным предание гласности этого обмена заявлений между союзными кабинетами и афинским.

Подп. *Демидов.*

CCLI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

26 сентября/9 октября 1916 г. № 612.

Министерский кризис подходит к развязке. После отказа нескольких лиц, королю удалось получить согласие Ламброса, профессора афинского университета, составить кабинет, в который войдут три других профессора. Новое правительство будет чисто деловое, тем как бы указывая на решение короля оставаться в нейтралитете. По отзывам, Ламброс—человек снискивающий расположение дворцовых кругов.

Подп. *Демидов.*

CCLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 сентября/10 октября 1916 г. № 615.

Новый кабинет составлен за исключением двух министров,—земледелия и юстиции. 27 сентября состоится присяга королю. Председатель совета министров Ламброс—довольно известен своими историческими трудами. Венизелистская печать уже клеймит его германофилом. Остальные министры—люди совсем неизвестные. Министром иностранных дел назначен Залокоста, бывший посланник в Софии. В общем кабинет носит характер чисто делового и обречен на короткое существование. Его деятельность, вероятно, ограничится посильным исполнением треобванием французского адмирала. Король назначением такого бесцветного кабинета в подобную минуту явно пытается выиграть время в ожидании событий.

Подп. *Демидов.*

CCLIII

Секретная телеграмм посла в Лондоне *).

27 сентября/10 октября 1916 г. № 603.

Копии в Париж, Рим и Афины.

Гардиндж мне сказал, что лондонский кабинет одобряет десант в 300 человек, в том случае, если завтра, 11-го октября, на письмо адмирала д'Артиж не будет получено вполне удовлетворительного ответа. Грей одобряет также надзор на железных дорогах для предупреждения воинского транспорта в Лариссу. Гардиндж мне сказал, что в виду сведений, о которых говорит телеграмма Демидова № 601, он находит, что посланникам

---

*) Перевод французского текста.

Франции и Англии следовало бы просить аудиенции у короля, для того, чтобы обратить внимание его величества на столь тревожные слухи. Я должен отметить, что английское общественное мнение гораздо (более) встревожено положением в Греции, чем французское.

Подп. *Бенкендорф.*

CCLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 сентября/11 октября 1916 г. № 616.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Адмирал Дартиж препроводил нам сегодня, 27 сентября, вечером, ноту греческому правительству с нижеследующими требованиями, срок коих истекает завтра, 28 сентября, в час дня. Вследствие необычайных размеров требований, посланники не решились взять на себя передачу этого документа, который был тотчас отправлен в греческое министерство без препроводительного от имени союзных миссий. Пространная нота адмирала вкратце говорит, что некоторые, принятые греческим правительством, меры не дружественного к Согласию характера, как перемены в составе морского штаба и команды, а равно сосредоточения в Фессалии войск и артиллерии, считаются французским правительством угрожающими безопасности союзной эскадры и восточной армии. Одовременно липи резервистов вооружаются в провинции и поддерживают агитацию, направленную против держав Согласия. В виду сего приняты следующие решения: 1) Секвестровать суда греческого флота (следует список 31 судна малого типа, миноносцев, буксиров и двух подводных лодок). Офицерам и командам предоставляется право, по желанию, оставаться на своих судах. Адмирал обязуется держать суда на своей стоянке до заключения по сему вопросу соглашения между французским и греческим правительствами. Крупные единицы—«Килькис», «Лемнос» и «Аверов» останутся на местах. Им надлежит снять замки орудий и сдать мины и снаряды, а равно довести штабы и команды до одной трети их нормального состава. 2) Занять остров Липсо, батареи коего угрожают рейду и путям к нему. 3) Потребовать разрушения батарей острова Саламина и некоторых других соседних пунктов. Адмирал полагает, помимо сего, нужным обеспечить безопасность Пирея, снятием замков с орудий всех береговых батарей, кроме двух, которые он намерен занять. Назначенные им офицеры будут иметь контроль над Пирейским портом. Наконец, безопасность восточной армии требует, чтобы союзные офицеры здесь, по его указанию, могли производить надлежащий контроль над полицией и обслуживанием железных дорог. В заключение адмирал просит греческое правительство отдать соответствующие распоряжения и указания тем представителям власти, с коими назначенные им офицеры контроля имеют войти в сношения для приведения вышеозначенных требований в исполнение. Копия вализой.

Подп. *Демидов.*

CCLV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 сентября/11 октября 1916 г. № 619.

В ответной ноте адмиралу, переданной вчера, 28 сентября, утром, великобританскому посланнику, как нашему декану, греческое правительство, соглашаясь на требования ультиматума, заявляет, что упомянутые в последнем военные и морские меры, принятые греческими властями, отнюдь не являлись недружественными в отношении держав Согласия. Перемещения в составе флота вызваны были соображениями дисциплины. Сосредоточение же войск и материала в Фессалии было необходимо для содержания армии, покинувшей Македонию. Об'яснения по сему поводу были раньше даны начальником штаба французскому военному агенту, который казался ими удовлетворенным. Меры в отношении лиг резервистов уже были приняты греческим правительством, как явствует из ноты греческого правительства, в ответ на письмо адмирала от 22 сентября (моя телеграмма 597). Греческое правительство принуждено склониться, однако не без протеста, перед решениями адмирала и проявлением превосходящей силы. Оно ограничивается следующими замечаниями: 1) выгрузка частей материала и амуниции с крупных судов начнется немедленно, но потребует для полного осуществления некоторого времени, тем более, что команды (пропуск) этих судов должны быть доведены до трети их состава и 2) греческое правительство даст приказание начальнику порта и директору департамента железных дорог в министерстве путей сообщения, войти в сношения с офицерами контроля, назначенными адмиралом, по вопросам о Пирейском порте и греческих железных дорогах. Копия с французской вализой.

Подп. *Демидов.*

CCLVI

Секретная телеграмма посланника в Риме.

28 сентября/11 октября 1916 г. № 687.

Копии в Париж и Лондон.

На первоначальные настояния французского посла, поддержанные мною, о посылке еще одной итальянской дивизии в Салоники, последовало уже решение послать всего одну бригаду, которая уже собрана и уйдет на этих днях. За сим Бриан предписал французскому послу требовать посылки не одной, а двух дивизий в Салоники. Баррер ответил, что находит возможным пред'явить такое требование, лишь если оно будет одновременно пред'явлено здесь русским и английским послами, и что он воздержится от каких либо шагов по этому поводу до получения повторных указаний. С тех пор он их еще не получил. Но вчера французский военный агент, по приказанию Жоффра, настаивал перед Кадорна на посылке 2-х дивизий. Кадорна ответил ему категорическим отказом.

Подп. *Гирс.*

CCLVII

Секретная телеграмма посла в Риме.

28 сентября/11 октября 1916 г. № 690.

Копии в Париж и Лондон.

Не подлежит сомнению, что Италия не должна была занимать часть северного Эпира, без предварительного соглашения с союзниками, и что вообще она, как союзница, далеко не всегда корректна, и не может внушать доверия; тем не менее, я не считал бы желательным входить с ней сейчас в об'яснения по поводу занятых ею пунктов. Она, несомненно, ответит нам, что мера эта исключительно временная, вызванная военными обстоятельствами, а вместе с тем, со свойственной ей подозрительностью, она усмотрит в нашем запросе новое указание на желание Франции захватить Корфу и опасения последней приближения итальянских войск к этому острову. Я полагал бы, что при настоящих обстоятельствах, мы могли бы временно ограничиться принятием к сведению заявлений, данных итальянским посланником греческому директору политических дел.

Подп. *Гирс.*

CCLVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 сентября/6 октября 1916 г. № 597.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вчера, 22, к нам поступило письмо французского адмирала греческому правительству с требованием выполнения обязательств, поименованных в нашем письме адмиралу, и назначением срока, 11 октября нового стиля, в полдень, для их осуществления. После долгих колебаний, великобританский посланник согласился парафировать препроводительную от имени 4-х миссий. Со своей стороны, я не считал возможным отделиться. Эллиот заявил в состоянии крайнего возбуждения, что он не находит возможным во всем слепо следовать за французским адмиралом. Гильмен возразил, что назначенный адмиралом 5-ти дневный срок представляется достаточным для выяснения взгляда лондонского кабинета на размер намеченной санкции. Итальянский посланник на все соглашается, под непременным условием, чтобы, в случае высадки, участвовал итальянский отряд, наряду с французским. Мне кажется, надлежало бы, во избежании здесь разногласий, заранее точно установить в союзных столицах «модус процедендли» в отношении Греции, строго разграничить функции французского адмирала и снабдить нас согласованными инструкциями. Этот способ действия тем более нужен, что предвидится ряд новых требований.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственной Николая II рукой написано:
«Нельзя ли умерить пыл французов».
Царская Ставка, 28 сентября 1916 г.

CCLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 сентября/11 октября 1916 г. № 599.

(Получена 3 октября) *).

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Доверительно. В числе вопросов поставленных французским правительством на очередь намечено требование удалить офицеров греческого флота враждебных союзникам, заменивших без согласия английский морской миссии прежних расположенных нам лиц. По этому поводу адмирал Пальмер, начальник английской морской миссии, поведал мне с разрешением использования его слов, что новые командиры военных судев, по его мнению, отнюдь не представляют угрозы безопасности союзной эскадры (пропуск) смещение некоторых офицеров флота состоялась вследствие их намерения увлечь суда и команду на сторону Венизелоса. Считаемые французским агентом враждебными Согласию офицеры, являются ничем иным, как лицами, желающими оставаться верными присяге. Адмирал полагает, что новая их замена способна лишь нанести тяжелый удар дисциплине и что греческие военные суда с офицерами и командой различных воззрений по внутренней политике послужат с пользой делу союзников. Совершенно иначе обстоит, на мой взгляд, дело с резервистами, которые числом свыше 6.000, подкупленные нашими врагами, бесчинствами своими наводят страх в городе и роспуск коих должен бы быть безусловно необходимым требованием. К сожалению, формулировку требований по сему вопросу, пред'явленному нами в свое время кабинету Заимиса, следует считать не удовлетворительной, так как ответ ограничивался закрытием помещения «лиг».

Подп. *Демидов.*

CCLX

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париме Сообщается в Лондон.

1/14 октября 1916 г. № 4386.

Сообщается в Лондон.

С самого начала греческого кризиса мы держались той точки зрения, что он заключает в себе две близко соприкасающиеся, но в сущности строго раздельные области,—политическую и военную. Не входя в оценку военного положения и не возражая против мер, чисто военного характера, применяемых высшим военным союзным командованием, в целях обеспечения безопасности действующих в пределах Греции сухопутных и морских сил, мы тем не менее относимся отрицательно к такой постановке вопроса, при которой происходит смешение военных и политических задач, и военноначальники превращаются в политических агентов. Не считая возможным следовать по этому пути, я опасаюсь, что наступит такой момент, когда мы можем быть поставлены в затруднение поддерживать на этой почве единство действий с союзниками, которое до сих пор нами строго соблюдалось.

Особенное внимание обращает на себя деятельность генерала Сарайля, который, выйдя из своей роли главнокомандующего, слишком увле-

*) Старый стиль.

кается политическими вопросами и, повидимому, в ущерб своим прямым обязанностям, по осуществлению возложенных на него чрезвычайно важных военных задач. Его бросающийся в глаза выезд навстречу Венизелосу и приветствия последнему могут внушить мысль, что он поддерживает это движение, имеющее антидинастический характер. Все это весьма осложняет положение и затрудняет умеряющую деятельность нашей и английской дипломатии в Афинах, направленную к установлению приемлемого для союзных держав соглашения с королем и его правительством,—к чему, повидимому, согласно последним сведениям, начинает склоняться также и французский кабинет.

Я сегодня переговорил об этом с великобританским послом, который вполне сочувственно отнесся к высказанным мною взглядам и обещал передать их в Лондон. Благоволите в дружественной и доверительной форме об'яснится по этому вопросу с министром иностранных дел, прося его выяснить, какие соответственно инструкции преподаны генералу Саррайлю относительно пределов его деятельности и о последующем телеграфировать.

Подп. *Штюрмер.*

CCLXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

14/1 октября 1916 г. № 629.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Дополнительной нотой от 29 сентября французский адмирал указывает греческому правительству на упущение последним в своем ответе на ноту, от 27-го, вопроса о полицейском контроле. Приписывая помянутое упущение недоразумению, адмирал считает долгом об'яснить, что его требование контроля над полицией, относится к общей полиции, а не только к полиции железных дорог, как то было неправильно истолковано, и просит, чтобы греческое правительство назначило те власти, при которых должны состоять офицеры, имеющие производить вышеизложенный контроль.

Подп. *Демидов.*

CCLXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

2/15 октября 1916 г. № 734.

Весьма доверительно.

Вопрос о признании правительства Венизелоса представляется здесь сейчас в следующем виде: Венизелос до сих пор не обращался с просьбой о признании; а потому французское правительство ограничилось предписанием генералу Саррайлю и своим консулам вступить в фактические сношения с новым правительством и поставленными им властями. Но Демидов

прав, что необходимо предвидеть это обращение и что желательно заранее установить по сему предмету согласованный образ действий союзников. К сожалению, я имею основание думать, что бывшие до сих пор разногласия между посланниками в Афинах и, в частности, положение, занятое Демидовым, а главное, факт, что последнее выступление французского адмирала не было поддержано союзной дипломатией, создали здесь настроение, могущее побудить французское правительство, во избежание сложных переговров между четырьмя кабинетами, сговориться с наиболее заинтересованным из них лондонским и поставить нас и Италию, если не передсовершившимся фактом, то по крайней мере перед принятым Францией и Англией решением. Я ознакомился в здешнем министерстве иностранных дел, весьма доверительно, с полученной Гильменом от Венизелоса телеграммой, в которой последний предупреждает его, что он вскоре обратится к союзникам и прежде всего к Франции и Англии, с просьбой признать новое правительство. В телеграмме этой Венизелос высказывает, что, став во главе национального движения, он имеет конечною целью образовать корпус греческих войск, дабы, совместно с союзниками, изгнать болгар из пределов Греции, выполнить союзнические обязательства по отношению к Сербии и действовать против Турции. Если, по прибытии на Крит, он заявил, что он не выступает против короля Константина, то лишь для того, чтобы избежать упрека со стороны союзников, что он отталкивает от них короля. На самом деле он был уверен, что король всецело и безповоротно отдался германцам. Национальное движение разростается с каждым днем и если союзники снабдят его надлежащими средствами, он выставит не один, а несколько корпусов; часть этих сил он предполагает обратить против афинского правительства, которое может быть устранено без особенных затруднений. Вышеизложенная программа Венизелоса несомненно встречает здесь сучувствие и послужит, вероятно, предметом предстоящего совещания между Брианом и лордом Греем. Хотя Венизелос этого прямо в своей телеграмме не высказывает, (пропуск) он конечно, разумеет устранение короля Константина. При этом дальнейшие планы Венизелоса не вполне ясны. В здешнем министерстве иностранных дел высказывают убеждение, что Венизелос слишком умен и осторожен, чтобы желать низложения монархии и династии и учреждения республики. Все ответственные лица, с которыми я беседовал, уверяли меня, что французское правительство, со своей стороны, отнюдь подобному плану не сочувствует, ибо оно убеждено, что республиканская Греция неминуемо сделается жертвою анархии и после войны подпадет в еще большей степени влиянию Германии. Всего более здесь повидимому желают воцарения Диадоха. (Пропуск) Венизелоса и, вероятно, именно к этой комбинации Бриан постарается склонить лорда Грея, хотя нельзя не сожалеть, что в результате только что (пропуск) дипломатической компании в Афинах мы как бы теряем наше положение державы покровительницы и становимся на одном ряду с Италией. Позволю себе высказать, что если между Англией и Францией состоится соглашение в указанном смысле, с нашей стороны нет оснований возражать против этой комбинации. Гораздо, мне кажется, для нас выгоднее, отказавшись от защиты короля Константина, решительно признать руководящую роль Франции в греческом вопросе и потребовать, при случае, предоставления такой же роли в том или другом более для нас существенном вопросе.

Подп. *Извольский.*

CCLXIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

3/16 октября 1916 г. № 736.

Копии в Лондон и Рим.

Вчера здесь получено через французского консула в Салониках ходатайство Венизелоса о формальном признании сформированного им правительства. По этому вопросу уже происходил обмен мнений между Парижем и Лондоном. Бриан телеграфирует в Петроград и Рим, что он разделяет мнение Грея, а именно, что весьма затруднительно признавать в Греции два правительства, и что, во всяком случае, необходимо выждать, чтобы правительство Венизелоса получило полномочия от того или иного органа народного представительства. Покуда же Венизелос должен удовольствоваться фактическим признанием назначенных им властей там, где они выполняют на деле свои функции. В телеграмме этой Бриан ссылается на сделанное Вами Палеологу заявление, что Вы заранее присоединяетесь ко всему, что будет решено по вопросу о Греции между Францией и Англией, — о чем здесь третьего дня получена телеграмма от Палеолога, — и присовокупляет, что со своей стороны Соннино фактически соблюдает тоже правило. Весьма доверительно. Не подлежит сомнению, что независимо от формального признания нового правительства, Франция ныне же будет оказывать Венизелосу материальное и денежное содействие для выполнения упомянутой в моей телеграмме, № 734, его программы. Мне известно, что Венизелос, обратился к Banque d'Athénes, в котором заинтересованы французские капиталы, с просьбой ссудить ему 6 миллионов франков, и что французское правительство обсуждает способы облегчить осуществление этой сделки.

Подп. *Извольский.*

CCLXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 октября 1916 г. № 639.

Заведующий почтовым и телеграфным контролем в Греции, Клержо, обратился с письмом к французскому посланнику за разрешением представителям России, Англии и Италии: 1) поручить английским офицерам соответствующий контроль в Патрасе и на всех греческих островах, кроме Корфу, уже обслуживаемого со времени оккупации особым междусоюзным установлением, которое желательно сохранить (пропуск). Поручить итальянским офицерам или чиновникам заведывание контролем в Эпире. Он просит о скорейшем командировании английского контролера и сообщает о назначении им капитана Винченци, главным контролером в итальянской зоне. Таким образом, Греция разбита на три зоны, причем я не усматриваю особенной надобности в установлении русской зоны.

Подп. *Демидов.*

CCLXV

Секретная телеграмма посла в Риме.

4/17 октября 1916 г. № 702.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

По поручению своего правительства, французский посол запросил мнение итальянского кабинета, как следует отнестись к правительству Венизелоса. Соннино ответил ему, что он полагает необходимым ограничиться до поры до времени исключительно фактическим признанием, так как он не находит возможным одновременное оффициальное признание двух правительств в Греции.

Подп. *Гирс.*

CCLXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 октября 1916 г. № 643.

Личная.

По получении ее тотчас распорядился о сообщении командиру «Чесмы», чтобы он, по возможности, воздержался от приобщения наших моряков к мерам, принимаемым французским адмиралом в отношении Греции. Считаю, однако, долгом высказать следующее: Будучи непосредственно подчинен адмиралу Дартиж, капитану 1-го ранга Черкасу едва ли возможно будет отказаться от исполнения отдаваемых ему приказаний, буде они нежелательного свойства. Я переговорю с командиром «Чесмы», не окажется ли возможным изыскать какой либо исход, позволяющий ему уклониться от участия в союзнических действиях, не подавая вида, что он не повинуется начальнику. Далее, если бы положение в Афинах приняло паче чаяния угрожающие размеры, союзные посланники потребуют стражи со своих судов для охраны миссий. Не предвидя лично опасности нападения на нашу миссию, все же мне нельзя не сообразоваться с их действиями, во имя общей солидарности. Всякое отклонение от сей последней было бы, несомненно, истолковано моими товарищами, особенно французским, как признак отделения от общей союзной политики и с радостью использовано, и намеренно преувеличено дворцовыми кругами, публикой и печатью. Я откровенно должен сказать, что французские увлечения могут нас завести далеко. В этом отдают себе отчет все мои коллеги. Италия решилась противиться неизбежности участвовать во всех наиболее важных здесь проявлениях французского посланника. Англия неохотно, но все же следует за Францией, которая, по всей вероятности, учитывает выгоды этого положения в собственных целях. Повелительность союзнического единения настолько сильна, что и нам приходится волей-неволей идти по тому же пути. Однако, крайне по моему желательно по возможности оказывать умеряющее влияние на нашу союзницу. Если король на деле осуществил обещания данные Эллиоту (моя телеграмма № 640)—то казалось бы соответственно должны отпасть доводы французского правительства, ссылающегося на угрозу союзной армии и флоту, для оправдания принимаемых им мер безопасности в Греции.

Подп. *Демидов.*

CCLXVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

4/17 октября 1916 г. № 738.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Английский посол передал, сегодня, здесь от имени своего правительства памятную записку, в коей запрашивается мнение парижского кабинета, по поводу высказанного английским посланником в Афинах соображения, что одного фактического признания правительства Венизелоса недостаточно, и что следовало бы сделать дальнейшие шаги, по пути формального его признания, причем, однако, неясно, какая именно форма признания имеется Эллиотом в виду. Вопрос этот обсуждается сегодня здесь в совете министров. Камбон сказал мне, что проживающий здесь королевич Георгий, известный своей личной ненавистью к Венизелосу, ныне пришел к заключению, что единственным выходом для короля Константина является сближение с последним, и что он намерен действовать в этом смысле на короля. Здесь, однако, убеждены в полной бесполезности подобной попытки.

Подп. *Извольский.*

CCLXVIII

Секретная телеграмма генерального консула в Солуни.

4/17 октября 1916 г. № 186.

Телеграфирую в Афины.

Временное правительство представило сегодня, 4 октября, мне, и моим коллегам, английскому, французскому и итальянскому, подписанную Венизелосом, адмиралом Кондуриотисом и генералом Данглисом, идентичную ноту, в коей оно ходатайствует об оффициальном признании дружественными великими державми временного греческого правительства, прося доставить ее спешно вашему превосходительству. Содержание этой ноты, посылаемой Вам сегодня же в подлиннике через французский штаб, вкратце следующее: Излагая, как король неоднократно попирал конституцию, не внимая гласу народному, нарушил союзный договор с Сербией, отдал вековым врагам крепости и позволил им занять восточную и западную Македонию, временное правительство признало необходимым внять голосу восставшего в Македонии народа и встать во главе движения (пропуск) армии, организовать это движение и дать ему направление наиболее соответствующее национальным интересам. Временное правительство, являясь правительством чисто национальным, поставило себе задачей, организовать военные силы, которые вместе с союзниками прогонят болгар с греческой территории, исполнив, хотя и поздно, обязательства, вытекающие из союзного с Сербией договора, и действовать заодно с союзными войсками. Правительство рассчитывает быть в состоянии через месяц сформировать корпус, состоящий из трех дивизий, а через четыре месяца новый корпус из запасных и добровольцев Египта, Америки и островов. Необходимым условием успеха, являются не только материальные средства, но и оффициальное признание временного правительства дружественными великими державами. Это призна-

ние увеличило бы престиж правительства и позволило бы ему распространить свое влияние на подвластные еще афинскому правительству провинции. Временное правительство не сомневается, что державы покровительницы отнесутся сочувственно к борьбе, которую оно предпринимает, чтобы смыть позор измены по отношению к Сербии, сражаясь бок о бок с союзниками, для защиты своих национальных интересов и оказать таким образом, хотя бы и слабую помощь великой борьбе, предпринятой державами Согласия, для защиты свободы Европы и независимости мелких государств.

Подп. *Каль.*

CCLXIX

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

4/17 октября 1916 г. № 4429.

Предстоящее, повидимому, в скором времени обращение Венизелоса к державам, с просьбой о признании сформированного им временного правительства, может поставить их в затруднение по отношению к афинскому правительству. В виду этого было бы желательно предупредить такой шаг и наметить теперь же какой-либо выход из создавшегося положения, чтобы поставить Венизелоса перед совершившимся фактом.

Относясь отрицательно к оффициальному признанию созданного им временного правительства, я тем не менее полагаю, что союзникам невозможно не считаться с фактическим положением, занятым им в районе действия союзных войск, а также и тем обстоятельством, что оно на практике поставило уже себя в тесную связь с высшим военным командованием в Македонии и служит его интересам, вербуя добровольцев, облегчая ему сношения с местным населением и помогая разбираться в сложных местных делах. С этой точки зрения, Венизелоса и его помощников можно было бы рассматривать не как отдельное правительство, а в качестве лиц, действующих в оккупированной союзниками зоне, к коим высшее командование неизбежно должно обращаться для лучшего обеспечения порядка и безопасности тыла в чрезвычайно важной полосе военных действий.

При такой постановке вопроса, это было бы не самостоятельное правительство, а группа лиц, в качестве советников по отдельным отраслям управления, подчиненных высшему командованию.

Мне кажется, что такое решение вопроса, оправдывалось бы военной оккупацией и было бы приемлемо еще и потому, что оно отнимет у движения венизелистов революционный и антидинастический характер и поставит все происходящее в военной зоне под строгий контроль держав.

Благоволите передать вышеизложенное министру иностранных дел, как материал для предстоящего обсуждения греческих дел.

Подп. *Штюрмер.*

CCLXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 октября 1916 г. № 646.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французский посланник получил от Венизелоса просьбу, чтобы французское правительство разрешило временному правительству кредит в 10 миллионов франков, из коих 6 миллионов франков предназначены на

уплату по заказам в Америке хлеба для населения островов, а 4 на нужды по управлению. Мой английский товарищ телеграфирует о сем в Лондон, дабы вопрос мог быть представлен на обсуждение англо-французской конференции, собирающейся в пятницу в Булони. По сведениям Гильмена, французский совет министров решит всеми средствами поддержать честь греческой нации, борящейся на стороне союзников. Обещание это принято было вследствие обращения Политиса, указавшего, между прочим, на отсутствие у временного правительства антидинастических видов. На конференции в Булони имеет быть поднят вопрос о признании правительства Венизелоса.

Подп. *Демидов.*

CCLXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 октября 1916 г. № 641.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

С французским курьером высылаю копии писем адмирала греческому правительству и французскому посланнику, от 3 октября, по поводу отправки отряда французских моряков в Афины для охраны порядка, сообща с греческой полицией. Высадка состоялась вследствие телеграфного сообщения адмирала и французского посланника, по соглашению с великобританским, об опасении беспорядков в Афинах и насилий против венизелистов, уже подвергшихся угрозам и нападению. В настоящую минуту, французские (пропуск) числом 140, при двух пулеметах, перевезены из здания городского театра в другое менее центральное помещение. Они окружены кордоном греческих войск во избежание столкновений, крупных инцидентов и кровопролития, каковых пока удалось избежать. В первый вечер толпа держалась несколько вызывающе по отношению к французским матросам. Ныне более спокойно. Французская миссия охраняется матросами с французских судов и греческими солдатами. Не решаясь категорически высказаться, насколько (пропуск) эти чрезвычайные меры по моему несколько искусственно вызванные, все же, смею надеяться, что восстановленное спокойствие в городе побудит адмирала скоро отозвать моряков обратно на суда. Доверительно. Мой английский товарищ выразил мне некоторое сожаление, что он поддался в этом деле настояниям Гильмена.

Подп. *Демидов.*

CCLXXII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

5/18 октября 1916 г. № 627.

Копии в Париж и Афины.

Я спросил Гардинджа, как британское правительство рассматривает свои отношения с Венизелосом. Он мне ответил, что никаких оффициальных отношений нет, но что английский консул был уполномочен обращаться к нему в деловых случаях, как к фактическому правительству в Салониках.

Подп. *Бенкендорф.*

---

*) Перевод французского текса.

CCLXXIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

6/19 октября 1916 г. № 699.

Копии в Париж и Лондон.

Весьма доверительно. Мы об'яснились с министром иностранных дел поочередно. Передав мне оффициальный ответ, составленный им к моим сотоварищам, Соннино придал разговору совершенно доверительный характер, прося не доносить о последующем. Он высказался, что, не возражая с политической точки зрения, против посылки итальянских подкреплений в Салоники, он делает это без увлечения по двум причинам: личность Саррайля не внушает ему никакого доверия и он убежден, что посылаемые туда войска не будут должным образом использованы, так как Саррайль все же будет заниматься больше политикой, чем военными действиями; затем, ознакомившись с сообщенными ему соглашениями по мало-азиатскому вопросу, он вынес тяжелое впечатление, как от их содержания, так и от формы их заключения, бросающейся прежде всего в глаза. На мое замечание, что в столь серьезном деле, как посылка военных подкреплений не следует руководствоваться личными впечатлениями, воспринятыми по поводу вопросов, не имеющих прямого касательства к военным действиям, Соннино возразил, что эти впечатления не будут играть никакой роли в его отношении к войне и к достижению общей победы, но, что ответ сильно охладил его к тому периоду, который наступит после войны. Полагаю, что Соннино действительно испытывает теперь некоторое разочарование, но что быть может он без цели подчеркивает его, в надежде воспользоваться им, как орудием, при дальнейших переговорах об итальянских вожделениях в Малой Азии.

Подп. *Гирс.*

CCLXXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

6/19 октября 1916 г. № 742.

Требует срочного исполнения.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы №№ 4386, 4414, и 4429 и на телеграмму Демидова № 840.

Копии в Лондон и Рим.

По ее содержанию имел сегодня длинный разговор с Брианом, который высказал мне нижеследующее: генералу Саррайлю дано самое категорическое предписание держаться в стороне от политики; он не мог не оказать некоторого внимания Венизелосу, как другу и стороннику союзников, но выезд его навстречу Венизелосу и произнесенное им приветствие отнюдь не означают формального признания нового правительства. Кто касается характера движения, во главе которого стоит Венизелос, то до сих пор оно открыто не направлено против династии и назначенные им судебные власти, действуют от имени короля, но Венизелос окончательно изверившийся в короле, конечно, был бы рад, если бы союзники взяли на себя устранение последнего. Бриан самым категорическим образом заявил мне, что французское

правительство отнюдь не желает идти по этому пути; оно искренне стремится к тому, чтобы найти почву для соглашения с королем и его правительством. Если король действительно склонен удалить греческие войска из района Ларисссы — телеграмма Демидова, № 640, — это может способствовать соглашению. «Во всяком случае, присовокупил Бриан, вы можете быть вполне уверены, что мы никогда ничего не предпримем против короля Константина, без предварительного уговора со всеми союзниками»... Что касается вопроса о положении правительства Венизелоса, который уже обратился сюда с просьбой о его формальном признании, то Бриан сказал мне, что намеченный в Вашей телеграмме № 4429 способ его разрешения кажется ему вполне целесообразным и, что, в сущности, ему вполне отвечают инструкции данные на этот счет генералу Саррайлю. Все вышеизложенное будет (пропуск) совещанию, которое должно состояться послезавтра в Булони, между Брианом и великобританскими министрами.

Подп. *Извольский.*

CCLXXV

Секретная телеграмма посла в Париже.

7/20 октября 1916 г. № 746.

Копии в Лондон и Рим.

Весьма доверительно. Мне кажется, что мы можем вполне доверять заявлению Бриана, что он не только намерен потворствовать анти-династическому движению в Греции, но искренне стремится найти почву для соглашения с королем Константином. Он сказал мне, что делает в настоящую минуту настойчивую попытку убедить короля сблизиться с Венизелосом, посредством королевича Георгия, который ныне вполне убежден в необходимости подобного сближения и вызвался отправиться с этой целью в Афины и даже в Салоники. Я должен, однако, прибавить, что Бриан несомненно, расходится в настоящем вопросе с здешним общественным мнением, которое громко требует устранения короля Константина и может, в случае неудачи вышесказанной попытки, оказать на (пропуск) решение (пропуск) в этом смысле.

Подп. *Извольский.*

CCLXXVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 октября 1916 г. № 749.

На состоявшемся вчера в Булони совещании приняли участие с французской стороны министры: иностранных дел, финансов, военный, морской, министр без портфеля Буржуа, помощник военного министра по снабжению Тома, главнокомандующий, со своим начальником штаба, и политический директор Маржери. С английской стороны—премьер-министр и министры: иностранных дел, военный и морской, начальник генерального штаба и главнокомандующий великобританской армией во Франции. О результатах Бриан телеграфирует Палеологу, которому поручается сообщить Вам намеченные решения и просит ваше превосходительство к ним присоединиться. Сущность их передается за № 2.

Подп. *Извольский.*

CCLXXVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 октября 1916 г. № 749.

№ 2.

Пункт I. Греческому королю предполагается ответить на его последнее предложение, что союзные державы не считают возможным входить в обсуждение поставленных условий и что, в доказательство своей искренности, его величеству следует признать — constater — существование войны между Грецией и Болгарией.. Редакция ответа еще не установлена окончательно. Кроме того, предполагается потребовать осуществления предложений, сделанных королем английскому посланнику: а) сокращение греческих войск до состава мирного времени; б) возвращение их из Ларисссы в Пелопонес, в) упразднение складов заготовленных в Ларисссе. Все эти меры должны быть осуществлены под контролем союзников.

Пункт II. Предполагается поощрять— encourager —Венизелоса, но без формального его признания. Решено удовлетворить его ходатайство о ссуде в 10 миллионов франков, и Палеологу поручено предложить Вам принять на нашу долю одну треть этой суммы.

Пункт III. Англия пока не согласилась на новую посылку войск в Салоники, сверх отправленных ею туда 25.000 человек. Она согласилась передать вопрос об усилении салоникской армии на совместное обсуждение штабов союзных держав. По поводу португальских войск также окончательного решения не последовало.

Подп. *Извольский.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано: *«Почему».*

Царская ставка, 12 октября.

CCLXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 октября 1916 г. № 657.

Копия в Париж, Лондон и Рим.

Здешний великобританский посланник, сообщивший Венизелосу, по приказанию своего правительства, что Англия не поддержит движения, имеющего антидинастический характер, получил следующий телеграфный ответ: «Временное правительство не имеет и не будет иметь антидинастического направления». Однако, Венизелос считает необходимым заручиться гарантиями в том, что греческая армия будет впредь придерживаться строго демократических начал и что страна не будет управляема на прусский лад.

Подп. *Демидов.*

CCLXXIX

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

12/25 октября 1916 г. № 4536.

Сообщается в Лондон, Рим и Афины.

Французский посол, передавая нам сегодня, предположения совещания министров в Булони относительно 10.000.000 аванса Венизелосу и принятия некоторых мероприятий военного характера в Греции, испрашивал нашего согласия на присоединение к ним.

Мы не находили бы удобным участвовать в оказании прямой денежной помощи Венизелосу, но ничего не имели бы против принятия на себя третьей части предположенного аванса, если он будет предоставлен в распоряжение высшего командования в Салониках для устройства временного гражданского управления в военной зоне и обеспечения безопасности находящихся там войск, при содействии лиц, которые для этого будут назначены командующим войсками.

Что касается признанной на Булонском совещании необходимости добиться от Греции уменьшения численности ее войск до состава мирного времени, перевода из Фессалии в Пелопонес и установления контроля над распределением продовольствия в разных частях королевства, то мы готовы уполномочить Демидова присоединиться по этому вопросу к его коллегам.

Если бы оказалось необходимым прибавить к этому представлению заявление о желательности признания королем «состояния войны» между Грецией и Болгарией, то мы против этого не возражаем.

Подп. *Штюрмер.*

CCLXXX

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

14/27 октября 1916 г. № 641.

Грей сказал мне, что его информация подтверждает сведения Демидова. Он поражен тем фактом, что изменение в позиции короля совпадает с румынскими неудачами, что как будто бы доказывает, что его величество или потерпел разочарование со стороны Германии, или получил сведения, которые не внушают ему более прежнего доверия к центральным державам. Отношения короля были натянуты особенно с французским представителем, что делает нынешний поворот тем более знаменательным. Грей думает, что с этим следует считаться. Он говорит, что Эллиот получил инструкции действовать в этом духе, в согласии со своими коллегами. Он прибавил, что всякая антидинастическая политика исключена, так как она не встречает в Англии симпатий.

Подп. *Бенкендорф.*

CCLXXXI

Секретная телеграмма посла в Париже.

14/27 октября 1916 г. № 681.

Срочно.

Копии в Париж и Лондон.

Здешний французский посланник получил телеграмму Бриана, от 11-го октября, из коей явствует, что императорское правительство дает свое со-

*) Перевод французского текста.

гласие на решение, принятое Францией и Англией в Булони об отношении к Венизелосу, и, между прочим, об оказании ему финансовой поддержки, в форме гарантии трех держав покровительниц, авансов, выдаваемых двумя банками. В ответ на сообщение Гильменом Венизелосу Булонских постановлений, последний телеграфирует французскому посланнику, прося его выразить русскому и великобританскому представителям признательность за поддержку, которую их правительства согласились ему предоставить. Между тем, из телеграммы вашего высокопревосходительства от 12 октября за № 4536, не усматриваю, чтобы нами имелось в виду (пропуск) подобно Франции и Англии, прямую денежную помощь Венизелосу. Вследствие указанного противоречия, внесенного телеграммою Бриана, просил бы раз'яснений, так как Венизелос запрашивает, следует ли ему ожидать соответствующих по сему предмету сообщений от российского и великобританского посланников или же принять уверение Гильмена за общее.

Подп. *Демидов.*

CCLXXXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

15/28 октября 1916 г. № 768.

Бриан сообщил мне дополнительно, что лондонский кабинет согласен с его взглядом об авансе Венизелосу.

Подп. *Извольский.*

CCLXXXIII

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

22 октября/4 ноября 1916 г. № 668.

Посланник Италии передал мне сегодня два меморандума, касающихся итальянских требований в Малой Азии и которые являются ответом итальянского правительства на сделанное ему сообщение о состоявшемся соглашения между Россией, Англией и Францией. Маркиз Империали сказал мне, что, так как эти меморандумы были переданы в Лондон и Париж, Соннино настаивал на том, чтобы эти документы были доставлены и в русские руки, так как расстояние препятствует передаче их в Петроград в тот же день. Итальянский курьер, который их привезет, выедет в течение ближайшей недели. Я счел нужным поблагодарить Империали за его обращение ко мне. Дать достаточно полное резюме этих документов по телеграфу не представляется возможным. Италия требует три валайета: Конию, Айдан и Адану, включая Смирну. По поводу Константинополя, меморандум высказывается в следующих выражениях: вопрос о Константинополе и о проливах всегда являлся предметом наиболее живых стремлений итальянской политики в Средиземном море, и королевское правительство отдает себе ясный отчет в важности и значении нового положения вещей, которое установится на этом море после того, как Россия добьется своей вековой цели. Королевское правительство будет счастливо дать свое согласие на требование императорского правительства, в духе циркулярной русской телеграммы от 4-го марта 1915 г., под условием, что война должна продолжаться до победы, что

*) Перевод французского текста.

Италия осуществит свои планы на Востоке, как и в других местах. Свобода прохода через проливы и установление порто-франко в Константинополе, также как и привиллегии всякого рода, которыми будут пользоваться другие союзники в отношении к учреждениям, управлениям, учрежедниям религиозным, школьным, странноприимным и т. д. и т. д. — будут обеспечены также и за Италией. Итальянское правительство даст также свое согласие на вышеупомянутых условиях, на территориальные ограничения, указанные в §§ 1 и 2 меморандума русского правительства от 17-го марта 1916 г. и в §§ 1 и 2 франко-русского соглашения от 26-го апреля 1916 г. Со своей стороны оно ожидает, что императорское правительство распространит на Италию в отношении Аданской области свою незаинтересованность, о которой идет речь в § 1 вышеупомянутого меморандума.

Подп. *Бенкендорф.*

CCLXXXIV

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

24 октября/6 ноября 1916 г. № 666.

Копия в Париж.

Строго лично и конфиденциально.

Я не предвижу серьезных принципиальных возражений против плана, который Вы предлагаете для Афин. Но политически я не был бы удивлен, если бы в Лондоне стали опасаться, чтобы в этом случае Гильмен, помимо своей обычной склонности к увлечениям, располагая еще и французским адмиралом, не оказал бы слишком много личного влияния на переговоры представителей. Гильмен здесь не в фаворе. Английское правительство окончательно решило не оказывать покровительства никакому антидинастическому движению. Но если бы король Константин прибег к новым мероприятиям сомнительного характера, английское общественное мнение наверное стало бы более враждебным в отношении его величества, чем в настоящее время. Впрочем, этот вопрос не играет в Лондоне столь значительной роли, как в Париже.

Подп. *Бенкендорф.*

CCLXXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 октября/10 ноября 1916 г. № 716

Копия в Париж, Лондон и Рим.

После некоторого улучшения, обстановка в Греции, влекомой какой то неведомой силой, снова вернулась к прежней косности (!). Неуспех соглашения с королем дает себя чувствовать. Английское общественное мнение, повидимому, резко требует поддержки Венизелоса. По всей Греции арестовываются офицеры и заключаются в тюрьмы за одно подозрение в намерении примкнуть к национальной обороне, вопреки уверениям, что они свободны, под условием подачи в отставку. Близ Янины задержаны четни-

*) Перевод французского текста.

ками покровительствуемыми, повидимому, местными властями, двое французов и итальянец, следовавшие с оффициальным поручением. В Катерини прибыл французский отряд, но венизелистский пока не отошел, что в свою очередь вызывает приостановку мер по очищению Фессалии войсками, преданными королю. Со всех сторон поступают жалобы на действия анти-венизелистов. Французский полицейский контроль встречает на каждом шагу систематичный отпор своим начинаниям. Печать обсуждает подлинность опубликованной переписки греческого депутата Калимасиотиса, захваченной два месяца назад союзной разведочной службою, из коей явствует, что это лицо, в сообщничестве с немцами, снабжало подводные лодки и производило сигналы. Последний обыск в его доме не дал, однако, результатов, причем сам он успел скрыться. Король при всем своем желании не имеет, как мне кажется, возможности положить конец германо-греческим происках. Кабинет Ламброса проявляет полное ничтожество и бессилие. При таких условиях, не усматриваю иного исхода, как снова прибегнуть в каждом отдельном случае к конкретным требованиям греческому правительству, через посредство адмирала.

Подп. *Демидов.*

CCLXXXVI

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

29 октября/11 ноября 1916 г. № 688.

Конфиденциально.

Я спросил Грея, что он думает в настоящее время о деле Венизелоса. Он мне ответил, что он остается при том мнении, что единственным, вполне удовлетворительным решением вопроса является соглашение между королем и экс-министром; что, к несчастью, он не видит никакой возможности, чтобы это могло осуществиться, что осложняет положение; что, между тем, нельзя обескураживать Венизелоса и что давление английского общественного мнения, одно время умеренного, становится все более и более требовательным и что, поэтому, может стать необходимым, не только уклоняться от антидинастической агитации, от которой Венизелос до сих пор воздерживался, но в целях обеспечения сообщений, необходимых для союзников, — признать более полно временное правительство в зоне, на которую распространяется его власть. Так как вопрос еще не решен, то он просил меня рассматривать то, что он мне сказал, как весьма конфиденциальное осведомление.

Подп. *Бенкендорф.*

CCLXXXVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

2/15 ноября 1916 г. № 817.

Конференция **), по предложению Бриана, обратилась к рассмотрению положения Греции. Бриан изложил весьма серьезные причины, по которым, по мнению французского правительства, было бы крайне затруднительно пойти навстречу настояниям Венизелоса о формальном признании его правительства. В случае подобного признания, Венизелос прежде всего потре-

*) Перевод французского текста.

**) Междусоюзническая конференция в Париже.

бует сформирования своего особого войска и даже флота а это вызовет значительные затруднения, не только с точки зрения международного права, но и в чисто военном отношении. Поэтому, несмотря на громкие требования французского общественного мнения, Бриан думает, что союзники должны оставаться на почве фактического признания правительства Венизелоса, продолжая оказывать ему надлежащее материальное содействие и ограждая его от всяких посягательств со стороны короля Константина и его правительства. С другой стороны, в последнее время между королем и французским посланником, Бенаве, происходили переговоры или скорее разговоры, причем, король сделал весьма интересные предложения, выполнение коих обозначало бы для союзников не только отозвание греческих войск из Фессалии, но и передачу им значительного греческого военного материала. Предложения эти, несомненно, заслуживают внимания, конечно, при условии, что принятие их не означает отказа от поддержки Венизелоса в указанных выше пределах. Конечною же целью союзников должно оставаться примирение короля с Венизелосом и возвращение греческой политики в союзническое русло. Против соображений Бриана. весьма энергично возражал Асквит, который заявил, что хотя и по его мнению конечною целью союзников должно быть примирение короля с Венизелосом, тем не менее, английское общественное мнение настойчиво требует, чтобы настоящему «смешному» положению был положен конец, путем формального признания правительства Венизелоса. Что касается переговоров с Бенаве, то предложения короля имеют, очевидно, целью побудить союзников выбросить Венизелоса за борт, на что великобританское правительство отнюдь не может согласиться. Итальянские делегаты, повторив оговорку о принятии решений лишь «ад референдум *), присоединились к точке зрения Бриана. Со своей стороны, я заявил, что между союзными кабинетами уже имеется соглашение о невозможности формального признания двух греческих правительств и о пределах фактического признания правительства Венизелоса. Поэтому, если ныне лондонский кабинет приходит к противоположному заключению, предложения в этом смысле должны подлежать новому обсуждению между кабинетами. По существу же, выражая личное мнение, я не могу не присоединиться к высказанным Брианом соображениям. В результате вышеизложенных прений, не было формулировано никакого конкретного предложения, и можно полагать, что, под влиянием встреченных ими возражений, англичане вряд ли выступят с таковым.

Подп. *Извольский.*

CCLXXXVIII

Секретная телеграмма генерального консула в Солуни **).

11/24 ноября 1916 г. № 211.

Копия в Афины.

Министр иностранных дел передал нам сегодня, 10 ноября, об'явление войны временного правительства Болгарии и Германской империи. Полный текст этой ноты посылаю завтра, с курьером, в Афины. Существенная часть ее нижеследующая: «В момент, когда первые отряды его армии (пропуск) на фронт, вступают в борьбу с врагами эллинизма, временное правительство

*) Предварительно.
**) Перевод французского текста.

считает своим долгом довести до сведения воюющих держав, союзником которых она, таким образом, становится, и нейтральных держав, сочувствие которых ему желательно, что начиная с этого дня оно считает себя в состоянии войны с Болгарией за ее нападение на Сербию, союзника Греции, и за вторжение, вопреки своим обещаниям, в пределы национальной территории, и с Германией за то, что она подстрекала и помогала Болгарии воевать с Сербией и действовать против Греции, нарушила гарантии, данные ею греческому правительству в отношении городов Сереса, Драмы и Кавалы, распространила, без уважительного повода и без предварительного предупреждения, против греческой морской торговли, вплоть до ее собственных вод преступные покушения своих подводных лодок и цинически заявила, что она намерена продолжать это дело разрушения беззащитных судов и убийств невинных пассажиров, предпринятое с целью деморализовать, унизить, и расколоть греческий народ, в ущерб его чести и его национальных интересов. Не имея возможности сообщить настоящее об'явление войны правительствам Болгарского Королевства и Германской Империи, временное правительство просит союзные правительства соблаговолить передать его им от его имени имеющимися в их распоряжении средствами».

Подп. *Каль.*

CCLXXXIX

Секретная телеграмма посла в Париже.

20 ноября/3 декабря 1916 г. № 858.

Срочная.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Первые и не совсем точные известия о событиях в Афинах обсуждались вчера утром, в совете министров, в исходе коего, адмиралу Дартижу были отправлены инструкции в следующем, вкратце, смысле: В виду того, что вопреки обещаниям короля и без всякой провокации со стороны союзнических военных частей, последние подверглись нападению и была пролита кровь, никакая уступка военного материала не может считаться достаточным удовлетворением, а, потому, адмиралу предписывается: 1) Прекратить всякие переговоры о сдаче орудий. 2) Если тем не менее, ему будет передано то или иное количество таковых, заявить, что это отнюдь не предрешает вопроса об удовлетоверении за случившееся. Одновременно с этим, адмирал уведомляется о спешной высылке из Тулона двух батальонов пехоты и двух полевых батарей. Бриан тотчас телеграфировал французским послам в Петрограде, Лондоне и Риме, поручая им о вышеизложенном довести до сведения союзных правительств, и запросить оные об их взгляде на создавшееся в Греции положение. Сегодня утром, совет министров продолжал обсуждение поступившей из Афин телеграммы. О результате мне до сих пор известно лишь, что решено послать в распоряжение адмирала две колониальные бригады, которые прибудут в Пирей 15 декабря нов. ст. Кроме того, отдано распоряжение о задержке во французских портах всех находящихся там греческих судов. Был также поставлен вопрос о блокаде Греции, но мера эта встретила возражения, как могущая отразиться, главным образом, на неповинном греческом населении.

Подп. *Извольский.*

CCXC

Секретная телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел послу в Лондоне.

21 ноября/4 декабря 1916 г. № 5125.

Срочная. Личная.

Прошу расшифровать лично. Весьма секретно.

Из весьма секретного источника узнаю, что в виду последних кровавых столкновений в Афинах, гибели нескольких сот французских и английских моряков и беспорядков в городе, происшедших, повидимому, вследствие неисполнения королем данных французскому адмиралу обещаний, Бриан предлагает лондонскому кабинету, кроме принятия целого ряда мер для восстановления спокойствия и обеспечения безопасности союзных войск, приступить также к низложению короля Константина и оффициальному признанию правительства Венизелоса.

Французскому и английскому правительствам известно наше отрицательное отношение ко всяким мерам, направляемым против короля и династии. Самое осуществление французского предложения представляется нам практически невыполнимым, в виду ясно обнаружившегося течения в пользу короля среди армии и народа в старой Греции.

Для получения же удовлетворения, по поводу последних прискорбных событий и действительного обеспечения безопасности своих войск союзники, нам кажется, располагают целым рядом других могущественных средств воздействия, как напр., блокада, эмбарго и пр.

Мы убеждены, что низложение короля не только не улучшит, а наоборот, чрезвычайно усложнит и даже ухудшит положение союзников в военном и политическом отношении.

Благоволите выяснить, было ли сделано подобное предложение английскому правительству и, в таком случае, энергично высказаться в вышеизложенном смысле.

Прошу о последующем телеграфировать только мне.

Подп. *Нератов.*

CCXCI

Секретная телеграмма посла в Париже.

21 ноября/4 декабря 1916 г. № 861.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

По известиям из Афин, с удалением союзных отрядов события принимают уже форму междуусобной войны и избиения сторонников Венизелоса, а следовательно и Согласия. Среди французов убито 6 офицеров и убито и ранено 200 нижних чинов. По мере того, как эти подробности становятся здесь известными, в политических кругах, в печати и в публике растет возбуждение и негодование против короля Константина, на которого в высокой степени возлагается ответственность за несомненно предумышленное и тщательно подготовленное нападение. Общественное мнение громко требует удаления короля Константина, признания Венизелоса и оказания помощи сторонникам Согласия, причем Бриана упрекают в нерешительности и

пристрастии к королю. Не могу скрыть, что слышатся также нарекания на занятое (пропуск) сначала кризиса нашим посланником в Афинах, служившее, как здесь думают, поощрением королю. Сейчас афинские события горячо обсуждаются на секретном заседании палаты, и я имею основания думать, что Бриан сообщит с трибуны о сделанном им предложении союзникам низложить короля Константина и признать Венизелоса. Я не сомневаюсь в том, что если бы с нашей стороны против этого предложения последовало бы возражение, это может произвести на французское правительство и общественное мнение крайне тяжелое впечатление и отразиться на союзнических отношениях с Францией.

Подп. *Извольский.*

CCXCII

Секретная телеграмма посла в Париже.

21 ноября/4 декабря 1916 г. № 860.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Бриан телеграфировал французским послам в Петрограде, Лондоне и Риме приблизительно следующее: По мнению французского правительства, не может быть и речи об об'явлении войны союзниками Греции, так как часть греческой нации сражается на их стороне, но союзники должны потребовать, с одной стороны, удовлетворения за произведенное на них нападение, а с другой—и гарантий для будущего. Удовлетворение должно состоять в низложении короля Константина и признании Венизелоса. При этом французское превительство не желает посягнуть ни на греческую конституцию, ни на монархический принцип. Оно напротив того, желает вернуть Грецию на конституционный путь, что представляется невозможным при короле Константине, который находится всецело в руках окружающих его германофилов. Для выполнения вышесказанного плана необходимо, прежде всего, поставить в безопасность находящихся в Афинах союзнических подданных и затем сосредоточить достаточные силы в Пирее. Французскому послу в Лондоне поручается запросить лондонский кабинет, разделяет ли он вышесказанные взгляды и согласен ли он направить в Пирей дивизию, находящуюся на Мальте, на пути в Салоники. По восстановлении порядка в Афинах, дивизия эта присоединяется к Салоникской армии. Палеологу предписывается выразить надежду, что императорское правительство присоединится к намеченному выше плану. Наконец, французский посол в Риме должен заявить итальянскому правительству, что признание Венизелоса состоится не иначе, как по соглашению с Италией и что по отношению к Венизелосу не будет принято никаких обязательств.

Подп. *Извольский.*

CCXCIII

Секретная телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел послу в Париже.

22 ноября/5 декабря 1916 г. № 5145.

Сообщается в Лондон, Рим, Афины и в Ставку.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы 860 и 861.

По содержанию их об'яснился с здешним английским и французским послами. Намечаемая Брианом программа действий распадается на две части: одна имеет в виду обеспечение военного положения союзников, другая за-

трагивает принципиальный вопрос об отношении их к Греции. Что касается первой части, то, в согласии с союзниками, считаю небоходимым принять все меры военного характера, дающие наибольшее обеспечение успешности их действия на Солунском фронте, безопасности сообщений с восточной армией и ограждение ее от неожиданностей. К числу таких мероприятий, кои оправдывались бы этими целями, относятся: занятие стратегических морских и сухопутных пунктов, наиболее важных с военной точки зрения, усиленный надзор в нейтральной зоне; блокада частей побережья и пр.

Вторая часть предложений Бриана, касающаяся мероприятий по вмешательству во внутреннюю жизнь Греции, вызывает у нас сомнения, с точки зрения их практичности и целесообразности. Предлагаемый французами план государственного переворота, при помощи иностранных сил, сам по себе представляется нам фактически невыполнимым, а следовательно и нецелесообразным, в виду ясно обнаружившихся в армии и местном населении течений. Посланники уже указывают на недостаточность военных сил союзников для совладания с местным сопротивлением. Поэтому дальнейшее подкрепление союзный войск посылкою новых отрядов сделалось бы неизбежным. Между тем, общие союзнические интересы требуют, чтобы все внимание союзных правительств было обращено на неуклонное выполнение основного военного плана. Отвлечение же от этой главной цели сколько нибудь серьезных сил, для достижения побочных задач само по себе вредно и сопряжено с последствиями, которые предвидеть нельзя, вследствие неопределенной продолжительности использования подкреплений не на военном фронте.

Нам представляется, что в случае отказа короля подчиниться насильственной мере, возникнет неминуемо открытая война в широком масштабе с Грецией, чего сам Бриан желает избежать.

Наконец, формальное признание Венизелоса, без поддержки его внушительной силой, едва ли облегчит союзникам достижние намечаемых Брианом задач.

Между тем, по нашему мнению, ничто не мешает союзникам принять теперь же все решительные меры обороны на тот случай, если бы греческие войска решились произвести нападение на союзников ,что в таком случае естественно развязало бы державам руки.

Благоволите об'ясниться в этом смысле с Брианом, заверив его в нашем неизменном и твердом желании действовать в данном вопросе в полном единении с Францией. Однако, мы считали бы во многих отношениях опасным преждевременное оглашение с трибуны проекта Бриана и незаконченных еще о нем перговоров.

Подп. *Нератов.*

CCXCIV.

Секретная телеграмма посла в Париже.

22 ноября/5 декабря 1916 г. № 810.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Французский посол запросил мнение итальянского правительства, касательно предлагаемых Францией требований, удовлетворений и гарантий, Соннино ответил, что он возражает не по существу предложений, а по их своевременности. Он считает, что следует не торопиться пред'явлением требований, пока союзники не будут уверены, что имеют достаточно войск

для выполнения своих требований своими силами, в случае отказа Греции. Он задает себе вопрос, что делать в случае ухода короля со своими войсками из Афин. Он находит, что союзники придают слишком большое значение Венизелосу, который вовсе не имеет будто бы за собою большинства греческого населения. Он находит, что не нужно забывать, что нашею главною целью должно быть достижение победы над врагом, а ликвидация счетов с Грецией стоит на втором плане. Повторяя мне эти доводы, Соннино добавил, что он знает, что его советов не послушаются, но он все же считает долгом их высказать. Полагаю, что противодействия с его стороны не будет и что он предоставит решение державам-покровительницам Греции.

Подп. *Гирс.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано:
«Это верно».
Царская ставка, 25 ноября 1916 г.

CCXCV.

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 ноября/6 декабря 1916 г. № 870.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Французский посол телеграфирует из Лондона, что лорд Грей ответил ему, что он признает в принципе необходимость потребовать от Греции удовлетворения. Что касается двух конкретных предложений Бриана, о низложении короля Константина и признании Венизелоса, лорд Грей не возражает против них, по существу, но заметил, что прежде всего следует иметь на месте достаточную военную силу, в противном случае признание Венизелоса может вызвать избиение его приверженцев в Афинах. Вопрос этот подлежит рассмотрению.

Лорд Грей упомянул также о возможности занятия Сиры и установления блокады греческих берегов. Поль Камбон, от себя лично, указывает на затруднительность низложить короля Константина без участия греческого парламента и напоминает, что в свое время король Георг был призван на греческий трон путем народного плебисцита.

Подп: *Извольский.*

CCXCVI.

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 ноября/6 декабря 1916 г. № 872.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Генералу Саррайлю и адмиралу Дартиж даны вкратце нижеследующие инструкции: А. Генералу Саррайлю: 1) Руководство военными операциями во всей Греции возлагается на генерала Саррайля, который и должен выработать общий план действий. 2) Он может ныне же предпринять необходимые передвижения войск, причем следует иметь в виду, что на удаление союзных подданных из Афин потребуется несколько дней. 3) Он выберет по соглашению с адмиралом Дартиж пункт, где будет высажена находящаяся в пути 16-я дивизия, которая должна прибыть между 12 и 15 декабря нов. ст. 4) Адмирал будет оказывать генералу Саррайлю всяческое

содействие. 5) Генерал Саррайль должен извещать французское правительство о своих предположениях. Б. Адмиралу Дартиж. Имея в виду сведения о сосредоточении греками вокруг Пирея артиллерии, если адмирал удостоверится, что приготовления эти могут угрожать без опасности флота, он должен потребовать их прекращения, под угрозой бомбардировки. Если он будет вынужден приступить к бомбардировке, он должен направить стрельбу на королевские дворцы и военные учреждения. Адмирал все время сносится с союзными миссиями в Афинах.

Подп. *Извольский.*

CCXCVII.

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 ноября/6 декабря 1916 г. № 874.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Французским послам в Петрограде, Лондоне и Риме поручено испросить согласие союзных правительств на вышеизложенное, а также осведомиться, не считают ли сказанные правительства необходимым: 1) об'явить блокаду Греции и 2) как только союзные подданные будут эвакуированы из Афин, предписать своим миссиям и агентам фактически, т.-е. независимо от вопроса о разрыве, удалиться из Афин.

Подп. *Извольский.*

CCXCVIII.

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

23 ноября/6 декабря 1916 г. № 767.

Лично. Секретно.

Я узнал конфиденциально от Камбона, что ему было поручено узнать о намерениях Грея по вопросу о низложении короля и официальном признании Венизелоса. Он сказал мне, что Грей отклонил и то, и другое, так как признание Венизелоса могло бы вызвать избиение всех венизелистов в Афинах, а угроза низложения короля могла бы иметь своим результатом лишь открытый его переход на сторону враждебных держав... Эта беседа была мне внушена телеграммой из Парижа за № 880. Сегодня я конфиденциально спросил Гардинджа в чем тут дело. Он мне ответил, что намерения Бриана не были одобрены, что признание Венизелоса де-факто в зоне, на которую распространяется его власть, было вполне достаточным и что, помимо других возражений, нет никакой возможности приступить к низложению короля. Что касается гарантий, то реальная блокада является тем, что предлагает английское правительство. В продолжение нашей вчерашней беседы, Грей не говорил мне ни о Бриане, ни о французском проекте, — осторожность, к которой он из деликатности прибегает всякий раз, когда имеется какое-либо разногласие. Его молчание мне достаточно ясно пока-

*) Перевод французского текста.

зало, что он отклонил предложение Бриана. Мне кажется, что во время всего последнего периода кризиса в Греции, лондонский кабинет привлекался к обсуждению лишь частично и что неоднократно он ставился пред лицом свершившихся фактов. Я не скрою, однако, что английское общественное мнение, (раньше) нейтральное, в своей дальнейшей эволюции, начинает теперь все более и более открыто нападать на короля, на его поведение и на нарушение им своего слова. Последние газетные телеграммы, крайне подробные, исходящие из Пирея, в значительной мере содействовали созданию этого настроения, с которым лорд Р. Сесиль вынужден был считаться в своем ответе в палате общин, а лорд Крюи в своем ответе в палате лордов. В случае надобности, я буду точно руководиться Вашими инструкциями. Но я думаю, что если бы речь зашла о переговорах, то возможность непосредственных переговоров с королем стала чрезвычайно проблематичной.

Подп. *Бенкендорф.*

CCXCIX.

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 ноября/7 декабря 1916 г. № 878.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Несмотря на то, что Бриан все еще поглощен секретными заседаниями палаты, конец коих ожидается сегодня вечером, мне только что удалось с ним видеться и лично сообщить ему содержание Вашей телеграммы. Он сказал мне, что, по сведениям от Палеолога и Бьюкенена, Вы не только возражали против практичности и целесообразности предложенных им мер, но высказываетесь по существу против низложения короля Константина, так как это может быть истолковано у нас, как посягательство на монархический принцип. Поэтому французское правительство не настаивает в настоящую минуту на этом предложении. С другой стороны, в виду нападения на французские войска и пролитие французской крови, оно не может отказаться от требования удовлетворения. По обсуждении положения в совете министров решено сделать союзникам предложение пред'явить Греции ультиматум из следующих пяти пунктов: 1) Роспуск «Лиссенсмент» греческой армии, 2) прекращение военных приготовлений против союзников, 3) выдачи в качестве заложников зачинщиков последних событий, 4) наказание виновных и 5) материальное вознаграждение пострадавших и их семейств. В случае неполучения в самый кратчайший срок удовлетворительного ответа, генералу Саррайлю должно быть предоставлено предпринять соответствующие военные действия. Бриан телеграфирует сегодня в вышеизложенном смысле французским послам в Петрограде, Лондоне и Риме. Он присовокупил, что завтра в официальной газете будет об'явлено о блокаде Греции и что генералу Саррайлю спешно посылаются все намеченные подкрепления.

Подп. *Извольский.*

CCC.

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 ноября/7 декабря 1916 г. № 879.

Продолжение моей телеграммы 878.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

В разговоре моем с Брианом, а затем с Камбоном, я приложил все старания, чтобы развить изложенные в Вашей телеграмме соображения. Из их слов я вывожу следующие заключения: французское правительство, на которое сильно действует крайне возбужденное общественное мнение, не может отказаться от требования удовлетворения за случившееся. Но, вследствие сделанных Вами возражений, оно не настаивает на первоначальной своей мысли произвести в Греции государственный переворот при помощи иностранных сил. С другой стороны, оно крайне озабочено возможностью, что германцы, окончательно разбив румын, направят часть своих сил против Салоникского фронта и что в таком случае король Константин нападет с тыла на Салоникскую армию. Генерал Саррайль, повидимому, считает что вместе с ожидаемыми подкреплениями, он располагает достаточными силами, чтобы сразу, до наступления германцев на него, нанести решительный удар грекам и тем предотвратить вышеуказанную опасность. Подобный расчет, если он оказался бы верным, действительно мог бы оправдать предъявление Греции ультиматума, который вряд ли будет ею принят и приведет к войне с одной частью Греции и признания правительства Венизелоса, с другой. Вопрос этот имеет чисто военный характер, и я отнюдь не считаю себя компетентным высказать о нем суждение.

Подп. *Извольский.*

CCCI.

Секретная телеграмма посла в Риме.

24 ноября/7 декабря 1916 г. № 812.

Копии в Париж и Лондон.

Италия послала два военных судна в Пирей, из коих одно—крупный дредноут.

Подп. *Гирс.*

CCCII.

Секретная телеграмма посла в Риме.

24 ноября/7 декабря 1916 г. № 815.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Французский посол передал сегодня Соннино о принятии Францией и Англией решения об'явить с завтрашнего утра блокаду Греции. Соннино ответил, что он, конечно, не отделится в этом вопросе от союзников, но что он не желает скрыть от них своего убеждения в несвоевременности и неразумности обнародовать теперь же декларацию о блокаде. Подобная декларация даст лишь повод королю провозгласить, что державы Согласия об'явили войну. По мнению Соннино, надлежало бы применить на деле (пропуск) строгую блокаду, не об'являя об этом официально.

Подп. *Гирс.*

CCCIII.

Секретная телеграмма посла в Париже *).

25 ноября/8 декабря 1916 г. № 880.

В «Журналь офисиель» напечатано сегодня следующее:—«Правительство французской республики, разделяя мнение своих союзников по вопросу об об'явлении блокады Греции, настоящим сообщает условия ее проведения. Блокада считается об'явленной с 8 часов утра, 8 декабря 1916 г. Блокада распространяется на берега Греции, включая острова Эвбея, Занте и С.-Мор, от пункта, расположенного на 39' 20" северной широты и 20' 20" восточной долготы до пункта, расположенного на 39' 50" северной широты и 20' 50" восточной долготы от Гринвича, равно как и на острова, находящиеся в зависимости или оккупированные греческими королевскими властями. Корабли третьих держав, находящиеся в блокированных портах, могут свободно выйти из них до 8-ми часов утра, 10 декабря. Главнокомандующим морскими силами, осуществляющим блокаду, дан приказ довести до сведения местных властей о настоящей декларации».

Подп. *Извольский.*

CCCIV.

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 ноября/8 декабря 1916 г. № 882.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Вчера вечером великобританский посол передал Камбону срочную просьбу своего правительства воздержаться от официального опубликования блокады Греции. Камбон ответил ему, что французское правительство уже получило формальное согласие на эту меру от лондонского кабинета и на этом основании решило об'явить о блокаде сегодня утром в официальной газете. Камбон присовокупил, что официальное об'явление тем более необходимо, что иначе владельцы задержанных судов могли бы пред'явить французскому правительству иски о вознаграждении. Опубликование состоялось сегодня утром.

Подп. *Извольский.*

CCCV.

Секретная телеграмма посла в Риме.

26 ноября/9 декабря 1916 г. № 820.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Соннино ответил французскому послу, что он принимает все пункты французского предложения, но что он желал бы, чтобы материальное вознаграждение коснулось лишь иностранных подданных, а не было бы распространено на пострадавших греков. Он добавил, что возражает и будет возражать против признания правительства Венизелоса. В этом отношении его нерасположение к Венизелосу приняло этот острый характер за последние дни.

Подп. *Гирс.*

---

*) Перевод французского текста.

CCCVI.

Секретная телеграмма посла в Лондоне *).

30 ноября/13 декабря 1916 г. № 795.

Копия в Париж.

Гардиндж мне сказал, что английское правительство решилось признать в Лондоне агента временного правительства Венизелоса, в виду того, что по вопросам хозяйственного управления стало необходимым иметь непосредственные сношения с правительством зоны, на которую распространяется власть этого правительства. На мой вопрос о том, каково будет положение представителя греческого правительства, он ответил, что оно будет таким же, как и до сих пор.

Весьма секретно. Это решение нового английского правительства я могу об'яснить лишь желанием создать большую гармонию со взглядами французского правительства, гармонию, которая во время переговоров по вопросу о Греции была до некоторой степени нарушена.

Подп. *Бенкендорф.*

CCCVII.

Секретная телеграмма посла в Лондоне **).

30 ноября/13 декабря 1916 г. № 797.

Копия в Париж.

Весьма секретно.

Мне кажется полезным осветить роль Англии во время переговоров по вопросу о Греции. Здесь можно отметить два различных периода. Во время первого английское правительство не покидало надежды сохранить нейтралитет Греции, признавая однако, необходимость гарантий против злоупотребления этим нейтралитетом в пользу врагов—гарантий, необходимых ввиду симпатий греческого правительства к центральным державам и приписываемого королю мнения о непобедимости германской армии. Пребывание греческих принцев в Лондоне не осталось без влияния в этом отношении. Линия поведения, вытекающая из этих соображений, была та, что ни в коем случае не следовало требовать от короля больших уступок, чем те, к которым его можно было бы немедленно обязать, как напримеp. сдача артиллерии, и никогда не допускать ситуации, которая дала бы ему возможность безнаказанно отказывать, что дало бы ему преимущество быть хозяином положения и иметь возможность ориентироваться по собственному выбору (пропуск). Полагали, что это означало оказывать ему побочным образом услугу и прикрывать его ответственность в отношении германофильской партии. Два добавочных мотива действовали в пользу этого поведения. Первый и главный—желание оставаться в возможно более тесном контакте с политикой России, а кроме того соображения монархического и династического характера. Роль генерала Саррайля сначала, а затем французского посланника в Афинах, рассматривалась здесь, как по меньшей мере (про-

---

*) Перевод французского текста.

**) Перевод французского текста.

пуск) как политическом, так и в военном отношении, что умерило здесь живейшие до тех пор симпатии к Венизелосу. В Париже эти симпатии, очевидно более определенные, внушили более решительную и более радикальную политику, которая должна была привести к ультиматумам прежде, чем английское правительство отказалось от нейтралитета греческого правительства. С одной стороны, английское правительство желало умерить французское выступление, а с другой стороны оно стремилось по возможности менее от него отмежевываться—двойственная позиция, которая легко могла вызвать недоразумения и трения. Начало второго периода относится к тому дню, когда всякое доверие к личности короля было подорвано, вследствие неопровержимых доказательств. С тех пор Англия не противится более ультиматумам, которые, не представляя более опасности, имеют то преимущество, что нарушают расчеты короля. Эта эволюция была быстрой, и смена кабинета сделала ее более полной. Однако, английское правительство отказывается еще пока вмешиваться во внутренние дела страны, будучи убеждено, что в старой Греции партия короля сильнее, чем об этом думали. Эта новая линия сближает, разумеется, английское правительство с Венизелосом и (пропуск) должно быть последним мотивом для допущения в Лондон агента его правительства, не доходя, однако, до покровительства венизелистам в Афинах. Эта новая линия стремится также к устранению, по общему мнению слишком обострившихся, расхождений (пропуск) Англии и Франции, во избежание того, чтобы они не превратились в более серьезные неудобства.

Подп. *Бенкендорф.*

CCCVIII.

Секретная телеграмма посла в Париже.

1/14 декабря 1916 г. № 908.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Инструкции, данные Демидову, о которых уже телеграфировал Палеолог, встречены здесь с чувством благодарности и облегчения, ибо здесь находились под впечатлением, что наш посланник все более отдалялся от своих французского и английского коллег и поддерживал итальянского посланника, к деятельности коего здесь питают глубокое недоверие. Со своей стороны, считаю долгом всецело присоединиться к мнению Гирса о необходимости внушить Италии уверенность в полной солидарности между Росией, Францией и Англией. Вообще, здесь продолжают жаловаться на недостаток единства между союзными посланниками в Афинах и Камбон не скрыл от меня, что последняя аудиенция Демидова и Эллиота у короля Константина, от которого еще не получено удовлетворения за пролитую французскую кровь, вызвала здесь тяжелое чувство.

Подп. *Извольский.*

CCCIX.

Секретная телеграмма посла в Риме.

1/14 декабря 1916 г. № 832.

Копии в Париж и Афины.

По просьбе французского правительства, Соннино повторно телеграфирует итальянскому посланнику в Афинах не отделяться от союзных сотоварищей в вопросе об ультиматуме и во всем следовать за ними.

Подп. *Гирс.*

CCCX.

Секретная телеграмма посла в Париже.

7/20 декабря 1916 г. № 930.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Камбон сказал мне, что за последние дни здесь получен целый ряд серьезных указаний на существование уговора между королем Константином и Германией о совместных действиях против союзников и на подготовительные к тому меры со стороны греческих военных властей. Указания эти в полной мере подтверждаются только что перехваченной здесь радио-телеграммой императора Вильгельма к королеве Софии. Вследствие сего, генералу Саррайлю преподаны, вкратце, нижеследующие инструкции: 1) сделанные им до сих пор распоряжения, с целью защиты восточной армии, на обоих фронтах одобряются. 2) В виду вышеупомянутых указаний, ему предоставляется судить о дальнейших военных мерах против германо-болгар и греков. 3) О своих предположениях в этом смысле он должен сообщить правительству и ожидать решений, которые будут приняты последним, по соглашению с союзниками. Бриан телеграфирует послам в союзных столицах, поручая им поставить в известность о вышеизложенном союзные кабинеты, с целью обмена мнений и обсуждения с оными соответственных военных мер.

Подп. *Извольский.*

CCCXI.

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

12/25 декабря 1916 г. № 902.

Копии в Париж и Рим.

Сегодня днем многотысячная толпа собралась на Марсовом поле, с целью манифестации против Венизелоса, заклеймив его, как государственного изменника, и предав его анафеме. Настроение толпы выразилось в кидании камней в изображение Венизелоса, при участии высшего духовенства. О манифестации было об'явлено утром в газетах и все магазины были закрыты (пропуск). Порядок не был нарушен. Подобная церемония, хотя и доказывает виновность (пропуск) существующие законы касаются лишь внутренних политических отношений, тем не менее подобная деятельность правительства является безусловно неуместной, в то время, когда грекам надлежало бы дать доказательство, что спокойствие восстановлено, и избегать повода к народному возбуждению.

Подп. *Демидов.*

CCCXII

Секретная телеграмма посла в Риме.

12/25 декабря 1916 г. № 866.

Срочно.

Постараюсь сегодня же видеть министра иностранных дел и вновь об'ясниться с ним, в смысле Ваших указаний. Но в виду крайней серьезности положения дела на Балканах, считаю долгом, не ожидая свидания с ним, изложить отношение Италии, до настоящего, по крайней мере, времени, к Салоникской экспедиции. Здесь вполне сознают всю ее важность и ее связь с подожением Италии в Албании. Однако прежде всего крайне опасаются вторжения неприятеля в северную Италию и повторения Трентинского наступления. Здесь сознают, что Италия была опасена тогда Росией, но румынския события вселяют сомнение, будем ли мы иметь возможность вторично спасти ее. К утверждениям Франции, что в таком случае она придет на помощь, относятся здесь с большим недоверием. Под влиянием опасения за северную границу, Италия не решается отделить оттуда какую-либо крупную часть, не только в Салоники, но и в Албанию, где, несмотря на настояния Соннино, Кадорна держит всего 36 батальонов, грозя, в случае опасности, убрать их. Специально в вопросе о Салониках, итальянское правительство относится с недоверием к экспедиции, будучи убеждено, что пока ею командует Саррайль, она будет поглощена местными политическими целями, а не действительным наступлением на врага. Кадорна же считает, что принести крупную жертву для ее усиления следует лишь в момент наступления, который может настать лишь, когда сильная русская армия двинется с севера на Болгарию. Настояния союзников перед Италией будут иметь больше шансов на успех, когда фактически союзные военные начальники докажут ей, что действительно предпринимается крупное союзное наступление на Балканах, и что союзники имеют возможность предпринять его. Серьезность положения побуждает меня повторить, что возлагать расчет на крупные итальянские силы крайне опасно. Италия в состоянии дать не помощь, могущую спасти положение, а лишь подспорье. При всем том буду продолжать настаивать перед Соннино на необходимости посылки войск.

Подп. *Гирс.*

CCCXIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

12/25 декабря 1916 г. № 868.

Копии в Париж и Лондон.

В об'явлениях с Соннино, французскому послу не удалось побудить его изменить свое мнение в вопросе о заявлении королю Константину. Соннино повторил Барреру, что если посланники в Афинах не придут между собою к соглашению, он предпочитает, под предлогом, что Италия—не держава-покровительница Греции, не присоединиться к требованию, касающемуся внутренней политики страны.

Подп. *Гирс.*

CCCXIV

Секретная телеграмма посла в Париже.

16/29 декабря 1916 г. № 959.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

В виду окончательно выясненной невозможности сговориться с Италией, относительно предстоящего выступления в Афинах, Бриан поручил Палеологу просить Вас предписать Демидову присоединиться к выступлению своих французского и английского сотоварищей.

Подп. *Извольский.*

CCCXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 декабря 1916 г. № 910.

Английский посланник сообщил нам о занятии союзниками, а за ними и венизелистами, островов Зеа (Иллинахе), Кеа и Сифноса. Эгейские острова все постепенно попадают, при помощи союзников, под власть временного правительства. Королевские власти на островах задерживаются в качестве заложников. Афинское правительство горько жалуется на эти меры, считая их посягательством на его суверенитет.

Подп. *Демидов.*

CCCXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 декабря 1916 г./4 января 1917 г. № 923.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

В то самое время, как греческое правительство еще обсуждает, в критических условиях, приемлемость нашей ноты, к нам поступают известия о дальнейшем занятии союзниками и передаче венизелистам Эгейских островов. По достоверным сведениям, только что произведен переворот на острове Гидра и, как передают, также на Спетце. Распространение при помощи союзников и приближение к старой Греции революционного движения крайне вредно отражается на сговорчивости короля и правительства, усматривающего в этих действиях решение держав во что бы то ни стало вернуть Венизелоса в Афины. Важность получения от Греции военных гарантий должна бы убедить союзников повременить с этими захватами, хотя бы до разрешения настоящего кризиса. Принимаю смелость еще раз обратить в эту критическую минуту внимание Ваше на то обстоятельство, что главным препятствием к достижению наших военных целей в Греции является опасение здешних правящих кругов и военных сфер относительно Венизелоса и поощряемой, повидимому, союзниками революции. Думаю до сих пор, что если бы державы согласились дать соответствующие твердые гарантии, что они не будут благоприятствовать водворению венизелизма в старой Греции, то это в значительной мере облегчило бы получение несравненно более для нас важных военных обеспечений. Одновременно с началием осуществления последних, надлежало бы снять, хотя бы частично, блокаду. Иначе мы доведем страну до отчаянных решений.

Подп. *Демидов.*

CCCXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 декабря 1916 г./11 января 1917 г. № 940.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Ответная нота греческого правительства на ультимативное сообщение четырех союзных держав, от 26 декабря, была нам вручена вчера, 28 декабря, вечером, до истечения 48 часового срока. В общем, принимая во внимание обычные попытки греческой изворотливости, ноту следует считать удовлетворительной. Главное — военные требования приняты без оговорки. Соглашаясь на контроли, правительство вносит поправку о невмешательстве во внутренние отрасли управления, что лишено смысла и, вероятно, предназначено для общественного мнения, возражающего против их восстановления. Полагал бы во всех отношениях важным приобщить русский элемент, в том или ином виде, к производству контролей. По вопросу об освобождении лиц, упомянутых в параграфе 4 ноты держав от 18 декабря, греческое правительство опустило слово «немедленно», а относительно возмещения понесенных ими убытков оно ссылается на греческое законодательство, что может подать повод к недоразумениям. Равным образом, в ноте не упоминается о лицах, задержанных в последующие за 18 и 19 ноября дни, между тем как венизелисты и по сие время подвергаются арестам. Во всяком случае, немедленное осуществление военных требований в достаточной мере обеспечит нас от возможных случайностей, а связанное с оными снятие блокады должно будет состояться тотчас, по удостоверении искренности правительства в выполнении условий на деле, тем более, что даже по формальном снятии блокады действие ее будет, вероятно, ощущаться в продолжении 3—4 недель, до прибытия из Америки хлеба. Английский посланник возвращается сегодня из Рима.

Подп. *Демидов.*

CCCXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

Саламис 29 декабря/11 января 1916—1917 г. № 939.

Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству текст ответа греческого правительства на ультиматум держав от 8 января *): «Ссылаясь на многократно дававшиеся союзным правительствам, и еще недавно повторенные, в меморандуме от 23 декабря, заверения по поводу своих чувств и поведения, которого оно решило держаться и впредь, королевское правительство с глубочайшим удовлетворением принимает к сведению точные гарантии, которые державы ему соблаговолили дать в отношении нейтралитета Греции, ее внутренней политики и продолжительности блокады. Желая со своей стороны сделать при данных обстоятельствах то, что зависит от него, дабы устранить всякие недоразумения, и принимая во внимание, что добавочные гарантии, требуемые после принятия ультиматума от 1 декабря, в целях вполне обезопасить восточную армию, об'явлены немедленной и существенной целью союзных правительств,—королевское правительство обя-

*) Следует перевод французского текста.

зуется произвести новые передвижения войск и снаряжения, включая пушки и пулеметы, на условиях, указанных в нотах от 18 и 26 декабря. Исходя из тех же соображений, королевское правительство принимает требования, помещенные в § 2 ноты от 18 декабря, равно, как и установление контроля, что предусмотрено упомянутой нотой среди гарантий, требуемых для безопасности союзнических войск, и что, будучи стеснительным в минимальной степени, сможет быть определенно при соглашении, которое последует без допущения вмешательства в различные отрасли управления или в организацию внутренних путей сообщения. Что касается требуемых возмещений, то королевское правительство уже заявило о готовности дать удовлетворение, в связи с печальными событиями между союзническими моряками и греческими войсками, имевшими место 18 ноября, о чем говорится в пунктах 5 и 6 ноты от 18 декабря и ссылается по этому поводу на свой меморандум от 23 декабря. Что касается освобождения лиц, упомянутых в § 4 ноты держав от 8 декабря, то королевское правительство, перед настойчивостью союзнических правительств, заявляет об отказе от возражений, высказанных в вышеупомянутом меморандуме. Указанные лица будут выпущены. Все подробности, относящиеся к выполнению этого обещания, будут улажены без замедления. Королевское правительство верит, что со своей стороны державы окажут все свое влияние, чтобы лица, задержанные за участие в революционном движении или по случаю насильственного набора, произведенного мятежным комитетом, были также освобождены. Заявляя о согласии произвести также совместную административную анкету, по вопросу об убытках, которые, согласно греческому законодательству должны будут быть возмещены лицам, которые эвентуально будут признаны несправедливо пострадавшими во время событий 1 и 2 декабря, — королевское правительство верит, что державы со своей стороны согласятся произвести смешанную анкету, предложенную в меморандуме от 23 декабря, по вопросу об убытках, причиненных революцией. Королевское правительство надеется, что после этого высшего проявления своего искреннего расположения, переговоры об установлении общими усилиями деталей могут вестись с обеих сторон в примирительном духе и с намерением добиться восстановления в ближайшее же время и до конца полного взаимного доверия. Так как военные мероприятия, требуемые ультиматумом от 1 декабря, заканчиваются, и все гарантии обеспечены настоящим принятием условий нового ультиматума, — условия для снятия блокады, об'явленные в последнем параграфе ноты от 26 декабря, могли бы считаться уже существующими. Королевское правительство считает своей обязанностью привлечь снова внимание союзных правительств на благотворное влияние, которое произведет на доведенное до крайней степени отчаяния общественное мнение страны, прекращение меры, применной в отношении нейтрального и дружественного народа. Наконец, крайне оценивая гарантии союзных правительств по поводу революционного движения, которые успокоят сознание греческого народа, королевское правительство выражает надежду, что в том же духе, который внушил обязательства, которые союзные правительства соблаговолили взять на себя в предпоследнем параграфе их ноты от 26 декабря, они захотят применить подобные же меры на территории, в настоящее время занятой союзническими войсками и в особенности на островах, занятых после 18 ноября».

Подп. *Демидов.*

CCCXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

31 декабря 1916 г./13 января 1917 г. № 944.

Срочно.

В виду того, что мои союзные коллеги пришли к соглашению, я не счел необходимым ждать инструкций вашего высокопревосходительства, чтобы передать греческому правительству ноту, текст которой следует: «Посланники Франции, Италии и России и поверенный в делах Англии, уведомив свои правительства об ответной ноте греческого правительства от 28 декабря, получили распоряжение сообщить греческому правительству, что, принимая к сведению его согласие на военные мероприятия, требуемые нотой от 8 января, союзные правительства не могут принять этого ответа в той части, которая касается некоторых требований, формулированных в ноте от 31 декабря и повторенных в ноте от 8 января, прежде чем некоторые пункты этого ответа не будут более точно определены следующим образом: 1) Хотя союзные правительства обязались сделать контроль возможно менее стеснительным, они не могут допустить со стороны греческого правительства никаких ограничений, могущих нарушить его действительное применение. 2) Союзные правительства настаивают на немедленном и без всяких условий выполнения обещания об освобождении всех лиц, заключенных по политическим мотивам. 3) В виду специального характера анкеты, предусмотренной параграфом 4 ноты от 31 декабря, союзные правительства не могут обязаться в том, что суммы, подлежащие возмещению в результате этой анкеты, были бы определены согласно намерениям греческого законодательства. Блокада сможет быть снята только после точного и формального принятия вышеизложенного, равно как и всех других требований союзных держав и, кроме того, после того, как условия выполнения, означенные в ноте от 8 января, будут выполнены» *).

Подп. *Демидов.*

---

*) Перевод французского текста.

1917.

CCCXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 января 1917 г. № 18.

Копия в Париж.

Занятый венизелистами уже после обещаний, данных державами Греции, остров Серито, ныне возвращен королевскому правительству с сохранением лишь небольшого союзного контроля.

Подп. *Демидов.*

CCCXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

12/25 января 1917 г. № 34.

Копия в Париж.

Междусоюзная контрольная комиссия, под председательством генерала Кобу, выработала программу надзора. Сам генерал со старшими офицерами, по одному от каждого из союзников, останется в Афинах. В главных городах установлены наблюдательные посты из 2—3 офицеров, из коих непременно должен быть один француз. В случае надобности, последние могут сноситься шифром непосредственно с генералом Саррайлем, коему всецело подчинена военная комиссия. Несмотря на отозвание, Рокфель, повидимому, не покидает еще места помощника Кобу. К числу обязанностей надсмотрщиков относится, между прочим, рассмотрение подозрений о существовании тайных складов с приведением признаков, указывающих на таковые предположения, а равно надзор за штатскими, проезжающими через Коринф, дабы убеждаться в том, что военные, проехавшие в Пелопонес, не возвращаются в гражданском платье. Вообще, хотя программа быть может и основывается на строгих велениях военной необходимости, все же она проникнута духом недоверия и несговорчивости и предвещает разные стеснительные меры, а следовательно и инциденты. Контроль не будет, повидимому, упразднен по выполнении греками всех военных условий, и вероятно продержится в более или менее смягченном виде до окончания войны, дабы сохранить постоянное наблюдение за положением страны в военном отношении. Англичане не скрывают неудовольствия принимаемыми мерами, способными легко перейти в область полицейской агентуры. Английское военное командование сочло нужным увеличить состав своих контрольных офицеров. Я просил о присылке двух наших штаб-офицеров, которые по сие время не прибыли из Салоник.

Подп. *Демидов.*

CCCXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 января 1917 г. № 39.

Греческое правительство уведомляет нотою от 13 января, что вчера обнародован королевский указ, разрешающий распустить все союзы, существование которых оно считает наносящим ущерб интересам государства. В силу этого постановления, греческое правительство тотчас же распорядилось о роспуске союзов резервистов, потребованном в пункте 2 ноты держав от 18 декабря минувшего года.

Подп. *Демидов.*

CCCXXIII

Секретная телеграмма поверенного по делам в Париже.

17/30 января 1917 г. № 55.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Как сказал мне Камбон, Барреру вновь поручено сделать представление по поводу деятельности итальянских представителей в Греции. Сверх того, по поводу желания итальянского правительства потлать свой отряд в Корфу, Барреру раз'яснено для его (ответа), что Франция не может на это согласиться. Ему, между прочим, указано, что для Италии не имеет смысла посылать воинские части в Корфу, когда она указывает на недостаток войск для усиления своего отряда в Валлоне.

Подп. *Севастопуло.*

CCCXXIV

Секретная телеграмма поверенного по делам в Париже.

17/30 января 1917 г. № 56.

Копии в Лондон и Рим.

Камбон подтвердил мне, что французское правительство, не считая возможным снятие или ослабление блокады, уполномочило, однако, посланника в Афинах, по соглашению со своими коллегами, пропускать (пропуск) провизии, принимая при этом меры, чтобы пропускаемые продукты не могли служить для накопления запасов. О том, что имеются основания подозревать существование таковых, Камбон не упоминал.

Подп. *Севастопуло.*

CCCXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 января/9 февраля 1917 г. № 70.

Копия в Париж.

В настоящее время нами обсуждаются вопросы, связанные с последними требованиями держав, к осуществлению коих еще не приступлено, а именно: 1) О восстановлении контролей—железно-дорожного, почтово-телеграфного и полицейского; 2) о возмещении убытков пострадавшим венизелистам. По первому вопросу французское правительство предполагает, повидимому, восстановить контроли в прежнем их виде и об'еме с теми же лицами во главе, чтобы предоставить последним удовлетворение за произвольное их в свое время удаление греками. Английский посланник склонен смягчить производство контролей, сообразуясь к тому же с заявлением держав, что они будут по возможности менее стеснительными. Он не усматривает особенной нужды в установлении, (напр.), почтового надзора. К полицейскому контролю, столь легко меняющему характер, надлежит, на мой взгляд, приступить с большой осторожностью при тщательном выборе подходящих агентов. Нами выработан будет общий проект, на который греческое правительство представит свои замечания. В целях надлежащего осведомления приобщу русский элемент, хотя бы к центральному органу контроля. По второму делу намечено учреждение смешанной комиссии, причем английским представителем назначается член египетских смешанных судов. Ныне уже к посланникам поступают от потерпевших венизелистов многочисленные требования возмещения убытков.

Подп. *Демидов.*

CCCXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 февраля 1917 г. № 82.

За последние дни внутреннее положение в Греции стало принимать скорее тревожный оборот, в связи с сохранением блокады, приписываемым Венизелосу, и угрожает новой народной вспышкой против либералов, а отчасти против французских контрольных офицеров и агентов. Французский посланник заявил вчера на заседании о предположении адмирала бомбардировать Афины в случае безпорядков. Среди венизелистов паника, так как греческая печать высказывает резкие суждения по адресу англо-французов и неправильно освещает публике мотивы, недопускающие пока ослабления блокады. Союзные посланники решили, по одобрении их правительствами, передать греческому председателю совета министров строгую ноту, с предупреждением о последствиях враждебной газетной кампании и недобросовестного выполнения обязательств и с раз'яснением причин, препятствующих упразднению стеснительных мер против Греции. Упоминается вопрос об удержании ружей, о нераспущенных организациях и наличности банд, о безстеснчивом тоне печати, вводящей народ в заблуждение, и разных серьезных признаках, как работы у Коринфского канала, непозволяющих контролю считать достаточными гарантии полного исполнения Грецией возложенных на нее условий. Нота подлежит одновременному с вручением опубликованию.

Подп. *Демидов.*

CCCXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 февраля 1917 г. № 83.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французский посланник заявил вчера, 2-го февраля, греческому председателю совета министров, что если венизелисты подвергнутся новым насилиям, адмирал не остановится перед обстрелом (Афин), несравненно на этот раз более действительным, чем произведенным в свое время Дартижем. Гильмен сообщил Ламбросу, что распространяемые в печати слухи о подготовлении венизелистами при помощи союзников восстания в столице отнюдь не соответствует истине и, что в случае производства кровавой расправы с друзьями Согласия, державы, со своей стороны, сочтут недействительными данные ими гарантии о недопущении революционного движения в пределы старой Греции. Английский посланник сегодня предполагает высказаться в духе сего последнего заявления. Гильмен присовокупил, что если блокада вызвала смертные случаи, то это является следствием, неправильного распределения припасов и что судьба блокируемых его не разжалобит, раз король и королевская семья продолжают попрежнему посещать вечера и зрелища и предаваться всякого рода увеселениям. Подобное заявление в официальной беседе представляется не только неуместным, но способным лишь усложнить положение.

Подп. *Демидов.*

CCCXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 февраля 1917 г. № 84.

Продолжение моего № 82.

Копии в Париж и Рим.

Итальянский посланник, ссылаясь на неимение инструкций, отказался присоединиться к намеченному союзниками шагу. В письме на имя английского посланника, он мотивирует свой отказ предписанием из Рима воздержаться от каких-либо (пропуск) и коллективных выступлений. По поводу греческой печати, граф Бозцари сообщает, что он не не предпринимал шагов даже в те времена, когда афинская пресса куда более враждебно высказывалась в отношении Италии. Не отрицая задержания греками известного числа винтовок, он пишет, что их прошло, однако, более 100.000 и что вся военная обстановка, по его сведениям, создает из снятия блокады вопрос чести. Лорд Гардиндж сам это недавно признал, и если генерал Саррайль и другие думают иначе, он не может разделять их ответственности. Признавая, что в стране существует враждебное Согласию настроение, он полагает, что продление блокады может таковое лишь усилить. Относительно возможности вспышки против венизелистов, хотя граф Бозцари и не придает ей веры, он тем не менее обратит на сей счет внимание Ламброса. Лично мало сочувствуя вручению предложенной ноты, не премину, в видах солидарности, приобщить к ней свою подпись, хотя непосредственное обращение к населению путем печати считал бы более действительным. По вопросу о недостающих винтовках я нахожу, что мы стоим на крайне шаткой почве, ибо никому, повидимому, в точности неизвестно, сколько их, вообще, имелось в стране, а следовательно сколько их осталось у населения или в затаенных складах. Правительством издан декрет, требующий выдачи в пятидневный срок всех венных ружей. Распространяемые слухи о вооруженной демонстрации эпитратов, в будущее воскресенье, наводят страх на венизелистов, многие из которых спасаются на эскадру.

Подп. *Демидов.*

CCCXXIX

Секретная телеграмма посла в Риме.

4/17 февраля 1917 г. № 96.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Итальянский посланник доносит, что он не считал возможным согласиться с мнением своих сотоварищей о желательности адресовать новую ноту греческому правительству, так как, несмотря на действительно все усиливающееся брожение умов, требования держав все же приводятся в исполнение довольно добросовестно. Он об'ясняет брожение блокадою. Сообщая мне об этом, Соннино высказывается, главным образом, в смысле необходимости всеми мерами избетнуть случаев смерти населения от голода. Подобный случай, равно как и бомбардирование Афин, могут, по его мнению, возбудить против нас общественное мнение Америки и побудить Вильсона вмешаться в пользу греков как раз в то время, когда мы должны были бы стремиться привлечь его на нашу сторону. Соннино нисколько не настаивает на снятии блокады, а лишь на краткосрочном снабжении Греции хлебом в размерах допускающих все же достижение цели.

Подп. *Гирс.*

CCCXXX

Секретная телеграмма посла в Париже.

4/17 февраля 1917 г. № 95.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Великобританский посол сию минуту вручил Камбону меморандум, содержащий текст телеграммы, адресованной великобританскому посланнику в Афинах, в коей Бальфур высказывается против бомбардирования Афин и предписывает Эллиоту, в случае обострения положения, заявить Ламбросу, что если греческое правительство допустит повторение событий 2-го декабря, державы будут считать себя свободными от принятых ими на себя обязательств и примут соответствующие меры. Одновременно лорду Бартн поручается просить французское правительство предписать адмиралу не предпринимать бомбардирования без предварительного уговора между союзными правительствами. Камбон сказал мне, что он тотчас передаст меморандум Бриану и не сомневается в согласии последнего. Со своей стороны, я высказал Камбону, что было бы крайне желательно избежать бомбардирования Афин, которое, подобно бомбардированию Копенгагена англичанами, ляжет пятном на его авторов.—Камбон вполне со мною согласился.

Подп. *Извольский.*

CCCXXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 февраля 1917 г. № 87.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Греческий министр иностранных дел уведомил Эллиота, что все меры приняты правительством для предотвращения беспорядков, если венизелисты сами не начнут их. Однако, подобная же оговорка была сделана перед событиями 19 ноября и нельзя ручаться за то, что не будет никакой провокации. Английский посланник мне поведал, что его правительство не допускает мысли о бомбардировке Афин, но уполномачивает его заявить греческому правительству, сообща со своими коллегами, что, если обстановка станет по их мнению угрожающей, державы сочтут себя развязанными в отношении принятых ими обязательств и оставляют за собою полную свободу действий, в случае возобновления бесчинств.

Подп. *Демидов.*

CCCXXXII

Секретная телеграмма посла в Париже.

5/18 февраля 1917 г. № 102.

Вам, вероятно, уже известно от Палеолога о предложении Бриана заменить одновременно в Афинах посланников четырех союзных держав. Лондонский кабинет только что ответил, что, в виду нынешнего положения в Афинах, мера эта кажется ему преждевременной.

Подп. *Извольский.*

CCCXXXIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

6/19 февраля 1917 г. № 100.

Весьма доверительно.

Копии в Париж и Лондон.

Сообщая мне в доверительной беседе о предложении Франции, касательно замены посланников в Афинах, Соннино высказал, что по его убеждению главное зло не в беспорно крайне нежелательной нервности дипломатических представителей в Греции, а в том упорстве, с которым генерал Саррайль ведет свою линию, добиваясь во что бы то ни стало разрыва с Грецией. По мнению министра, вновь назначенные посланники, уверясь в силе Саррайля поддадутся его влиянию и общее положение лишь ухудшится. Вина во всем Саррайля. Соннино приписывает его влиянию то обстоятельство, что пожелания римской и петроградской конференций о постепенном смягчении блокады и о допущении некоторого количества хлеба в Грецию не имели до сих пор никакого применения. Между тем, моря голодом греков, мы не только наносим себе нравственный вред, но как бы умышленно толкаем население во враждебный нам лагерь. По убеждению Соннино, нам прежде всего надо дать хлеба Греции, хотя бы на несколько дней, а затем требовать от нее благоразумия и подчинения нашим указаниям.

Подп. *Гирс.*

CCCXXXIV

Секретная телеграмма посла в Риме.

7/20 февраля 1917 г. № 102.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Доверительно.

Не касаясь специально вопроса о ноте, считаю долгом высказать, что вообще в греческих делах трем державам-покровительницам, по мнению моему, нет основания добиваться присоединения Италии к их выступлениям. Достаточно было бы своевременно держать ее в курсе наших действий. Такой порядок устранил бы лишние прения и пререкания с Италией, основанные, главным образом, на глубоком недоверии Соннино к генералу Саррайлю и убеждении, что последний добивается похода на Грецию и низвержения короля в пользу венизелистов, и что французское правительство, в видах внутренней своей политики, не решается отозвать его. Тем более необходимо установление полного единодушия между державами-покровительницами и чтобы решительные меры принимались лишь с общего согласия, при котором единоличные выступления, вроде последних об'яснений Гильмена с Ламбросом, не могли бы иметь места.

Подп. *Гирс.*

CCCXXXV

Секретная телеграмма посла в Париже.

7/20 февраля 1917 г. № 110.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Ссылаюсь на телеграммы Гирса № 100 и Демидова № 91.

Доверительно. В разговоре с Камбоном, я счел полезным указать на за-

ключающиеся в сказанных телеграммах веские доводы против продолжения блокады или по крайней мере в пользу немедленного снабжения греческого населения хлебом. Настойчиво проводимая Демидовым мысль, сказал я, что, идя по нынешнему пути, союзники не только не успокоют Грецию, но достигнут обратных результатов и сыграют в руку наших противников, мне кажется заслуживает серьезного внимания. Весьма возможно полагать, что, будучи менее, нежели генерал Саррайль, Гильмен и другие французские агенты в Греции, вовлечен в события, наш посланник более беспристрастно судит о положении. Лично я не берусь высказать какое-либо мнение об этом положении и убежден лишь в одном, а, именно, в абсолютной нежелательности, при каких бы то ни было обстоятельствах бомбардировать Афины. Камбон выслушал меня весьма внимательно и не скрыл от меня, что критика образа действий союзников в Греции исходит только от Демидова и Сонино. В (Афинах) против этого образа действий идет сейчас сильная агитация.

Подп. *Извольский.*

CCCXXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 февраля 1917 г. № 98.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Доверительно.

Не подлежит сомнению, что не итальянцы одни, но также и английские агенты в Греции, начиная с Эллиота, проявляют большое недоверие к образу действий французов в Греции, и к общему поведению генерала Саррайля. Только они тщательно избегают высказываться на сей счет, а тем более открыто противодействовать нашим щепетильным союзникам, пытаясь постепенно и незаметно смягчать преувеличенное суждение последних, парализовать значение получаемых от французских агентов неправильных подчас данных и приостанавливать принятие слишком крутых мер, вроде бомбардировки Афин, этого памятника искусства, незащищенного при этом города— каковым действием было бы на долгие годы запятнано доброе имя, великое дело союзников. По правде сказать, обнаруженное подготовление взрыва Коринфского канала может служить показателем недоброжелательного Согласию отношения некоторых кругов, например, штабных, но отнюдь не достаточным оправданием суровых мер против непокорного населения; начатые ранее вручения ультиматума подземные работы тотчас были прекращены, по распоряжению правительства, преступный умысел коего в этом деле покуда нельзя считать установленным.

Подп. *Демидов.*

На подлинном собственною Николая II рукою написано:
«Совершенно согласен со взглядом Демидова».
Царское Село, 12 февраля 1917 г.

CCCXXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

11/24 февраля 1917 г. № 103.

Ссылаюсь на телеграмму № 95.

В ответ на наше сообщение, греческое правительство уведомляет о полной готовности образовать смешанную комиссию по возмещению убытков и высказывает при этом пожелание, чтобы обе стороны были представлены равным числом членов; поэтому греческое правительство предложило определить число членов—двух от греческого правительства и двух от союзников, или же по одному от каждой стороны. В случае разногласия, можно прибегнуть к арбитражу третьего лица, нейтральной национальности, выбираемого комиссией.

Подп. *Демидов.*

CCCXXXVIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

12/25 февраля 1917 г. № 124.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Английский посол передал здесь предложение Бальфура ныне же принять (все) меры для снабжения греческого населения продовольствием и вслед за тем имелось в виду «equisager» снятие блокады. Бальфур предложил также сообщить греческому правительству и населению, что по прибытии в греческие порты судов с хлебом им будет разрешено немедленно разгрузиться. Бриан ответил телеграммою Полю Камбону, в которой высказывает, что французское правительство соглашается на предложенные Бальфуром временные меры, но не считает возможным приступить к смягчению блокады, так как греческое правительство до сих пор не выполнило принятых им на себя обязательств. Телеграмма эта, в коей подробно изложен взгляд французского правительства на положение в Греции, сообщена Палеологу.

Подп. *Извольский.*

CCCXXXIX

Секретная телеграмма посла в Париже.

12/25 февраля 1917 г. № 126.

Копия в Лондон.

По вопросу о замене посланников в Афинах, Камбон телеграфирует из Лондона, что Бальфур заявил ему, что лондонский кабинет ценит деятельность Эллиота и намерен оставить его на этом посту.

Подп. *Извольский.*

CCCXL

Секретная телеграмма посла в Париже.

13/26 февраля 1917 г. № 133.

Копии в Рим, Афины и Лондон.

В ответ на сделанное мне сообщение, вчера отправлена Палеологу телеграмма вкратце следующего содержания: Французское правительство вполне признает необходимость более согласованной политики союзных держав в Греции, но думает что по этому вопросу следует установить предварительное соглашение между тремя державами-покровительницами и ближайшими образом между Францией и Англией, ибо Россия, со своей стороны, из'явила свою готовность присоединиться к памятным запискам этих двух держав, приносящих в Греции наибольшие материальные жертвы и располагающих также наибольшими средствами воздействия. Французское правительство уже сообщило державам свою программу согласованного образа действий в Греции. Если эта программа будет принята и осуществлена союзниками, можно будет приступить к снятию блокады и перейти к более мягкой политике по отношению к Греции. Что касается вашего предложения сосредоточить переговоры по настоящему вопросу в Риме, французское правительство не считает возможным на него согласиться, вследствие особого положения занятого Италией в Греции и, вообще, на Балканах и образа действий итальянского посланника в Афинах, коим несомненно поощряется несговорчивость греческого правительства.

Подп. *Извольский.*

CCCXLI

Секретная телеграмма посла в Париже.

14/27 февраля 1917 г. № 135.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Французский посол телеграфирует из Лондона, что лорд Гардиндж сказал ему, что Бальфур разделяет возражения Бриана против выбора Рима для конференции послов по греческим делам, но что подобная конференция желательна и могла бы собраться в другом месте. По мнению Бальфура можно либо тотчас же собрать послов четырёх держав, либо начать разговор между Францией и Англией, продолжить его с Россией и по установлению соглашения между этими тремя державами, пред'явить таковое Италии. С другой стороны, Поль Камбон подтверждает, что лондонский кабинет ни в каком случае не согласится отозвать Эллиота.

Подп. *Извольский.*

CCCXLII

Секретная телеграмма посла в Париже.

22 февраля/7 марта 1917 г. № 159.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Великобританский посол сообщил сегодня телеграмму Эллиота с жалобой на притеснения венизелистов и на действия греческой полиции и про-

сил предписать Гильмену сделать совместно с Эллиотом энергичные представления по этому поводу греческому правительству. Бриан ответил телеграммой на имя Поля Камбон, что он готов дать Гильмену инструкции в указанном смысле. Но что он напоминает Бальфуру, что лондонский кабинет все еще не дал ответа на предложенный им общий план действий в Греции; при этом Бриан еще раз высказал, что соглашаясь на немедленное снабжение хлебом греческого населения, он считает, что блокада должна быть снята лишь по выполнении этого плана. Он присовокупил, что если лондонский кабинет сочтет необходимым потребовать удаления нынешнего греческого кабинета и генерального штаба, он готов к этому присоединиться. Наконец, по мнению Бриана, возвращение посланников в Афины должно состояться одновременно со снятием блокады и что к тому же времени следовало бы приурочить смену 4 посланников. Телеграмма эта сообщена Палеологу.

Подп. *Извольский.*

CCCXLIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

4/17 марта 1917 г. № 153.

Французский посол сообщил сегодня итальянскому правительству французский проект установления контроля в Греции. Соннино ответил, что он проекта не одобряет, находя, что контроль должен быть равноправно распределен между четырьмя державами, включая Россию, а не только между Францией, Англией и Италией и что предполагаемая должность французского генерал-контролера должна быть заменена советом делегатов 4-х союзных держав.

Подп. *Гирс.*

CCCXLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 марта 1917 г. № 142.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французский посланник сообщил нам краткое содержание выработанного в Париже проекта союзных контролей в Греции. Составленный здесь проект видоизменяется приблизительно следующим образом: отрасль почт и телеграфов сливается с железнодорожной, образуя общий контроль над сообщениями, предназначенный Франции. Намечается продовольственный надзор, предоставляемый Англии. Полицейский, остается в руках Италии. При новом распределении на нашу долю не выпадает больше самостоятельной отрасли, а русским контролерам предоставляется быть разбросанными по всем трем отраслям. Главным директором предположено назначить генерала Кобу, заведующего в настоящее время контролем по перевозке военного материала в Пелопонес. В каждой из трех областей помощник директора должен быть непременно француз. Продолжаю считать русское участие желательным, но, не обладая нужным персоналом для замещения под-

ведомственых должностей в разных отраслях контроля, полагал бы необходимым образование об'единенного центрального органа контролей, в котором здесь следует заручиться участием, хотя бы без особой русской отрасли. Английский посланник считает французский проект трудно приемлемым, как по причине чрезмерного преобладания французского элемента, так вследствие устраиваемой им косвенной зависимости контролеров от генерала Саррайля через посредство подчиненного ему директора, генерала Кобу.

Подп. *Демидов.*

CCCXLV

Секретная телеграмма посла в Париже.

17/30 марта 1917 г. № 226.

Доверительно. Циркулярная телеграмма Рибо по греческим делам отправлена им, мне известно, вследствие давления со стороны парламентской комиссии по внешним делам, которая считает, что с уходом г. Бриана наступило время потребовать от правительства более энергичной политики по отношению к Греции. Требование это, пред'явленное г. Рибо председателем сказанной комиссии, г. Лейгом, поддерживается почти всеми газетами, высказывающими, между прочим, что при новом порядке в России, вряд ли король Константин будет пользоваться по прежнему поддержкой русского посланника, и что, таким образом, будет легче добиться столь необходимого единства действий союзнической дипломатии в Афинах. По имеющимся у меня сведениям, эта парламентская и газетная кампания имеет конечною целью свержение короля Константина, если и не путем прямого вмешательства союзников, то по крайней мере путем оказания ими более активной поддержки венизелистами. Следует предвидеть, что Рибо будет более нежели его предшественник склонен подчиняться в настоящем вопросе требованию общественного мнения, весьма возбужденного против греческого правительства и в особенности против короля Константина.

Подп. *Извольский.*

CCCXLVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

21 марта/3 апреля 1917 г. № 246.

Доверительно. Из разговоров с Рибо и Ж. Камбоном я вывожу заключение, что между парижским и лондонским кабинетами действительно все еще не согласованы взгляды по вопросу о дальнейшей политике в Греции; в частности, Бальфур продолжает возражать против замены союзнических посланников в Афинах. Здесь ожидается из Лондона Поль Камбон, которого Рибо упрекает в недостаточно энергичном поддержании французской точки зрения в греческих делах. Продолжаю думать, что Рибо твердо намерен проявить в этих делах больше энергии и оказать более деятельную поддержку Венизелосу, причем не исключается надежда, что эта поддержка, в конце концов, приведет к свержению короля Конссстантина.

Подп. *Извольский.*

CCCXLVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 марта/5 апреля 1917 г. № 178.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вследствие несочувствия лондонского кабинета французскому проекту союзных контролей в Греции, великобританский посланник возбудил предложение приблизиться снова к первоначальному проекту, выработанному (пропуск) союзных миссий. Эллиот полагает, что действующая ныне военная контрольная комиссия в ее настоящем составе могла бы образовать по окончании освидетельствования военного материала в Пелопонесе центральное учреждение по восстановляемым другим контролям, при непременном условии, чтобы оно было подчинено не Саррайлю, а (пропуск) в Афинах. Генерал Кобу, в качестве старшего в чине, принял бы председательство, как «примус интер парес». Русскому делегату был бы подчинен контроль железных дорог, согласно первому проекту. Английский и итальянский посланники телеграфируют своим правительством об обозначенном предложении, считаемом нами целесообразным. Французский посланник мнения не высказал.

Подп. *Демидов.*

CCCXLVIII

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже.

1/14 апреля 1917 г. № 283.

Во французской политике по греческим делам наступила существенная перемена, в смысле более резкого отношения к королю и его правительству. Так, на днях греческий поверенный в делах сообщил Рибо текст телеграммы, полученной от афинского правительства. Текст ее оказался настолько дерзким, что Рибо распорядился возвратить ее поверенному в делах. Как мне известно, подобные дерзкие сообщения при Бриане принимались без замечаний.—Доверительно.—Весьма возможно, что Рибо, руководящийся при этом соображениями личного характера, особенно желает таким контрастом подчеркнуть в глазах парламента и общественного мнения чрезмерную уступчивость, проявленную Брианом по отношению к Греции.

Подп. *Севастопуло.*

CCCXLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 апреля 1917 г. № 199.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Сюда поступают известия крайне озабочивающие правительство о занятии союзниками некоторых островов и водворении на них венизелистских властей. После Занте и Серито, такому перевороту подверглись острова Кефалония и Скопелос (Севр. Спорады). Из Корфу сообщают, что французский адмирал распорядился об изгнании нескольких лиц, между прочим,

греческого начальника полиции и дочери покойного Теотокиса, партия которого пользуется влиянием на острове. Наконец, ходят слухи о назначении Венизелосом губернатора Ионических островов, которые, вероятно, вскоре в совокупности отойдут к новой Греции. Французское правительство, повидимому, решило идти напролом и не обращать впредь внимания на протесты греческого правительства против нарушения державами своего обещания не способствовать распространению венизелистского движения. В правительственных кругах замечается безпокойство, по поводу этих посягательств на королевскую территорию, едва ли с точки зрения военной оправдываемых, и растет недоверие к державам, образ действий коих указывал бы на преследование ими здесь особых политических целей.

Подп. *Демидов.*

CCCI.

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 апреля 1917 г. № 200.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Продолжение телеграммы, № 199. Весьма доверительно. В греческих кругах замечается за последние дни сильное безпокойство в предчувствии каких-то решительных событий. Упорно держатся слухи о замене нынешнего кабинета более энергичным и расположенным к Согласию. Опасения вызваны враждебным тоном французской печати, а в особенности статьями «Темпса» *), 30 марта н. ст., под заглавием: «Ле парадокс трек», в коих усматривают угрозу Греции и ее королю. Равным образом сохранение на неопределенное время строгой блокады и содействие, оказываемое союзниками венизелистскому движению на островах, дают повод думать, что предстоят дальнейшие захваты в пользу Венизелоса. Не подлежит к тому же сомнению, что русский государственный переворот произвел на здешние дворцовые и правительственные сферы удручающее впечатление, лишая короля дружественной поддержки. Далее, образ действий генерала Кобу в его намеренных затяжках и резкое обращение с Ламбросом, а равно приписываемые греками Саррайлю виды на будущие фессалийские урожаи, могущие обеспечить старую Грецию месяца на 4, не менее способствуют общему тревожному настроению. Здесь все себя спрашивают, чего собственно желают союзники, особенно Франция, и, как мне кажется, готовы к новым уступкам и примирительности, лишь бы не был тронут король, в каковом случае дело не обошлось бы без серьезного сопротивления и кровопролития. Мой английский коллега и я приходим к убеждению в неосуществимости возвращения к нормальным отношениям с Грецией при французском высшем распорядительстве. Английский посланник подал в Лондоне мысль, что Англии надлежало бы взять греческие дела в свои руки, что генерал Саррайль, от коего можно ждать всяких неожиданностей, должен быть отозван, а морское командование передано английскому адмиралу. Сознавая трудность добиться этой программы, он все же считает, как и я, что подобная перемена самым благоприятным образом повлияла бы не только на здешние дела, но и на морскую безопасность в Средиземном море.

Подп. *Демидов.*

*) Temps.

CCCLI

Секретная телеграмма посла в Париже.

5/18 апреля 1917 г. № 290.

Камбон сказал мне, что при свидании с Ллойд-Джорджем в Фолькстоне Рибо пришел к полному согласию с ним по греческим делам и что ныне остается установить такое же согласие с итальянским правительством, все еще ведущим в этих делах особенную линию.

Подп. *Извольский.*

CCCLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 апреля 1917 г. № 203.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Король пригласил сегодня, 5 апреля, к себе английского посланника и заявил ему о готовности переменить правительство, лишь бы он мог получить заверения в том, что французы не стремятся к его низложению или вторжению в страну, в каковом случае ему пришлось бы оказать сопротивление. Король назвал кандидатами в председатели совета: Димитрокопуло, Калогиропуло, Займиса, отдавая предпочтение последнему, и спросил английского посланника, приведет ли его назначение к лучшим отношениям с Согласием и убедит ли оно державы, что Греция не питает враждебных к ним намерений. Английский посланник ответил, что выбор Займиса, на его взгляд, имел бы такой результат, под условием, что в новый кабинет вошли бы, в качестве министров внутренних дел и военного, лица, обладающие достаточною твердостью воли и энергией для противодействия побочному, пагубного влияния генерала Дусманиса и других. К великобританскому посланнику зашел по приказанию короля гофмаршал двора и сообщил, что Займис, будучи запрошен, высказал, что одновременно с вступлением нового кабинета в управление, должна бы быть снята блокада, в виду облегчения ему тяжелой задачи и (пропуск) большей силы в стране.

Подп. *Демидов.*

CCCLIII

Секретная телеграмма посла в Париже.

8/21 апреля 1917 г. № 305.

Копии в Лондон и Рим.

Рибо только вчера вернулся из Савойи, где происходило свидание между ним, Ллойд-Джорджем, Бозелли Соннино. Я не успел еще с ним видеться, но на основании разговоров с его ближайшими сотрудниками, могу сообщить нижеследующее: после переговоров с Ллойд-Джоджем в Фолькстоне, где было установлено принципиальное соглашение по греческим делам с лондонским кабинетом, Рибо считает необходимым придти к такому же соглашению с римским кабинетом, отношения с коим, особенно на почве сказанных дел, все более обострялись. При этом, цель Рибо, осуждающего

политику Бриана в греческом вопросе, была расширить программу, установленную римской конференцией, не только стеснившую свободу действий Франции в Греции, но позволившую Италии захватить в Афинах неподобающую ей превенствующую роль. Цель эта, повидимому, достигнута. Рибо категорически заявил совещанию, что французское правительство, в виду явного неисполнения греческим правительством принятых им обязательств, считает державы свободными от данных им обещаний и требует энергичной политики по отношению к Греции и к королю Константину. В итоге совещания достигнуто соглашение по следующим двум главным пунктам: 1) Все три кабинета, т.-е. парижский, лондонский и римский заявляют о непмении у них видов на остров Корфу—protocole de désintéressement. 2) За французским правительством признается свобода действий в Греции, причем, не исключается возможность свержения короля Константина. Не допуская перемену лица на греческом престоле, Италия возражает против учреждения в Греции республики, видя в этом ослабление для Италии. Со своей стороны, французское правительство не имеет в виду способствовать победе республиканского движения в Греции, считая, что это привело бы страну к анархии. На совещании, кроме того, был затронут вопрос об итальянских вожделениях в Малой Азии, причем, итальянские министры настаивали на предоставлении Италии всего Конийского вилайета и Смирны. Им было отвечено что вопрос этот должен быть разрешен по соглашению между 4-мя державами, но что ни Франция, ни Англия не имеют видов на Смирну. Обо всем вышеизложенном, Рибо доложит сегодня, совету министров и подробно поставит Вас в известность через Палеолога. Считаю долгом в заключении оговорить, что я не могу вполне ручаться за достоверность настоящего изложения, которое я не премину проверить в личной беседе с Рибо.

Подп. *Извольский.*

CCCLIV

Секретная телеграмма посла в Риме.

9/22 апреля 1917 г. № 259.

Доверительно. На совещании Рибо заявил, что французское правительство имеет доказательства недобросовестности греческого правительства, допускающего возвращение на север переодетыми греческих солдат, удаленных на Пелопонес. Такое его поведение грозит серьезной опасностью союзным войскам, требуя сохранения на греческом фронте двух французских дивизий, необходимых Саррайлю для военных операций против болгар. Соннино признал, что все необходимое для обеспечения безопасности союзных войск должно быть сделано и что об этом следует заявить самым категорическим образом Ламбросу. На замечание Рибо, что ответственным лицом является король и что подлежит предупредить греческое правительство о возможности пред'явления союзниками требования о низложении короля, Соннино согласился с этим, при условии, что союзники не будут покровительствовать провозглашению республики в Греции, а настоят на сохранении конституционного порядка перехода престола к наследнику или к одному из принцев королевского дома. Он об'яснил, что провозглашение республики могло бы отразиться на внутреннем положении других стран,—

что, как напр. в Италии, могло бы привести к внутренним беспорядкам и саботажу войны. Рибо и Ллойд-Джордж приняли условие Соннино. Ллойд-Джордж относится вообще довольно индеферентно к греческим делам и главные выступления исходили от французского председателя совета министров.

Подп. *Гирс.*

CCCLV

Секретная телеграмма посла в Париже.

11/24 апреля 1917 г. № 312.

Копия в Лондон.

Только что виделся с Рибо, который прочел мне полностью протокол совещаний с Ллойд-Джорджем и Соннино в Савойе. Содержание протокола в общем совпадает со сведениями, полученными мною от сотрудников Рибо, хотя в последних имелось несколько неточностей. Так, Соннино требовал не только Смирны, но и всего смирнского вилайета, а Рибо и Ллойд-Джордж ответили на его настояния лишь обещанием довести о них до сведения своих правительств. Впрочем, Рибо сказал мне, что он уже передал Палеологу по телеграфу подробное извлечение из сказанного протокола, с поручением сообщить Вам оное. Полный текст протокола будет сообщен Вам дополнительно. Рибо присовокупил, что он крайне сожалеет, что условия (пропуск) не позволили Вам участвовать в совещании, которое поэтому не могло принять никаких окончательных решений по настоящим вопросам. Таковые решения могут последовать лишь по установлении соглашения с Вами, о чем Палеологу предписано Вам заявить.

Подп. *Извольский.*

CCCLVI

Секретная телеграмма посла в Париже.

11/24 апреля 1917 г. № 313.

Копии в Лондон и Рим.

Касательно греческих дел, Рибо сказал мне, что на совещании он категорически потребовал для Франции свободы действий для обеспечения безопасности салоникских войск, и заявил, что генерал Саррайль считает необходимым предпринять активные действия в Фессалии и занять Ларissу. Заявление это встретило некоторые возражения со стороны Ллойд-Джорджа и в результате прений было решено, что Рибо и Ллойд-Джордж опять встретятся, приблизительно через две недели, для окончательного разрешения вопроса. Между тем, сегодня, английские телеграммы из Лондона сообщают, что на вопрос, поставленный в палате общин, намерены ли державы что либо предпринять против деятельности комитаджиев в Фессилии, лорд Сесиль ответил, что французский главнокомандующий примет соответствующие меры. Рибо сказал мне, что он тотчас же запросил П. Камбона, верно ли это известие и что, в случае, если оно подтвердится, это сможет побудить французское

правительство приступить к исполнению намеченной меры, не дожидаясь предположенного совещания с Ллойд-Джорджем. Это может оказаться тем более небходимым, что как раз, сегодня, генерал Саррайль начинает наступательные действия против германо-болгар и что, раз его намерения относительно Фессалии получили огласку, он должен обеспечить себя от каких либо сюрпризов со стороны греков. Рибо присовокупил, что на совещании Ллойд-Джордж настойчиво возвращался к всегдашней мысли лондонского кабинета отозвать английский контингент из Салоник и что этот вопрос также должен был обсуждаться на предположенном совещании.

Подп. *Извольский.*

CCCLVII

Секретная телеграмма посла в Париже.

11/24 апреля 1917 г. № 314.

Продолжение моего № 313.

Копии в Лондон и Рим.

Я воспользовался беседой с Рибо, чтобы сообщить ему в общих чертах, содержание Ваших телеграмм под №№ 1504 и 1505 и вызвать его на об'яснения по затронутому в них вопросу. Рибо подтвердил мне, что он настаивает на более энергичной политике в Греции и что это должно естественно привести к низложению короля Константина. С другой стороны, хотя французское правительство и не может препятствовать стремлению греков учредить у себя республику, «против чего, я полагаю»,—заметил он, «со стороны нового русского правительства также не будет возражений»—оно не имеет оснований способствовать подобному движению или вообще изменению греческой конституции. Перемена лица на греческом троне, вероятно, повлечет за собой возвращение к власти Венизелоса. «Но, сказал мне Рибо, Вы можете вполне успокоить г. министра насчет последствий подобной перемены, ибо французское правительство не примет перед Венизелосом никаких обязательств, в смысле широких националистических стремлений греков. Вы можете быть уверены, что Франция не примет в этом отношении никаких решений без предварительного соглашения с Россией». На мое замечание, что, не сомневаясь, в намерениях французского правительства, я не могу не высказать опасения, что возвращение Венизелоса воскресит в здешних политических и интеллектуальных кругах прежнее эллинофильство, в свое время столь повлиявшее на неудачное решение вопроса о Кавалле, Рибо ответил, что здесь сознают, что отдача этого порта Греции была, несомненно, ошибкою, что ныне, после пережитых событий, не следует опасаться возрождения во Франции в прежних размерах эллинофильских увлечений. Это последнее мнение я слышал не от одного Рибо, а от многих здешних политических деятелей и публицистов, а Жюль Камбон, следующим образом, формулировал при мне схему будущих отношений к Венизелосу: «Всего лучше, сказал он, собрать достаточно поводов неудовольствия на Грецию, чтобы быть свободными от всяких нравственных по отношению к ней обязательств».

Подп. *Извольский.*

CCCLVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

11/24 апреля 1917 г. № 210.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Весьма доверительно. Ознакомившись с протоколом по греческим делам совещания в С.-Жан-де-Морен, из которого можно заключить, что Франции предоставлена свобода действий в Греции, вплоть до принятия самых радикальных мер, считаю своею обязанностью предупредить, что попытка тем или иным путем низложить короля Константина не обойдется без кровопролития, а может быть приведет и к гражданской войне. Напоминая о вероятных последствиях опрометчивого здесь шага, я отнюдь не задаюсь целью поддержать греческого короля, а лишь указываю на опасность подобных потрясений в тылу союзной армии и на мало производительное, на мой взгляд, расходование значительных военных сил. Не входя в сферу высших политических соображений, продиктовавших последние решения союзников в отношении к Греции, я принужден тем не менее высказать свой взгляд на нежелательность создавать здесь осложнения и во всяком случае просить о заблаговременном меня предупреждении о времени приступления к решительным мероприятиям, в видах обеспечения безопасности миссии и нашей колонии, часть которой успела уже вернуться в Афины.

Подп. *Демидов*.

CCCLIX

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 апреля/6 мая 1917 г. № 370.

Сегодня, вместе с итальянским послом, я участвовал на совещании по греческим делам. Открывая совещание, Рибо напоминал, что в Савойе (еще ранее) было установлено, что окончательное решение вопроса о занятии Ларисссы и Фессалии состоится при свидании между французским и английским председателями совета министров. Заявление это вызвало со стороны итальянского посла попытку поставить решение сказанного вопроса в зависимости от удовлетворения вожделений Италии на Смирну и другие малоазиатские области. Рибо самым категорическим образом, отклонил эту попытку. Ллойд-Джордж, со своей стороны, заявил, что, хотя лондонский кабинет не возражает против приобретения Италией Смирны на известных условиях, окончательное решение этого вопроса может последовать лишь по соглашению с Россией. Вслед за сим, состоялось решение о занятии Фессалии с Ларисссою, а эвентуально с Воло. Занятие это имеет, главным образом, целью, овладение тамошним урожаем, который предполагается распределить между областями занятыми венизелистами и старой Грецией. Занятие Фессалии вряд ли вызовет какое либо местное противодействие и будет осуществлено по возможности мирным образом войсками генерала Саррайля. Переданную здесь, агентом Венизелоса просьбу последнего, предоставить ему занять Фессалию и Акарнанию своими войсками, совещание отклонило, но если в занятых областях возникнет движение в пользу салоникского правительства, решено этому движению не препятствовать; впоследствии можно будет допустить введение туда и венизелистских войск.

Подп. *Извольский*.

CCCLX

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 апреля/6 мая 1917 г. № 371.

Копии в Лондон и Рим.

Вопрос о низложении короля Константина на совещании специально не обсуждался, но я воспользовался этим случаем, чтобы сообщить французским и английским министрам содержание полученной мною, сегодня, Вашей телеграммы № 1750. Ллойд-Джордж самым категорическим образом выразил, что он вполне разделяет Ваш взгляд, что, в случае отречения короля, решение вопроса об установлении нового образа правления в Греции должно быть предоставлено самому греческому народу. Ллойд-Джордж присовокупил, что общественное мнение Англии никогда не допустит иной постановки этого вопроса. Итальянский посол заметил, что греческий народ примет, вероятно, решение, которое будет подсказано ему союзниками. Замечание это встретило весьма энергичный отпор со стороны как английских, так и французских министров. В заключение Рибо заявил, что в Сан-Жане им было принято лишь обязательство не способствовать республиканскому движению в Греции и что он также вполне согласен с Вашим взглядом о предоставлении греческому народу выбора нового образа правления. На этом прения окончились и совещание не обсуждало никаких конкретных мер по отношению к королю Константину. Вопросы о мерах предосторожности на случай беспорядков в Афинах и об отношениях союзников к новому кабинету Займиса, совещанием вовсе не обсуждались. Решение сегоднешнего совещания будут подробно сообщены Вам через посредство французского посольства в Петрограде. В заключение, считаю долгом присовокупить, что, при обмене мнений с участниками совещания, мне показалось полезным, между прочим, напомнить о Вашем заверении, что не находя возможным поддерживать короля и препятствовать движению венизелистов, Вы вместе с тем, считали бы опасным поощрять велико-греческие вожделения Венизелоса, могущие оказаться в противоречии с интересом России и необходимым умиротворением Балкан.

Подп. *Извольский.*

CCCLXI

Секретная телеграмма поверенного в делах в Афинах.

30 апреля/13 мая 1917 г. № 251.

Прибыв из Лутраки, посланник посетил, 27 апреля, Займиса. В разговоре с ним посланник воздержался за неимением особых инструкций от каких либо заявлений, и ограничился лишь тем, что выслушал Займиса. Последний заявил посланнику, что программа нового кабинета состоит в самых широких уступках требованиям держав Согласия. «Я могу утомить Францию уступками», сказал Займис. В вопросах об удалении из Афин неблагоприятных Согласию элементов и о конфискации оружия, Займис решил быть непреклонным. Он не скрыл, однако, от посланника, что положение его весьма трудное, так как никто из посланников не обещал ему ни помощи, ни поддержки, за исключением английского, сделавшего это от себя и по собственному почину. Кроме этого, Займису неизвестно, чего именно хочет Согласие от нового правительства. Он дал понять посланнику, что

осведомлен о намерениях Франции свергнуть короля, что, по его мнению, приведет королевскую Грецию к полной анархии и к диктатуре какого нибудь германского генерала в Афинах. Хотя Займис и не делает себе иллюзий на счет долговечности кабинета, он все же надеется предотвратить пока возникновение беспорядков в Афинах и не придает значения угрозам и выпадам оппозиционных кругов.

Подп. *Икскуль.*

CCCLXII

Секретная телеграмма поверенного в делах в Афинах.

12/25 мая 1917 г. № 287.

Копия в Рим.

Итальянский посланник доверительно сообщил мне, что Соннино выразил французскому послу свое неудовольствие, по поводу принятия Англией и Францией совместных решений, о которых уведомляет Италию, не считаясь с ее интересами. Между тем, в случае оттяжки войск из Салоник, ей придется отказаться от занятия Эпира, где в настоящее время Италия держит 50.000 армию, и вернуться в Валлону. Итальянский посланник уверен, что его правительство не согласится на его отозвание.

Подп. *Икскуль.*

CCCLXIII

Секретная телеграмма посла в Риме.

16/29 мая 1917 г. № 364.

Соннино доверительно сообщил мне, что на днях англичане уведомили его, что при занятии Фессалии будет захвачен ее урожай и, в связи с этим, снята блокада греческих берегов, что английские одна дивизия и две бригады будут увезены из Македонии в Египет, что союзные силы в Македонии будут оттянуты к Салоникам и военные действия ограничатся защитой этого города, что признано желательным подчинить политические сношения с Грецией требованиям военных соображений, и что, в виду этого, Англия предполагает отозвать нынешнего своего посланника в Афинах, заменив его менее выдающейся личностью. Это создало впечатление, что по указанным выше пунктам состоялось уже соглашение между Англией и Францией. Соннино считал долгом выразить в Лондоне свое удивление, что, по отношению к Македонскому фронту, Англия и Франция принимают решения, не запросив мнения Италии, несмотря на то, что она имеет 50.000 войска в Македонии. Он заявил, что по мнению генерала Кадорны, если роль союзных войск будет ограничена защитою Салоник, то нет необходимости держать там столь значительные итальянские силы, которые к тому же не будут более иметь связи с Албанским отрядом; в таком случае Кадорна предполагает отозвать итальянские войска из Македонии. Соннино не знает еще, насколько его заявление повлияет на решение союзников, но более чем когда либо он относится с недоверием к мерам, принимаемым в Македонии и в Греции,

вдохновлением генералом Саррайлем, преследующим, по мнению Соннино, исключительно политические цели в Греции, не заботясь в достаточной степени о наступлении на болгар. Вообще, отношение Соннино к Саррайлю стало последнее время сильно обостряться.

Подп. *Гирс*.

CCCLXIV

Секретная телеграмма посла в Риме.

19 мая/1 июня 1917 г. № 368.

Французский посол сообщил Соннино, что между Францией и Англией состоялось соглашение по греческому вопросу. Фессалия будет занята и в ней будут образованы комиссии, имеющие распределить урожай между всеми провинциями Греции. Королю Константину будет предложено удалиться из Греции и если он не подчинится этому, то блокада будет усилена и Коринфский канал занят французскими войсками. Бывший французский министр, Жоннар, будет назначен в Афинах комиссаром держав-покровительниц. Ему будут подчинены генерал Саррайль и поверенный в делах союзных правительств. Посланники будут отозваны. Передавая мне это, Соннино добавил, что тождественное сообщение было сделано ему сегодня английским послом с тою только разницею, что англичане говорили о замене короля одним из принцев королевской семьи. По словам Соннино, он ответил обоим послам, что это соглашение нисколько не соответствует решению конференции в Сан-Жане, где упоминалось о низложении короля, только в случае всеобщей резни в Афинах, чего в действительности не было, да к тому же бывшее тогда враждебное Согласию министерство Ламброса, заменено более расположенным к нам министерством Заимиса. Так как Италия не является державою-покровительницею Греции, то участия в восстановлении нового там порядка она принимать не будет. Что же касается отозвания посланников и подчинения дипломатических миссий комиссару, то в виду принятия подобного решения без предварительного соглашения с Италией, она представляет себе свободу действий в этом вопросе.

Подп. *Гирс*.

CCCLXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 мая/1 июня 1917 г. № 300.

Срочно.

Великобританский посланник извещен о решениях, принятых последним лондонским совещанием в отношении Греции, но вследствие доверительности сообщения не решается осведомить коллег. В виду важности намеченных по слухам мер и в целях обеспечения безопасности состава миссии и нашей колонии, просил бы меня заблаговременно, по возможности, предупредить.

Подп. *Демидов*.

CCCLXVI

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне.

22 мая/4 июня 1917 г. № 2332.

Сообщается в Афины, Рим и Директору Дипломатической Канцелярии.

Чрезвычайные усилия сделанные нами, чтобы поднять боевой дух нашей армии и дать ей мощный наступательный толчек, привели к вполне положительным результатам, которые подтверждаются впечатлениями вернувшегося вчера с поездки на фронт военного и морского министра. Это дает нам уверенность, что в самом ближайшем будущем мы сможем перейти в наступление. Вследствие сего, по мнению высших военноначальников, вполне разделяемому и временным правительством, всякое ослабление Македонского фронта снятием с него войсковых частей или отводом их к Солуни, расхолодит и подорвет народившееся бодрое и наступательное настроение нашей южной армии, так как противник сможет перебросить освободившиеся в Македонии войска в угрожаемый сектор, предупредит наш первый натиск и не даст развернуться нашему наступательному движению.

Между тем, мне представляется, что намеченный французами и англичанами план греческого переворота для своего осуществления потребует отвлечение из Македонии значительных сил и создаст угрозу новых осложнений, вследствие возможности возникновения междуусобной войны в старой Греции, что естественно подействует разлагающим образом на крепость Македонского фронта.

По этим соображениям, я считал бы несвоевременным и опасным немедленное приведение в исполнение англо-французского проекта государственного переворота в Греции, как не вызываемого в настоящее время никакими особыми обстоятельствами и не отвечающего обще-союзническим интересам.

Благоволите в этом смысле доверительно об'ясниться с министром иностранных дел, и о последующем, телеграфировать.

Подп. *Терещенко.*

CCCLXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 мая/4 июня 1917 г. № 303.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Из совокупности взглядов, которые мне удалось получить от моих английского и итальянского коллег, заключаю, что на последнем лондонском совещании, союзники сговорились по греческим делам, в смысле уступки французским настояниям. Принимая во внимание, что постановления этой конференции, с одной стороны, повидимому касаются мероприятий в Греции, связанных с риском внутренних потрясений, а с другой близко меня затрагивают, позволяю себе напомнить о ходатайстве, представленном в телеграмме № 300. По моим сведениям, прибытие Жоннара, в качестве комиссара союзников в Греции, состоится на-днях. В нейтральной зоне происходит сосредоточение франко-английского значительного отряда для предстоящей

будто бы оккупации Фессалии. Хотя слухи эти ныне уже вызывают недоумение, чтобы не сказать тревогу греческой печати, мною все же допускается возможность избежания эксцессов в Афинах, даже с водворением в Ларриссе влияния Солунского правительства. Однако, дальнейшее продвижение на юг, или требование отречения короля, я считаю способным вызвать крупное возмущение и кровавую расправу с венизелистами, посильную мобилизацию резервистов и отчаянный отпор иностранцам. Трудно, конечно, учесть психологию полуголодного, хотя в высшей степени терпеливого населения, неустанно подбиваемого заядлыми врагами Венизелоса «к защите престола и отечества от предателя и чужестранного закабаления». Многое, вероятно, будет зависить от того или иного образа действий Жоннара, при котором английскому посланнику поручено оставаться некоторое время, в качестве опытного советника по греческим делам. С своей стороны, итальянский посланник поведал мне, что Соннино сделал Барреру (существенные) оговорки относительно решений в Лондоне. Граф Боздари полагает, что жизненные интересы Италии отнюдь не позволяют ей равнодушно относиться к французскому вторжению в Грецию. По его словам, таковое легко может иметь последствием занятие Италией всего греческого Эпира с Яниной, вплоть до Превезы. Что же касается его отозвания, то посланник считает таковое далеко не решенным консультой, Жоннару же он подчиниться не намерен.

Подп. *Демидов.*

CCCLXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 мая/4 июня 1917 г. № 303.

Продолжение моего № 303.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Если уступив французскому плану действий в Греции, правительство решит наряду с предстоящим уходом английского и французского посланников отозвать русского представителя, покорнейше прошу меня заблаговременно осведомить о том, дабы не быть поставленным в необходимость выехать второпях, под давлением событий, и чтобы иметь возможность покинуть Грецию с подобающим достоинством. При этом приемлю смелость заметить, что преследуемый Францией курс в отношении Греции отнюдь не отвечает моим понятиям политической нравственности и едва ли, на мой взгляд, обоснован соображениями общей целесообразности. В частности, он не согласуется, по моему, и с будущими интересами России в этих краях. Настоятельность союзнического единения постоянно повелевала и повелевает мне присоединиться ко всем французским выступлениям. Но навязывание в настоящую минуту старой Греции Венизелоса, в связи с сохранением небывалой шестимесячной блокады, не только не согласуется с торжественным обещанием держав, предельно обезоруживших Грецию, но коренным образом, по моему, расходится с возвещенными Согласием высшими началами свободы маленьких наций и права народов на самоопределение.

Подп. *Демидов.*

CCCLXIX

Секретная телеграмма посла в Риме.

23 мая/5 июня 1917 г. № 383.

Срочно.

В сегодняшнем разговоре со мной, касательно провозглашения независимости Албании, Соннино дал следующие дополнительные об'яснения. Независимость эта была уже провозглашена Австриею в феврале, и произвела впечатление в Албании, где стали образовываться банды, работающие в пользу Австрии. Ныне, в виду намерения союзников изменить положение на Македонском фронте и сократить оперативную линию, причем связь итальянских войск в Албании с войсками Саррайля будет совершенно прервана, итальянцы должны будут расчитывать в Албании исключительно на свои силы. Генерал Кадорна нашел необходимым использовать все средства, могущие улучшить положение там итальянцев. Одним из этих средств и является стремление привлечь албанцев на сторону Италии. Соннино добавил, что принятая мера не нарушает лондонского соглашения. Я высказал ему, что лично не разделяю последнего его мнения, так как Италия располагает всей Албанией, что несогласно с лондонским соглашением. Он ответил, что текст прокламации был составлен военными, поместившими в ней границы Албании, нарушающие соглашение. Он срочно телеграфировал выпустить границы и второпях не упомянул о слове «вся». Он не придает этому серьезного значения, так как, в сущности, границ Албании никто точно не знает. Несмотря на эти об'яснения Соннино, я остаюсь все же при личном моем впечатлении, что прокламация является ответом Италии на политику Саррайля.

Подп. *Гирс.*

CCCLXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

23 мая/5 июня 1917 г. № 305.

Весьма доверительно. По полученным сейчас английским посланником сведениям, римский кабинет пред'явил лондонскому кабинету энергичный протест против насильственных мероприятий. Сербское правительство, с другой стороны, выражает крайнее недовольство отвлечением части союзнических войск с Македонского фронта и будто бы намеревается заключить отдельный мир с Австрией. Английскому посланнику поручается обратить серьезное внимание пребывающего сюда сегодня или завтра Жоннара на эти обстоятельства и рекомендовать последнему отсоветовать генералу Саррайлю Фессалийский поход, равно ограничиться в отношении короля Константина требованием его удаления до окончания войны, с назначением одного из королевичей регентом. Мне сдается, что и это смягченное требование встретит здесь сопротивление.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXI

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне.

25 мая/7 июня 1917 г. № 2394.

Сообщается в Рим.

Сегодня я передал Альберу Тома и сэру Дж. Бьюкенену, памятную записку, в коей прошу их обратить внимание правительств Франции и Великобритании на крайнюю желательность повременить, по военным соображениям, с выполнением их проекта относительно переворота в Греции.

В ней, между прочим, указал, на затруднительность нашего положения, вследствие решения французского и великобританского кабинетов осуществить немедленно решения последнего лондонского совещания, в подробностях нам еще неизвестного, не дожидаясь согласия России, одной из держав-покровительниц. По моему мнению, это обстоятельство подрывает принцип солидарности, которого до сего времени, к пользе их взаимных интересов, строго придерживались Россия, Франция и Англия.

Мною были отмечены также нежелательные последствия, к которым может привести ослабление Македонского фронта, для внутреннего положения Сербии, где, повидимому в связи с этим вопросом, назревает серьезный правительственный кризис. Кроме этого, увод союзниками части войск из Македонии может отразиться на успешности ожидаемого нашего наступления на южном фронте, и уже вызвал ответ Италии, в виде провозглашения независимости Албании и распространения на нее итальянского покровительства. Повидимому, Италия оправдывает этот шаг необходимостью укрепления стратегического своего положения между Монастырем и Валлоной, которое подвергается опасности, вследствие сокращения Македонского фронта.

Благоволите в этом смысле об'ясниться с министром иностранных дел.

Подп. *Терещенко.*

CCCLXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 мая/7 июня 1917 г. № 306.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вчера, 23 мая, вечером, на солунский рейд прибыл чрезвычайный французский комиссар союзников Жоннар и сегодня же проследовал в Солунь. В продолжении дня он принял на эскадре по очереди французского, английского посланников и меня. Итальянский представитель заявил, что он первый не посетит комиссара. Я воспользовался Вашей телеграммой № 2332, полученной за несколько минут до отправления на эскадру, дабы поставить Жоннара в известность о восстановлении боевого духа русской армии, о предстоящем нашем выступлении и о Вашей точке зрения на пагубное действие всякого ослабления международного фронта и создания в настоящую минуту внутренней смуты в Греции. Я высказал ему совершенно откровенно свой взгляд на происшедшее и в продолжение часа развивал его в смысле Вашей телеграммы, не скрывая от Жоннара ни произведенных здесь с обеих сторон ошибок, ни тенденциозного освещения событий фанатически настроенными агитаторами, ни пагубного смешения военной и дипломатиче-

ской компетенции, ни, наконец, опасности междуусобицы и анархии, по пред'явлении требования об отречении популярного короля. Я его предостерег к тому же против военных (выступлений) и того настроения, которое он, без сомнения, найдет в Салониках. Мой собеседник внимательно меня выслушал и показался мне в общем весьма рассудительным и умеренно настроенным. Он сказал, что будучи с Рибо на лондонском совещании, он мог убедиться, что не только во Франции, но и в Англии, возмущение против греческого короля достигло в общественном мнении столь крупных размеров, что едва ли возможно будет сохранить его на престоле. Руководители лондонской иностранной политики сами поставлены этим в крайне затруднительное положение в отношении умеряющего действия. Я позволил себе возразить, что настроения являются отчасти искусственно вызванными, как алармистическими сведениями здешних корреспондентов, так неимоверными слухами, пускаемыми с понятными целями из Салоник. Во всяком случае, Жоннар мне заявил, что у него пока не имеется определенного предписания требовать отречения короля, но что с получением его, он, разумеется, принужден будет пред'явить председателю совета министров, соответственное требование. Отсутствие у него верительной грамоты уже в достаточной степени указывает на чрезвычайный характер его поручения, неохотно им принятого вследствие настояний английского правительства, усматривающего, по его словам, в его личности известную гарантию умеренности, так как, в качестве директора правления Суэцкого канала, он имеет много связей в Англии. Жоннар мне поведал, что к Заимису, хотя он с ним и не знаком, он тем не менее питает глубокое уважение и намерен войти с ним в сношения, по возвращении из Солуни, дней через пять. Он предполагает сначала (пропуск) переговоры о закупке союзниками Фессалийского урожая и с этой целью перейдет на военном судне в Пирей, где он надеется повидаться с Заимисом, хотя неимение у него верительной грамоты ставит его, очевидно, в ненормальное положение к греческому правительству. Полагаю, что соглашение по вопросу о приобретении урожая не встретит (пропуск) особенных препятствий, так как, по словам Жоннара, цена назначена будет более чем приемлемая, а сам урожай распределен будет, по мере возможности, справедливо между старой и новой Грецией. Мне кажется, наиболее правильным способом было бы поручить реквизицию урожая греческому правительству, чем значительно облегчено было бы его получение. Несколько опаснее представляется намеченный военный контроль генерала Саррайля над сбытом хлеба, хотя Жоннар меня уведомил, что союзным военным постам дано будет строжайшее приказание воздержаться от каких либо насильственных мер. Он намекнул мне, если не ошибаюсь, что если операция с урожаем пройдет спокойно, может наступить некоторое успокоение. Продолжение следует.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 мая/7 июня 1917 г. № 306.

Продолжение моего № 306.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Обращение же к Заимису, с требованием удаления короля, какими бы мягкими формами требование это не было обставлено, считаю возможным вызвать немедленную отставку министра со всеми прискорбными (пропуск)

таковое. Надо сказать, что, допуская даже согласие короля на отречение, в Греции имеется слишком много (влиятельных) элементов, жизненно заинтересованных в том, чтобы старая Греция не подпала под власть правительства Национальной Обороны. В беседе с Жоннаром я указал ему на необходимость дать гарантии против прихода Венизелоса и обеспечить этим лицам безопасность, чем до известной степени облегчена была бы его задача, с каковым образом действий он вполне согласился. Я, равным образом, указал Жоннару на настоятельную (пропуск) избежать повторения авантюры адмирала Дартиж с недостаточными средствами воздействия. Посол меня уверил, что с этой стороны он будет вполне обеспечен союзными силами, что к ультиматуму он не приступит иначе, как располагая крупной военной поддержкой. Я не преминул ему заметить, что намеченный план действий толкает нашу союзницу, Италию, на отдельные выступления, вроде провозглашения Албанского государства, под ее протекторатом, и вероятного занятия ею греческого Эпира до Превезы. Сербы могут пойти на отчаянные решения с потерей веры на скорое возвращение в свою страну. Жоннар ответил мне, что выступления Италии в самом деле, по его мнению, преувеличены, а что в отношении сербов ему удалось успокоить княжича Александра, с коим он имел, если не ошибаюсь, свидание на Корфу. В заключение я просил посла меня заблаговременно предупредить, в видах принятия мною зависящих мер безопасности с момента вручения им ультиматума, если таковой, паче чаяния, все-таки будет здесь пред'явлен. Английскому посланнику, предложившему эвентуально ограничиться требованием удаления короля до окончания войны, с назначением одного из королевичей регентом, Жоннар возразил, что он принужден действовать на основании предписаний из Парижа. Мой великобританский коллега готовится к от'езду, так как получил впечатление, что французский комиссар мало настаивал на его дальнейшем присутствии.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 мая/7 июня 1917 г. № 307.

Копия в Париж.

Весьма доверительно. Мне известно доверительным путем, что французское правительство приняло почин перед лондонским кабинетом просить в Петрограде моего отозвания из Афин. Соответствующий шаг, вероятно, уже состоялся. Причем французскому поверенному в делах будто бы поручено его мотивировать перед Вами фактом моих близких связей с королем Константином и греческой королевой Софией. Имея в виду, что вопрос поставлен, таким образом, французским правитльством на личную почву, а не на общеполитическую, в связи с отозванием двух других посланников, считаю нужным, самым энергичным образом протествовать против подобных неправильных и нисколько не оправдываемых мотивировок, оставляя за собой полную свободу осветить, впоследствии, события в Греции, по миновании, разумеется, всех условий повелительно требующих моего воздержания. Прошу Вас отнюдь не стесняться по частному делу какими бы то ни было личными, в отношении ко мне, соображениями и руководствоваться

лишь общей союзнической пользой, тем более, что проводимая здесь французами политика и поставленные ею на очередь задачи в Греции ни в отношении политическом, ни нравственном, ни, главное, военном, не встречают моего сочувствия. Ходатайствую лишь о том, в случае, если Вы найдете возможным, чтобы отозвание мое оффициально состоялось на тех же основаниях, как и отозвание английского представителя.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 мая/7 июня 1917 г. № 309.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Великобританский посланник мне сообщает, что Жоннар оставил французскому посланнику ноту, подписанную в качестве комиссара, в которой он уведомляет ныне, что Фессалийский урожай будет приобретен на условиях приемлемых, как в отношении цен, так и справедливого распределения и, что союзные войска вступят в Фессалию для обеспечения урожая и наблюдения за ним. Нота имеет быть вручена по получении от Жоннара телеграммы, которая будет отправлена одновременно с наступлением войск. Английский посланник, как декан, согласился, после некоторого колебания, представить документы Заимису. Он говорит, что действие это будет последним его политическим выступлением, и что он отселе ограничится до своего отъезда, веденiем текущих дел. Свидание Жоннара с Заимисом состоится тотчас, по возвращении первого из Солуни на французском военном судне, в Пирее. Английский посланник имеет серьезное основание полагать, что Жоннар вручит греческому премьеру ультиматум, с требованием отречения короля и ответа в 24-хчасовой срок. В ту же ночь Пирей будет оккупирован французскими силами. Положение иностранных миссий и колоний, повидимому, мало принимается во внимание. Английский посланник срочно телеграфирует в Лондон.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 мая/9 июня 1917 г. № 311.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Весьма доверительно. Подтверждая занятие Янины, итальянский посланник сказал мне, что непосредственным побуждением к этой оккупации было сосредоточение 2.000 французского отряда на острове Ленкасе. Он сказал, что итальянские войска, помимо Превезы, вероятно займут и область Пинда, и не скрыл от меня, что вступление в Янину состоялось по согласию, если не по просьбе Заимиса, ибо афинское правительство больше всего опасается революционного продвижения, предпочитая, повидимому, итальянцев.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXVII

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Париже.

28 мая/10 июня 1917 г. № 2461.

Сообщается в Лондон и Рим.

Срочная.

Бьюкенен передал нам просьбу своего правительства поддержать в Париже представление великобританского посла, относительно отозвания генерала Саррайля и замены его другим, более подходящим, лицом.

Как Вам уже известно, положение, занятое генералом Саррайлем по отношению к греческим делам и Македонской экспедиции, вызывало уже не раз нарекание со стороны союзных правительств в том, что генерал Саррайль, не принимая во внимание общесоюзнических интересов, старается проводить свою личную политику, мало считаясь с возложенными на него военными задачами. В этом смысле мы уже несколько раз доверительно высказывались перед французским правительством.

Благоволите, вследствие этого, присоединиться к представлению вашего коллеги, сговорившись с ним по этому вопросу, имея в виду дать понять французскому правительству, что мы далеки от мысли вмешиваться в дела французского командования, но принуждены сделать этот шаг для поддержания общесоюзнических военных интересов.

Подп. *Терещенко.*

CCCLXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 мая/10 июня 1917 г. № 313.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Английский посланник, повидавший 27 мая, ночью, Жоннара, узнал от него, что нота, совмещающая требование отречения греческого короля с ответом в 24 часа и решение о закупке Фессалийского урожая, не взирая на оговорки лондонского кабинета, будет передана Заимису сегодня, в 6 часов вечера. 10(000) отряд французских войск находится уже на пути и этой ночью должен занять Пирей, с немедленным дальнейшим наступлением на Афины. С Жоннаром прибыл генерал Ренью, которому поручено руководство военной операцией, успех которой в значительной мере зависеть будет от соблюдения безусловной тайны, вследствие чего я лишен возможности предупредить о ней кого бы то ни было. Французский посланник уже отбыл на военное судно, на котором он проследует во Францию. Английский посланник остается в Афинах. Он мне сказал, что (временное) правительство согласилось на мое отозвание, о чем я оффициально еще не поставлен в известность.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 мая/10 июня 1917 г. № 315.

Жоннар возвращается на Саламинский рейд сегодня, 27 мая, вечером, сократив пребывание в Солуни. Он телеграфировал, что передаст составленную им ноту о Фессалийском урожае. Великобританский посланник решил тотчас посетить верховного комиссара на эскадре, дабы сообщить ему содержание полученной им срочной телеграммы, в которой лондонский кабинет выражает протест против намеченной оккупации Пирея, ссылаясь на несоответствия с постановлениями лондонского совещания, предусмотревшего разрешение греческого кризиса мирным, по возможности, путем, занятием лишь Коринфского перешейка, а отнюдь не высадку в Аттике, и приступить к военным мерам не иначе, как по получении уверенности, что греки произведут нападение на союзные войска в Фессалии. В английском протесте упоминается, равным образом, о наших, сербских и итальянских возражениях против создания смуты в Греции и снова предлагается пред'явить смягченную формулу об удалении короля до конца войны, а не об его отречении. По представлениям итальянского посланника, Заимис вполне осведомлен о французских планах и категорически будто бы заявил о неприемлемости, как той, так и другой формулы. В городе ощущается значительная нервность. Говорят о вооружении нескольких тысяч запасных. Испанский поверенный в делах прибежал в английскую миссию, где мы заседали, с предупреждением, что он имеет достоверные сведения о решении задержать при первой тревоге, в качестве заложников, французского и английского посланников и иностранных контролеров. За неимением определенных от Вас указаний, сообразуюсь, в случае усиления хода событий, с образом действий двух коллег. Английский посланник на всякий случай уже вызвал судно в Кирацини. К сожалению, серьезных мер обеспечения мирной колонии пока не принято из опасения преждевременной отласки. Раз лондонский кабинет допустил командировку Жоннара и согласился на формулу отречения, отступить от принятых решений, быть может, окажется не легким, в особенности, если комиссар прибудет из Салоник с десантными войсками, в каковом случае нельзя предвидеть последствий.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 мая/11 июня 1917 г. № 315.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Сегодня вечером состоялось свидание в Пирейском порту между комиссаром и Заимисом. Предположенная ночью высадка войск временно отставлена. После свидания Заимис отправился к королю и завтра утром, вероятно, снова повидается с Жоннаром. Тем временем, прибывшие в Пирей транспорты с войсками были направлены в Саламинский рейд. По моим сведениям, среди них имеется русский полк. В Коринфском заливе, близь Ини,

крейсируют другие транспорты, ожидая приказания занять перешеек. Разрешение кризиса стоит в зависимости от результата переговоров, относительно которых правительство соблюдает строгую тайну. Однако, присутствие войск стало общим достоянием и жители с трепетом выжидают исхода событий. Афинскому гарнизону дано приказание не отлучаться из казарм. Во всяком случае, преимущества внезапного натиска утеряны.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 мая/11 июня 1917 г. № 316.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Из достоверного источника узнаю, что во вчерашней беседе с Заимисом, Жоннар проявил большую твердость, хотя ультиматума не пред'явил. Верховный комиссар сказал Заимису, что его родной город Аррас будучи разрушен до тла (пропуск), он не остановится перед бомбардировкой Афин. Далее он заявил Заимису, что: 1) стража у Коринфского канала будет усилена французскими войсками. В настоящее время, вероятно, производится высадка на перешейке; 2) что в Фессалии учреждены будут союзные военные посты для контроля за урожаем; 3) что в отношении личности короля, он еще не снабжен указаниями; 4) что наступит провозглашение амнистии венизелистов; 5) что необходимо удаление лиц, подозрительных Согласию. Доверительно. Заимис просил заступничества у итальянского посланника его правительства. Мне известно из того же источника, что английское правительство оффициально просило отозвания генерала Саррайля.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 мая/11 июня 1917 г. № 317.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

12 часов дня. Сегодня верховный комиссар передал Заимису от имени трех держав-покровительниц ноту, требующую отречения короля Константина, вследствие нарушения им конституции. Ему предоставляется избрать себе преемника. Срок ультиматума истекает завтра, в полдень. К ноте приложена памятная записка, в которой сказано, что, в виду недостаточных гарантий предоставляемых Диадохом для ведения конституционной политики, королю советуется избрать другого преемника. По удалении из Греции, король получит 500.000 (пропуск) содержания. Верховный комиссар держав-покровительниц не допустит ни беспорядков, ни сопротивления и прибегнет, в случае надобности, к силе. В данную минуту заседает во дворце коронный совет.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 мая/11 июня 1917 г. № 318.

Срочно.

Четыре часа дня. Верховный комиссар предложил английскому посланнику собрать всех коллег, включая нейтральных, для принятия зависящих мер безопасности в предвидении событий. Вследствие фактической невозможности для большинства отправить колонии в столь краткий срок, нами всеми принято решение остаться на местах. Во время заседания нашего, в английской миссии, к английскому посланнику зашел Заимис, и заявил, что на коронном совете он рекомендовал королю отречься. Английский посланник указал на необходимость точного подчинения ультиматуму. Король высказал там надежду, что ему предоставлено будет уехать на английском, а не на французском судне. Впечатление получилось такое, что ответ последует положительный. Тем не менее, беспорядки, по моему, далеко не исключены по распространении известия. Начальник греческой охраны, равным образом, только что посетил английского посланника и сказал ему, что иностранцы не подвергаются опасности, а что миссии, в особенности французская и английская, будут охранены войсками. Вообще принимаются самые строгие полицейские меры. По сведениям, прибывают новые внушительные союзные силы, включая английские. Итальянский посланник намерен сегодня же посетить Жоннара и заявить ему, что он возлагает на него ответственность за последствия для многочисленных итальянцев, оставшихся в Афинах, главным образом, в случае бомбардировки города.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 мая/11 июня 1917 г. № 321.

Из достоверного источника узнаю, что Превеза занята итальянскими войсками.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 мая/11 июня 1917 г. № 322.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

На официальную просьбу английского правительства об увольнении генерала Саррайля, французское правительство ответило готовностью обсудить вопрос, по миновании нвастоящих происшествий в Греции.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXVI

Телеграмма посланника в Афинах *).

29 мая 1917 г. № 324.

Только что появился правительственный манифест:

«Эллинский народ! Повинуясь необходимости, исполняя долг в отношении Греции и имея в виду лишь ее интересы, я покидаю свое любимое отечество, вместе с Диадохом, оставляя на троне сына моего Александра. Даже вдали от Греции я и королева сохраним прежнюю любовь к греческому народу. Прошу вас всех принять в тишине и спокойствии мое решение, с верой во всемогущего, к помощи которого для нации я взываю. Но для того, чтобы эта тяжелая жертва, которую я приношу для моего отечества, не оказалась напрасной, заклинаю вас всех, во имя любви к богу, к отечеству и, наконец, ко мне, сохраняйте абсолютные порядок и дисциплину. Малейшее отступление, вызванное даже добрыми намерениями, привело бы теперь к большой катастрофе. В настоящее время утешением для королевы и для меня является любовь и преданность, которые вы всегда к нам проявляли в дни счастливые так же, как и в дни несчастья. Да хранит бог Грецию. Константин, король. Афины, 29 мая 1917 г. Новый дворец».

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 мая/12 июня 1917 г. № 323.

Одиннадцать часов утра. Король решил отречься от престола дабы не навлечь на Грецию неисчислимых бед. Преемником он назначил второго сына, Александра, 24-хлетнего юношу. Непоколебимое решение свое король сообщил членам (пропуск) на коронном совете, где некоторые, наиболее скомпрометированные, стояли будто бы за отчаянное сопротивление. Новый король присягнет сегодня. Вечером, по обнародовании известия о решении короля, лавки стали закрываться и в населении заметно было постепенное нарастание возбуждения (пропуск). На улицах образовались кучки, а потом и сборища (пропуск). Однако, эксцессов не происходило. Изредка — свистки по адресу Франции. Сопротивление можно ожидать только пассивное, хотя крайние элементы предполагают не допустить от'езда монарха и густая толпа, окружившая с вечера дворец, никого оттуда не выпускает, так что король, решивший было выехать ночью (в), Татой до прибытия английского судна, принужден был остаться в Афинах. На прилегающих к дворцу улицах сейчас сильное волнение. Король внушил представителям партий и лит блюсти полный порядок, во имя благополучия Греции. В полдень ожидается его послание к народу.

Подп. *Демидов.*

---

*) Перевод Французского текста.

CCCLXXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 мая/12 июня 1917 г. № 327.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Срочная.

4 часа. Народ еще окружает дворец, хотя в значительно меньшем количестве. Брожение в городе несколько улеглось. Верховный комиссар настаивает на скорейшем от'езде короля, хотя бы в Татой, во избежание проволочек, способных вызвать беспорядки. Английский посланник высказал гофмаршалу необходимость, чтобы король покинул Афины в самом непродолжительном времени, самое позднее сегодня вечером, так как подозрительность французов растет, а король до сих пор ссылается на недопущение толпой его от'езда. Тем временем, вследствие невозможности оставаться долее на судах из-за жары, союзные войска высаживаются, угрожая наступлением, в случае если бы король продолжал пребывание в возбужденном городе. Присяга короля Александра состоялась. Срочно выписанное англичанами военное судно прибыло в предположенное английским посланником уединенное местечко, Оропос, на Евбейском проливе. Не подлежит сомнению, что возможно скорое отбытие короля в Татой способствовало бы общему успокоению.

Подп. *Демидов.*

CCCLXXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 мая/12 июня 1917 г. № 328.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

По отбытии короля и восстановлении здесь порядка, верховный комиссар предполагает переехать в Афины. Он желал бы сохранить Займиса у власти, с приобщением к его кабинету нескольких венизелистских министров и не намерен пока призвать самого Венизелоса в Афины. В виду затруднений приступить в настоящее время к законодательным выборам, было бы, пожалуй, возможно собрать палату, в видах возвращения страны в правильную конституционную колею. Через несколько дней английский посланник собирается уехать в продолжительный отпуск, оставляя дальнейшее ведение греческих дел всецело верховному комиссару.

Подп. *Демидов.*

CCCXC

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

31 мая/13 июня 1917 г. № 331.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

С от'ездом короля в Татой, положение утратило остроту и риск бесчинств устранен. Спокойствие и отсутствие кровавых столкновений следует приписать чрезвычайным мерам правительства и увещаниям короля, а не чувству страха, охватившего население, фактической невозможности

сопротивляться (пропуск) месячной блокадой при уверенности в предстоящем прекращении бедствий и голода. Многие надеются на восстановление, по окончании войны, Константина на троне. Официозное сообщение «Радио» также способствовало мирному разрешению. Обещание снятия блокады и провиантирования страны, общей амнистии и (пропуск) какой бы то ни было стороны в связи с заверениями, что державы не добиваются выхода Греции из нейтралитета. Это успокоительно подействовало на обездоленных греков. Говорят также о ликвидации Салоникского правительства, с восстановлением греческого единения. Заманчивые заверения верховного комиссара создают весьма благоприятную обстановку при восшествии Александра, столь неохотно согласившегося на занятие престола. Отныне наступает франко-греческий медовый месяц и Франция (пропуск) под своей эгидой не поскупится поблажками. Французский комиссар остается, повидимому, в Афинах, в качестве верховного распорядителя ее внешних и внутренних судеб. Насколько положение это отвечает будущим интересам России—не берусь судить. Последний переворот, без сомнения, отдаст Грецию в руки нашей нынешней союзницы. Король Константин, искренне желавший блага страны, пал жертвой окружающей его среды, низведший короля, в личных политических целях, на уровень предводителя партии. Греки подчеркивают, что отречение его состоялось, 29 мая, как раз в годовщину падения последнего греческого императора, его тезки, под стенами Византии.

Подп. *Демидов.*

CCCXCI

Телеграмма посланника в Афинах *).

1/14 июня 1917 г. № 88.

Обращение его величества короля Александра к греческому народу:

«В момент, когда мой августейший отец, принося высшую жертву нашему дорогому отечеству, вверяет мне тяжелые обязанности эллинского трона, я выражаю лишь одно желание—чтобы бог, внявши его мольбе, хранил Грецию и дал бы нам вновь увидеть ее единой и могущественной. Единственным утешением моей печали, происходящей от разлуки с моим любимым отцом в столь критических обстоятельствах, является выполнение его священной воли, которую я всячески постараюсь осуществить, следуя примеру его столь блестящего царствования, с помощью народа, на любовь которого опирается греческая династия. Я убежден, что повинуясь воле моего отца, он, своим повиновением, будет содействовать тому, что общими усилиями мы выведем наше дорогое отечество из того ужасного положения, в котором оно находится. Афины 30 мая/12 июня 1917 г. Александр».

Подп. *Демидов.*

CCCXCII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 июня 1917 г. № 336.

Большая часть союзных войск с'ехала на берег, не исключая и русского полка. Высадка прошла спокойно. Пирей занят французами, некоторые части которых дошли до непосредственной близости с Афинами. Хотя десант

*) Перевод французского текста.

отчасти и вызван санитарными соображениями, все же надо думать, что значительные французские силы едва ли покинут Аттику до конца войны. Король Константин пробыл две ночи в Татое и сегодня должен сесть в Ороп0се на греческую яхту «Сфактерия», чтобы проследовать под конвоем французских миноносцев через Корфу в Италию, а, затем, на пребывание в Швейцарию. Английскому судну не удалось прибыть во время. Состояние его здоровья внушает некоторое опасение. Королю Константину сопутствуют, кроме его жены и детей, два ад'ютанта, его советник Стрейт и придворный врач. По сведениям, король отказался от предложенного ему содержания. В общем его поведение, со времени вручения ультиматума до отбытия из Греции, отличалось прямотой и достинством, чем он прибавил в глазах греков ореол мученичества и заслужил уважения его противников.

Подп. *Демидов.*

CCCXCIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 июня 1917 г. № 337.

Союзные войска, спускающиеся с севера в Фессалийскую долину, достигли (пропуск) и вероятно находятся ныне невдалеке от Ларисы. Насколько известно, состав их, численностью в 10—12.000 французов при 500 англичанах. Греческие части на месте вероятно не ознакомлены с афинским переворотом и, не получивши инструкций, повидимому оказали сопротивление, окончившееся кровавой стычкой. С союзной стороны убито, будто бы, 2 офицера и 200 солдат, а с греческой—150 евзонов.

Подп. *Демидов.*

CCCXCIV

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Париже.

2/15 июня 1917 г. № 2594.

Сообщается в Лондон, Рим и Афины.

Из телеграммы нашего посланника в Афинах мы с удивлением осведомились о том, что французский ворховный комиссар, прибывши в Грецию, пред'явил ультимативные требования об отречении греческого короля и назначении ему преемника от имени трех держав-покровительниц.

Французскому посланнику известно, что мы, не зная в точности подробностей последнего англо-французского соглашения по греческим делам, не только не давали нашего согласия на немедленное приведение в исполнение проекта государственного переворота в Греции, но и возражали неоднократно против своевременности такого образа действий по внешним и политическим соображениям. Из заявлений, сделанных лордом Сесилем в палате общин, в ответ на пред'явленный ему запрос, видно, что великобританское правительство также не считало Жоннара действующим от имени Англии.

Мы считаем такое выступление Жоннара без нашего ведома неправильным и просим вас об этом довести до сведения французского правительства.

Подп. *Терещенко.*

CCCXCV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 июня 1917 г. № 340.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Телеграфным агентством передается текст обнародованного сегодня воззвания греческому народу верховного комиссара держав-покровительниц от имени Франции, Англии и России. Письмом от вчерашнего числа верховный комиссар уведомил Займиса о данных им приказаниях снятия блокады. Пароход с хлебом вошел в Пирей. Немедленно будет приступлено к снабжению страны всеми нужными припасами. Комиссар выражает надежду, что отныне начинается эра благотворной и сердечной политики, имеющей восстановить доверчивые отношения, долго существовавшие между греческой нацией и державами, исключительно озабоченными ее благополучием и величием.

Подп. *Демидов.*

CCCXCVI

Телеграмма посланника в Афинах *).

2/15 июня 1917 г. № 91.

«К Эллинскому народу. Франция, Великобритания и Россия стремились к независимости, величию и благоденствию Греции. Они хотят защищать благородную страну, которую они освободили, против соединенных усилий турок, болгар и немцев. Они находятся здесь для того, чтобы расстроить планы наследственных врагов королевства. Они хотят положить конец повторным нарушениям конституции и договоров и прискорбным интригам приведшим к убийству солдат дружественных стран. Берлин, командовавший вчера Афинами, постепенно вел народ под болгаро-германское иго. Мы решили восстановить дух конституции и единство Греции. Державы-поручительницы, вследствие этого, потребовали от короля Константина, чтобы он отказался от престола. Они не собираются нарушить принцип конституционной монархии, они не имеют другого намерения, кроме обеспечения правильного действия конституции, которой славной памяти Константин перестал уважать. Эллины! Час примирения наступил. Ваши судьбы тесно связаны с судьбами держав-покровительниц, ваш идеал—их идеал, ваши надежды—их надежды. Мы призываем к вашей мудрости и к вашему патриотизму. Теперь блокада снята, всякие репрессии против греков, в какой бы партии они ни принадлежали, будут беспощадно подавлены. Никакого противодействия воле Франции, Великобритании и России (пропуск). Верховный комиссар держав-покровительниц, Жоннар».

Подп. *Демидов.*

---

*) Перевод французского текста.

CCCXCVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

2/15 июня 1917 г. № 341.

Председатель совета министров сказал мне, что Фессальское столкновение окончилось самым незначительным числом убитых и раненых. Он получил уверения, что французами оно сочтено будет простым инциндентом.

Подп. *Демидов.*

CCCXCVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 июня 1917 г. № 342.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Продолжение следует.

Заимис сказал мне, что верховный комиссар уверил его, что державы не воспротивятся возвращению короля. Здоровье его требует новой операции, которая будет сделана в Швейцарии. Король просил разрешения вернуться на зиму в Корфу, о чем верховный комиссар телеграфировал в Париж.—Заимис полагает, что ему следует постепенно стремиться к примирению и об'единению двух Греций, а для этого надеется на поддержку верховного комиссара. По его мнению, Венизелосу надлежало бы на несколько месяцев отстраниться. Настоящий кабинет, оставаясь у власти, дает гарантии беспристрастности и (пропуск) органом примирения двух партий. Было бы ошибкой приобщить к нему венизелистский элемент.—По мнению Заимиса, выборы подольют лишь масло в огонь и он берет на себя всю ответственность за ведение дел. При успокоении, возвращение Венизелоса станет возможным, а за сим сотоятся выборы с восстановлением конституционного строя и ответственным кабинетом, которому Заимис передаст управление страной.—Он не опасается здесь безпорядков.—5 (пропуск) в Пиргосе проявилось брожение. Приняты меры к его обузданию. Заимис полагает, что Франция должна бы была, в видах желательного слияния, сначала вернуть афинскому правительству Ионические острова, чтобы предоставить ему возможность просить очищения Италией Эпира, лишая ее предлога оккупации. Он считает по некоторым признакам франко-итальянские отношения сильно обострившимися и высказал мне надежду, в качестве друга Согласия, что разногласия уладятся, чтобы союзники сплоченные предстали на конгрессе мира.

Подп. *Демидов.*

CCCXCIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 июня 1917 г. № 342.

Продолжение моего № 342.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

В надежде спасти короля, Заимис опирался на Англию, но она не выказала должного отпора французским настояниям, а Италия пока вела отдельный курс. России же вероятно не до Греции. Заимис озабочен продолжающейся высадкою союзных войск в Пирее и спросил меня о причинах,

в виду полного порядка. Он намекнул, что, несмотря на уверения верховного комиссара о намерении создать самостоятельную и сильную Грецию, может быть Франция стремится к протекторату. Должен признать, что для меня это скопление войск представляется мало об'яснимым. Десант продолжается. Высажен другой русский полк. Общая численность оккупационных войск в Греции достигает внушительной цифры 30.000. На очереди чуть ли не занятие Афин. Генерал Реньо приказал расклеить в Пирее об'явления, с угрозами драконовской расправы за малейшее нарушение общественного порядка и сокрытие оружия. В Афинах генерал Мас призвал к себе журналистов враждебных газет для строжайшего внушения. На деле существует чуть ли не военное положение. Я, конечно, не мог дать Заимису об'яснений, но в душе принужден сожалеть о том, что предназначенная для освобождения Сербии Салоникская экспедиция принимает форму похода на обезоруженную, мирную Грецию. В заключение Заимис мне поведал, что он уже распорядился об удалении, под видом командировки за границу, пресловутого Дусманиса и намерен, равным образом, отделаться и от других подозрительных Согласию лиц. Он меня просил убедить Жоннара, прибывающего на-днях в Афины, представиться новому королю, дабы пребыванию своему придать иную, менее диктаторскую окраску.

Подп. *Демидов.*

CD

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 июня 1917 г. № 346.

Срочно.

Вам известно, что верховный комиссар ультиматум об отречении и воззвание к греческому народу формулировал от имени держав-покровительниц, включая и Россию. Не будучи оффициально извещен Петроградом о пределах полномочий верховного комиссара, предоставленном ему праве говорить и, вообще, действовать от имени временного правительства, просил бы на этот счет указаний. Другими словами мне необходимо знать, нахожусь ли я в его подчинении в отношении дипломатическом. Не премину, согласно указаниям вашим, установить с ним дружественные отношения, но принужден просить о более определенном выяснении моего здесь положения, в связи с присутствием верховного комиссара.

Подп. *Демидов.*

CDI

Телеграмма посланника в Афинах *).

4/17 июня 1917 г. № 90.

Прекращение блокады. Верховный комиссар держав-покровительниц адресовал следующее письмо председателю совета министров Заимису: «На борту «Жюстис», 14 июня 1917 г. Г. председатель совета министров! В виду того, что греческое правительство честно оправдало ожидания держав-по-

*) Перевод французского текста.

ручительниц, я счастлив довести до вашего сведения, что я только что отдал приказ о снятии блокады. Вследствие этого судно, нагруженное хлебом, которое по моему требованию было направлено в Пирей, сможет приступить к своей разгрузке. Как я уже имел честь вам сообщить, запасы сахара, кофе, керосина, соли и лигнита, находящиеся в моих руках, немедленно будут предоставлены в распоряжение населения. Каковы бы ни были трудности снабжения Греции, которые, впрочем, общи для всех стран Европы, я буду счастлив помочь вам насколько мне будет возможно в разрешении всех вопросов, касающихся продовольствия страны. Я бы действительно желал, чтобы политику давления, к которой державы-поручительницы решились прибегнуть только с чувством глубокой печали, заменила благодетельная и сердечная политика, которая восстановила бы без промедления доверчивые отношения, существовавшие в течение столь долгих лет между греческой нацией и державами, которые стремились лишь к ее процветанию и величию. Благоволите принять, г. председатель, уверения в совершенном моем уважении. Подп. Жоннар».

Подп. *Демидов.*

CDII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 июня 1917 г. № 349.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Верховный комиссар поручил своему секретарю г. Клосс держать меня в курсе его переговоров с Займисом, начатых вчера. Главных вопросов он не желал затронуть ранее выполнения Грецией условий ультиматума. На вчерашней беседе верховный комиссар обратил внимание Займиса, на необходимость следить, чтобы состав окружающих короля лиц давал Согласию гарантии благонадежности. Он передал ему список лиц, скомпрометированных в минувшем царствовании своим образом действий и пропагандою против Согласия, угрожая безопасности восточной армии. Среди них одни должны быть удалены из пределов Греции, другие, военные, поставлены под надзор с определенным местопребыванием. Займис обещал обсудить эти пожелания на совете министров и представить ответ завтра. Далее Жоннар высказал желательность, чтобы Займис вошел в ближайшее время в сношения с Венизелосом, чтобы совместно изыскать способ восстановления правильного хода конституции и об'единения Греции. Верховный комиссар, считая нужным избежать всякого прямого вмешательства во внутренние дела страны, все же будет близко следить за переговорами между Займисом и главою правительства национальной обороны и приложит усилия, в качестве советника или арбитра, к достижению столь желательного между ними соглашения. В этом отношении верховный комиссар не скрывает от себя затруднения, в деле согласования притязаний и образа действий сторон и заключения сговора. На его взгляд сказанная процедура, которую надлежит возможно скорее установить, наиболее соответствует интересам, как союзных держав, так и Венизелоса.

Подп. *Демидов.*

CDIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 июня 1917 г. № 349.

Продолжение моего № 349.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Попросив Клосса передать верховному комиссару мою признательность за присылку его ко мне в Кефиссию и за сделанное сообщение, я высказал полную готовность оказать ему посильное содействие и обещал посетить его. В виду колебаний верховного комиссара с'ехать в Афины, я внушил мысль, чтобы он по крайней мере повидался с королем, так как он скоро отправится в Париж, а в случае надобности и в Лондон, для об'яснения положения в Греции, а затем возвратится в Афины. На мой запрос, каким путем произойдут переговоры с Венизелосом, Клосс ответил, что бывший венизелистский министр, Репулис, находится здесь и послужит посредником. Верховный комиссар, повидимому, желал бы видеть в кабинете Заимиса и несколько членов венизелистов. По словам Клосса, Англия, главным образом, напирает на возможно незамедлительное возвращение главы либералов. Я счел долгом предостеречь против чрезмерного ускорения опасных решений и посоветовал положиться на осторожность и уравновешенность Заимиса, следящим за здешним возбужденным еще настроением умов. Оказывается, что верховному комиссару в Салониках удалось с трудом удержать Венизелоса от крайне опрометчивого шага. В самом деле последний грозил вызвать гражданскую войну немедленным наступлением со своими двумя греческими дивизиями, если не будет тотчас же приступлено к удалению из Греции короля Константина. Я позволил себе также обратить внимание Клосса на продолжающуюся деятельность некоторых французских агентов, образ действий которых столь пагубно отразился на здешних событиях. Клосс уверил меня, что Франция искренне стремится укрепить положение нового короля на строго конституционных началах. Отвечая на мой запрос, относительно необычайного сосредоточения войск близ Афин, он заверил меня в отсутствии намерений занять столицу при сохранении в ней порядка, и прибавил, что военные части будут постепенно оттянуты. Переговорю еще на сей счет с верховным комиссаром.

Подп. *Демидов.*

CDIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 июня 1917 г. № 352.

Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 2596. Срочная.

Передал ее содержание верховному комиссару, который обещал мне тотчас переговорить с генералом Ренье и дать мне возможно скорее ответ. Высажено русских частей: 3-й полк и один батальон 4-го. Вследствие плохих гигиенических условий наблюдается уже много заболеваний среди них. Верховный комиссар мне заметил, что в высадке участвует и 500 англичан, чтобы придать ей характер солидарного действия 3-х держав-покровительниц.

Подп. *Демидов.*

CDV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 июня 1917 г. № 353.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 326. № 1.

За № 2 передаю вам текст ультиматума, переданного, 29 мая, верховным комиссаром греческому председателю совета министров, а равно приложенный к нему меморандум. Документ этот мне сейчас удалось только добыть.

Подп. *Демидов.*

CDVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах *).

5/18 июня 1917 г. № 353.

№ 2.

Державы-покровительницы Греции решили восстановить единство королевства без нанесения ущерба конституционно-монархическому строю, который они гарантировали Греции. В виду того, что король Константин явно нарушил, по собственной инициативе, конституцию, поручителями которой были Франция, Великобритания и Россия, я имею честь заявить вашему превосходительству, что король потерял доверие держав-покровительниц и, что последние считают себя освобожденными по отношению к нему от обязательств, вытекающих из их права покровительства. Вследствие этого, я имею миссию, с целью восстановления истинной конституции, потребовать отречения короля Константина, который сам назначит, в согласии с державами-покровительницами, преемника из числа своих наследников. Я вынужден просить вас ответить в течение 24 часов».—Меморандум: «Верховный комиссар держав-покровительниц Греции имеет честь уведомить председателя совета министров, что в виду того, что Диадох, не дает тех гарантий, которые Франция, Великобритания и Россия обязаны в настоящее время требовать от конституционного монарха греков, они смогут дать свое согласие только в случае назначения кого-либо другого из его наследников. Верховный комиссар, сверх того, уполномочен заявить от имени держав-покровительниц, что король Константин, после своего отречения и после оставления Греции, будет получать личной пожизненной пенсии не менее 500 тысяч франков. Верховный комиссар добавляет, что не будет прибегнуто ни к каким репрессиям и что предвидится немедленное об'явление всеобщей амнистии. Но он должен уведомить председателя совета министров о решении держав-покровительниц не терпеть ни в Афинах, ни в каком-либо другом городе королевства беспорядков, могущих подвергнуть опасности жизнь и интересы их граждан и греческого населения, тесно связанные между собой. Если же не оправдается надежда на то, что порядок будет строго соблюден, благодаря мудрости греческого правительства и всех партий, то верховный комиссар уполномочен к энергичному вмешательству при помощи тех сил, которыми располагают державы-покровительницы, с целью добиться немедленного восстановления порядка».

Подп. *Демидов.*

---

*) Не. евод французского текста.

CDVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

5/18 июня 1917 г. № 354.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

В беседе с Жоннаром я воздержался от поднятия принципиального вопроса его полномочий, но он мне сообщил, что текст ультиматума об отречении был составлен в Париже. Для меня не представляет сомнения, что он считает себя уполномоченным трех союзных правительств. Он мне сообщил, что в Париже были равным образом поражены фразой в обращении короля Александра к греческому народу, гласящей, что он будет следовать по славным стопам отца, и возразил, что в греческих делах перемены не произошло. Он полагает, однако, что неудачные слова эти намекают на победоносные (пропуск) войны. Жоннар решил здесь остаться несколько долее, а именно до достижения соглашения между Заимисом и Венизелосом, которого он намерен пригласить к себе на эскадру в Пирей. Он горько жалуется на несговорчивость и нетерпение последнего. Показав мне список лиц, удаление которых потребовано им у Заимиса и которые направлены будут во Францию или Алжир, верховный комиссар мне заявил, что в случае их уклонения, они будут рассмотрены, как стоящие вне закона, и их имущество подвергнется конфискованию.

Подп. *Демидов.*

CDVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 июня 1917 г. № 355.

Доверительно. Я обратил внимание верховного комиссара на то обстоятельство, что в течение первого свидания нашего он отнюдь не дал мне понять, что пред'явление ультиматума столь неожиданно и внезапно наступит. Комиссар ответил, что действительно ускорение его возвращения из Салоник и подача документа вызвана была полученным им известием о том, что король Константин уже был осведомлен о его намерениях, а вследствие этого и опасением сопротивления последнего. Со своей стороны полагаю, что верховного комиссара поторопил Венизелос. Может быть, со своей стороны, на него повлияла необходимость быстрого создания совершившегося факта, при известном ему несочувствии предприятию со стороны лондонского и петроградского кабинетов.

Подп. *Демидов.*

CDIX

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне.

7/20 июня 1917 г. № 2648.

По сообщению нашего посланника в Афинах, великобританский представитель предложил верховному комиссару представить королю Александру одновременно в полном составе весь дипломатический корпус. Жоннар испрашивает по этому поводу указаний из Парижа.

Из предыдущих моих телеграмм вы осведомлены о нашем отношении к происшедшему в Греции перевороту и о тех принципиальных возражениях, которые мы сделали французскому правительству, по поводу выступлений верховного комиссара от имени трех держав-покровительниц.

Считая неудобным отделяться от союзных правительств в деле признания факта совершившегося переворота, поскольку он касается низложения короля Константина, мы тем не менее затруднились бы в настоящее время официально признать королем Александра, пока избрание его не будет введено в рамки конституции и одобрено греческим народом. Не желая осложнять создавшееся положение, мы, до окончательного разрешения вопроса о форме правления в Греции, были бы готовы рассматривать Александра, в качестве временного регента.

Благоволите в вышеизложенном смысле переговорить с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Подп. *Терещенко.*

CDX

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже.

7/20 июня 1917 г. № 557.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Ссылаясь на телеграмму Демидова № 342, я твердо убежден, что передаваемый Демидовым намек Заимиса на стремления Франции к протекторату является гнусной клеветой. Считаю себя обязанным категорически высказаться по этому поводу, потому что считаю такую мысль особенно опасной ныне, когда слухи об империалистических тенденциях той или иной из наших союзниц умышленно распускаются германскими агентами, с целью вселить недоверие в русскую демократию, столь чутко относящуюся к вопросам порядка. Французская политика в Греции об'ясняется исключительной страстностью французского общественного мнения и (пропуск) против неблагодарности греческого народа и несомненного вероломства, проявленного его королем и его правительством, начиная с того момента, как он изменил слову, данному Сербии. Сильно (пропуск) общественное мнение не понимало терпимости держав-покровительниц по отношению к Греции и ставило это в вину Бриану. Представляется очень правдоподобным, что Рибо хотел воспользоваться именно этим (пропуск), чтобы доказать твердость своей политики, по сравнению с политикой своего предшественника и тем укрепить свое положение в стране и парламенте. Последнее ему несомненно удалось. Если я, таким образом, безусловно отрицаю корыстные замыслы Франции и склонен все об'яснить соображениями национального самолюбия, тем не менее я далеко не одобряю ее политики в (данном деле), и за последнее (пропуск) неоднократно высказывался в этом смысле в дружеских разговорах с Рибо и Камбоном при исполнении ваших поручений. Во-первых, нет сомнений, что по отношению к нам парижский кабинет поступил безцеремонно, это тем менее простительно, что ему хорошо известно, как затруднения, с коими в интересах общего дела союзников должно считаться временное правительство, так и глубокая преданность нашего правительства делу войны до конца; затем я не имею точного указания о каком-либо ухудшении положения в Греции со времени удаления войск в Пелопонес и дру-

гих принятых в то время мер. Нельзя, однако, не признать, некоторого веса в двух аргументах французского правительства: один, вопрос о Фессалийском урожае, имеет существенное практическое значение, другой, вопрос о нарушении королем конституции, гарантированной державами-покровительницами, имеет под собой, мне кажется, строго принципиальную почву и может быть с успехом противопоставлен обвинениям в насилии над «маленькой, беззащитной Грецией».

Подп. *Севастопуло.*

CDXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 июня 1917 г. № 360.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Я виделся 7-го июня с Заимисом, которого просил, чтобы и русской миссии были непосредственно доставляемы сообщения греческого правительства верховному комиссару. Подобная же просьба сделана Заимису и английским поверенным в делах, которому предписано ежедневно посещать верховного комиссара и подробнейше следить за мероприятиями его. Заимис понял необходимость для Англии и Франции платить долг свой Венизелосу и Заимис приложил все усилия, чтобы помочь державам-покровительницам в «уплате чека», как он выразился.—Но для этого ему надо дать время, а Саррайль принимает спешные меры, способные лишь возбуждать здешние настроения и тормозить умиротворяющую задачу Заимиса. За последние дни вся Фессалия до Ламии передана в управление венизелистов. Задержаны все, заподозренные в иных чувствах, и отправлены в Салоники. Крайняя венизелистская печать в Афинах сильно повышает тон с неприличными выпадами по адресу бывшего короля. Другим газетам возбраняется высказывать свое мнение. Постепенно складывается обстановка венизелистского террора. Сегодня изгоняются из Греции лица, согласно списку верховного комиссара, среди них Гунарис, глава партии националистов. Высылке подвергается и Драгумис, бывший посланник в Петрограде, ныне македонский депутат. Он мне лично знаком и отличается руссофильством. Тяжело приходится Греции от «французских свобод», а главное возмущается население и офицерство. Заимису не без труда удалось успокоить волнение в Пелопонесе. Заимис согласился на учреждение примирительной комиссии из 4-х членов, 2-х от салоникского и 2-х от афинского правительств, под наблюдением верховного комиссара. Заседания состоятся на корабле. Ожидается одобрение Венизелоса. По мнению Заимиса, ему возможно будет возвращение в Афины через некоторое время. Однако, возбуждение им здесь вопроса о выходе из нейтралитета окончательно подорвет его положение и может привести к крупным осложнениям, в особенности с имеющимися здесь сведениями о сокращении союзных войск в Македонии и неблагоприятном их боевом состоянии.

Подп. *Демидов.*

CDXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8/21 июня 1917 г. № 361.

По предложению Жоннара и в связи с недоумением, вызванным в Париже неудачными выражениями последнего обращения короля Александра к греческому народу, его величество обратился к председателю совета министров с открытым письмом: «С живым интересом я слежу за усилиями правительства, в целях восстановления единства страны. Что касается меня, то, оставаясь верным хранителем конституции и будучи уверенным в благожелательном расположении держав, я выражаю готовность искренне с ними сотрудничать, в видах успокоения умов и достижения национального примирения».

Подп. *Демидов.*

CDXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10/23 июня 1917 г. № 367.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Намек Заимиса не следует понимать в буквальном смысле и придавать ему значение. Под словом «протекторат» он подразумевает фактическое подчинение страны Франции, а к такому исходу дело клонится, хотя, в случае утверждения в Греции Венизелоса, руководившегося общественным мнением Англии и Франции, Греция может снова возвратить себе независимость. В качестве приверженца, главным образом, Англии, он будет, вероятно, искать в ней опору и противовес вожделениям Франции, которой он пользуется ныне в целях своего восстановления. Во Франции наступит разочарование Венизелосом, в этом я не сомневаюсь. Я убежден, что раздражение общественного мнения в союзных странах было долго искусственно поддерживаемо итальянцами из Салоник и из французских кругов крайнего направления, в Афинах. Опровержения греческого правительства, либо не помещались в печати, либо задерживались контролем союзников. Например: Заявление Рибо в С. Жане-де-Морен, что Греция уклонилась от выполнения всех военных обязательств ультиматума, в то время, когда чуть ли не весь материал армии был уже перевезен в Пелопонес. Упоминаемая в означенной телеграмме неблагодарность греческого народа сводится к неохоте взяться за оружие, после 2-х лет войны и бесполезной мобилизации. Греческий вопрос приобрел новое значение, благодаря созданию из него во Франции платформы борьбы двух партий. Можно сказать, что в продолжение 6-ти месяцев греческий народ голодал для того, чтобы во Франции дискредитирован был Бриан. Ныне, в ущерб первостепенным целям союза, сюда направлен целый корпус с Македонского фронта для состязания с призраком. Король уволен, а войска не трогаются. Державы, ссылаясь на права свои охранять греческую хартию, сами ее, повидимому, нарушают, причем Франция распоряжается без надлежащего мандата от имени России. Наконец, союзные посланники удаляются из Греции, чтобы предоставить Франции больший простор в действиях. Создаются совершившиеся факты, против которых

приходится во имя союза ограничиваться принципиальными возражениями. Позволяю себе в заключение высказать надежду, что временное правительство сделает надлежащие оговорки, поставит Франции на вид, что, уступая ей на поле греческих соревнований, оно в праве ожидать от нее искреннего признания преобладания голоса России в близких ей задачах славянства, а в частности сербского национального об'единения.

Подп. *Демидов.*

CDXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10/23 июня 1917 г. № 368.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Выясняется, что Венизелос все больше торопится своим возвращением, вопреки осторожным возражениям Заимиса против преждевременной, неподготовленной спайки. Дней через 10 верховный комиссар предложит созвание венизелистской палаты 1915 г., распущенной королем Константином. Если бы Заимис, не сочувствующий плану, подал в отставку, верховный комиссар обратится к королю Александру с предложением призвать к власти Венизелоса или по крайней мере венизелистский кабинет.—Венизелос, вероятно, скоро отправится в Салоники, с тем, чтобы возвратиться с греческой дивизией, которая займет Пирей на ряду с французскими войсками, которые затем будут постепенно оттянуты. Венизелоса безпокоит итальянская оккупация Эпира, способная вызвать осложнение в момент его вступления в управление, в особенности с присутствием французских частей около Янины. На его взгляд желательно, чтобы союзные кабинеты убедили Италию предварительно очистить занятые ею местности. У верховного комиссара создалось впечатление, что вышедший из под влияния окружавших его в Салониках лиц, Венизелос, проявляет ныне большую осторожность и сговорчивость. Комиссия по об'единению Греции начала заседать.

Подп. *Демидов.*

CDXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

11/24 июня 1917 г. № 371.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Использование греческих железных дорог для сообщения с Салониками и перевозки войск и припасов решено. Наши части будут отправлены обратно в Македонию, вероятно, Итею-Брало. Тем же путем, вероятно, прибудет сюда и дивизия Венизелоса. Ожидается отряд жандармов-критян, преданных ему, для охраны порядка в Афинах. Французы надеются вскоре окончательно водворить здесь Венизелоса, который в таком случае просит удалить иностранные войска, присутствие которых способно умалить его в глазах многих греков, видящих в нем ставленника иностранцев. С укреплением Венизелоса закончится поручение верховного комиссара в Греции. По некоторым вопросам, как немедленное вступление Венизелоса в управление и созыв палаты 31 мая 1915 г., между 4-мя делегатами комиссии по об'единению Греции соглашения не состоялось. Верховный комиссар, в качестве арбитра, высказался в пользу тезиса венизелистов, вследствие чего предстоит отставка Заимиса.

Подп. *Демидов.*

CDXVI

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже.

12/25 июня 1917 г. № 572.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Очень извиняюсь, что вынужден вновь утруждать ваше внимание замечаниями, по поводу донесений посланника в Афинах, но последняя его телеграмма может служить таким подтверждением распускаемых врагами и пацифистами слухам и вследствие этого кажется мне настолько опасной с точки зрения русско-французских отношений, что я не считаю себя в праве обойти ее молчанием... Как я вам уже докладывал, я нисколько не отрицаю непоследовательность русско-французской политики по отношению к Греции и влияния личных мотивов Бриана или парламентских соображений Рибо. Я вполне понимаю также, что местные агенты, вроде Гильмена, своей бестактностью и тенденциозным освещением фактов, могли вывести из терпения своих коллег. Но, как бы ни понимать намека Заимиса, он является клеветою и доказывает лишний раз, как сильно настроение в Греции против союзников и как там были бы рады вселить в них недоверие друг к другу. Я не понимаю, как Заимис осмелился высказаться таким образом при союзном после. Позволю себе повторить, что по моему глубокому убеждению у Франции нет никаких затаенных стремлений к протекторату в Греции, ни скрытому, ни явному. Это верно, как относительно французского общественного мнения, так и правительства. Цели Франции, поскольку они касаются ее собственных интересов, были ею нам высказаны полностью, при этом в том об'еме, в каком они были нам сообщены, они являются лишь максимальным пределом ее вожделений, она дорожит всеми ими далеко не в одинаковой степени. В Греции главной заботой Франции являются военные интересы союзников, поэтому, если, как предвидит Демидов, политика Венизелоса в ближайшем будущем удовлетворит Англию, то она тем самым удовлетворит и Францию и ни на какое соперничество между этими нашими союзниками в Греции не должно рассчитывать, потомучто у них у обеих одна главная забота,—доведение до успешного конца нынешней войны и потому что они сознают всю опасность такого соперничества в такое время, когда речь идет чуть ли не об их существовании. Что касается Сербии, то здесь принимают в судьбе этой многострадальческой страны, — как и в судьбе Бельгии и Польши.—самое живое участие; удовлетворение ее национальных вожделений считается одной из главных целей войны. Франция твердо стоит на этом и не требует никаких компенсаций за это. Оценка роли Греции с начала войны выходит из рамок компетенции здешнего посольства, к тому же элементы суждения являются публичным достоянием, так что на этой части телеграммы Демидова я останавливаться не стану.

Подп. *Севастопуло.*

CDXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

12/25 июня 1917 г. № 372.

Верховный комиссар обратился, 11 июня, с письмом к председателю совета министров, передаваемому за № 2, в котором он указывает на необходимость созыва в близком будущем палаты депутатов 31 мая 1915 г. Председатель совета министров ответил Жоннару, что, к сожалению, он не может

взять на себя ответственности за таковую меру, он предполагает немедля же сообщить королю отставку кабинета. Его величество, принявший вчера в аудиенции комиссара, сообщил ему, что он призывает к власти Венизелоса.

Подп. *Демидов.*

CDXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах*).

12/25 июня 1917 г. № 378.

№ 2.

Нота, переданная 21 июня, королю Константину (?) представителями держав-поручительниц Греции, содержит в себе следующую декларацию: «Греческая конституция не была признана, свобода пользования всеобщим избирательным правом нарушена, палата распущена вторично на протяжении менее одного года, вопреки ясно выраженной народной воле, избиратели созваны в разгар мобилизации, так что нынешняя палата представляет лишь незначительную часть избирательного корпуса. Представители держав-поручительниц, потребовали вследствие этого немедленного роспуска палаты и новых выборов. Это требование не было удовлетворено. Державы-поручительницы вынуждены, таким образом, возобновить свою декларацию. Они полагают, что роспуск палаты, избранной 13 июня 1915 г., не соответствовал ни духу греческой конституции, ни основным принципам парламентского режима, господствующего в Греции со времени воцарения правящей династии. События, которые предшествовали и определили голосование конституции 1876 г., а также применение этой конституции в течение долгих лет, исключают всякое толкование, которое пыталось бы, хотя бы в неясной форме, дать короне право располагать по ее усмотрению судьбами народа. Поэтому, я имею честь предложить Вам, во исполнение данных мне инструкций, созвать палату от 31 мая, которая одна рассматривается державами-поручительницами, как правильно избранная».

Подп. *Демидов.*

CDXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

12/25 июня 1917 г. № 377.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вследствие неявки прямых агитаторов, удаление которых из Греции было потребовано верховным комиссаром и бегства их в Пелопонес, где они продолжают свою преступную деятельность, верховный комиссар об'явил, что эти лица отныне подвергаются военному закону, с конфискованием их имущества. Сопротивление их может иметь последствием об'явление вторичной блокады Пелопонеса, каковой мерой нанесен будет существенный ущерб местным землевладльцам, поставленным в невозможность вывозить виноград.

Подп. *Демидов.*

---

*) Перевод французского текста.

CDXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 июня 1917 г. № 375.

Копия в Рим.

Венизелос говорил со мной 11 июня, как будто он уже правит страной. Он ожидает к завтрашнему дню отставки Займиса и предполагет в четверг стать во главе собственного кабинета. «Если новый король не окажется строго конституционным, с ним поступят как у Вас в России». Принятие им управления фактически означает выход Греции из нейтралитета и восстановление союзных с Сербией. В этом отношении Венизелос дал мне самые положительные заверения в присутствии сербского посланника. Он расчитывает призвать 2 класса 1916 и 1917 годов, которые с находящимися под ружьем призывом 1915 г., должны дать 70.000, не считая частей на фронте. Обучение их возьмет 3 месяца. Офицеры, не желающие участвовать в войне, могут подать в отставку. Палата 1915 г., считаемая им незаконно распущенной бывшим королем, будет немедленно созвана. Не берусь судить, в какой мере удастся ему осуществить начинания при несомненном глухом противодействии частей офицерского состава. Со своими противниками Венизелос поступит беспощадно. Гунарису он намерен разрешить вернуться, чтобы дать ему возможность судебным порядком оправдаться за нарушение конституции. В обшем, я нашел Венизелоса обнадеженным и бодрым. Я высказал ему полную уверенность в предстоящем русском наступлении.

Подп. *Демидов.*

CDXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 июня 1917 г. № 382.

Русский отряд продвинулся, по приказанию генерала Реньо, до столицы и расположился лагерем в местности Руф, недалеко от городского газового завода. Так как французское правительство выразило пожелание, чтобы королевичи Николай и Христофор были удалены из Греции, последние готовятся к отъезду. Королевич Андрей, повидимому, остается.

Подп. *Демидов.*

CDXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 июня 1917 г. № 383.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Английский поверенный в делах сказал мне, что последнее продвижение союзных отрядов состоялось по соглашению с греческим правительством. Войска останутся на занятых ими позициях, пока Венизелос, имеющий принять управление завтра или послезавтра, сочтет их присутствие необходимым. Согласно заявлению верховного комиссара Венизелосу, Саррайль теле-

графировал, настаивая на скором возвращении союзных войск на фронт. Тем временем Венизелос выписал сюда 400 жандармов критян и греческий полк, прибывающий в пятницу, из Салоник, для замены союзных частей, которые будут оттянуты при возможности расчитывать на сохранение порядка, в зависимости от провозоспособности (пропуск). Никакой реакции среди греков не наблюдается.

Подп. *Демидов.*

CDXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

14/27 июня 1917 г. № 388.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Венизелос 14 июня присягал с новым кабинетом во дворце. Митрополит афинский показался участвовать в обряде. Состав нового министерства приблизительно тот же, что в Салониках. Французские войска стояли шпалерами по обеим сторонам аллеи, ведущей из Пирея, и на главных улицах Афин. Скверы оцеплены французскими солдатами при пулеметах. Гостиница, где временно живет Венизелос, усиленно охраняется войсками. Толпа спокойна и местами шумно приветствовала Венизелоса. В настоящую минуту делают попытку убедить здешних офицеров признать новое положение вещей и примириться со своими товарищами из Салоник. Переговоры идут с достаточным успехом.

Подп. *Демидов.*

CDXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 июня 1917 г. № 391.

В произнесенной вчера речи Венизелос сделал краткий обзор событий. Венизелос говорил о позорном уклонении от сербского союза. На очереди стоит вопрос о созыве учредительного собрания для пересмотра конституции и точного установления демократического характера королевского режима. Он заявил, что в программу правительства не входит пока об'явление мобилизации в Фессалии и на островах, а лишь призыв для обучения классов 1916 и 1917 годов. Временное примирение двух частей греческой армии составит заботу правительства. Он не имеет в виду приступить к репрессиям против кого либо, но виновники преступлений будут привлечены к судебной ответственности. В целях очистки судебного состава, приостановлена гарантия судейской несменяемости. Декрет уже обнародован. Предстоит увольнение многих государственных служащих. В Афинах приступлено к смещению лиц государственного управления.

Подп. *Демидов.*

CDXXV

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже.

16/29 июня 1917 г. № 553.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2595, и на мою № 549.

В ответ на переданное мною письменно г. Рибо содержание Вашей телеграммы, он прислал мне памятную записку, в которой говорится *): «Отречение короля Константина, вызванное в глазах держав-покровительниц крайней необходимостью, (не будет иметь) другой цели, как восстановление греческой конституции, поручителями которой они явятся; они не в праве оставить престол вакантным, но назначение королем Константином короля Александра ни в какой мере не уничтожает прав греческого народа избирать своего монарха и регулировать вопрос о форме правления. Это как раз то, что председатель совета министров старался подчеркнуть во время заседания сената 15-го с. м., при чтении своей декларации, следующего содержания: «В настоящий момент корона, при условии ратификации национальным собранием, ибо его придется созвать, чтобы оно сказало свое последнее слово,— находится на голове второго сына короля». Из этой декларации ясно, что греческое национальное собрание будет располагать полной свободой принимать решения, которые оно найдет наиболее сообразными с интересами и желаниями Греции. Что касается текста прокламации короля Александра греческому народу, то г. Рибо разделяет мнение Терещенко и надеется, что дальнейшие события не наложат новых обязанностей на держав-покровительниц».

Подп. *Севастопуло.*

CDXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 июня 1917 г. № 394.

Греческое правительство предписало своим представителям во враждебных государствах немедленно выехать. Министр иностранных дел телеграфировал в Париж и Лондон, с просьбой передать кому следует означенное предписание.

Подп. *Демидов.*

CDXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 июня 1917 г. № 396.

Копии в Париж и Лондон.

Здешний итальянский посланник поспешил посетить Венизелоса и Политиса. Венизелос не скрыл от итальянского посланника своего желания восстановить греческие власти в Эпире и высказал, как надежду, что скоро последует очищение итальянцами греческой области, вслед за уходом францу-

зов. Венизелос прибавил, что если соображения высшего свойства требуют занятия некоторых местностей, он это допускает, лишь бы оккупация была смешанная, с участием греческих частей. Итальянский посланник, смягчивший свои воззрения, обещал рекомендовать это соображение министру иностранных дел. В греко-итальянских отношениях заметен просвет.

Подп. *Демидов.*

CDXXVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

17/30 июня 1917 г. № 397.

Политис сказал мне, что он считает Грецию, часть армии которой уже давно оражается на стороне союзников, как находящуюся в состоянии войны. Греческие интересы в 4-х враждебных странах, с отозванием дипломатических и консульских представителей, поручены Голландии. Мобилизация греческих сил будет об'явлена постепенно в разных областях, начиная с Фессалии и Ионических островов, продолжаясь Эпиром и континентальной Грецией и кончаясь Пелопонесом. Политис затронул вопрос о желательности возвращения Греции ее легкого флота и предоставления ей, наряду с союзниками, морской зоны против неприятельских покушений. Вследствие производящихся арестов, в особенности офицеров, я указал Политису на небходимость осторожного обращения, во избежание вредного озлобления против нового режима. Верховный комиссар, повидимому, уезжает через несколько дней в Париж и Лондон для доклада о положении в Греции, в связи с выполнением поручения. В осведомленных кругах наблюдается разногласие по вопросу о его возвращении. Полагаю, что многие соображения, как финансовые, так и по снабжению и экипировке греческой армии, побуждают Венизелоса желать присутствия верховного комиссара, в видах более быстрого разрешения этих вопросов, чем путем сношений с кабинетами. Наши части отбыли обратно на фронт.

Подп. *Демидов.*

CDXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

18 июня/1 июля 1917 г. № 401.

Посетивший меня в Кифиссии, верховный комиссар, подробно развил мне свои мысли и планы в отношении Греции. Он предполагает вскоре уехать, чтобы впоследствии вернуться в Афины и приступить к осуществлению обширной программы военно-промышленного свойства. Считая ближайшей задачей приведение греческой армии в состояние боевой готовности и оказание целесообразной финансовой поддержки, верховный комиссар имеет в виду поставить Грецию в возможность самой производить большую часть нужного материала для войск. Он соответственно намечает создание в стране новых отраслей промышленности, а, именно, на первых порах основать заводы и мануфактуры для изготовления сукна, обуви и вообще продуктов, поддаю-

щихся по местным условиям легкому производству. В этой программе, вероятно, уже разработанной, кроется небезинтересный, как мне кажется, факт подготовки к тесной, в будущем, экономической связи с Грецией.

Подп. *Демидов.*

CDXXX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 июня/2 июля 1917 г. № 406.

Положение дел в Пелопонесе заметно улучшилось. С полуострова прибыли военноначальники, кроме одного, и присягали новому режиму. По сведениям из Мореи скоро возвратятся военные части на места обычной стоянки. Правительство производит «очистку» ведомств, увольняет членов высшего духовенства, заменяет состав кредитных учреждений до директоров Национального банка включительно. Под видом восстановления справедливости скрывается пристрастность и злопамятство за ноябрьские дни. Надо также ожидать отставки некоторых придворных чинов, проникнутых, по словам Венизелоса, старым духом и злотворно влияющих на нового правителя. Хотя и царит безреакционное (?) спокойствие, все же распоряжения эти возбуждают глухое неудовольствие, а самый острый вопрос о будущей мобилизации может встретить затруднения.

Подп. *Демидов.*

CDXXXI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

20 июня/3 июля 1917 г. № 411.

Копии в Париж, Лондон, Рим и Корфу.

Верховный комиссар сказал мне, что после свидания с Саррайлем, прибывающим сюда на один день, 21 июня, он уедет в Салоники, а потом в Париж и Лондон. Верховный комиссар удовлетворен результатом своей деятельности в Греции, которую он оставляет успокоенной. Он несколько жаловался мне на отношение временного правительства к его полномочиям и на принципиальные возражения нашего (пропуск) неконституционного образа действий в Греции. Он советует Венизелосу не торопиться об'явлением войны, так как еще недавно заявлено от имени держав-покровительниц, что они не ищут выхода Греции из нейтралитета, а предоставить решение вопроса греческой палате. Заметно оживление греко-сербского союза. Оба правительства желают, повидимому, использовать благоприятное настроение, чтобы установить тесную связь по внешним и внутренним делам, поставив перед греками лозунг выполнения обязательств к Сербии. Так как сербо-греческие силы скоро составят главное ядро Салоникской армии, намечается направление к более самостоятельным совместным действиям, если отозвание Саррайля—вопрос дней, как полагают сербы. В видах согласования обоих штабов, предполагается вызвать из Салоник генерала Павловича. Сербское правительство возбуждает вопрос о переезде в Салоники. При нем будет греческий посланник. При этой обстановке мы можем, полагаю, лишь сочувствовать обрисовавшемуся сближению.

Подп. *Демидов.*

CDXXXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

21 июня/4 июля 1917 г. № 412.

Весьма доверительно. Верховный комиссар доверительно сказал мне, что в Париже приписывают лично мне возражения, возбужденные временным правительством, касательно несогласуемости союзных действий с постановлениями греческой конституции. Подозрениям этим, он, Жоннар, отнюдь не придает веры.

Подп. *Демидов.*

CDXXXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 июня/5 июля 1917 г. № 413.

Посещение Саррайлем Афин обставлено было большой торжественностью и дало повод франко-греческим излияниям. Саррайль принял союзных военных контролеров, с Кобу во главе, и заявил об окончании их поручений. Саррайль заявил делегатам через Кобу, что союзные правительства будут запрошены о дальнейшей судьбе членов комиссии. Венизелос предполагает поручить заведывание организацией греческой армией не исключительно французским офицерам, а союзным военным агентам в Греции.

Подп. *Демидов.*

CDXXXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 июня/8 июля 1917 г. № 422.

Копия в Рим.

Срочно.

В греческом министерстве иностранных дел получено известие, что германский министр иностранных дел высказался крайне несдержанно, при об'явлении ему о разрыве Грецией дипломатическихх сношений, угрожая Греции и Венизелосу мщением. Из частного источника здесь узнали, будто Германия откажется признать Грецию воюющим государством, считая ее занятой французами, и с об'явлением здесь мобилизации ответит тем же в занятых ею Сербии и Бельгии. Мне передают, что Венизелос, не чувствуя себя еще достаточно окрепшим, предпочитает, чтобы французы не окончательно очистили старую Грецию, что в свою очередь может неблагоприятно повлиять на эвакуацию итальянцами Эпира.

Подп. *Демидов.*

CDXXXV

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже.

26 июня/9 июля 1917 г. № 626.

Из агентских телеграмм осведомился об отзывах здешней печати, по поводу нашего сообщения о греческих делах. Оно вызвало особое недоумение в широкой публике, мало осведомленной о наших возражениях и об условиях, при которых французское правительство сочло возможным обойтись без нашего согласия. Даже теперь она не уяснила себе последнего. Особен-

ной резкостью отличается статья в «Журналь де Деба». Здесь недоумевают, главным образом, почему русская демократия заступается за Константина. Французы безусловно не уяснили себе еще точного смысла нашего принципа самоопределения народов. Выражение это не поддается переводу на французский язык, и формула: «La liberté des nationas de disposer d'elles mêmes», передает его, конечно, не точно. Французы, верные своим традициям, всегда рады свержению «тирана», как у себя, так и у других, и именно таковым считают Константина, в виду нарушения им конституции. Они полагают, что служат делу свободы, заменив «тирана» конституционным монархом, хотя и предпочли бы видеть Грецию республикой. Существенным фактором в греческом вопросе является какое то ослепление французского общественного мнения, относительно истинного настроения греческого народа. Во Франции как бы не хотят верить тому, что Константин действительно снискал себе популярность в Греции тем, что ценою измены союзу с Сербией он избегнул войны. Таким образом, вмешательство держав понимается здесь, как помощь истинным стремлениям Греции и этим об'ясняется, что французы в оправдание своей политики ссылаются, главным образом, на необходимость восстановить нарушенные конституционные начала.

Подп. *Севастопуло.*

CDXXXVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

30 июня/13 июля 1917 г. № 434.

Правительство представило к подписи королевича Александра декрет о созыве палаты 31 мая 1915 г., с отменой декрета 29 октября того же года о роспуске означенной палаты. В обширной записке, приложенной к декрету, изложены причины, в силу которых, с точки зрения конституционной, надлежит считать майский парламент незаконно распущенным. Записка предвидела созыв в благоприятный момент учредительного собрания для утверждения и закрепления этого нового политического периода на началах народного верховенства.

Подп. *Демидов.*

CDXXXVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10/23 июля 1917 г. № 457.

Копии в Париж и Рим.

Вам, вероятно, уже передана греческим посланником записка греческого правительства, касательно положения дел в Эпире, где постепенно восстанавливаются греческие власти, но который итальянцы временно еще занимают. С предстоящим очищением французами всей старой Греции, казалось бы, отпадут и доводы в пользу оккупации Эпира, тем более, что Греция становится ныне союзницей Согласия. Между тем, здесь обращают внимание на стремление Италии удержать по военным, будто бы, соображениям, местность к югу от линии флорентинского протокола. В видах удовлетворения общественного мнения, греческое правительство, отнюдь не желая придать своему заявлению вида жалобы на образ действий Италии или вселить раздор, все же считало бы неоправдываемым сохранение итальянцами воинских частей в этой области. Доверительно. Здешний итальянский посланник, крайне пессими-

стически настроенный, обосновывает, по мнению многих, свою деятельность на разладе между венизелистами и приспешниками короля, повидимому, в целях ослабления Греции и создания препятствий к активному ее выступлению.

Подп. *Демидов.*

CDXXXVIII

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже.

13/26 июля 1917 г. № 700.

На втором заседании конференции *), рассмотрен был вопрос о прекращении оккупации временно занятой территории в Греции. Рибо отметил, что итальянское правительство уже заявило о своих намерениях очистить Эпир, как только французы очистят Фессалию. Соннино указал при этом, что Италия считает необходимым продолжить занятие пролегающей по греческой территории части пути из Санти-Кваранта до Монастыря, до окончания войны или по крайней мере на все время Салоникской экспедиции, так как, в случае передачи этого участка пути в руки греков, могли бы возникнуть трения между итальянскими войсками и греческими властями на местах. Греческий посланник настаивал на повсеместном восстановлении греческой администрации в ее правах, ссылаясь на равное с другими союзниками положение в Греции, после ее выступления, и на трудности, которые причиняли бы правительству Венизелоса проявления к обновленной Греции недоверия, не имеющего теперь оснований. В пользу возможностей предоставления прав Греции особенно сильно и в резких выражениях выступил Ллойд-Джордж, указавший, что уверения Соннино о временном характере оккупации совершенно недостаточны, так как в этом нет сомнения и что недопустимо применение к Греции мер, о которых Соннино никогда не решился бы думать, если бы речь шла не о малой державе. Греческий посланник, поддержанный английским и французским представителями, предложил решить вопрос, путем возложения гражданского управления вышеупомянутой территории на особенное греческое высшее должностное лицо, которое находилось бы в постоянном соприкосновении с итальянскими военными властями. Оговорившись неимением инструкций по сему предмету, я счел долгом заявить, что я присоединяюсь к предложению французского и английского правительства рекомендовать это решение итальянскому правительству. По вопросу об оккупации Корфу, Соннино пытался отстоять сохранение нынешнего положения, но, вследствие решительного возражения со стороны английских и французских представителей, должен был согласиться на восстановление на острове греческих властей с ограничениями, связанными лишь с использованием его флотами, в качестве морской и военной базы.

Подп. *Севастопуло.*

CDXXXIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

13/26 июля 1917 г. № 464.

Копии посланы в Рим и Салоники.

Итальянское правительство действительно потребовало эвакуации Эпира, очищения Греции французскими частями и отвода с Афона, франко-русского отряда. Полагаю, что, если временное правительство считает необхо-

*] Парижская междусоюзническая конференция.

димым водворение нашей роты на Святой Горе, вопрос о сем следует под тем или иным предлогом возбудить лишь по уходе итальянцев. Греческое правительство с нетерпением ожидает отбытия итальянцев чтобы водворить свои власти в Эпире. По словам Политиса, Греция удовлетворится лишь полным восстановлением греческих властей во всех местностях к югу от черты, установленной флорентинским протоколом.

Подп. *Демидов.*

CDXL

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

20 июля/2 августа 1917 г. № 477.

За последнее время политическое положение в Греции, в связи с принимаемыми правительством решительными мерами, несколько обострилось, в виду все усиливающейся партийной розни. Возлагавшиеся на новый режим, по водворении в старой Греции Венизелоса, надежды (пропуск), пока не оправдались, так как неимущие классы продолжают страдать от дороговизны жизни и недохвата хлеба. Рационирование продолжается и количество выдаваемого на обывателя хлеба определено только в 50 грамм. Смещение лиц духовного и судебного ведомства, пользовавшихся до сих пор несменяемостью, вызвало недовольство, вследствие чего к партии отрекшегося короля примыкает не мало «колебавшихся». По отношению к чинам армии и флота, не оказывающим должного уважения и повиновения новым начальникам, вербуемым исключительно из воиск национальной обороны, также применяются драконовские меры за малейший проступок или провинность. Согласно принципу: «кто не с нами—против нас», все, мало-мальски заподозренные в причастности к событиям 18 ноября, лица подвергаются аресту и заключению, до женщин, носящих медаль с изображением короля Константина, включительно. Разрыв сношений с центральными державами и их союзниками, вероятно, не так скоро приведет к реальным действиям, так как армия и флот требуют серьезной реорганизации, затрудненной тем более, что большинство талантливых элементов генерального штаба, как противники нового режима, уволены от службы. Утомленный почти 2-хлетней мобилизацией и 6-тимесячной блокадой народ далек от энтузиазма и надежды Венизелоса на сформирование месяца через три, 10 дивизий должны быть отнесены в область мечтаний, несмотря на прилагаемые к осуществлению, в будущем, этого плана стараний французских инструкторов. Палата собралась пока лишь для открытия сессии. Деятельность ее начнется с 21 июля, когда имеет состояться тронная речь короля, который в этот день будет произведен в генералы. Единственный частный успех Венизелоса, это смещение союзных контролей и очищение старой Греции от союзных отрядов, причем, к концу июля уйдут, вероятно, последние французские части, которые еще находятся в Пирее. Одни лишь итальянцы определенно высказывают свое нежелание очистить занятый ими греческий Эпир. К успехам нового правительства можно также отнести возвращение Греции секвестрированного союзниками легкого греческого флота, являющееся лишь формальной уступкой, так как суда этого флота будут продолжать находиться под командой начальника средиземноморской эскадры. В связи с этим, об'явлен призыв новобранцев-моряков 1916 и 1917 г.г., которыми правительство надеется укомплектовать полученные от французов суда легкой флотилии. Равно правительством издан приказ, воспрещающий

выезд за границу всем подлежащим мобилизации, в возрасте от 19 до 35 лет, и принадлежащим к категории призывов с 1903 и по 1918 г., каковым лицам, министр иностранных дел просит союзные миссии не визировать паспорта.

Подп. *Демидов.*

CDXLI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 июля/4 августа 1917 г. № 487.

Сегодня, 22 июля, состоялось торжественное заседание греческой палаты, на котором Александр принес присягу конституции и произнес тронную речь. Присутствовал дипломатический корпус. Трибуны были переполнены. Королевское обращение содержало весьма скромные намеки на деятельность отца, ограничившись заявлением о нарушении в свое время конституции роспуском нынешней палаты. Вскоре предстоит созыв ревизионного собрания для пересмотра греческих партий (?) и вообще демократических начал. Засим следует обзор политического положения с точки зрения внешней. Возвращение Греции на традиционную колею разрыва с вековым врагом. С внутренней — необходимость очищения всех отраслей администрации от пагубных элементов. Речь заканчивается призывом к содействию народного представительства и божественной помощи. От'езд Александра сопровождался возгласами: «да здравствует король и Венизелос». В общем энтузиазма наблюдалось мало. На улицах публика отсутствовала и солдаты национальной обороны и старогреческие стояли шпалерами.

Подп. *Демидов.*

CDXLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

27 июля/9 августа 1917 г. № 492.

Вчерашние прения в палате депутатов имели предметом вопрос публикации речей депутатов и утверждение декрета, об'явившего военное положение в Аттике и Бэотии. Относительно первого, Венизелос заявил, что, в виду чрезвычайных условий, печати разрешается помещать лишь оффициальные отчеты, составленные под ответственностью президиума, ибо с громадной борьбой, предпринятой нацией, недопустимо, чтобы газеты печатали, что им угодно, и поддерживали в государстве рознь и смуту. Что касается второго, председатель совета в пространной речи развил мысль, что правительство, каким бы оно ни было либеральным, поставив себе задачу восстановить страну на развалинах прежнего режима, не остановится на своем пути ни перед какими репрессивными мерами. В случае необходимости, прибегнуто будет и к предварительной цензуре. Военное положение необходимо для проведения правительственной программы, которая состоит в том, чтобы возвратить Греции, в качестве влиятельного фактора восточного вопроса, положение, приобретенное ею в дни либерального правления. Оппозиция выказала мало реакции. Депутат Стратос указал на настоятельность покончить с враждою между эллинскими гражданами, чему палата должна способствовать. Закон о военном положении принят.

Подп. *Демидов.*

CDXLIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

28 июля/10 августа 1917 г. № 499.

Копии в Рим и Салоники.

Венизелос подтвердил мне недвусмысленно, что Италия потребовала ухода франко-русского отряда с Афона, связав вопрос с очищением ею Эпира. Здешний итальянский посланник также не скрыл от меня этого факта. В бытность в Салониках, Венизелос действительно высказал несочувствие занятию Афона союзными частями, как мере противной лондонской конференции. Венизелос сказал мне, что найденные в одном из греческих монастырей Афона несколько сот ружей с патронами были доставлены туда в 1913 г., греческим правительством для обороны против Болгарии. По его словам, факт снабжения германских подводных лодок на Афоне не был установлен и надобности в виду близости Порт-Лагоса в нем не было. Министр иностранных дел (пытался отрицать военные нужды оккупации. Он с горечью говорил об Италии, ищущей будто бы предлога для повременения) с очищением Эпира и пытающейся сеять раздор между Грецией и Румынией составлением в Янине заявления куцо-влахов о даровании им автономии. Такой же политики, по словам Венизелоса, придерживается Италия и в области греко-сербских отношений.

Подп. *Демидов.*

CDXLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

29 июля/11 августа 1917 г. № 503.

Доверительно. Английский поверенный в делах и заместитель Жоннара, Клосс, обратились ко мне с просьбою содействовать сближению непримиримых пока двух греческих партий, путем приглашения к себе (пропуск), с элементами как королевской, так и венизелистской партий. Он полагает, что в качестве лица, наименее причастного к вмешательству во внутренние дела Греции, я имел бы возможность соединить у себя и тех и других на пользу согласительного дела, далеко не подвигающегося вперед. Отнюдь не ручаясь за успех, я тем не менее выразил готовность, в союзнических видах, пойти навстречу их желаниям, под непременным, однако, условием получения мною Вашего одобрения и определенного мандата из Лондона и Парижа. Министр иностранных дел меня также зондировал по этому вопросу. В случае утвердительного Вашего отзыва, прошу точно подтвердить факт признания временным правительством Александра королем, во избежание всяких недоразумений. На деле с принесением присяги и выступлением с тронной речью, на которую ответный адрес в настоящее время обсуждается комиссией депутатов, нынешняя палата утвердила юного монарха на престоле. Наши союзники его признают. Теоретически же вопрос о конституционности воскрешения старой, давно распущенной, палаты, не столь уже ясен. Если к тому же греческому народу предоставлено ныне было бы высказаться, я далеко не уверен, что его выбор не окажется в пользу водворения Константина. Тем не менее, в виду необходимых условий и с оговоркою относительно будущего решения национального собрания, надлежит, мне кажется, признать фактически Александра королем.

Подп. *Демидов.*

CDXLV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

1/14 августа 1917 г. № 507.

Положение в Греции представляет далеко не отрадную картину. Не говоря о рушащихся надеждах на военную помощь Греции и замену имеющих быть оттянутыми из Салоник англо-французских отрядов греками, кое-где слышны голоса, выражающие свое недовольство по поводу этой меры и даже опасения германского наступления на Грецию. Отношения правительства Венизелоса и французов несколько ухудшаются. Свойственное Франции желание диктаторствовать начинает встречать известное противодействие со стороны Венизелоса. Уже по вопросу о реорганизации армии возникли недоразумения, так как французы требуют для своих войск (пропуск) верховного командования в греческой армии, в чем правительство им отказывает, предоставляя Франции лишь интендантскую часть. Двоевластие французского поверенного в делах и заместителя верховного комиссара Клосса продолжает разделять французов в Афинах на два лагеря, вследствие чего не достигается общности действий. Во французском органе «Прогрэ» появилась весьма резкая статья, впоследствии опровергнутая французскою миссией, как не имеющая будто бы к ней отношения, что де Венизелос и Греция обязаны всем исключительно Франции, спасшей Грецию, вопреки глухому противодействию Англии и России и имеющей ныне право на признательность и благодарность. Как правительство, так и англо-французы ищут сближения двух враждующих лагерей, причем, считают представителя России, как бы призванным увенчать это дело успехом; задача весьма нелегкая и которая может повести к неудовольствию как той, так и другой стороны,—королевской—за обреченную, по всей вероятности, на неудачу попытку—венизелистской—за постигшую эту попытку неудачу. Французы же, стоя в стороне и предоставляя другим первые шаги, не преминут приписать себе успех в случае его наличности. Во внутреннем управлении продолжают приниматься меры репрессий. Военное положение введено в Аттике и Беотии. Печать подвержена строгой цензуре. Даже речи депутатов и прения палаты будут распубликованы в составленных самим правительством отчетах. Так называемое «очищение» страны от неудобных элементов продолжается. Будут уволены в отставку гофмаршал двора и шталмейстер, привлеченные к судебной ответственности, в связи с событиями ноября. Венизелос выражал уже свое неудовлетворение королем, не серьезно относящимся к своей задаче. Работы палаты идут своим чередом. Правительство сообщило о сделанном кабинетом Скулудиса займе в Германии в 80.000.000 марок и подписанном Ламбросом займе в 40.000.000, заявив, что признает его.

Подп. *Демидов.*

CDXLVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

3/16 августа 197 г. № 513.

Копия в Рим.

Итальянская оккупация Эпира по непонятным причинам затягивается, вопреки решению союзной конференции. По сообщению Венизелоса, подтвержденным и консулом нашим в Янине, итальянцы организуют в Эпире албанские банды и снабжают четников, по уверениям Венизелоса, ручными

бомбами. В Филиппиате убили нотабля, не сочувствующего итальянцам. Создаются инциденты для оправдания оккупации. Греческий чиновник, прибывший к месту служения, был посажен итальянскими военными властями в тюрьму. Здешний итальянский посланник открыто заявил, между прочим и мне, что итальянские войска не очистят области. Венизелос сказал мне, в состоянии раздражения, что податливость союзников в отношении Италии переходит пределы и что Греции придется отправить в Эпир 15.000 войск, чтобы заставить итальянцев подчиниться постановлениям конференции.

Подп. *Демидов.*

CDXLVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 августа 1917 г. № 520.

Греческое правительство продолжает неуклонно следовать по пути строгих репрессалий, или, как оно выражается, справедливых возмездий, навлекая на себя все большее недовольство. В связи с деятельностью Национального Банка, по вопросу о займе в Германии, предстоит, вероятно, уход единственно оставшегося директора, Заимиса, обвиняемого в преступном попустительстве. Последний, как известно, всегда слыл другом Согласия и пользуется в стране авторитетом честного, беспартийного деятеля. Обер-шталмейстер двора, князь Ипсиланти, арестованный вчера, и посаженный в тюрьму, привлекается к судебной ответственности за покушение на убийство, так как из окон его дома стреляли, будто бы, 20 ноября, в дом Г. Бенакис, городского головы, венизелиста.

Подп. *Демидов.*

CDXLVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

6/19 августа 1917 г. № 521.

Розданная депутатам греческая «Белая книга» содержит более семидесяти документов, относящихся к внешней политике, среди которых имеется греко-сербский союзный договор, ныне впервые преданный гласности, по соглашению с сербским правительством. Из него выпущены, как мне доверительно сообщил сербский посланник, по понятным причинам, оба параграфа, относящиеся к разделу между Сербией и Грецией Албании. За сим, немаловажными документами являются две телеграммы, которыми обменялись в самом начале войны император германский и король Константин. Последний выражает, в ответ на призыв императора, симпатию своему шурину, но считает невозможным выступление на его стороне из опасения англо-французского флота и высказывается за нейтралитет. Ярко освещает германофильство греческого посланника в Берлине, Теотокиса. Далее следует документ о данных Германией гарантиях, вследствие вторжения в Македонию и занятия Гупеля. В архивах министерства не найдена важная бумага, касательно вступления германо-болгарских войск в Драму, Серес и Кавалу. Книгу вышлю вализою. На мой взгляд надлежит относиться несколько осторожно к публикации, в которой подбор документов, очевидно, расчитан возможно более очернить прежнее правительство.

Подп. *Демидов.*

CDXLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

14/27 августа 1917 г. № 540.

На вчерашнем заседании палаты началось обсуждение ответного адреса на тронную речь, в связи с коим завязались общие политические прения. Первым выступил депутат оппозиции Стратос.

По вопросу о конституционности этой палаты, он высказался отрицательно, признавая за бывшим королем право ее роспуска. По столь важному вопросу, как об'явление войны, король мог использовать свою прерогативу, даже если бы он этим нарушил букву конституции, ибо на его обязанности лежит защищать страну от опасности. Относительно последних выборов, 6 декабря 1915 г., состоявшихся во время мобилизации, а посему несовершенных, надлежало, по его мнению, распустить избранную таким образом палату, а не воскрешать законно распущенную.

На основании исторического толкования он доказывал, что договоры не дают державам-покровительницам права вмешательства во внутренние греческие дела, а что, напротив, они гарантируют независимость Греции от посягательств со стороны внешнего врага, главным образом, Турции. Последнее вмешательство двух держав не оправдывается договорными правами, доказательством чего служит отношение к вопросу «Русской демократии», которая сообщением своим от 23 июня недвусмысленно заявила о неодобрении случившегося. Узаконение положения может произвестись лишь волеиз'явлением греческого народа, и оппозиция приветствует созыв в более удобное время учредительного собрания. По многим причинам место Греции—с Согласием, с коим она не имеет противоположных интересов. Она сталкивалась лишь с видами России на Константинополь до учреждения «российской демократии». Переходя к вопросу о греко-сербском договоре, считает таковой чисто балканским, хотя бы в силу невозможности для союзников бороться с великой державой. По его мнению, выступление Греции оказалось бы бесполезным для спасения Сербии и привело бы к разорению Греции. Наконец, Стратос заявил, что, по мере определения положения в отношении Согласия, Греции надлежало вступить в войну при первом удобном случае. Ныне страна в войне с центральными империями. Если победа окажется на стороне Согласия, Греция должна потребовать удовлетворения, согласно вековым национальным вожделениям. Если война кончится миром в ничью, она все же может надеяться получить от союзников то, что в состоянии будут обеспечить применительно к правам национальностей. В силу этого начала, северный Эпир, Додеканез и Кипр должны вступить в область греческого национального единства. «Перед страной, находящейся в состоянии войны, мы исполним наш патриотический долг эллинов», — сказал Стратос, — «но приемы ваши», закончил он, обращаясь к либералам, — «клонящиеся к господству и всякого рода гонениям, недостойны».

Подп. *Демидов.*

CDL

Телеграмма посланника в Афинах.

12/25 августа 1917 г. № 544.

Политические дебаты продолжались вчера в палате. Депутат оппозиции, Бусиос, высказал точку зрения меньшинства комиссии, по вопросу об ответе на тронную речь. Порицая либералов в неудаче осуществить в свое время программу, он вызвал возражения Венизелоса, сказавшего, что бывший король не считал себя обязанным подчиняться по внутренним делам народной воле, но по внешним национальным вопросам, как оказание помощи Сербии, он ответственен лишь перед богом. При таких условиях Венизелосу оставалось лишь следовать по-революционному пути. На вопрос того же депутата, имеется ли письменное отречение Константина, Венизелос ответил положительно. «Тем не менее я не признаю происшедшие перемены» сказал Бусиос. Против этих слов палата и публика восстали. Другой представитель оппозиции, Раллис, жаловался на образ действия полиции, не допускающей свободы слова в палате; если революционное состояние будет продолжаться, присутствие в парламенте оппозиции станет невозможным. Докладчик комиссии от большинства выступил обвинителем, с речью против прежнего режима, доказывал необходимость возвращения к демократическим началам. Лично он высказался против монархического режима. В поправку ему, Венизелос заявил, что взгляд этот не соответствует оффициальным видам либеральной партии. Председатель совета сделал весьма важное заявление, что несмотря на демократическую волну, охватившую всюду народы, он не сомневается, что большинство палаты согласно с ним, что правительственный долг состоит в попытке сохранить королевский режим в Греции. (Аплодисменты). Но попытка эта будет последней. Венизелос высказал убеждение, что греческий народ и большинство представителей палаты искренне постараются создать возможные, но твердые, условия функционирования режима, с королем во главе. Независимый депутат Попп, издатель газеты «Атина», призывает страну к единению, необходимому для конечной победы и кончает заявлением, что он сторонник республиканского строя. Наконец, социалист Сидерис выражает радость, что заседание приняло характер демократического праздника. На его взгляд палате надлежало бы ответить королю следующее: «Ваше восшествие на престол условно: сообразуйтесь с демократическим чувством или откажитесь от престола и трудитесь на пользу демократии».

Подп. *Демидов.*

CDLI

Секретная телеграмма поверенному в делах в Париже.

14/27 августа 1917 г. № 3815.

Греческое правительство через своего посланника в Петрограде неоднократно обращалось к нам с жалобами на действия итальянцев в Эпире. Согласно заявления посланника, итальянцы не только не очищают занятой ими части Эпира, но путем агитации среди албанцев стараются, будто бы, вызвать беспорядки, которые оправдывали бы дальнейшее пребывание там итальянских войск.

В виду того, что итальянцы связывают пребывание своих войск в Эпире с нахождением французских в Фессалии и, с другой стороны, на парижской конференции Рибо сам отметил, что итальянское правительство заявило о своем решении очистить Эпир, как только французы очистят Фессалию, благоволите осторожно осведомиться о намерениях французского правительства в этом направлении, а также какой линии держится оно в вопросе о греко-итальянской распре из-за Эпира.

Подп. *Нератов.*

CDLII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

15/28 августа 1917 г. № 549.

Министр внутренних дел, Репулис, выступил на заседании 12-го августа. Он начал заявлением, что еще до войны были попытки бросить Грецию в об'ятия Германии. Чрезвычайная миссия, отправленная в европейские столицы для об'явления о восшествии на престол Константина, имела поручение зондировать берлинский кабинет без ведома правительства. В то время три вопроса занимали внимание Греции: об островах, об Эпире и о разграничении с Болгарией. По всем трем—Германия отклонила разрешение (в пользу Греции). Греко-сербский договор был обречен с момента заключения на нарушение, согласно признанию самого короля на одном из коронных советов.

Убеждаемый Венизелосом король быстро менял настроение, под влиянием министра иностранных дел Стрейта, оказавшегося изменником в кабинете, подав отдельную записку со взглядами, несоответствующими правительственному направлению. По мнению оратора, тогда уже следовало идти революционным путем, но Венизелос предпочел в виду угрозы со стороны болгар, испытать народное голосование. Несмотря на насилия, народ высказался за Венизелоса. Тем временем главный штаб продолжал предательскую деятельность. Солдатам внушалась необходимость вздерживаться от войны. Какой смысл революции, если бы не была востановлена палата, умерщвленная прошлым режимом.

Возражая Стратосу, министр доказывал, что вмешательство держав-покровительниц казалось скорей внешней обстановкой и что они имели нравственный долг вступиться, исходя из солидарности свобод народов, за которые они борятся. Национальное собрание закрепит новое положение, несмотря на обратные упования немногих. Пусть нежелающие повиноваться, удалятся. Либералы стремятся к греческому единению, они принесли из Салоник оливковую ветвь и прогнали (пропуск) террора. Но для великих преступников нет ни снисхождения, ни прощения. Правительство призывает всех депутатов оппозиции к поддержанию предпринятого дела.

Засим выступил министр иностранных дел и член оппозиции Раллис.

Подп. *Демидов.*

CDLIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 августа 1917 г. № 552.

Продолжение телеграммы 549.

Министр иностранных дел, возражая члену оппозиции Стратосу, в своей речи сделал исторический очерк политических событий, в связи с дипломатическими попытками Греции выступить на стороне Согласия. Он доказывал преступность германофильского штаба и подпольную деятельность советника Константина—Стрейта. Относительно обязательства Греции, по соблюдению договора с Сребией, он вывел заключение о бесспорном предании. 13 августа выступил председатель совета, речь коего имела ретроспективный характер.

В виду их пространности и богатства материала препровождаю обе речи в газетных вырезках вализою.

По окончании прений, палата единогласно выразила доверие правительству и одобрила окончательную формулу большинства на тронную речь.

Подп. *Демидов.*

CDLIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

16/29 августа 1917 г. № 553.

Наиболее выдающимся событием политической жизни Греции за последнее время является опубликование «Белой книги» греческим министерством иностранных дел, содержащей ряд обличительных документов, которыми нынешнее правительство старается доказать преступную деятельность кабинетов Скулудиса и Ламброса. Не входя в подробное рассмотрение появившихся пока на греческом языке документов, нельзя не отметить неверную их тенденциозность, чтобы не сказать подтасовку, и желание выставить в определенном свете политику предшествующих правительств. Есть, напримерм, основание предполагать, что по вопросу о сдаче Рупеля существует документ, доказывающий, что Саррайль был своевременно предупрежден о предстоящем занятии форта германо-болгарами, причем находившееся у власти правительство заявило, что оно предоставляет как той, так и другой из воюющих сторон, полную свободу действий на греческой территории, облекая свой нейтралитет в форму непротивления. На запрос одного из депутатов относительно этого документа, министр иностранных дел отговорился неведением. Из обмененных королем Константином и императором германским телеграмм явствует лишь, что Константин не скрывал своих личных симпатий к Германии и, преклоняясь перед ее военною мощью, все же сознавал, всю опасность для Греции выступить на ее стороне. Не подлежит сомнению, что греческий посланник в Берлине являлся более представителем германских интересов, чем наоборот. В одной из его телеграмм встречается фраза: «Император приказывает мне передать вашему величеству», после чего следуют соображения о необходимости для Греции примкнуть к центральным империям. В связи с заключенным в Германии займом, предполагается переустройство национального банка, допустившего этот заем. Возможно устранение Заимиса, весьма популярного, как в Греции, так и в кругах Согласия. В моменты

кризисов не раз прибегали к его посредничеству и ему одному обязана Греция предотвращения возможного разрыва между нею и державами-покровительницами. С назначением новых представителей Англии и Франции, кончилась миссия Клосса и Давида, а косвенно и Жоннара. Клосс уже отбыл во Францию, украшенный орденом Спасителя и провожаемый панегириками греческой печати, называющей его спасителем Греции, сравнивающей его с Карлом X и Гамбеттою. Давид причислен к французской миссии без определения его функций. В палату внесен и принят законопроект о распространении военного положения на все греческие провинции, что должно способствовать, как проведению мобилизации, так и продолжающимся преследованиям лиц, подозреваемых в симпатиях к павшему режиму. Так, уже выслано на Милос около ста офицеров, частью уже подавших в отставку при перемене правительства, частью уволенных правительством Венизелоса. Лица эти высланы в качестве неблагонадежных. Прения по поводу ответа на тронную речь дали повод бесчисленным словопрениям и заседание палаты продолжалось до глубокой ночи. Достойна внимания ссылка депутата оппозиции Стратиса на отношение России к греческим событиям и на наше заявление от 13-го июня. Во время прений имел место инцидент с депутатом Буссиосом, заявившим, что, несмотря на существование акта отречения короля Константина, он не желает признать нового режима. Заявление это вызвало протесты палаты и вмешательство жандармского офицера, попытавшегося применить к оратору силу. Венизелос извинился по поводу подобного нарушения депутатской неприкосновенности. Раздавалось также немало голосов, в пользу введения в Греции республиканского строя. Правительству единогласно, 188-ю голосами, при воздержавшихся министрах и отсутствии оппозиции, покинувшей зал, выражено доверие. Мобилизация ведется усиленным темпом. Призваны классы 1916 и 1917 г.г., а также многие, освобожденные по различным причинам, лица. Призвано, кроме того, двенадцать классов необученных. Для приведения в боевую способность греческой армии из Франции выезжает военная миссия с французским военным агентом во главе. Ее состав около 80-ти офицеров. Одновременно, прибывает и английская морская миссия в уменьшенном составе. Каков будет результат этих попыток покажет будущее. Главная задача Венизелоса—обеспечить Греции место на мирном конгрессе. Небывалый пожар уничтожил почти все Салоники. На место катастрофы выехали три министра, а 11-го сам король Александр, пробывший там всего лишь несколько часов.

Подп. *Демидов.*

CDLV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

17/30 августа 1917 г. № 555.

Копия в Рим.

Саррайль оффициально уведомил греческое правительство о полном очищении французами Эпира. Вследствие этого, министр иностранных дел ожидает в ближайшем будущем ухода итальянцев. Греческие войска готовятся тотчас занять эвакуируемые итальянцами местности. Правительственному комиссару предписано немедленно водворять греческую граждан-

скую администрацию. Политис сказал мне, что итальянцы требовали с населения уплаты им налогов за 1916 г. Он не видит причины оставления на Корфу итальянского генерала Марро, тогда как французский генерал покинул остров.

Подп. *Демидов.*

CDLVI

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

19 августа/1 сентября 1917 г. № 560.

Верховное судилище, которому предстоит разобрать дело о государственной измене бывших председателей совета министров Скулудиса, Гунариса, будет состоять из членов аппеляционного и кассационного судов, назначаемых жребием. Установление виновности повлечет за собою, по словам Венизелоса, потерю прав состояния, конфискацию имущества, а может быть и каторжные работы. Гунарису, находящемуся в изгнании на Корсике, предложено будет возвратиться для представления защиты. Я высказал Венизелосу свои сомнения относительно суда, с вероятным преобладанием венизелистов, а также своевременности подобного рода разжигания страстей, когда все усилия надлежало бы направить к умиротворению.

Подп. *Демидов.*

CDLVII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

20 августа/2 сентября 1917 г. № 562.

Палата депутатов пред'явила обвинительный акт против бывших председателей совета и министров кабинета Скулудиса и Ламброса, за исключением адмирала Кундуриотиса, который состоял морским министром первого из этих кабинетов. Акт построен на неконституционном образе правления прежних правительств, отдавших германо-болгарам часть национальной территории и поощривших террор союзов резервистов. Назначение по жребию членов верховного суда состоится по возобновлении работ палаты депутатов. Вследствие нового закона о приостановке судейской несменяемости, беспристрастность этого суда представляется мне мало обеспеченною.

Подп. *Демидов.*

CDLVIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 сентября 1917 г. № 580.

В Афины прибыла французская финансовая миссия, во главе с Г. Сержан, помощником директора французского государственного банка. Назначение ее состоит в изучении финансового положения Греции, в связи с по-

мощью, которую намечено оказать правительству для ведения войны. Французский военный агент, генерал Бракэ, усиленно разрабатывает вопрос об организации греческой армии, особенно по подготовке нужных кадров к времени об'явления мобилизации, в ноябре. Он надеется выставить к концу февраля 10 дивизий. Франция поставит нужный военный материал к тяжелым орудиям, которые поступят от Англии.

Подп. *Демидов.*

CDLIX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

7/20 сентября 1917 г. № 587.

Копия в Рим и Янину.

Политис мне сказал, что итальянцы очищают Янину, но требуют себе установления 10-ти верстной наблюдательной зоны к югу от флорентинской линии и оккупируемого ими треугольника. Политис считает это требование несогласным с решением Парижской конференции и неоправданным союзническими отношениями с Грецией, стремящейся к дружному и согласованному действию греческих и итальянских войск против общего врага. Далее итальянцы заявили о сохранении ими Корицы, впредь до ухода французов из двух селений южнее Корицы, занятой, как известно, последними. Политис возражает против зависимости двух обстоятельств, не имеющих между собой отношения. Наконец, итальянцы официально выразили намерение учредит консульства в четырех пунктах греческого Эпира: Парамисарии, Мариминти, Мецове и Сакассине—первые два для пропаганды среди албанцев, последние два—для воздействия на куцо-валахов, причем консульскими агентами предположено назначить офицеров. Отнюдь не протестуя против производства итальянцами осведомительной работы, через посредство агентов янинского консульства, Политис восстает против поручения этой деятельности, способной посеять раздор и сосредоточить агитацию, оффициальным представителям в названных местностях.

Подп. *Демидов.*

CDLX

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

25 сентября/8 октября 1917 г. № 605.

Копии в Рим и Янину.

Итальянский посланник сообщил мне, что Саррайль распорядился об очищении французскими частями двух селений, недалеко от Корицы. Как известно, итальянцы ставили вопрос этот в зависимости от своего (пропуск) Корицы. Посланник, повидимому, не настаивает, вследствие греческих возражений, на учреждении четырех консульских агентов в Эпире, лишь бы итальянцы могли свободно отправлять информаторскую службу. Посланник жалуется на деятельность французов в Албании, образовавших «Корицкую республику» и сохранявших представителя при Эссаде, с которым они закрепляют сношения. Он не допускает особенных интересов Франции в Албании. Итальянский посланник и греческое правительство подписали контракт, относительно прибывших уже сюда итальянских жандармских инструкторов. Отрасль эта представляет ценный источник осведомления о настроениях в стране.

Подп. *Демидов.*

CDLXI

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Афинах.

3/16 октября 1917 г. № 4576.

Здешний греческий посланник сообщил, что на запрос Венизелоса, как французское правительство относится к намерению короля Александра жениться на девице Манос *), последнее ответило, что не намерено вмешиваться в это чисто внутреннее дело Греции. По сведениям посланника, английское правительство примкнуло к французской точке зрения.

С своей стороны, мы вполне разделяем мнение наших союзников.

Подп. *Терещенко.*

CDLXII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

4/17 октября 1917 г. № 618.

В виду полного затишья в политической жизни Греции, я не счел нужным посылать за последнее время обозрений. Из событий последних (пропуск) выдающимся является предание суду парламентских комиссий бывших председателей с членами кабинета и некоторых депутатов, проявивших враждебные чувства к Согласию. Они обвиняются в сношениях с Германией, в попустительстве сношений греческого штаба с Берлином, в раздаче денег эпистратам, в растлевающем влиянии на армию, которой они внушали ненависть к союзникам и отвращение к войне. Обвинительные акты составлены на основании документов и переписки означенных лиц, найденных в архивах по возвращении Венизелоса. Значительное число этих документов своевременно уничтожено, а шифрованная переписка дворца с Берлином велась помимо министерства иностранных дел и следов от нее не остается. Установлена организация банд в Фессалии и сношение штаба с немцами. Для этой цели пользовались как офицерами, преданными королю, так и смещенными лицами. Обвиняемый в незаконном предании анафеме Венизелоса митрополит афинский представил доклад, в котором оспаривал законность парламентской комиссии, доказывая, что она назначена нынешним незаконным правительством и незаконно созванным парламентом, не представляющими народа. Он считает себя в праве предать анафеме членов Национальной Обороны, являющихся не политическими соперниками, а заговорщиками, целью которых было низвержение существовавшего строя, в каковом случае, канонические правила уполномачивают духовенство предавать их, как бунтовщиков, анафеме.

Подп. *Демидов.*

CDLXIII

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

9/22 октября 1917 г. № 634.

Парламентское заседание, занявшееся вопросом предания верховному суду Скулудиса и его товарищей по кабинету, длилось с 5 вечера до 10 утра, когда палата постановила подавляющим большинством привлечь к ответ-

*) Дочь опального шталмейстера и друга короля Константина.

ственности семь бывших министров, включая Скулудиса, Драгумиса и Гунариса. Из прений выяснилось, как следовало ожидать, что душой оппозиции Согласию и Венизелосу были Гунарис и греческий штаб. В виду обширности материала и ретроспективного значения сделанных разоблачений, прения представляю донесением.

Подп. *Демидов.*

CDLXIV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10/23 октября 1917 г. № 636.

В заседании 9 октября греческая палата обсуждала вопрос о предании верховному суду членов кабинета Гунариса. За отсутствием его, высланного на Корсику, противником предложения выступил член оппозиции Стратос, доказывающий, что в действиях названного кабинета нет почвы для улик, подлежащих судебному разбору, разве только несогласие с видами либеральной партии, в каком случае преследование оказалось бы политическим. Большинством 126 голосов против 19 палата постановила привлечь к суду членов министерства Гунариса и тотчас приступила к выбору соответствующей следственной комиссии, которая, вероятно, вынесет подобное же заключение, как и две предыдущих.

Подп. *Демидов.*

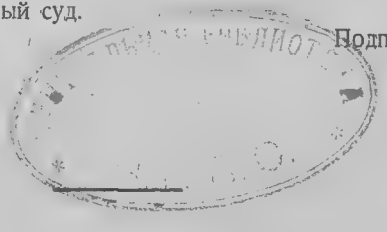
CDLXV

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

11 октября/24 октября 1917 г. № 640.

10 октября состоялось в палате голосование о предании верховному суду Ламброса с членами его кабинета, кроме Элиопулоса и Аргиропулоса, освобожденных за неимением данных. Остальных министров постановлено громадным большинством привлечь к ответственности по всем пунктам обвинения. Палата избрала также депутатов, имеющих исполнить прокурорские обязанности при верховном суде, для кабинетов Скулудиса и Ламброса особо. Палата, вероятно, скоро разойдется, по принятии некоторых срочных законопроектов, и выбрав по жребию членов кассационного суда, из состава которого образуется верховный суд.

Подп. *Демидов.*



Предметный указатель к дипломатической переписке *).

I. Албания: IV—6; XXVII—16 XLI—23; LXV — 37; LXXVII — 43; CCXIV — 109; CCCIII—161; CCCLXIX—192; CCCLXXI—193; CCCLXXIII — 195; CDXLVIII — 230; CDLX—237.

II. Англия—Греция: VIII — 8; XI — 9; XII — 10; XIII — 10; XV — 11; XVII — 11; XVII—12; XXVI—15; XXXI—19; XXXII—9; XXXVII—21; XXXVIII—22; XXXIX—22; XLIII — 24; LVII — 31—32; LIX — 33; LVIII—32; LX—34; LXI—35; LXVI—37; LXII—41; LXXVI—42; LXXIX—44; LXXX—44; LXXXI — 44—45; LXXXIII — 45—46; LXXXIV—46; LXXXVI—47; LXXXVIII—48; LXXXIX—48; XC—49; XCIII—50; XCV—51; XCVI—51—52; CII—54; CIII—55; CV—56; CVII—56; CVIII—57; CXII—58—59; CXV—63; CXVI—64; CXXIV—66; CXXVI—67; CXXVIII — 68; CXXIX — 68; CXXX — 69; CXXXIII—71; CXXXV—71; CXLI—74—75; XLII — 75; CXLIII — 75; CXLV — 77; CXLVI — 77; CXLVII — 78; CXLVIII — 78; CXLI—80; CLII—80; CLIII—81; CLIV—82; CLVII—83; CLVIII—84; CLXII—86; CLXX—CLXXVIII—93; CLXXXVI—96; CXCI—99; CXCIV—100; CXCV—100; CCVI—105; CCVIII—106; CCX—107; CCXVI—110—111; CCXVII—111; CCXIX—112; CCXXIII—115; CCXXIV — 115; CCXXVI — 116; CCXXVIII—119; CCXXIX—119; CCXXXII—120; CCXXXIX — 124; CCXLVIII — 128; CCLIII—129—130; CCLVIII—132; CCLIX—133; CCLX—134; CCLXXI—140; CCLXXII—140; CCLXXVI — 142; CCLXXVII — 143; CCLXXVIII — 143; CCLXXX — 144; CCLXXXII — 145; CCLXXXIV — 146; CLXXXV — 146; CCLXXXVI — 147; CLXXXVII — 147 — 148; CCXCV — 153; CXCVIII—154—155; CCCII—156; CCCIV—157; CCCVI — 158; CCCVII — 158 — 159; CCCXV—162; CCCXVI—162; CCCXXI—169; CCCXXV—170; CCCXXX—173; CCCXXXI—173; CCCXXXVIII—176; CCCXXXIX—176; CCCXLII — 177 — 178; CCCXLVII — 180; CCCL — 181; CCCLI — 182; CCCLII — 182; CCCLIV—183—184; CCCLVI—184—185; CCCI—186; CCCLXVIII — 191; CCCLXX — 192; CCCLXXII — 194; CCCLXXIII — 195; CCCLXXV — 196; CCCLXXIX — 198; CCCLXXXIX — 202; CCCXCIV — 204; CCCXCIX—206; CDIII—209; CDXXXVIII—225; CDLIV—235; CDLVIII—236—237.

III. Англия—Франция: VIII—8; XLIII—24; LVIII—32; LXXII—41; LXXIII—41; LXXIV—41—42; LXXVIII—43; LXXXIII—45—46; LXXXIV—46; LXXXVII—47; LXXXIX—48—49; XC—49; XCIII—50—51; CXV—63; CXVI — 64; CXXVII — 68; CXXVIII — 68; CXXXIII—71; CXXXV—71; CXLI—74—75; CXLIII—76; CXLVI—77; CXLVII—77—78; CLIV—82; CLV—82; CLVI—83; CLXII—86; CXCI—98—99; CXCII—99; CXCIII—99—100; CXCIV — 100; CXCV — 100; CCVI — 105; CCXVI—110—111; CCXXIII—115; CCXXIV—115; CCXXVI—116; CCXXIX—119; CCXVIII—128; CCLVIII—132; CCLIX—133; CCLX—134; CCLXVI—137; CCLXXI—140; CCLXXVI—142; CCLXXVII — 143; CCLXXXIV — 146; CCLXXXVII — 147 — 148; CCXCV — 153; CCXCVIII—154—155; CCCIV—157; CCCVI—158; CCCVII — 158 — 159; CCCXXI — 169; CCCXXV—170; CCCXXX—173; CCCXXXII—173; CCCXXXVI—175; CCCXXXVIII—176; CCCXLII — 177 — 178; CCCXLIV — 179; CCCXLVI—179; CCCXLVII—180; CCCL—181; CCCLI — 182; CCCLIII — 182 — 183; CCCLVI — 184 — 185; CCCLXIV — 189; CCCLXVI—190; CCCLXVII—191; CCCLXVIII—191; CCCLXXIII—195; CCCLXXVIII—197; CCCLXIX — 198; CCCLXXXI — 199; CCCLXXXV — 200; CCCLXXXIX — 202; CCCXCIV—204; CCCXCIX—206; CDVIII—211.

IV. Англия — союзники: XXXIX — 22; LXXXIII—45—46; LXXXIV—46; LXXXVIII—48; LXXXIX — 49; XC—49; CLI—80; CLII—80; CLIII—81.

V. Антанты общая политика. V—7; VIII—8; XVII—12; XXXVI—21; XXXVII—21; XLIII—24—25; XLIX—27; LIV—30; LVII—31—32; LVIII—32; LIX—33; LX—34; LXI—

*) При пользовании предметным указателем следует иметь в виду, что римскими цифрами обозначен номер документа, а арабскими—страница дипломатической переписки. В заголовках отдельных рубрик указателя допущены, в целях краткости, сокращения, вроде: «Англия — Греция; Франция—союзники» и т. д., вместо: Взаимоотношения Англии и Греции, Франции и союзников по греческому вопросу в 1915—1917 г.г.» и т. д.

35; LXVI—37; LXVII—38; LXXXI—44—45; LXXXIII—45—46; LXXXIX—48; XCIV—51; XCV—51; XCVI—51—52; CII—54; CV—56; CVII—56; CVIII—57; CXIII—58—59; CXXIX—68; CXLII—75; CXLIII—75; CXLVI—77; CXLVIII—78—79; CXLIX—79; CLIII—81; CLIV—82; CLVIII—84; CLIX—84—85; CLX—85; CLXII—86; CLXV—87; CLXVI—87; CLXVI—87—88; CLXXXIII—94—95; CXCIII—99—100; CCV—104; CCVII—105—106; CCXI—107—108; CCXXXV—122; CCXL—124—125; CCXLIV—126; CCLVIII—132; CCLXXXIX—149; CCXCVI—153—154; CCCII—156; CCCIII—157; CCCXV—162; CCCXVI—162; CCCXIX—165; CCXX—169; CCCXXI—169; CCCXXVI—171; CCCLIX—186; CCCLXIII—188; CCCLXXXII—199; CCCXCVI—205; CDI—207—208; CDVI—210; CDXVII—217; CDXIX—217.

VI. Блокада и контроль над снабжением Греции. I—5; XLVII—26; LXVI—37; LXVIII—38; LXXI—40; LXXII—41; LXXIV—41; LXXV—42; LXXXII—45; LXXXVI—47; XCI—49; XCII—50; CI—54; CV—55—56; CVII—56; CVIII—57; CXIV—63; CXXVII—67—68; CXLIV—76; CXLV—77; CXLIX—79; CCXVII—111; CCLXXXIX—149; CCXCIII—152; CCXCV—153; CCXCVII—154; CCXCIX—155; CCCII—156; CCCIII—157; CCCIV—157; CCCXVI—162; CCCXVI—163; CCCXIX—165; CCCXXIV—170; CCCXXVI—171; CCCXXVII—171; CCCXXVIII—172; CCCXXIX—172; CCCXXXIII—174; CCCXXXV—174—175; CCCXXXVIII—176; CCCXL—177; CCCXLII—177—178; CCCL—181; CCCLXIV—189; CCCXC—203; CCCXCV—205; CDI—207—208; CDXIX—217.

VII. Болгария: V—7; VI—7; VII—7; XII—9; XVI—11; XVIII—12; XXII—14; XXV—15; XXVI—16; XXVIII—17; XXVIII—17; XXIX—17; XXX—18; XXXI—18; XXXII—19; XXXIII—20; XXXIV—20; XXXV—21; XXXVI—21; XXXVII—21; XXXIX—22; XL—23; XLI—23; XLIV—25; XLVII—26; LI—28; LXX—39; LXXVII—43; XCVI—52; CIII—55; CXC—98; CXCVI—101; CCVIII—106; CCXIV—109; CCXXX—119; CCXXXII—120; CCXXXIII—121; CCXLI—125; CCL—128—129; CCLXXXVIII—148—149; CDLII—233.

VIII. Венизелос и Антанта: VI—7; VII—7; VIII—8; IX—8; XI—9; XII—9; XVIII—12; XIX—12—13; XX—13; XXIII—14; XXV—14; XXV—15; XXVI—16; XXVIII—16; XXXII—19—20; XXXIV—20; LVI—31; LVII—32; LIX—33; CII—54; CXIII—58—59; CXXV—67; CXXXI—69; CXXXII—69—70; CLII—80; CLIII—81; CLVII—83; CLIX—85; CLXIX—89; CLXXXVII—97; CCXX—113; CCXXII—114; CCXXVIII—118; CCXXXIV—122; CCXXXV—122; CCXXXIX—124; CCLXII—134—135; CCLXIII—136; CCLXVII—138; CCLXVIII—138—139; CCLXX—139—140; CCLXXII—140; CCLXXIV—141—142; CCLXXVII—143; CCLXXVIII—143; CCLXXIX—144; CCLXXXI—144—145; CCLXXXV—146; CCLXXXVI—147; CCLXXXVII—147—148; CCLXXXVIII—148—149; CCXC—150; CCXCI—150—151; CCXCII—151; CCXCIII—151—152; CCXCV—153; CCXCVIII—154—155; CCC—156; CCCV—157; CCCVII—159; CCCXV—162; CCCXVI—162; CCCXXVI—171; CCCXLIX—180—181; CCCL—181; CCCLIX—186; CCCXVIII—191; CCCLXXXIX—202; CDII—208; CDIII—209; CDVII—211; CDXI—213; CDXIII—214; CDXIV—215; CDXV—215; CDXVII—217; CDXX—218; CDXXII—218—219; CDXXVIII—221; CDXXXI—222; CDXXXIII—223; CDXXXIV—223; CDXL—226.

IX. Вмешательство Антанты во внутренние дела Греции: CII—54; CXIII—58—59; CXXXII—69—70; CXLII—75; CXLIII—75; CXLIV—76; CXLVI—77; CXLVII—78; CLIII—81; CLIV—82; CLV—82; CLVI—83; CLVII—83; CLXIII—86; CLXV—87; CLXXII—90; CLXXVII—92; CLXXVIII—93; CXCIII—99—100; CXCV—100; CXCIX—102; CCVII—105—106; CCIX—106—107; CCX—107; CCXI—107—108; CCXXII—114; CCXXVI—116; CCXXIX—119; CCXXXII—120; CCXXXIX—124; CCXL—124—125; CCLIV—130; CCLIX—133; CCLXI—134; CCLXIV—136; CCLXXI—140; CCXCIII—152; CCCV—162; CCCXVI—163; CCCXIX—165; CCCXX—169; CCCXXV—170; CCCXXVI—171; CCCXXVII—171; CCCXXIX—172; CCCXXX—173; CCCXXXVII—176; CCCXXLII—177—178; CCCXLIV—178—179; CCCXLV—179; CCCXLIX—180—181; CCCL—181; CCCLIII—183; CCCLVIII—186; CCCLX—187; CCCLXIV—189; CCCLXVI—190; CCCLXVII—190; CCCLXXII—194; CCCLXXIII—195; CCCLXXV—196; CCCLXXVIII—197; CCCXXIX—198; CCCLXXX—198—199; CCCLXXXI—199; CCCLXXXII—199; CCCLXXXIII—200; CCCLXXXVII—201; CCCLXXXVIII—202; CCCXC—203; CCCXCIII—204; CCCXCIV—204; CCCXCVI—205; CCCXCIX—206—207; CDII—208; CDIII—209; CDVI—210; CDVII—211; CDXI—213; CDXV—215; CDXVII—216—217; CDXVIII—217; CDXIX—217; CDXXI—218; CDXXV—220.

X. Внутренняя борьба в Греции: III—6; IX—8; XXIII—14; XXIX—17; XLVI—26; LV—31; LXII—35; LXV—40; XCVIII—53; C—53—54; CII—54; CIII—55; CXIII—59; CXXXI—69; CXXXII—69—70; CXL—74; CXLII—75; CLIII—81; CLIX—85; CLXIX—89; CLXXIII—90—91; CLXXXI—94; CLXXXVII—97; CLXXXVIII—97; CCVIII—

106; CCXIII—109; CCXIV—109; CCXVII—111; CCXX—113; CCXX1—113; CCXXV—116; CCXXX — 119; CCXXXIII — 121; CCXXXIV — 122; CCXXXXVII — 123; CCXLIX—128; CCLXXI—140; CCLXXXV—146; CCLXXXIX—149; CCXC—150; CCXCI—150 — 151; CCCXI — 160; CCCXV — 162; CCCXVI—162; CCCXVII—163; CCCXIX—165; CCCXX—169; CCCXXVI—171; CCCXXVII—171; CCCXXVIII — 172; CCCXXX1 — 173; CCCXLIX—180—181; CCCL—181; CCCLXVII 191; CCCLXXIII — 195; CCCXCVIII — 206; CDXIV—215; CDXX—218; CDXXIII—219; CDXXIV—219; CDXXVIII—221; CDXXX—222; CDXL—226; CDXLII—227; CDXLV—229; CDXLVII—230; CDXLIX—231; CDL—232; CDLII—233; CDLIV—235; CDLVI—236; CDLVII—236; CDLXII—238; CDLXIII—238—239; CDLXIV—239; CDLXV—239.

XI. Германия—балканские государства: VII—7; XII—10; XXV—15; XXVIII—16—17; XXIX—17; XXX—18; XXXI—18—19; XL—23; XLI—23; XLIX—27; LII—28; LVII—32; LXX—39; LXXII—41; LXXIII—41; LXXVII—43; LXXXI—45; XCIII—50; XCVI—52; XCVIII — 52 — 53; CIII — 55; CXXXI — 69; CXXXIII — 70; CLII — 80; CLXX — 90; CLXXXVI—96; CLXXXVIII—97; CXC—98; CCXII—108; CCXIX—112; CCXXII—113—114; CCXXVIII—118—119; CCXXXIV—121; CCXXXVII—123; CCXXXIX—124; CCLXXX—144; CCLXXXV—146; CCLXXXVIII—148—149; CCC—156; CCCX—160; CDXXVI—220; CDXXVIII—221; CDXXXIV — 223; CDXLVII—230; CDLII—233; CDLIV—234.

XII. Италия—Греция: IV—6; IX—8; XI—9; XIV—10; XXII—14; XXXVII—21; XLII—24; XLV—25; L—28; LXI—35; LXIII—36; LXXIV—46; LXXXVIII—48; LXXXIX—48; XCI—49; XCV—51; XCVI—51—52; CII—54; CV—56; CVIII—57; CXI—58; CXIII—59; CXIV—63; CXIX—65; CXXI—65—66; CXXXIX—74; CXLI—74—75; CXLIII—75; CXLIV—76; CXLIX—79; CL—79; CLXI—85; CLXIV—86—87; CLXVII—88; CLXVIII—89; CLXXI—90; CLXXIII—91; CLXXXV—95—96; CLXXXIX—97; CXCVIII—101; CC—102; CCII—103; CCX—107; CCXIX—111—112; CCXXXIX—124; CCXLII—125—126; CCXLVI—127; CCLVI—131; CCLVII—132; CCLVIII—132; CCLXV—137; CCLXXXVII—147—148; CCXCIV—152—153; CCCI—156; CCCII—156; CCCV—157; CCCIX—160; CCCXIII—161; CCCXIV—162; CCCXXIII—170; CCCXVIII—172; CCCXXIX—172; CCCXXXIII—174; CCCLI—182; CCCLIII—182—183; CCCLIV—183—184; CCCL—187; CCCL—187; CCCLXII—188; CCCLXIV—189; CCCLVII—191; CCCLXXVI — 196; CCCLXXIX — 198; CCCLXXXI — 199; CCCLXXXIV — 200; CCCXCIX—206; CDXIV—215; CDXXVII—220—221; CDXXXIV—223; CDXXXVII—224—225; CDXXXVIII—225; CDXXXIX—225—226; CDXL—226; CDXLIII—228; CDXLVI—229—230; CDLI—232—233; CDLV—235—236; CDLIX—237; CDLX—237.

XIII. Италия—Англия: XI—9; XXXVIII—22; LXIII—36; LXXXIV—46; CCCXLI—177; CCCLIX—186; CCCLXX—192; CDXXXVIII—225.

XIV. Италия-союзники: XIV—10; XVI—11; XXII—14; XXXVII—22; L—28; LXIII—36; LXXXIV—46; XCIII—50; CXII—58; CXIII—59; CXXXIX—74; CXL—74; CXLIII—75; CXLIV—76; CXLIX—79; CL—79; CCLVI — 131; CCLVII — 132; CCLXXIII — 141; CCLXXXIII—145—146; CCLXXXVII—147—148; CCXCIV—152—153; CCCI—156; CCCII—156; CCCV—157; CCCIX—160; CCCXII—161; CCCXIII—161; CCCXIV—162; CCCXXVIII — 172; CCCXXIX — 172; CCCXXXIII—174; CCCXLI—177; CCCLI—182; CCCLIII—182—183; CCCLIV—183—184; CCCLV—184; CCCLIX—186; CCCLXII—188; CCCLXIV—189; CCCLXIX—192; CCCLXXIII—195; CDXIV—215; CDXXXVIII—225; CDXLIII—228; CDXLVI—229—230.

XV. Константинопольский вопрос: III—6; XXX—18; XCVIII—53; CIII—55; CCLXXXIII—145—146.

XVI. Константин и его правительств. политика: VII — 7; XII — 10; XXIII—14; XXV—15; XXVI—15; XXVIII—16; XXIX—17; XXXI—18; XXXIV—20; XL—23; XLI—23; XLIV—25; XLVI—26; XLVII—26; XLVIII—26—27; XLIX—27; LII—28; LV—31; LVI—31; LVII—32; LIX—33—34; LXI—35; LXVII—38; LXVIII—38; LXIX—38—39; LXX—39; LXXII—41; LXXIV—42; LXXVII—43; LXXXV—47; LXXXIX—48; XCV—51; XCVI—51—52; XCVIII—53; XCIX—53; CII—54; CIII—54—55; CIX—57; CXIII—58—59; CXX—65; CXXI—65—66; CXXVII—67—68; CXXIX—68; CXXXIII—70; CXXXVIII—73—74; CXLI—75; CXLII—75; CXLV—76; CLIX—85; CLXIII—86; CLXV—87; CLXVI—88; CLXX—89; CLXXIII—90—91; CLXXIX—93; CLXXXI—94; CXC—98; CXCII—99; CXCVI—101; CXCIX—102; CCI—102; CCXII—108; CCXIV—109; CCXV—110; CCXVI—110; CCXIX—112; CCXXII—113; CCXXIII—115; CCXXIV—115; CCXVII—117; CCXVIII—118—119; CCCXXX—119; CCXXXVIII—121; CCXXXIV — 121—122; CCXXXV — 122; CCXXXIX—124; CCXLI—125; CCL—128—129; CCLI—129; CCLII—129; CCLV—131; CCLIX—133; CCLXXIV—141—142; CCLXXX—144; CCLXXXV—146; CCCII—156; CCCX—160; CCCXVI—162; CCCXVII—163; CCCXVIII—163—164; CCXXII—169; CCCXXVI—171; CCCXXXVI—175; CCCXXXVII—176; CCCL

—181; CCCLII—182; CCCLXI—187—188; CCCLXXVI — 196; CCCLXXIX — 198; CCCLXXXVI—201; CCCLXXXVII—201; CCCLXXXVIII—202; CCCXC—202—203; CCCXCI—203; CCCXCVIII—206; CCCXCIX—206—207; CDII—208; CDXI—213; CDXII—214; CDXV—215; CDXVII—216—217; CDXLI—227; CDLIV—234.

XVII. Нарушение нейтралитета *): XVII—12; XXI—13; XXIV—14; LVIII—32—33; LXI—34; XCVII—52; XCIX—53; CVI—56; CIX—57; CX—58; CXXIII—66; CXXIX—68; CXXX—69; CXXXIV—71; CLV—82; CLVI—83; CLIX—84—85; CLX—85; CLXII—86; CXCI — 98 — 99; CXCII — 99; CXCV — 100; CXCVII — 101; CXCVIII — 101; CCVI—105; CCXXXVIII—123; CCLIII—129;—130; CCLIV — 130; CCXCVI — 153 — 154; CCCI — 156; CCCXV—162; CCCXVI—162; CCCXX—165; CCCXXI—169; CCCXLIX—180; CCCLXXXIV—200; CCCXCII—203—204.

XVIII. Пропаганда союзников в Греции: CIV—55; CXIII—59; CXXV—67; CXXXVI—72; CXXXVII—73.

XIX. Противосоюзническое движение: CXXXI — 69; CLII — 80 — 81; CLV — 82; CLXXVII—92; CLXXXIV—95; CCIV—104; CCXX—113; CCXXXVII—123; CCXXXIX—123 — 124; CCXL — 125; CCLXXXV—146—147; CCLXXXIX — 149; CCCXXVI — 171; CCCLXVII—191; CDXI—213.

XX. Россия—Греция: III—6; XXV—15; XXXI — 19; XXXIII — 20; XXXV — 21; XXXVI—21; XLI—24; XLIV—25; XLVIII—27; LVI—31; LVII—32; LIX—33—34; LXI—35; LXVI—37; LXX—39; LXXX—44; LXXXI—44—45; LXXXVIII—48; LXXXIX—48; XCIII — 50; XCV — 51; XCVI — 51 — 52; CI — 54; CV—56; CVII—56; CVIII—57; CXIII—58—59; CXXVI—67; CXXXI—69; CXXXII—69—70; CXLI—75; CXLIII—75; CXLIV—76; CXLVI—77; CXLVIII—78—79; CLI—80; CLII—80—81; CLIII—81; CLIV—82; CLVIII—84; CLXVI—87—88; CLXX—89; CXC—98; CCIX—106—107; CCX—107; CCXIV—109—110; CCXVI—110 — 111; CCXXII — 114; CCXXVII — 117; CCXXVIII — 118 — 119; CCXXXI — 120; CCXXXII—120; CCXXXIII—121; CCXXXVI—122—123; CCXXXIX—124; CCXLVI—127; CCL—128—129; CCLVIII—132; CCLIX—133; CCLX — 134 — 134; CCLXII — 134 — 135; CCLXIII—136; CCLXIV—136; CCLXVI—137; CCLXIX—139; CCLXXIX—144; CCLXXXI—144—145; CCLXXXV—146; CCLXXXVII—147—148; CCXC—150; CCXCII—151; CCXCIII — 151 — 152; CCXCIX — 155; CCC — 156; CCCVIII—159; CCCXVI—162; CCCXXI—169; CCCXXIV—170; CCCXXX—173; CCCXXXV — 174 — 175; CCCXXXVI — 175; CCCL—181; CCCLVIII—186; CCCLX—187; CCCLXVI—189; CCCLXVIII — 191; CCCLXX — 193; CCCLXXII—193—194; CCCLXXIII—194—195; CCCXC — 203; CCCXCIV — 204; CD — 207; CDIII—209; CDIV—209; CDVII—211; CDIX—212; CDXIII—214—215; CDXXXV—223—224; CDXXXIX—226; CDXLIV—228; CDXLIX—231; CDLI—232—233.

XXI. Россия—Франция: XII—9; XXX—17—18; XLVIII—27; LXIV—37; LXXIII—41; LXXX—44; LXXXIII—45—46; XCIII—50; CI—54; CXII—58; CXLI—75; CLI—80; CLIV—82; CLXXVII—92 — 93; CCXXVII — 117; CCXXVIII—118—119; CCXL—125; CCLX—133 — 134; CCLXIII — 136; CCLXVI — 137; CCXC—150; CCXCI—150—151; CCXCII—151; CCC—156; CCCVIII—159; CCCXIV—162; CCCXLIV — 178 — 179; CCCXLV — 179; CCCLVII—185; CCCLXVI—190; CCCLXVIII—191; CCCLXXI — 193; CCCLXXII — 193; CCCLXXXVII — 197; CCCLXXXIII — 200; CCCXC — 203; CCCXCIV — 204; CD — 207; CDII—208; CDIII—209; CDIV—209; CDVIII—211; CDIX—212; CDX—212—213; CDXIII—214 — 215; CDXVI — 216; CDXXI — 218; CDXXVII—221; CDXXXI—222; CDXXXV—223—224; CDLI—232—233.

XXII. Россия—Англия: III—6; XXXI—19; LXXXIII—45—46; LXXXIV—46; CLIII—81; CCLX—134; CCCXLVII—180; CCCLX—187; CCCLXVI — 190; CCCLXXI — 193; CCCLXXVII—197.

XXIII. Россия — Италия: LXIII — 36; LXXXIV — 46; CXIV — 63; CCXLVI — 127; CCLXXXIII—145; CCCVIII—159; CCCXII—161; CCCXXXV — 175; CCCXLIII — 178; CDXXXVIII—225; CDXXXIX—225—226; CDXLIII—228; CDLI—232—233.

XXIV. Россия—союзники: CXLIV—76; CCL—128—129; CCCLXXI—193.

XXV. Салоникская экспедиция: VIII—8; IX—8; X—8; XI—9; XII—9; XII—10; XIII—10; XIV—10; XVII—12; XIX—12; XX—13; XXI—13; XXIV—14; XXV—15; XLIII—24—25; XLVII—26; XLVIII—27; L—28; LI—28; LIV—30; LXIV—36; LXV—37; LXVI—37; LXXI—40; LXXIII—41; LXXIV—41—42; LXXVI—42; LXXXVIII—43; LXXIX—44; LXXX — 44; LXXXI — 45; LXXXII — 45; LXXXIII—45—46; LXXXIV—46; LXXXV—47; LXXXVIII—48; LXXXIX—48; XC—49; XCII—50; XCV—51; XCIII—50; XCV—51; XCVI—51—52; CVI—56; CXV—63; CXVI—64; CXLVII—78; CLXII—86; CLXXIV—91; CLXXVI—92; CLXXVII—92; CCXXXIV—121; CCLVI—131; CCLXXIII—141; CCLXXVII—143; CCCX—160; CCCXII—161; CCCLVI—184; CCCLXIII — 188; CCCLXXVII — 197; CDXI—213; CDXLV—229.

XXVI. Сербия--Греция: XIX--13; XXV--14; XXVI — 16; XXVIII — 16; XXXI — 18;

*) См. также рубрику: «Салоникская экспедиция».

XL — 23; XLI — 23; XLIX — 27; LII — 29; LVII—32; LIX—33; LXX—39; CCXXVIII—118; CCLXVIII—138; CCLXXXVIII—148—149; CDXX—218; CDXXIV—219; CDXXXI—222; CDXLIII—228; CDXLVIII—230; CDXLIX—231; CDLII—233; CDLIII—234.

XXVII. Сербия—Антанта: XI—9; XII—10; XVI—11; XVII—12; XVIII—12; XIX—13; XXI — 13; XXV — 15; XXXIII — 20; XXXVI—21; XXXVII—21; XXXVIII—22; XLIII—25; LXIV—36; LXX—39; CXXXIII—70; CCCLXX — 192; CCCLXXIII — 195; CCCLXXIX—198; CDXVI—216.

XXVIII. Смирна: VI — 7; XV — 11; CCLXXXIII—145; CCCLIII—183; CCCLV—184; CCCLIX—186.

XXIX. Фракия: XXXII—19; XXXIII—20; XXXIV — 20; XXXV — 21; XXXVI — 21; XXXVII—21; XXXIX—22; XL—23; XLVII—26; CCXIV—109.

XXX. Франция—Греция: XII—9; XII—10; XXI—13; XXXIV—20; XXXV—21; XXVI—21; XLIII—24; XLVII—26; XLVIII—27; LIII—29—30; LIV—30; LVI—31; LVII—31—32; LVIII—32; LIX—33; LX—34; LXI—35; LXIV — 36; LXVI — 37; LXXI — 40 — 41; LXVIII—41; LXXIV—41—42; LXXV—42; LXXVI—42; LXXVIII—43; LXXXI—44—45; LXXXII—45; LXXXIII—45—46; LXXIV—46; LXXXV—47; LXXXVIII—48; LXXXIX—48; XC—49; XCII—50; XCV—51; XCVI—51—52; XCIX—53; CI—54; CII—54; CIII—55; CV—56; CVII—56; CVIII—57; CIX—57; CX—58; CXI—58; CXII—58—59; CXIV—63; CXV—63; CXVI — 64; CXIX — 65; CXXIII — 66; CXXIV — 66; CXXV — 67; CXXVI — 67; CXXVII—67—68; CXXIX—68; CXXXII—69—70; CXXXV—71; CXLI—74—75; CXLII—75; CXLIII—75; CXLV—76; CXLVI—77; CXLVII—78; CXLVIII—78—79; CXLIX—79; CLI—80; CLIII—81; CLIV—82; CLV—82; CLVI—83; CLVIII—84; CLX—85; CLXII—86; CLXIII — 86; CLXXII — 90; CLXXIII — 91; CLXXV — 92; CLXXVII—92—93; CLXXXI—94; CLXXXII—94; CLXXXIV—95; CXCI—98—99; CXCII—99; CXCIII—99—100; CXCIV—100; CCI—102; CCIII—103—104; CCVI—105; CCX—107; CCXII—108; CCXVI—110—111; CCXII—113; CCXVIII—115; CCXXIV—115; CCXXVI — 116; CCXXVII — 117; CCXXVIII — 118 — 119; CCXXVII — 120; CCXXXIV — 121 — 122; CCXXXVIII — 123; CCXXXIX—123—124; CCXL—125; CCXLV—127; CCLIII—130; CCLIV—130; CCLVIII—132; CCLIX—133; CCLX—133—134; CCLXII—134 — 135; CCLXIII — 136; CCLXVI — 137; CCLXX—139—140; CCLXXI—140; CCLXXIV—141—142; CCLXXV—142; CCLXXVI—142; CCLXXVII—143; CCLXXX—144; CCLXXXI—144—145; CCLXXXII—145; CCLXXXIV—146; CCVXXXVII—147—148; CCXC—150; CCXCI—150—151; CCXCIII—151; CCXCIII—151—152; CCXCV—153; CCXCVI—153—154; CCXCVII — 154; CCXCVIII — 154 — 155; CCXCIX — 155; CCC — 156; CCCII — 156; CCCIV — 157; CCCVII — 159; CCCX — 160; CCCXIV—162; CCCV—162; CCCXVI—162; CCCXXI—169; CCCXXIII—170; CCCXXIV—170; CCCXXV — 170; CCCXXX — 173; CCCXXXII — 173; CCCXXXIV — 174; CCCXXXV—174 — 175; CCCXXXVI — 175; CCCXXXVIII—176; CCCXL—177; CCCXLIII—178; CCCXLIV—178—179; CCCXLV—179; CCCXLVI—179; CCCXLVIII—180; CCCXLIX—180—181; CCCL—181; CCCLIII—182—183; CCCLIV — 183 — 184; CCCLVI — 184 — 185; CCCLVII—185; CCCLIX—186; CCCLX—187; CCCLXIV—189; CCCLXVIII—191; CCCLXXII—193—194; CCCLXXIII—195; CCCLXXV—196; CCCLXXVIII—197; CCCLXXIX—198; CCCLXXXI — 199; CCCLXXXII — 199; CCCLXXXV — 200; CCCLXXXIX — 202; CCCXC—203; CCCXCIV—204; CCCXCV—205; CCCXCVI — 205; CCCXCVII — 206; CCCXCVIII — 206; CCCXCIX — 206 — 207; CD—207; CDI—207—208; CDII—208; CDIII—209; CDIV—209; CDVII—211; CDIX—212; CDX—212—213; CDXI—213; CDXIII—214—215; CDXV—215; CDXVI—216; CDXVII—216 — 217; CDXIX — 217; CDXXI — 218; CDXXV — 220; CDXXIX — 221 — 222; CDXXXIII — 223; CDXXXV — 223 — 224; CDXXXVIII — 225; CDXXXIX — 225 — 226; CDXLV—229; CDLI—232—233; CDLIV—235; CDLV—235—236; CDLVIII—236—237.

XXXI. Франция — Италия: LXIII — 36; CXI—58; CXII—58; CXIV—63; CXVII—64; CXVIII—64; CXIX—65; CL—79; CLXVIII—89; CLXXIII—91; CCXXII—114; CCXLII—125 — 126; CCXLIII — 126; CCXLVI — 127; CCLVI—131; CCLVII—132; CCLXV—137; CCLXVI—137; CCCIX—160; CCCXIII—161; CCCXXIII — 170; CCCXXXIII — 174; CCCXXXIV—174; CCCXXXVI—175; CCCXL—177; CCCXLIII — 178; CCCXLIX — 186; CCCLXII—188; CCCLXIII—188; CCCLVII—191; CCCLXIX — 192; CCCLXXII — 193; CCCLXXVI — 196; CCCXCVIII — 206; CDXXXVIII — 225; CDXXXIX — 225 — 226; CDXL—226; CDXLIII — 228; CDLI—232—233; CDXLX—237.

XXXII. Франция—союзники: LXIV—36; LXXVIII — 43; XCIII — 50; CLXXII — 90; CLXXV—92; CCXL — 125; CCLVIII — 132; CCLXVI—137; CCCXXXVI — 175; CCCL—181; CCCLVIII — 186; CCCLXVII — 190; CCCLXXII—193; CCCXCIV—204; CD—207; CDVIII—211; CDXIII—214.

По техническим условиям телеграммы воспроизводятся без соблюдения старой орфографии.

Ар 301

Оглавление.

Европейские державы и Греция.

		Стр.
I	Возникновение современной Греции	2
II.	Под „покровительством“ держав	16
III.	По пути к банкротству	20
IV.	Балканская коалиция	26
V.	Перед войной	28
VI.	Великая или малая Греция?	31
VII.	Борьба за нейтралитет	35
VIII.	Правительство „доверия“	46
IX.	Хаос	54
X.	Неудавшийся Кавур	60
XI.	„Настал день славы“	64
XII.	Блокада	69
XIII.	„Justice“	75
XIV.	„Медовый месяц“	80
XV	Венизелос — Константин — Венизелос	84

Дипломатическая переписка.

1915 г.	5—59
1916 г.	63—165
1917 г.	169—239
Указатель	I—V
Оглавление	

Типография № 2307 Тип. Г. П. У. Тираж 3.000.

R 308/19